

Андрей Звягин

Клуб космонавтики

...СССР в 1984 году. "Развитой социализм", вкусный пломбир, полеты в космос, пионерские лагеря, на улицах памятники героям революции, в телевизорах фильм "Москва слезам не верит" и передача "Международная панорама".

Правда, телевизоры не простые, а голограммные. Памятники вождям могут помахать рукой и даже что-то произнести, в небе летают дирижабли, на Луне построены города (очень напоминающие земные), дожди над Москвой идут строго по расписанию. При этом телефоны в квартирах далеко не у всех, в магазинах очереди, на дорогах ямы.

А еще в океанах до сих пор обитают чудовищные древние акулы, строители БАМа постоянно встречают мамонтов и йети, от тараканов на кухне стоят радиоактивные ловушки, школьные роботы-гардеробщики со своими обязанностями справляются плохо.

...На летних каникулах Вадиму, страстному любителю фантастики, и его двум друзьям предстоит сделать очень многое. В частности, спасти мир и разобраться, есть ли в этом мире место тем, кто не такой, как все.

ЧАСТЬ 1 На краю Москвы Глава 1 Вечер

1

Папа часто упрекает меня в том, что я слишком много читаю, да еще и почти одну фантастику. Нет, он совсем не против чтения. Читать надо. В конце концов, он закончил институт, работает инженером и подумывает о диссертации. Образованный человек, хотя говорить так о себе некрасиво. Но фантастическая литература... — тут отец обычно морщится и разводит руками, — ни к чему хорошему увлечение ей не приведет, тем более в столь юном возрасте. Есть, конечно, в СССР замечательные писатели-фантасты. И старые — Беляев, Ефремов, Обручев, Казанцев, и молодые, имен, правда, назвать не могу. Но что делает фантастика! — с этими словами он всегда выразительно поднимает палец, — она уводит людей в мир иллюзий, отвлекает от насущных проблем, с которыми сталкиваешься каждый день. Она не даст правильного совета и отправит на обочину жизни. Туда, где низкая зарплата и отсутствует уважение соседей. От лишнего чтения становишься не то взрослее, не то наоборот, остаешься вечным ребенком. Наш мир отличается от книжного. Реальность не похожа на сказку.

Произнеся это, он смотрит на меня серьезным взглядом. А я опускаю глаза и не знаю, что ему ответить. Не хочу ни спорить, ни соглашаться. Скоро папа понимает, что и сейчас толку от нотаций не будет, разочарованно пожимает плечами и уходит на кухню к своим чертежам.

2

Я буду рассказывать себе все, что происходит. Как другому человеку. Внутри каждого живет маленькое далекое "я", с которым хочется чем-то поделиться. Тем, что ты можешь сказать только себе.

С собой разрешается быть непоследовательным, нелогичным, о чем-то забыть, а затем ни к месту вспомнить, что-то оставить на потом, а чему-то уделить слишком много внимания, и никто тебя за это не обвинит.

Это игра. Игра по своим правилам. Игра в рассказ. Или в целую книгу.

Которую, может, все-таки прочитаешь не только ты.

3

Мой дед однажды сказал, что есть два одиночества. Первое — когда ты потерпел кораблекрушение, выплыл на берег необитаемого острова и прячешься у костра от наступившей ночи, а второе среди людей, которые тебя не понимают. Какое из них хуже, неясно.

Но дед не боялся никакого одиночества. Он вообще ничего не боялся.

Хотя вру, он боялся за меня.

4

Я умный! Обо мне все так говорят. Для моих двенадцати лет — умный очень. Даже, наверное, вундеркинд. Так меня часто называют. Но я очень умный, только когда размышляю о чем-нибудь далеком. А в остальных случаях я просто умный, без "очень". Учусь неплохо, хотя и не на одни пятерки. Некоторые мои одноклассники книг не читают, зато лучше учатся. Но мне на уроках скучно. зубрить я не могу, а половина учебы именно зубрежка.

Взять, например, тот же русский язык. Я правила не запоминаю, но пишу без ошибок.

Однако учительница заявляет, что писать правильно, не зная правил, неправильно.

И еще говорит, что я "не от мира сего". Возможно, так и есть. Много думаю и читаю. Не должны люди этого делать. Сей мир, получается, для тех, кто не думает и не читает.

Ну и ладно. Плакать я не собираюсь. Быть посторонним даже интересно.

5

...Я, Глеб и Артем сидели на детской площадке во дворе моего дома. Солнце скрылось, наступал вечер, темнело быстро и незаметно. Мы были одни. Кроме нас на улице — никого. Ни одного прохожего. Все уже вернулись в свои квартиры и зажгли в окнах свет.

Нам по двенадцать лет и мы закончили шестой класс. Завтра последний звонок, а послезавтра мы поедem в пионерлагерь. В другой, не в тот, в который ездили в прошлом и позапрошлом году.

Моя мама сказала, что мы друзья "не разлей вода". Раньше я не понимал, что это значит. Давно, когда был маленький, то есть шесть лет назад. Зачем кого-то разливать водой? Потом выяснилось, что никто лить ее не хочет, просто такое "метафорическое выражение". Я прочитал об этом в книге для старшеклассников. Она оказалась ни капельки не сложной.

Сегодня весь день мне было грустно. С чего — не знаю. Школа закончилась, три месяца не надо будет вставать в семь утра, решать задачи, писать диктанты, учить дурацкие стихи... а все равно непонятная грусть.

Летом вечер приходит поздно. Днем кажется, что он никогда не настанет, но в девять начинает темнеть и спустя пару часов из-за леса появляется ночь.

Лес тут близко, полкилометра до него. Рукой подать. Мы на физкультуре в третьем классе пятьсот метров бегали на время и даже не запыхивались. Круг по стадиону — разве много? Когда после школы в футбол играем, сто таких кругов за час одолевать приходится!

Короче говоря, одна минута — и ты в сосновом лесу. Деревья растут не густо и не слишком высокие, но и так здорово. Птицы летают, иногда белок можно увидеть. Настоящий лес, ну или почти настоящий, потому что лес рядом с высокими домами поневоле кажется парком. Однако на самом деле он тянется на много километров. Далеко, до бесконечности. Заблудиться — как нечего делать. Лес окружает нас с трех сторон, а с четвертой, если смотреть вдоль дороги — Москва. До нее уже так просто не добежишь. На автобусе путь полчаса занимает.

Вообще-то наш район — как бы тоже Москва. Так в документах написано. Дома построили несколько лет назад для тех, кто работает на заводе. Район маленький, серые девятиэтажки по пальцам пересчитаешь, а завод большой, широкую поляну среди леса прорубили, чтобы выросли вместо деревьев квадратные корпуса из стекла и бетона. "Завод движущихся конструкций и материалов имени В.И. Ленина", или, как все его называют — "завод живых памятников". Перед проходной этот самый Ленин в виде памятника себе стоит и улыбается, машет рукой, когда кто-то идет мимо.

Далекую настоящую Москву можно рассмотреть только из окна или с крыши. А со двора сейчас в той стороне мы видим лишь вечернее небо, и в нем, как рыбки в аквариуме, плавают дирижабли со звездами на боках, стреляют в облака серебристыми молниями, чтобы дождь столицу миновал или прошел там, где нужно. По телевизору прогноз погоды так и передают: завтра с десяти до одиннадцати ожидаются небольшие осадки между домами номер пять и двадцать семь такой-то улицы. И, как правило, диктор не ошибается. К перекрестку в указанное время подойдешь, вытянешь руку, и она под дождем окажется.

Во время олимпиады в тысяча девятьсот восьмидесятом году дирижабли особенно

старались. Десятки, а то и сотни висели в воздухе. Обычные, с электрическими пушками, и совсем огромные, они облака какими-то пылесосами собирали. Мне это даже интереснее олимпиады показалось. Как можно сравнивать какие-нибудь прыжки в длину с гирляндами светящихся дирижаблей в небе? Каждый из которых размером со стадион, а те, что с "пылесосами", вдвое больше?

Эх, как время бежит. Уже четыре года прошло!

А над нашим районом дирижабли не летают, поэтому дождь идет, когда захочет. Не мы захотим, а он. Прогнозы погоды на нас слабо влияют. И так гораздо лучше! Дождь по расписанию — скучотища. Искусственный и фальшивый. Будто с небес кто-то нехотя из лейки землю поливает.

На крышах домов у нас лозунги. Обыкновенные, советские. Вечером их электрически зажигают, и они горят в окна красным пламенем. На доме Глеба светятся слова "Скоро коммунизм", а на моем — "Сделаем сказку былью". Фонари на улицах не ахти, бледные или вообще потухшие, поэтому лозунги взяли на себя их работу — освещать район. Справляются вполне! Свет, правда, получается мрачно-красный, но все давно привыкли. Вот и сейчас буквы одна за одной потихоньку разгораются, еще минута, и двор будет залит кровавыми отблесками.

Мы уже собирались уходить, время — за десять, того и гляди, мама в окно высунется и закричит "а ну домой, или завтра в школу не собираетесь", но услышали, что сзади к нам кто-то подкрался.

Оглянулись и поняли, что бояться нечего. Или почти нечего. Забыли мы, что сидим на детской площадке. Она для маленьких, таких, кто и в первый класс пойдет нескоро, и чтоб дети не скучали, кроме горок и качелей строители еще сказочных персонажей поставили. Собачек, кошечек, крокодила Гену, Чебурашку... вот Чебурашка к нам и подошел.

Любит он к людям неслышно подходить.

Сделан Чебурашка из металла и резины. Ростом невелик, не выше нас, зато гораздо шире и голова огромная. Глаза прищурены, горят в темноте, лицо почти человеческое, а улыбка — не очень. Будто задумал что-то, но что — не говорит, не хочет пугать прежде времени. Смотрел я недавно по телевизору передачу, там преступников показывали, не каких-нибудь спекулянтов, а совсем недобрых, и размышлял — кого они мне напоминают? Потом смекнул — да Чебурашку нашего! Но, справедливости ради, далеко им до Чебурашки. Улыбки у них простые и глаза фосфором не светятся.

Поначалу Чебурашка обитал на одном месте, рядом с крокодилом Генной, но затем двор отремонтировали: бордюры покрасили, ямы в асфальте засыпали, и детскую площадку заодно усовершенствовали. Наука на месте не стоит, и Чебурашка тоже перестал — вживили ему электрики моторчик и ходить научили. Бродит он теперь, когда на улице стемнеет. Словно на охоту выбирается. Сзади подойдет и смотрит с улыбкой в спину.

Но дети не боятся, привыкли. Трусливым на детской площадке делать нечего. Тут и помимо Чебурашки много любопытного.

Например, жестяной Айболит с перекошенной физиономией. Нос у него прямо между глаз, а рот там, где у людей нос должен быть. В кулаке огромный шприц, поднял его над головой, как бы замахаясь. Куда не стань, кажется, что именно тебя доктор шприцом проткнуть хочет. Айболит пока не ходячий, ждет следующего ремонта, глядит на Чебурашку с завистью.

Недалеко от Айболита — дракон из водопроводных труб, изогнулся, как от жуткой

боли, и кошечки с головами из старых урн весело улыбаются. Зубы у них нарисованы акульи, острые и треугольные, как такими не улыбаться. Хорошо, что кошечки тоже не ходят, а лишь металлическими хвостиками со скрежетом помахивают. Чуть дальше — покрашенные на скорую руку деревянные обезьяньи головы на столбе. Все в потеках, поэтому у них как бы кровь из глаз.

При мне неделю назад маленькая девочка спросила у папы — "а зачем обезьянкам головы отрезали?" — и папа, похоже, был не в духе, проворчал — "они плохо себя вели".

Не знаю, почему площадка такая. Но других, наверное, и не бывает. Я не видел, во всяком случае.

Папа Артема ездил командировкой в Америку и привез оттуда несколько журналов. Один из них про кино, с фотографиями актеров и кадрами из фильмов, в том числе из "фильмов ужасов" — снимают такие в капиталистических странах, чтоб своих граждан пугать, хотя жизнь у них вроде и так страшная.

Мы посмотрели картинки и лишней раз убедились в преимуществах социализма, о которых нам постоянно твердят в школе. Слабоваты киношки. Посмеяться, разве что. Бледное подобие наших детских площадок.

— Ну что, п-по домам? — вздохнул Глеб. Он чуть-чуть заикался.

— Да, пора, — согласился Артем.

И тут мы увидели в небе падающую звезду. Она медленно пролетела над головами и скрылась где-то далеко за лесом.

— Ух ты, — сказал я. — Плохой знак, считали в старину.

— Но мы же не д-древние люди, — тихо ответил Глеб, — в космос ракеты запускают уже тридцать лет.

И мы разошлись. Мне идти ближе всех — мои окна прямо над нами. Глеб живет в доме напротив, Артем — подальше. Уходя, Глеб стал совсем печальный, хотя виду старался не показывать. Ему, в отличие от меня, действительно есть с чего грустить — сегодня он будет ночевать один.

Отца у него нет и не было, а мама работает в ночную смену. По закону ребенку нельзя быть ночью одному, но оставить его не с кем. Глеб говорит, что привык. Тут я ему не верю, хотя он никогда не обманывает. Он среди нас троих самый серьезный. Немного ниже меня, но потолще, как сказала моя мама, "поупитанней". Волосы у него светлые, короткие, а лоб — широкий и нахмуренный. И очки на носу добавляют этой самой серьезности столько, что уже через край.

Глеб дружит лишь с нами. С другими общается мало, в разговорах нервничает безо всякого повода.

Иногда не может вспомнить, где его дом. Будто помутнение какое-то. Плохая память? Нет, хорошая. Великолепная! Глеб легко повторит какую угодно страницу из прочитанной книги и за секунду перемножит в уме любые числа, на калькуляторе дольше получается. А где живет — забывает.

Артем другой. Невысокий, тоненький, рыжий и шустрый. Нос пуговицей, глаза хитрые. Не любит учиться и невероятно напоминает своего отца. Когда стоят рядом, то не отличить, разве что один покрупнее и постарше.

А какой я? Не знаю! Как это? Очень просто! Во-первых, зеркала переворачивают право на лево. Мелочь? Нет! Небольшой штрих порой меняет всю картину, а тут совсем шиворот-навыворот. Да и вообще, когда смотришь на себя, твое лицо это чувствует и притворяется

таким, каким ты его хочешь увидеть. Подсознательно. Да, я знаю это слово!

А если без шуток — я длинного для своих лет роста, то есть чуть повыше Глеба и сильно Артема. Худой, волосы темные, нос острый, прямой. Задумчиво-серьезный, хотя и без очков (это я о себе целиком, а не об одном носе). Похожих на меня много, можно представить любого из них, и он будет почти что я.

Чем дальше ты описываешь человека, тем сильнее он становится не собой. Прячется внешность в словах, как лист в осеннем лесу. Нужна золотая середина, а поскольку ее не найдешь, искать стоит не слишком долго, два-три слова — и хватит.

Мне так кажется. Мне имеет право так казаться!

6

Дверь в нашем подъезде никогда не закрывается. И во всех остальных — тоже. Никто чужой не войдет хотя бы потому, что чужих тут нет. Все друг друга знают. А если и войдет, что с того? В квартирах есть замки, неужели их недостаточно? Не помню, чтобы здесь кого-нибудь обворовали. В Москве, говорят, бывает, а у нас — даже представить такого не могу.

Подъезд изнутри окрашен в темно-зеленый цвет, но не так уж и мрачно. Квартир на площадке — четыре. Две двухкомнатные и две однушки.

Я зашел в лифт и нажал кнопку восьмого этажа. Лифт секунду подумал, закрыл двери и заскрипел-поехал. Кнопки после одного случая жму аккуратно, как-нибудь об этом расскажу.

Выходя из лифта, я чуть не столкнулся с тетей Машей, соседкой. Она постоянно бегает на общий балкон курить. Ей лет сорок, она постарше моих родителей. И повыше, причем на голову, или даже на две. Не толстая, а именно крупная, широкоплечая, с пышной прической — копной рыжих волос, и к тому же всегда на длинных тонких каблуках. Сидишь дома, и вдруг из-за двери торопливое "цок-цок-цок" доносится. Это тетя Маша каблуками по кафелю, от них он уже весь в дырках, будто его из пулемета расстреливали. Папа как-то подсчитал давление на единицу площади от пули и тетимашинных каблуков. Получилось одинаково.

Детей у нее нет, живет одна. Мужей было несколько, разных высотой и характерами, но они все куда-то подевались.

Не знаю, почему тетя Маша не обращает внимания на то, что разбила пол. Иногда так бывает — человек умный и хороший, но что-то для него словно не существует. Возмущаться никто не хочет, ведь телефон на этаже есть только у нее. Один из ее многочисленных мужей работал на станции связи и провел. Давно этого дядю не видели, но телефон остался, и соседи частенько ходят к тете Маше звонить. Она не против и даже за, потому что очень общительная.

— Здорово, Вадим, — сказала она, — как жизнь молодая?

— Каникулы начались!

— Каникулы — это прекрасно, — кивнула тетя Маша, шагнула вперед, раздробив ногой последний уцелевший кафельный квадратик и скрылась на балконе.

7

Вот я и дома. В своей квартире. Я, папа и мама здесь уже пять лет. Раньше с нами жил дедушка, но он недавно умер. У нас две комнаты, обклеенные голубыми в цветочек обоями, балкон и большая кладовка.

Одна комната — моя, другая — родителей, хотя папа (его имя — Олег), в основном на кухне живет, приносит с работы чертежи, раскладывает их на столе и полночи дочерчивает

то, что не успел. На заводе все не сделаешь, ведь отец трудится "на полторы ставки", то есть как полтора человека, и ему за половинку несуществующего сотрудника доплачивают. Поэтому папа смог исполнить мамину мечту — купил ей большой цветной голограммный телевизор. Они, большие телевизоры, мало у кого есть, разве что в квартире Артема. Там их, правда, целых три, то есть по штуке в каждой комнате, и еще один, уже маленький, японский, на кухне. Артемин папа (дядя Валентин), приобрел его в капиталистическом валютном магазине "Березка" после командировки в Америку. В советских такие не продаются, а дяде Валентину за тяготы пребывания в США дали немного долларов.

Сейчас все телевизоры голограммные, без экрана. Других не делают, и уже давно. Ящичек с проводами и лампами, похожий на радио, и над ним голограмма привидением появляется. Четкая и непрозрачная, как стеклянная картинка внутри старого телевизора. Хотя выглядит не так солидно.

Телевизор в родительской комнате на самом почетном месте — посередине мебельной стенки. В окружении книг и сервизов. В других квартирах точно так же, даже шкафы и посуда одинаковые. А как им не быть одинаковыми, ведь все по талонам в одном магазине покупались.

Стенки привозят к нам из Чехословакии (это такая социалистическая страна), они изготавливаются почти из дерева (настоящее дерево перемалывается в опилки, которые потом обратно склеивают в "дерево-стружечную плиту" (ДСП). Она как доска, только хуже, и из нее делают всякие полки и дверцы. Почему нельзя сразу из дерева, я пока не догадался.

Через год после покупки телик начал помехами барахлить. От удара они вмиг исчезали, но не стоят же вечно с занесенным кулаком, поэтому папа где-то добыл резиновый молоток, примотал его к ручке из-под швабры и назвал это "дистанционным управлением". Работает замечательно, теперь с дивана можно не вставать.

А у меня в комнате телевизора нет, и он мне не нужен! Всем нужен, а мне — нет! Не люблю я его. Там показывают одну ерунду. Каналов целых два, но зачем их так много, ведь они друг от друга не отличаются. Хотя бывает и хорошее. Редко, но бывает. Мультки, вроде "Тайны третьей планеты", или фильмы — "Человек-амфибия", "Приключения Электроника".

А моя мама, ее зовут Таней, смотрит все подряд. Я бы с ума сошел, а она не сходит. Часами сидит перед телевизором и не сходит ни с ума, ни с места. Что-нибудь делает, например, штопает носок, надетый на электрическую лампочку для удобства штопания, и смотрит. Сейчас она в сотый раз пересматривает кино про то, как три девицы приехали в Москву по-всякому устраивать свою жизнь и плачет. Название фильма — "Москва слезам не верит". Мама плачет не потому, что расстроенная, а потому, что "близко к сердцу принимает". Но как можно принимать такую скукотень близко к сердцу?

Конечно, не каждый день она подолгу перед теликом. Времени нет. С чертежами по вечерам, как папа, она не возится, но приходит поздно, и дел по дому невпроворот. Приготовить есть, вымыть посуду, постирать, зашить, вытереть пыль — только кажется, что просто.

Работает мама лаборантом. Дед как-то сказал, что "лаборант — разновидность инженера, обитающая среди колб и пробирок". Такие он выдавал шутки. Мама смутилась, не зная, что делать, смеяться или обидеться, и мой папа (сын дедушки), тоже растерялся. Дед тогда хмыкнул и извинился перед мамой. Он частенько оправдывался за свой юмор, не все его понимали, а дедушка был все-таки очень добрый, хотя по виду и не скажешь. Высокий, жилистый, широкоплечий, с лицом, как у пирата из книги, даже со шрамом на щеке.

Никогда не извинялся он лишь перед своим сыном. А шутил над ним так, как ни над кем другим. Временами совсем не смешно.

Но дедушка умер, и мы теперь одни.

Папа с мамой у меня — ровесники (как странно так говорить о родителях), им по тридцать с небольшим лет. Когда-то давным-давно они учились в одном институте и в одной группе, так что познакомиться было немудрено. Учились на вечернем факультете, на дневной перейти не могли, поскольку днем работали, причем на одном заводе — том самом, "живых памятников". Не инженерами-лаборантами — ими без высшего образования не стать, а рабочими. Рабочими работали, как еще сказать? В цеху, можно догадаться, тоже в одном. Формовочном, там специальный бетон в железные футляры льют, делают грубые бормочуще-шевелиющиеся копии начальников советского государства, в основном прошлых, но и настоящих тоже, а затем отправляют их по конвейеру дальше.

Ездили папа с мамой на работу сквозь всю Москву, потому что жили на другом конце города. Папа — в квартире с дедом, в маленькой комнате с видом на стену соседнего дома, а мама — в общежитии.

Папина мама умерла, когда он был маленький, и он ее почти не помнит.

Говорит, что иногда приходят воспоминания. Какая-то женщина берет его на руки, гладит, что-то рассказывает, но ему кажется, что он это придумал. В закоулках души полно фантазий, объясняет отец, и то, что хранится в памяти, всегда немного ненастоящее.

Родители мамы живут не в Москве, а в другом городе — небольшом, пыльном и далеком. Они к нам ни разу не приезжали, но мама каждый отпуск проводит их, возит им московские вещи и продукты, которые у них почему-то не купить. Меня и папу с собой не берет, мол, "вам там делать нечего". Мне только известно, что у мамы несколько братьев и сестер. Живут они, где и родились, из всей семьи одна мама уехала в Москву поступать в институт. И я слышал, что кто-то из братьев "умер от пьянки", а еще один постоянно в тюрьме. Выйдет на свободу, сразу что-нибудь украдет и вперед, то есть назад.

Я плохо знаю своих родителей, и это очень грустно. Не знаю, что они любят, а что нет, какие у них привычки и мечты. Когда отцу о чем-то мечтать, если он после восьми с работы приходит, а затем сидит над чертежами? И на выходных точно также. Половину субботы — на заводе, а потом куча дел по дому. Что-нибудь отремонтировать, подкрасить, сходить в магазин и простоять три часа в очереди. И у мамы жизнь похожая. Но они считают, что так и должно быть. "Все так живут".

А я думаю, что не должны так жить люди. Как должны — не знаю, но не так. Дни идут не переставая, но записав один на видеокамеру, остальные можно не снимать, они ничем не отличаются.

И все-таки папа и мама у меня хорошие. Иногда мы собираемся на диване перед телевизором, и неважно, что там показывают. Молчим, но говорить не надо. Незачем. Я иногда специально на минутку выхожу из комнаты, чтоб посмотреть на них. Они сидят рядышком, как птички, и кажутся немного похожими друг на друга. И он, и она — маленькие, темноволосые, хрупкие и будто испуганные, постоянно ожидающие чего-то плохого, что может в любую секунду переступить порог. И мне так жалко их становится, просто до слез.

Я их очень люблю. Они меня не понимают, но тут ничего не поделаешь. Они замечательные, это я странный.

Моя комната такая же, как у них. Разве что мебели меньше, и письменный стол у окна, на котором я делаю уроки (на столе делаю, не на окне, это я неправильно построил фразу). И балкона нет, он есть у родителей. Чего там только нет! Балкона там нет, потому что его не видно, он весь забит всякой всячиной — банками, коробками, досками, старой обувью. Нет его! Есть склад вещей, которые могут однажды пригодиться, поэтому их нельзя выбросить. Стать там негде, однако для ног в завале на полу выкопано три глубоких отверстия. Когда идешь за чем-нибудь к дальнему краю, в них нужно осторожно засовывать ноги, вытягиваясь почти в шпагате. У папы с мамой кое-как получается, а мне не хватает роста, один шаг — и тону, как в болоте, ни вперед, ни назад, родители потом тянут меня за руки, спасают из западни.

В один прекрасный день я пошел на балкон, когда никого дома не было, и насилу выбрался. После десятка напрасных попыток вспомнил, что на уроке рассказывали, как вылезать из ям зыбучего песка — не барахтаться понапрасну, не тратить силы, а лечь и грести. Я так и поступил, и скоро уже выползал сквозь балконную дверь на безопасное место, с гордостью убедившись, что безвыходных ситуаций не бывает.

Нет у меня ни телевизора, ни балкона, зато много-много книг. В основном фантастика. Родители недовольны, говорят, что надо больше уроками заниматься, а мне в школе неинтересно. Я учусь хорошо, но мог бы еще лучше. Даже по литературе у меня "четыре", хотя учительница заявила родителям, что я перечитал "все на свете", у меня "богатый для своего возраста словарный запас", я часто "философствую" и говорю "как доктор наук". Со мной, сказала она, сложно. "Он умный, но чтобы добиться успеха в жизни, ему надо измениться".

Я потом спросил у нее, как говорят доктора наук, она поморщилась и нехотя проворчала — "длинными предложениями", а на вопрос, с какого количества слов они считаются длинными, не ответила вовсе и сказала "не забивай себе голову". Но я решил все-таки забить и поинтересовался уже у деда. Он с видом знатока взглянул на меня и ударил кулаком по столу:

— С трех.

Опять пошутил! Не с трех. Завхоз дядя Петя нередко говорит четыре, а то и пять за раз, но он не доктор наук, я узнавал.

Не люблю я школьную литературу. В том, что мы проходим на уроках, предложения как раз из трех слов, а то и меньше. Наверное те, кто составлял программу обучения, никогда не были в нашем возрасте или были в нем лет сто назад и им там не понравилось.

От того, что положено читать старшеклассникам, я тоже не в восторге. Например, "Преступление и наказание" Достоевского. Впечатляет, конечно, но почему в книге все такие сумасшедшие? И главные персонажи, и неглавные, и неглавные совсем. Мелькнет кто-то на секунду и сразу понятно, что в голове у него не все дома, кто-то вышел с топором прогуляться. Он может даже ничего не говорить, хотя на всякий случай непременно скажет, развеет сомнения окончательно.

Или я чего-то не понимаю? Вот я так и не сообразил, чем занималась Соня Мармеладова. Что за желтый билет? Столько из-за него волнений! Непонятно. У нас в шкафу тоже валяются желтые билеты — талоны на сапоги, кофе и прочее — но я ни разу не видел, чтоб мама из-за этого переживала. Видимо, в наше время люди проще к таким вещам относятся.

Может, отец правильно сказал, что сколько бы ты не прочел, кое-что останется

скрытым, спрятанным, и по-настоящему мир узнаешь, только прожив в нем достаточно долго? Ну, поживем-посмотрим.

Папа умеет интересно говорить. После его слов часто думаешь — чем он мог бы заниматься, если б не работал на том заводе?

9

Обычную литературу я люблю, но спокойно. А к фантастике отношусь по-другому. Попадется мне книга, на обложке которой человек в скафандре, задумчивый такой, хотя лица не видно, а позади него — луна, неземная, огромная, в кратерах, и пока целиком не прочту, не успокоюсь. Читаю я быстро, любую книгу — за день, даже очень толстую.

Считается, что фантастика — не самый высокий жанр. Великие книги, мол, другие. Написаны они лучше, красивым языком и персонажи в них — не чета героям фантастических романов.

Но сравнивать книги — как сравнивать картины. Первая великолепно нарисована, однако на ней город, маленький, темный и сырой, как осенний двор в старых кварталах, окна светятся тускло, безнадежно, звезд нет, лишь пасмурное небо, и не выбраться отсюда, не убежать, а на второй, пусть наивной и простенькой — космос, бесконечность, путешествия и приключения...

Признаюсь, это сказано не мной, а другим человеком. Писателем, оставшимся для большинства неизвестным, и он говорил не о фантастике и остальной литературе, а о двух книгах. Но я решил чуть-чуть изменить и слова, и смысл. Потому что я думаю именно так. Даже если я неправ... то немного прав все равно.

Глава 2 Происшествия с живыми памятниками

"Последний звонок" начался с задержкой — опаздывал кто-то из руководства завода.

Время тянулось неспешно. Быстрое оно, только когда идут каникулы. На заасфальтированной спортплощадке перед желтым трехэтажным зданием школы шеренгой в виде буквы "П" выстроились ученики всех классов с первого по десятый. Между двух фонарей морщился ветром красный транспарант с надписью "До свидания".

Из репродукторов звучали песни про школу, написанные будто для дошкольников. Учителя нервничали и переминались с ноги на ногу. На заборе, столбах, деревьях, футбольных воротах виднелись ленты и воздушные шарик.

Особенно шарик. Виднелись. Виднелись — не то слово. Рябили в глазах. Куда ни посмотри, там шарик. Все вокруг радостно заболело ветрянкой. А потом из-за шариков случилось вот что.

Завхоз дядя Петя занимался шариконадувательством при помощи легкого газа из баллона и передавал шарик для повешения слесарю дяде Коле. Постепенно у того над головой возникла их целая гроздь, огромная и разноцветная. Привязанные к ним нитки-ленты дядя Коля для удобства наматывал на руку. Физику он учил давно и недооценил коварно накапливающуюся подъемную силу, поэтому через некоторое время неожиданно для себя поднялся в воздух, готовый лететь куда-то далеко-далеко.

К счастью, его схватили и привязали длинной веревкой за ногу к скамейке. Избавление от лишних шариков отложили на потом, так как наконец зазвучали торжественные речи, во время которых положено стоять в шеренге, а не мешать слесарям возноситься на небо, из-за чего дядя Коля все мероприятие провисел в паре метров над землей.

...Первым взял слово директор школы Авангард Аполлонович, маленький, толстенький и строгий, в этом году ему исполнилось шестьдесят пять.

Я буду краток, соврал Авангард Аполлонович и целую вечность рассказывал о том, как прекрасно все учились, каких достигли успехов и насколько тяжело ему расставаться с выпускниками, но оставить их на второй год он, увы, не смог, а в конце сообщил, что передает микрофон начальнику областного отдела образования Рэму Максимовичу, который, к сожалению, существует в единственном экземпляре (от такой шутки учителя содрогнулись), везде успеть не в состоянии и поэтому прислал свою голограмму, она сейчас и выступит, поаплодируем ей, товарищи.

На табуретку положили проектор, и из него, как джин из бутылки, явился призрачный Рэм Максимович, сначала метров пятнадцати в высоту и с громоподобным голосом, но затем большого начальника уменьшили до человеческого размера и говорить он стал тише.

Однако и очеловеченный Рэм Максимович ничего нового не поведал. Улыбался, напутствовал, желал удачи, а потом под аплодисменты струйкой дыма залез обратно.

Дальше у микрофона возник немолодой, высокий и взъерошенный главный технолог завода "живых памятников" Эдуард Данилович и по толпе пронесся тяжелый вздох. Вздохнули все, даже первоклашки и висящий в воздухе дядя Коля. Эдуарда Даниловича мы знали, он приезжал в школу на праздники и всегда говорил долго, с удовольствием, ни на что не обращая внимания. Его просят о минутной речи — он не замолкает полчаса.

Эдуард Данилович обожал свою работу. Как сказал кто-то, "отдавал ей себя целиком". Наверное, оттого и женат никогда не был.

Ходили слухи, что территорию завода он не покидает и дома не появляется уже лет десять. Бродит ночами по цехам, как привидение. С памятниками разговаривает. Улыбается, глядя, как в медных чанах оживляющая жидкость варится и булькает. В это легко поверить, взгляд у него действительно безумный. Хотя, может, у всех технологов такие глаза, с другими на эту должность не назначают. У обычных технологов — слегка безумные, у старших — совсем, а у главных — как у Эдуарда Даниловича. Имей достоевский Родион Раскольников такие глаза, его арестовали бы на первой странице.

Поздравив выпускников с окончанием школы, а невыпускников — с ее продолжением через три месяца, которые пробегут так стремительно, что и не заметите, Эдуард Данилович привычно перешел к рассказу о заводе.

Я старался не слушать, хотя сквозь старание кое-что доносилось.

"За истекший период улыбочивость памятников вождям мировой революции возросла на семнадцать процентов, мудрость во взгляде — на восемнадцать, амплитуда помахивания рукой — на целых двадцать два", "изделий с браком выпущено всего три процента, и они без разговоров отправились на переработку", "жалоб на неподобающее поведение продукции почти не поступало".

И так далее. Казалось, что он не остановится никогда, но неожиданно наступил финал, оказавшийся, увы, полуфиналом.

— А теперь, дорогие дети, разрешите сообщить, что завод решил сделать вам подарок. Не надо благодарности! Мы привезли нашу новую разработку — памятник первому руководителю советского государства Владимиру Ильичу Ленину первого класса девятнадцать дробь тридцать четыре дробь шесть бис в кепке. Как вы знаете, памятники первого класса умеют не только улыбаться, но и говорить! Поэтому он сейчас не спеша расскажет об актуальных проблемах современности, о том, что волнует нашу молодежь, например, о нравственном кризисе в капиталистических странах и особенностях построения социализма на африканском континенте. Ура, так сказать!

Эдуард Данилович указал на стоявший около школы черный "рафик", из которого как по сигналу выскочили четыре грузчика. Они распахнули заднюю дверь и выгрузили на тележку увесистую статую белого цвета.

Ленин. Первый вождь, как его еще называют. Ни с кем не спутаешь даже издали. Трехметровый, то есть увеличенный масштабом два к одному. В кепке, смотрит с прищуром и руки в карманы засунул, но пока не двигается. Спит.

Обливаясь потом, грузчики привезли Ильича на середину площадки, достали полевой телефон, прикрепили электроды к ленинской голове, и, покрутив рукоять, вывели памятник из спячки. Он вздрогнул и огляделся вокруг.

— Владимир Ильич, скажите что-нибудь юному поколению, — с благоговением попросил Эдуард Данилович.

Памятник секунду подумал, затем вытянул вперед руки со скрюченными пальцами и произнес:

— ЫЫЫЫЫЫЫ!

И замер.

Над площадкой повисла тишина, которая в книгах называется "зловещей". Стало слышно, как шелестит листва на деревьях. А потом кто-то негромко сказал "ой". Выразил общую мысль.

Первым опомнился Авангард Аполлонович. Он схватил лежащий на столе колокольчик

и потряс им около микрофона.

— Праздник окончен, быстро покидаем территорию.

Паники не было, но разбежались все стремительно. И дети, и родители, и учителя. Завхоз убежал, держа веревку, на другом конце которой за ним летел дядя Коля.

На площадке остались только грузчики, они принесли из машины сеть и осторожно подходили к памятнику, примеряясь, чтоб получше ее набросить, и Эдуард Данилович. Он сидел за столом, обхватив руками голову и ничего не замечая вокруг. Мне его стало очень жаль.

2

Все это может показаться забавным, но опасность существовала. От сломавшихся памятников можно ожидать чего угодно. А ломаются они частенько.

Прошлым летом что-то перемкнуло в голове у памятника Ленину перед воротами на нашу фабрику, и он убежал. Памятник был третьего класса, который и ходить не должен уметь, а случилось вон чего. Настоящий позор.

Контроль за качеством вроде и строжайший, но монументальная психология — предмет сложный и малоизученный.

Убежал памятник в лес, он там в двух шагах. Далеко не ушел, поблизости от проходной обосновался. Выглядывал из-за деревьев, утром и вечером к людям подходил, что с завода шли или на завод.

Страшно, конечно. Пять метров роста в Ильиче, не одну тонну весит, и чего хочет — неясно. Лицо у него изменилось, стало хитрым, заговорщицким. Высунется юрко из кустов — и обратно в чашу, как к себе домой. Быстро освоился! А еще он выл ночами на луну и смеялся сатанинским смехом.

Неделю не могли решить, что делать. В министерство о происшествии доложили, да только там попросили разобраться своими силами. Но как тут разберешься? Хотели Ленина сетями забросать и связать (обычно со взбунтовавшимися памятниками так поступают), однако в лесу это тяжело оказалось. Уходил Ильич, прорывался сквозь ряды загонщиков, красные флажки на него не действовали, не ему их бояться. Пришлось поимку отложить.

А люди уже роптать начали, нервничать. Рабочие с забора кольев понадергали и без них ни шагу.

Потом на совещании заводского руководства кто-то сказал, что если капиталистический журналист проберется и снимет на пленку, как рабочие от вождя мирового пролетариата дубьем отмахиваются, то не монументы мы будем лепить в Москве, а на Колыме снеговиков.

Руководство представило, перепугалось, и нашло выход. Срочно пригласили работника зоопарка с ружьем, которое усыпляющими шприцами стреляет. Приехал он и пальнул в Ильича слоновьей дозой. Аккуратно, чтоб не повредить, чуть ниже спины. Схватился памятник рассерженно за филей, потом вздохнул, лег поудобнее на землю и захрапел. Подействовало снотворное!

Очистили вождя, подкрасили, и обратно на постамент водрузили. Колют успокоительное раз в неделю, и теперь все хорошо. Грустный Ильич занят тем, для чего он стране и нужен — улыбаться и покачивать приветственно рукой.

Вокруг лодыжки у него железное кольцо, и цепь от кольца в бетон постамента вмурована, чтоб не убежал вторично Ленин, он теперь навеки под подозрением.

Так и не узнали, отчего побег случился. В оживляющей жидкости есть ДНК вождя, чей светлый образ запечатлен в камне, поэтому характер памятника от характера человека

должен отличаться не слишком, может, с этим связано.

Ленин на цепи — редкость. Зато памятники второму вождю, Сталину, без нее не бывают вообще — очень крут товарищ был при жизни, и они это переняли. Не понравись им — уноси ноги. Так что только на привязи!

Отношения к Сталину я не понимаю. Говорят, что он велик, поднял страну и все такое, но говорят как-то стыдливо, глядя в сторону. Хочется все-таки разобраться. Если он плохой человек — так и скажите, и памятники ему перестаньте сооружать, если нет — чего стесняться?

Насколько мне известно, раньше был целый культ Сталина. Он даже считался как бы не человеком, а божеством, вроде тех, в которых верили туземцы в Полинезии двести лет назад. Но потом, когда он умер, культ личности развенчали (не бог, дескать), тело из мавзолея переселили на менее престижное место, и все его памятники на склад отправили. А потом тех, кто его развенчивал, в свою очередь развенчали и памятники Сталину тихонько понесли обратно.

Ночью в основном. Застенчиво. Утром жители старого московского дома проснутся, глаза протрут, потянутся, выглянут на улицу — а там, батюшки, Сталин! Стоит, смотрит в окна, ухмыляется. Что, не ждали, взглядом говорит.

Со многими памятниками сложно. В прошлом году, весной, меня и все четвертые классы школы принимали в пионеры. Нас повезли за город, там около каменной стелы огромный бюст кого-то из революционеров в традиционном виде — половинка туловища без рук-ног и голова. Но голова живая! И размером побольше бычьей будет. Круглая, лысая, улыбается, бровями играет, зубами щелкает. Кокетничает.

А шея — длинная. Не худая, но гибкая и опасно длинная. Наклоняться вперед может, причем довольно далеко. Я что-то такое видел в передаче "Клуб кинопутешественников". Там черепаху на реке Амазонке показывали. Ее два крупных дяди к земле прижимали, а третий к ейной морде швабру поднес. Осторожно так, пугливо, и пугливо не напрасно, потому что голова у черепахи вдруг на метр вылетела — шея будто телескопической удочкой оказалась — и деревяшку пополам перекусила, аж щепки полетели.

Но у черепахи голова маленькая, куда ей до героя революции. Тот не то что швабру, человека пережует.

А идти к бюсту необходимо. Если не поднять перед ним руку в пионерском салюте и не прокричать клятву, пионером не станешь. Такова процедура. Отказаться немислимо. Никто никогда не отказывался, пионерами были все. Десять лет исполнилось — ступай в пионеры. Как в армию в восемнадцать и в пенсионеры в шестьдесят.

Поэтому наши учителя и нервничали. Боялись, что школьник излишне приблизится. Биография у революционера была странновата, и памятнику странности передались сполна.

Мелом очертили круг, за который переступать нельзя. Классная руководительница стояла сбоку и шипела на нас, как кошка, когда мы по очереди к бюсту подходили. Мол, стой, ни шагу вперед, и глаза круглострашные делала.

А голова в это время мило моргала, улыбалась, словно зазывала к себе. Но зубы, правда, у головы острые, как бы подпиленные. То ли памятник с ошибками выпустили, то ли и впрямь клыки помогали бороться с врагами молодой советской республики.

Любой памятник иногда на людей необъяснимо реагирует. Вроде стоит безмятежно, думает о чем-то (он ведь на самом деле не живой, скорее, полуживой), а как кто-нибудь подойдет, из каменных фантазий в реальность возвращается и начинает глазеть на человека.

Того и гляди, сядет на корточки и руку к нему протянет. Особенно нервно памятники смотрят на женщин и пионеров. Почему — наука молчит. Много толстых диссертаций написано, но ответа нет по-прежнему.

Поэтому все памятники предварительно испытывают.

Женщинами и пионерами.

Но, поскольку детьми рисковать нельзя, да и в целях экономии (зарплату-то испытателям платить надо), женщин и пионеров совмещают в одном лице, и лицо это — тетя Маша, соседка, я о ней уже рассказывал. Героическую профессию она себе выбрала.

Свежесделанный памятник привозят в гулкий пустой ангар и ставят перед комиссией, состоящей из серьезных дядей с листами бумаги, карандашами и требовательными взглядами. Повяжет тетя Маша себе пионерский галстук, покурит, перекрестится, и несет в виде эксперимента цветы к подножию, готовая в любую секунду убежать без оглядки.

Если памятник спокойно отнесется к такому, значит, его ничем не пробить. Может стоять в самых многолюдных местах. Самолеты в экстремальных режимах испытывают, в тех, в которых они никогда не окажутся, ну и здесь аналогично.

Пару раз памятники все-таки ловили тетю Машу, хорошо, что только за подол успевали схватиться. Платье слетало и трофеем у них в лапах оставалась, но никто не смеялся. Все понимали, что заняты важным государственным делом.

Глава 3 Пломбир, "художники", нападение чайного гриба

1

Праздничная линейка, получается, закончилась рано. Мы (то есть я, Глеб и Артем), сели на лавочку в сквере (он тут единственный, рядом со зданием администрации), и стали думать, чем заняться.

Развлечений в нашем распоряжении немного. Можно пойти поиграть в футбол — рядом с лесом футбольное поле с настоящими воротами, не с уменьшенными, как возле школы. Оно не заасфальтировано, так что падать не страшно. Мы там зимой на утоптанном снегу играли. Зимой — особенно весело! И не холодно, домой приходили к ужасу мам насквозь мокрые.

Еще можно залезть на чердак. Он заброшен и прикрыт на замок, но мы сделали ключи и оборудовали секретную комнату. О ней, кроме нас, не знает никто.

И вдруг Глеб как ни в чем не бывало:

— В киоск с мороженым сегодня пломбир з-завезли.

Мы с Артемом уставились на него. Сначала возмущенно — как он мог молчать про это! — а потом, вздохнув, уже спокойно. Глеб — он такой, запросто не вспомнит о самом главном.

Пломбир...

Ничего вкуснее не существует. Шоколадки, глазированные сырки, конфеты, привезенные папой Артема из Америки — все бледнеют по сравнению с пломбиром. Советский пломбир — самый-самый! Жаль, мало его выпускают, и причина этого загадочна. Памятников уйма, а пломбира мало. Недавно заработал новый цех по производству героев революции... а нельзя вместо них выпускать пломбир? Вот такие мысли в голову лезут. Вслух я их не произношу. Понимаю, что могу навлечь неприятности.

Сдается мне, что в Америке всякие забастовки и демонстрации лишь потому, что населению не хватает пломбира. Идет, допустим, толпа, бьет витрины сама не зная зачем, и лучше не водометами ее поливать, а выкатить на дорогу фуру с пломбиром и бесплатно его раздать митингующим. Все, граждане вмиг успокоятся. Нет в Америке мороженого — пусть у нас оборудование для производства купят.

2

Надо спешить — прознают люди о пломбуре и разберут в два счета. Не мы одни его обожаем. Вся страна этим занимается.

Мороженое в киоске продают постоянно. Но только молочное или фруктовое по десять копеек. Фруктовое мне не нравится совсем — кислое, хотя Глеб и Артем его лопают с удовольствием, молочное... какое-то оно никакое. В стакан молока насыпь ложку сахара и в холодильник поставь, выйдет не хуже. Сливочное гораздо вкуснее, но появляется нечасто, и стоит пятнадцать копеек. А пломбир — целых двадцать (пару лет назад — девятнадцать). Обычно его продают раз в неделю и разбирают за час. Сегодня еще не раскупили наверное потому, что весь район утром был на "последнем звонке".

Мы примчались к киоску. Так и есть — четыре ценника за мутным стеклом, четвертый — главный, двадцатикопеечный. Внутри киоска продавщица тетя Аня, похожая на белое толстенькое привидение. Очереди нет, но скоро будет.

— У меня десять копеек, — сказал Артем, — мама дала на фруктовое. Нам нужно еще

пятьдесят. Побежали к бабе Оле, она выручит.

Баба Оля — его бабушка, мама Артеминого папы. Она живет рядом, в соседнем доме (у нас, в принципе, все дома соседние).

3

Прибежали. Артем изо всех сил нажал кнопку звонка, а потом принялся колотить в дверь, пока та не открылась.

Вот она, бабушка Оля. Маленькая, сухонькая и добрая. Не знаю, как объяснить, что за версту заметна главная черта ее характера и внешности. В книгах показывают это какими-нибудь намеками, улыбкой, взглядом, а тут будто и нет ничего, но посмотришь и понимаешь — она очень-очень добрая, и неважно, какие у нее глаза и есть ли очки на носу.

Она всегда радовалась нашему приходу. Обедрами кормила, а чтоб без денег отпустить — такого почти не бывало. Раньше она с Артемом часто сидела, растила его наравне с родителями, но не баловала, не разрешала все на свете, как бабушки обычно делают, вот что удивительно.

Когда-то баба Оля жила в Подмосковье, в Иваново, и работала ткачом. Грамот, вымпелов и прочих наград у нее — стены можно в два слоя обвесить, и еще на потолок останется.

Увидела она нас, а мы красные, взъерошенные, бегом на пятый этаж неслись, и даже испугалась.

— Что случилось?!

Артем замахал руками.

— Ба, дай срочно пятьдесят копеек, в киоск пломбир завезли.

Бабушка облегченно выдохнула.

— Сейчас! — сказала она и ушла за деньгами на кухню.

Квартира у нее однокомнатная и безумно чистая. Блестит так, словно пыль внутрь и не попадала никогда.

А еще баба Оля гадает на картах. Соседкам, таким же бабушкам. Бесплатно, разумеется. Карты у нее особенные. Не те, какими до революции пользовались, а наши, советские. Нарисованы похоже, но названия другие. Например, вместо валета — полковник, дамы — генеральша, король по-новому называется маршал, туз — секретарь какого-то важного комитета.

Она говорила, что в далекие времена ее молодости за гадание могли с работы уволить, а то и в тюрьму посадить. Боролись с антинаучными взглядами. Но, как сказал один большой милицейский начальник, попросив ее погадать, антинаучными являются только старые карты, а тут никаких валетов и королей, поэтому скажи, женщина, ждет ли меня в этом году повышение.

О серьезном бабушка гадает редко. Большею частью о бытовых мелочах, и ошибается не чаще, чем в половине случаев. Для предсказания будущего результат великолепный. Появится к праздникам в магазине дефицитный товар, отключат на ремонт горячую воду — без карт не разберешься.

В придачу у нее есть красные стеариновые свечи и хрустальный шар, в котором видится тайное. Шар величиной с кулак, в своей недавней прошлой жизни он был одной из висюлек чешской хрустальной люстры.

Эти люстры — вещи дорогие, дефицитные и модные. И огромные! Гора из кусочков хрусталя над головой. Шариков, треугольничков, ромбиков. Висят, переливаются. Заденешь

рукой — час звенеть будут. Слышал от деда, что чешская люстра считается хорошей, если она площадью не меньше четверти потолка и свисает настолько, что человек может стоять под ней, лишь наклонив голову. Не очень удобно, зато очень престижно.

Много бабушек и тетей помоложе хотят, чтоб им погадали. Секрет популярности бабы Оли в том, что она никогда не обещает плохого. У всех все будет замечательно! И воду дадут, и сапоги импортные в магазин прискачут, и зарплату непременно прибавят. Добрая баба Оля, ей будущего не жалко. Поэтому все довольны, расходятся со счастливыми улыбками по квартирам. Произойдет обещанное или нет — уже и не важно.

Кстати, вспомнил смешной случай. Выращивала баба Оля в трехлитровой банке на кухонном подоконнике чайный гриб. Рос он превосходно, не по дням, а по часам, и однажды в полночь вылез из банки, сожрал печенье на столе и решительно пополз в бабушкину спальню. К счастью, баба Оля проснулась и шваброй с перепугу раздробила его на шевелящиеся кусочки, которые потом собрала и смыла в раковину. Теперь она нервничает, когда Артем говорит, что в канализации остатки гриба могут превратиться во что-то совсем большое и страшное.

Тут мои воспоминания прервались. Бабушка вернулась с деньгами для внука.

— Тебе взять? — спросил Артем.

— Нет, не надо, я мороженое не очень. Пусть купит тот, кто его любит!

4

Прыгая через несколько ступенек, мы сбежали вниз, на первый этаж, распахнули дверь и оказались на улице.

Я люблю открывать дверь подъезда в солнечные дни. Внутри дома темно, прохладно и зелено, как в загадочной пещере, а снаружи солнце, и можно представить, что за тобой гонятся одетые в шкуры троглодиты, вот-вот поймают, но ты спасаешься в последний момент, выскакиваешь на улицу, и дальше они за тобой не бегут, потому что боятся света.

Но сегодня вышло иначе. Опасность таилась не в подъезде. Те, кто встретил нас снаружи, света не боялись. И милиции тоже.

— Художники, — прошептал Артем.

5

Имена у них необычные. Первого звали Виленом (переделанное "В.И. Ленин"), второго — Владленом (Владимир Ленин), а третий носил сложное имя, образованное из первых букв фамилий известных исторических личностей — Маркса, Энгельса, опять-таки Ленина, и для полного комплекта еще и Сталина — Мэлс.

Им было лет по пятнадцать, и они с трудом учились в девятом классе нашей школы.

Вилен — худой, длинный и хитрый, он у них считался главным, Владлен — рыхлый и настолько коротко стриженный, что почти лысый, Мэлс — невысокий, ниже Владлена, но весь в мышцах. Он регулярно ходил в качалку и таскал гири-штанги. Его лицо, мысли и речь были очень простыми.

У Вилена имелась куча родственников, большая часть которых сидела в тюрьме, и он говорил, что когда закончит школу, понаделает себе татуировок. Владлена воспитывала бабушка (что случилось с его родителями, не знаю), а у Мэлса папа и мама работали в магазине. Мама — продавщицей, папа — мясником, поэтому Мэлс носил дорогие импортные вещи. Всем известно, что советские мясники зарабатывают куда больше советских инженеров.

Однако он вместе с Виленом и Владленом целыми днями слонялся по району и отнимал

деньги у школьников. При этом неизменно таскал с собой маленький кассетный магнитофон с тюремным репертуаром.

Управы на эту троицу не находилось никакой. Они стояли на учете, родителей Вилена и Мэлса вместе с Владленовой бабушкой постоянно вызывали в школу, но все без пользы. Плюс ко всему в милицию на них никто не жаловался, потому что жаловаться стыдно, да и действовали они хитро, почти не нарушая законов.

Мы столкнулись с ними у самого киоска. Они, наверное, узнали о появлении пломбира, и подстерегали жертву, как аллигаторы у переправы.

— Ой, кого мы видим! — вскричал Вилен, подняв к небу руки, — вот так встреча!

— За мороженым пришли, — хмуро сообщил Владлен.

— Гыгы, — осклабился Мэлс.

— Деньги у них есть! — сказал Вилен, — думаете, вы их заработали? — это он уже нам.

— Нет, не заработали, — ответил за нас Владлен, — они за свою жизнь ни дня не работали.

— Паразитируют, как буржуи до революции. И совесть их не мучает. Но ничего не сделаешь. Пойдемте, оставим их наедине с незаслуженным пломбиром... Ой, а что это у нашего друга? — Вилен театрально уставился на неизвестно откуда появившуюся в руках Мэлса пластмассовую баночку.

— Зеленка, — констатировал Владлен.

— Гыгыгы! — Мэлс начал отвинчивать крышку.

— Вы только посмотрите, несчастные дети все в царапинах! Поэтому Мэлс хочет намазать их зеленкой! Раскрасить! Целиком! С головы до ног! Чтоб не получилось заражение крови! Даже если они будут сопротивляться! Маленькие дети не понимают опасности!

— Мы попробуем остановить его, — буркнул Владлен, — но не за просто так.

— Несомненно, наш труд должен справедливо оплачиваться. Мэлс вон какой здоровый! В нем силы, как у четверых. Вы явились за пломбиром, значит у вас есть шестьдесят копеек. Есть? Или пусть красит?

— Есть, — со злостью ответили мы.

6

...Они всегда так делают. Изображают спектакль с твоим участием, и если не захочешь стать зеленым, придется отдать деньги. Считают, что милиция не поможет, ведь по карманам никто не лазит. Из-за зеленки их и прозвали "художниками". Мы им уже несколько раз попадались.

Когда наши монетки оказались у них, Мэлс от радости включил магнитофон, и оттуда захрипели странные слова — "плыви ты наша лодочка блатная, куда тебя течением несет, а воровская жизнь — она такая: от тюрьмы ничто нас не спасет".

— Прекрасная музыка, — расчувствовался Вилен. — Сколько мудрости в нескольких строках. Доживу ли я до того дня, когда они зазвучат по первому каналу телевизора?

Потом посерьезнел, доигрывая роль.

— Я добр, поэтому хочу сообщить нечто важное. Мы давно за вами приглядываем, и хотим сказать, что вы вступили не на тот путь! Вы — отщепенцы! Сами по себе, вдали от коллектива! До добра это не доведет, поверьте мне!

7

...Из-за леса медленно поднялась туча. Пушечным ударом прокатился гром. Страшный,

тяжелый, безжалостный, он разорвал воздух на клочки и улетел вдаль. Небо стало черным, ветер начал угрюмо трепать листву. Застучали первые капли дождя и принесли сырой холод.

Но на самом деле мы сидели на лавочке, светило солнце и погода была замечательная. Грозу и бурю пришлось нафантазировать.

Примерно так я однажды написал сочинение о природе. Сказали написать — я и написал. Быстро, почти не задумываясь. Учительница проверяла тетради во время урока, и, дойдя до моей, сняла очки, протерла, снова надела, и так еще пару раз, пока читала. Поставила пятерку, но возле оценки стояла надпись "ой". Что это значит, понятия не имею. С тех пор я в плохом настроении часто выдумываю что-нибудь книжными фразами. Хотя без особой пользы.

Когда на душе мрачно, хочется, чтоб мир вокруг соответствовал, а сегодня он просто смеется надо мной.

8

Читать я научился рано.

Когда мне было три года, мама открывала букварь и говорила:

— Вот буква "А". Аааа. Треугольник с палочкой посередине. Покажи, где еще буква "а"?

И я по просьбе мамы тыкал пальцем туда, где был нарисован этот самый треугольник. Не догадывалась она, что я уже знаю не только эту букву, но и все остальные, вплоть до мягкого знака, но сообщить о своих знаниях стесняюсь.

Мы тогда жили не здесь, а на другом краю Москвы, в общежитии, поэтому папа и мама возвращались с завода совсем поздно, забирая меня из детского садика, когда уже темнело и хотелось спать. Так что родителей, можно сказать, я видел только по выходным. Да и то папа почти все субботы полдня опять был на работе.

В садике воспитатели с нами не сидели. Очень уж много нас, не успеешь к каждому. И так едва удавалось следить, чтобы дети никуда не залезли и оттуда не попадали.

И мы весь день существовали сами по себе. Когда не спали и не ели, то играли во что-нибудь. Я обычно играл один. В моем распоряжении были кубики, машинки, солдатики и множество книг. Большею частью старых и потертых, но из них ловко строились башни, пещеры, крепости, а еще выяснилось, что книги можно читать.

До того как я, сидя вечером в одиночестве у подножия огромного детсадовского шкафа, прочитал первое слово, затем неожиданно предложение, и потом целую страницу, буквы мне показывали всего несколько раз, и никто не думал, что я их запомню, а тем более смогу соединить в слова. Однако получилось именно так, причем все произошло само собой, без усилий. Чудеса, и только.

Когда я закрывал глаза, буквы и слова становились живыми существами с другой планеты. Кто-то напоминал паука, кто-то кляксу, кто-то грустный, а кто-то веселый, смеялся и пританцовывал. Слова сами научат себя читать, надо лишь подружиться с ними.

Я подружился. И долго сохранял дружбу в тайне. И от воспитателей, и от родителей. От всего мира.

Говорить к тому времени я, разумеется, умел, но говорил мало. Не больше остальных, хотя и не меньше. В детском садике болтать не с кем, а дома папа с мамой уставшие, завтра им снова вставать ни свет ни заря и путешествовать на завод сквозь огромную Москву.

Поэтому я почти всегда молчал. Но иногда родители спрашивали меня, как что называется — окно, кровать, дверь. Однажды отец указал пальцем на холодильник, подмигнув маме и хитро произнес:

— Ну-ка, сынок, что это?

И я не спеша ответил:

— Хо-ло-диль-ник.

А о том, что надпись на табличке сбоку гласила "Холодильник бытовой компрессионный "ЗИЛ — 63", не сказал.

Родители очень радовались. Какой умный сын растет! Папа вспоминал, мог ли он выговорить в моем возрасте это трудное слово и понял, что нет, ведь холодильников в те времена советская промышленность почти не выпускала.

Так вот, где-то в три года мне надоело по просьбе мамы выискивать буквы. Надоело — и все. Упрямым я был уже тогда, и в один прекрасный день в ответ на предложение поискать в тексте "кружочек" (букву "о"), я быстро и недовольно прочитал вслух десяток — другой слов, в которых находилась эта самая "о".

Мама уронила букварь и долго смотрела на меня. Затем и папа что-то уронил и глядел на меня тоже долго и неподвижно. Глазами большими-пребольшими. Так долго, что я расплакался и родители кинулись меня успокаивать.

Потом было совсем неинтересно. Они открывали передо мной взрослые книги, расстилали газеты, и просили почитать "вот тут", "там" и "в самом низу". Папа сидел красный и раз за разом повторял "не может быть". Естественно, почти ничего из написанного я не понимал. Узнав об этом, родители облегченно переглянулись, но все же спустя пару дней отвели к психологу.

Психолог, солидно небритый дяденька в белом халате на протяжении часа безуспешно пытался со мной поговорить, а затем, отчаявшись, сказал, что "нарушений нет, но в школе ему будет скучно".

9

И он оказался прав. В школе мне действительно невесело. Точные науки я не люблю, а книг по неточным перечитал больше, чем положено и старшеклассникам. А что касается литературы, то грустнее вообще не придумаешь. В этом году зимой меня даже вызывали к директору. Учительница (не та, что ставила пятерку за описание природы), пожаловалась, что я демонстративно скучаю на уроке. Хорошо, что вскоре ее перевели в другой класс. Не знаю, злая она или просто тупая. Обычно злость и тупость присутствуют в человеке одновременно. Да, было скучно, но я это не показывал никак. Что ей померещилось, непонятно.

Авангард Аполлонович, когда я пришел, попросил учительницу выйти и минуту молча смотрел в окно на падающий снег. Потом обернулся ко мне.

— Говорят, ты любишь читать?

— Да, — ответил я.

— Тебе знакомы какие-нибудь притчи о гордости?

— Да.

— Считай, что я тебе сейчас одну рассказал. Выполнил свой воспитательный долг.

Потом еще помолчал и продолжил:

— Учись скрывать свои чувства. В жизни пригодится. Можешь идти.

Я ушел и не сказал, что делаю так постоянно.

10

Читать любят и Глеб, и Артем. Первым делом фантастику, конечно. Глеб, правда, меньше, чем я, его в основном занимают цифры, а Артем еще меньше, ему б сделать что-

нибудь эдакое, то, что делать никак нельзя.

Любимая книга у нас одна. Того писателя, о котором я говорил, когда сравнивал фантастику и другую литературу. Книга пылилась в библиотеке, пока не попала нам на глаза.

Мы ее потом украли. Спору нет, совершили плохой поступок, но она могла пропасть! Взял бы кто-то почитать, и потерял. Таких случаев много. А она не должна пропасть. Не имеет она права пропадать! Поэтому мы попросили принести ее, а когда библиотекарьша отвернулась, утащили карточку. Все, теперь книга наша. Хранится по очереди то у меня, то у Глеба или Артема.

Но обычно у меня.

1

— Второй раз к бабушке не пойду — сказал Артем, оторвав от воспоминаний и возвратив к сегодняшнему дню.

— Сколько сейчас времени? — спросил я.

— Б-без пяти одиннадцать, — ответил Глеб, опередив Артема, единственного из нас обладателя часов. Артем посмотрел на циферблат и подтверждаяще кивнул.

Мог бы и не смотреть. Давно известно, что Глебу часы не нужны. Он знает время и без них. Точно, чуть ли не до секунды. Однажды он вроде ошибся, но выяснилось, что это часы отстали. У него в голове сверхмощный компьютер, честное слово.

— Дядя Саша в отпуске, поэтому наверняка отправился в клуб. Можно зайти, — предложил я.

Все со мной согласились, и через пять минут мы уже были рядом с клубом. Хотя, что значит "с клубом"? Всевозможных клубов миллионы разновидностей, есть даже какие-нибудь танцевальные, а наш — это Клуб космонавтики! Именно так, с большой буквы.

танцевальные пусть пишутся с маленькой.

Он невелик, одноэтажная пристройка к дому, и внутри еще в паре квартир снесли стены, чтоб поместились мастерская и класс наподобие школьного, с доской и партами. Занимается не больше десяти человек, а обычно только мы трое. В понедельник, среду и пятницу с шести до восьми часов вечера. Ведет занятия дядя Саша. Работает на заводе, а потом приходит к нам. Его ради этого начальство пораньше отпускает.

Мы делаем ракеты! Настоящие! Вернее, почти. Меньшего размера, и летают они не в космос, а километра на два от земли. В других клубах делают такие же, ничего необычного в наших ракетах нет. Запускаем их с пустыря, он у нас недалеко от футбольного поля, там что-то хотели построить, огромную площадку в лесу разравнили и забыли, строители часто все забывают. А назад ракета на парашюте спускается.

Иногда ракеты взлетают еще ниже, но только затем, чтоб в конце пустыря вертикально приземлиться. Двигатель переходит в режим посадки, и ракета медленно опускается. Все как в жизни! На Землю космические корабли сейчас так и возвращаются. На парашютах уже неактуально, хотя и красиво.

Когда ракета сядет, откроется люк, из которого неспешно выползет луноход, радиоуправляемый нами благодаря пульту с антенной. Поездит аппарат, поблестит алюминиевыми боками, возьмет буравчиком образцы инопланетной почвы около столба с ржавой табличкой "Строительство ведет СМУ-52", и назад в корабль. Люк захлопывается, ракета взлетает и садится теперь рядом с нами.

Все, миссия окончена. Люди аплодируют, статьи в газетах, репортажи по телевизору... ну, как будто.

Мы поднимаем ракету и несем ее обратно.

Надо сказать, что луноходы бывают разные. Одни как древние восьмиколесные тележки, которые по Луне в самом начале катались, причем медленно и недалеко. На колесиках им сложно приходилось. Большой камень или яма — и приехали. Иное дело — шагающие, на шести длинных насекомых ножках. Мы их тоже собираем по чертежам, и с ними гораздо интереснее. Им все нипочем. Вскарabкаются куда угодно.

А перед Клубом на металлическом постаменте — первый искусственный спутник Земли. Круглый, пара метров в диаметре и с четырьмя антеннами назад, его нельзя не узнать.

Ну может и не очень первый, но близко к этому. Один из первых. Тридцать лет назад их сотнями запускали, зачем — неизвестно, вроде хотели опередить Америку по числу железок в небе. И опередили, американцы в один прекрасный день плюнули, сдались и бросили соревноваться. Наши обрадовались, еще недельку позапускали, чтоб наверняка больше получилось, и тоже прекратили, потому как и им это наскучило ужасно. Пользы от спутников никакой, летали только по кругу и радиосигналы простейшие передавали, рапортуя о своем бессмысленном существовании.

А через два десятка лет начали сваливаться обратно. Обошлось без несчастных случаев, хотя люди побаивались падения на голову тяжелой гордости советской науки. Я в ту пору еще мелкий был, а как подрос, дед мне все рассказал. Иронично, с шуточками.

Один спутник рухнул в лесу недалеко от нас. Пропахал огненную борозду и поломал кучу деревьев. Грохот был на весь район, образовавшаяся просека до сих пор не заросла.

Сбежался народ, но милиция никого близко не подпустила. Связались с центром управления полетами, мол, как поступить, а на дворе уже темно, и по телефону сонным голосом ответили, что это двадцатый спутник за ночь, надоели они хуже горькой редьки, поэтому делайте с ним, что хотите, но содержимое привезите нам пожалуйста.

На том и порешили. Разбудили по тревоге школьных слесарей, те кувалдой вскрыли люк и обнаружили внутри робота, похожего на человека, только с лицом совсем грустным, года одиночества в космосе и на работа повлияют. Сидел он над пультом и отрешенно говорил в микрофон "бип, бип, бип". Сигналы посылал, будто не понимая, что он на Земле. Потом обернулся на людей трагическими, воспаленными от бессонницы глазами, в последний раз прошептал "бип" и пошел обреченным шагом в милицейский "уазик". Залез в клетку в багажнике, хотя там обычно алкоголиков и дебоширов возят.

А спутник местные жители себе оставили. Сварили из металлических листов постамент и водрузили на него прилетевший с небес шарик.

2

Дядя Саша и вправду был в Клубе. Сидел за своим столом какой-то растерянный, нашему появлению удивился и обрадовался. С этой недели у него отпуск, но он никуда не поехал. Ни на юг, ни еще куда-то. Пришел на свою вторую работу, хотя занятия уже закончились и начнутся аж в сентябре. Последнее было позавчера, да и то, почти не занятие. Поболтали о чем-то, составили планы на осень. И были в тот день только мы трое.

Дядя Саша, не помню, говорил ли, работает у нас на заводе инженером. С моими папой и мамой он знаком постольку-поскольку, но это понятно, цехов и отделов на предприятии — тысячи.

Он на несколько лет старше моих родителей, но семьи у него никогда не было. Почему — не знаю. Вроде молодой еще, и внешность — хоть плакат с него пиши, такой, какие повсюду висят, ну эти, где инженер на фоне сверкающего станка дает токарю советы.

Не преувеличиваю! Дядя Саша большой и крепко сбитый. Прическу подправить, а то он лысеть начал, и можно смело вызывать художника или в кино дядю Сашу отправить сниматься. Сейчас куча фильмов о производстве. Дурацких, потому что они все одинаковые и не только поэтому. Там хорошие рабочие ругаются с плохими бюрократами за повышение производительности труда и в конце концов побеждают. Непонятно, для кого эти фильмы.

Даже моя мама их не смотрит, а если б посмотрела, то не заплакала бы и в случае победы бюрократов.

Ну и ладно, сыграет дядя Саша какого-нибудь положительного персонажа, развлечется. Вреда от этого точно никакого. И лысину можно оставить, чтоб реального человека напоминал, потому как люди там — не люди, а не знаю что. Роботы за два рубля из магазина игрушек, только побольше и обученные произносить нетрудные фразы.

...Клубная мастерская у нас обычная, как в школе, верстаки да парочка универсальных станков, на которых дети могут работать. Движущиеся части закрыты толстым оргстеклом, пораниться не выйдет. К тому же дядя Саша всегда рядом, глаз не спускает.

Зато в классе красиво! Стены и потолок обклеены фотообоями с изображением космоса. Будто летишь на звездолете и смотришь в иллюминатор. Звезд много, они сияют, переливаются и даже чуть-чуть двигаются.

В магазинах таких обоев нет, но для детского клуба нашли!

Еще в классе несколько шкафов с книгами и чертежами, а в углу модель солнечной системы — тонкий магнитный лист в метр диаметром, над которым планеты кружатся. Левитируют, научно выражаясь. Маленькие, меньше сантиметра, чтобы пропорции солнечной системы чересчур не нарушать, но если присмотреться, можно разглядеть материки и острова. Все, как в жизни! Даже спутники планет — Луна, марсианский Фобос и все остальные вьются мошками вокруг них, и вместе с ними летают по длинному вытянутому кругу (эллипсу) вокруг Солнца. Трогать их нельзя, но если все-таки сдвинуть планету со своего места, она тут же магнитом вернется обратно.

Прикольная штука. Особенно интересно, когда на улице вечер и свет погашен.

Я бы хотел как-нибудь побыть в классе один. Ночью. Наедине с космосом. Звучит высокопарно, ну и пусть.

А еще у нас стоят макеты космических кораблей — всех до единого! Склеили сами из пластмассы. Выписываем на Клуб чертежи и рисунки — так просто их тоже не купить — и по ним делаем. И ведем дневник космических полетов — записываем каждое событие, связанное с космосом. Кто-то стартовал, кто-то вернулся, сел на метеорит, промахнулся мимо метеорита или еще что-то важное. Помним не одних наших, но и американцев, и другие страны, они тоже потихоньку летают, хотя социалистические только с нами за компанию, сами — нет. Дядя Саша как-то сказал, что враждуют политики, а простым людям делить нечего. Потом призадумался, стоило ли это говорить, и уточнил — их политики враждуют с нашими, поэтому нашим приходится в ответ враждовать с ихними. Понял, что выразился сложно, да и тема непростая, махнул рукой и попросил на всякий случай его слова не повторять.

Дядя Саша неразговорчив. Книжки с ним мы ни разу не обсуждали. Я и не знаю, что он читал и что ему нравится.

Он никогда не кричит и никого не наказывает. Тихо объясняет, как надо делать. Но никто и не думает баловаться и не слушать его.

А еще он очень сильный.

Однажды занятия отменили, потому что ждали комиссию с областной администрации, которая раз в полгода проверяет детские клубы. На дворе стоял январь, мы одевались в коридоре, а дверь осталась распахнута, и я видел, как дядя Саша сидит за столом и крутит пальцами кусок веревки или чего-то такого, при настольной лампе не разглядеть. Нервничает в ожидании проверки, хотя чего бояться, в Клубе все настолько хорошо, что

почти идеально. На следующий день я увидел, что он держал в руках, и обмер. Ящик его стола был приоткрыт, и там лежал гвоздь под сантиметр толщиной, завязанный вчера дядей Сашей от волнения в узел.

Дядя Саша большой, сильный, грустный и одинокий. Смотрит иногда непонятно, вроде вперед, а на самом деле в другую сторону, внутрь себя, и молчит. Потом оживает, смущенно оглядывается и опять подходит к нам, спрашивает, все ли получается. У него какая-то аура одиночества.

Он странный? Да неужели! А кто тогда нет? Может, моя классная руководительница Мария Леонидовна? У нее ведь все неплохо. Удачно замужем за каким-то начальником средней руки, двое детей помладше меня, и скоро станет заместителем директора школы, Инна Дмитриевна на пенсию собирается. Симпатичная, плюс ко всему.

И еще она наглая, самоуверенная, ни в чем не сомневается. Профессора и академики сомневаются, а она нет. Наверное, самый умный человек на планете. Видит людей насквозь и предсказывает их будущее. Глядит полупрезрительно на учеников и объясняет, что их ждет, если не будут ее слушать. Она тоже говорила родителям, что мне надо меньше думать. С ухмылочкой говорила, выстукивая по столу шариковой ручкой. Даже отец маме сказал, не зная, что я слышу — "какая же она вульгарная".

Если нормальный человек должен быть таким, то я не хочу быть нормальным.

...О чем я еще не вспомнил? Ах, да!

У окна стоит огромный стальной сейф. Металл в нем толщиной с танковую броню. Несколько замков, ключи от них с безумным числом прорезей-выточек и такие длинные, что в карман едва помещаются. В сейфе хранятся наши секретные документы. Прячутся за железом от капиталистических шпионов.

Что за документы? А есть такие! Каждый, кто занимается в Клубе, расписывается за их неразглашение, и для надежности еще говорит "честное пионерское".

Теперь подробнее.

Существует всем известный журнал "Юный техник". Выходит раз в месяц, разные интересные вещи печатает. В основном изобретения школьников, вроде электрической стиральной резинки. У капиталистов журнал нарасхват, они эти изобретения внедряют в производство и зарабатывают миллионы. И пусть, нам не жалко.

Но есть и "Секретный юный техник" — почти такой же, но с инвентарным номером, штампом "секретно" и суровой подписью сотрудника КГБ. В библиотеках и магазинах журнал, понятное дело, не сыскать. Выделяется он поштучно для технических клубов. Таких, как наш. Журнальчик ма-а-аленький, меньше книжки, не какая-нибудь глянцево-гламурная "Работница" или "Крестьянка", но секретный до умопомрачения.

Поэтому он и хранится в сейфе, на холодных жестяных полках. Все подписки за несколько лет, по двенадцать экземпляров за год. Его капиталистам показывать нельзя.

Пишут в тайном журнале о серьезных вещах. Если в обычном, как я говорил, электростиральная резинка для карандаша, то в секретном чертеж устройства, которое запросто чернила выведет. Ну как доверить эту информацию населению? Ведь можно будет двойки из дневника поубирать, и ни одна мама не узнает.

А еще там схема аппарата для передачи мысленных команд старшины прямо в солдатский мозг, армейского портянонаматывающего механизма, кирзовых сапог с пружинами, позволяющими во время марш-броска проходить огромное расстояние, подпрыгивая скаждым шагом как кенгуру с автоматом Калашникова, лампочки, которая

тревожно светит в присутствии вражеского шпиона, рецепт съедобной и очень вкусной бумаги для тайных депеш, проект розового раскладного уха в полтора метра диаметром для подслушивания переговоров за стеной, рисунок подводной лодки, которая перемещается под землей, и многое другое.

Ну и из мирного чуть-чуть, вроде механических рук, вытирающих полотенцем посуду после мытья. Иногда попадается. Невоенное у нас неглавное.

Все это выдумали наши советские школьники. Получили устную благодарность, и теперь КГБ постоянно за ними следит, чтоб они ненароком не изобрели еще чего-нибудь и не проболтались об этом.

А портретов Гагарина и Королева в Клубе нет. Везде есть, но только не у нас. Потому что полеты в космос — не бестолковые новогодние огоньки, и космонавты — не телеведущие с напудренными личиками, чтоб хорошо смотреться по телевизору.

Глупо хотеть славы. Одни дураки любят, когда ими восхищаются и повсюду развешивают их фотографии. Кто-то спросит — а как же знаменитая гагаринская улыбка? А вот плохо! Заставили первого человека в космосе улыбаться сутками напролет. Была б его воля, наверное, взглянул бы он на толпу тяжело и хмуро, чтоб та разбежалась куда подальше. Думаю, он умел. Бесхарактерные космонавтами не становятся.

Настоящий Гагарин был таким. А если нет... значит, тот Гагарин, которого я выдумал, настоящий, а не тот, который жил на Земле.

...Забыл рассказать о том, что сейчас происходит в космосе. А происходит вот что. Когда-то СССР первым запустил спутник, опередил Америку, потом первого человека, и тоже раньше американцев. Ненамного, но тут как на соревнованиях, опоздал на полсекунды — и все, проигравший получает серебрянную медаль. Во всяком случае, так говорят по телевизору. Насчет того, что космические полеты — эдакая олимпиада, последнее время я сомневаюсь. Я вообще начал сомневаться в том, о чем говорят по телевизору. Повзрослел, что ли. Но взрослые верят ему как самому себе. Даже, может, и больше. Включит кто-нибудь голодный телевизор, оттуда злобно скажут "ты сыт!", и человек действительно подумает, что еда ему не нужна.

Дед телевизор не переносил. Будто телик не механизм, а что-то живое и мерзкое. Тараканы у него меньшее отвращение вызывали. Никогда его не смотрел, злился, услышав теленовости.

Так вот, через несколько лет после Гагарина в космос зачастили. В основном СССР и США. Американцы отомстили нам, первыми отправив человека на Луну. Наши не успели чуть-чуть, но после того, как весь мир увидел астронавтов, кузнечиками скачущих по лунной поверхности, сказали, что посылать туда людей смысла нет, достаточно радиоуправляемых луноходов, да и вообще, космос — не состязание.

Долго на Луне не высаживались! Уже на астероидах побывали, а на Луне — нет. Не отказываться же от своих слов. И американцы потом на Луну редко заглядывали. Победили в лунном забеге с барьерами — и довольны. Но в конце концов наши прекратили дуться и таки долетели, построили там исследовательские центры и небольшие городки. Ну и капиталисты следом, деваться ведь некуда, иначе народ не поймет. Народ многое не понимает, что наш, что заокеанский.

А с Марсом интересно получилось! Механизмами полповерхности облазили, но людей посадить не выходило никак, поэтому пришла в чью-то светлую голову идея живой памятник Ленину на планету закинуть и заявить таким образом об очередной победе

социалистического строя над капиталистическим. Ракетный двигатель вместо пьедестала — и вперед, товарищ памятник, лети. Американцы об этом прознали, озадачились тем, что Советы решили столь экстравагантным способом пометить марсианскую территорию, почесали всем Белым Домом в затылке и решили в свою очередь быстренько установить там памятник Линкольну (это такой американский Ленин, только с волосами и голова не круглая), живой аналогичным образом, хотя за океаном живые памятники не строили, не считали полезным, но технология простая, освоили скоро.

И помчались стометровые вожди сквозь космическое пространство к красной планете. В один день стартовали! Вся страна неотрывно следила за полетом. Глазастые астрономы из Пулковской обсерватории техническую информацию сообщали, чтобы ее потом в новостях озвучили примерно так: "опережаем на полкорпуса", "снова вровень", "немного отстаем, экономим силы". Несколько тревожных дней по телевизору говорили, что "космос — не легкая атлетика", "памятники запустили с научными целями". Народ понял, что все плохо, загрустил, даже, по словам деда, "засомневался в преимуществах социалистического ведения хозяйства", но потом ситуация улучшилась и люди вновь услышали привычное "мы обгоняем Америку".

Однако установить, кто победил, не вышло. Подлетели вровень, а фотофиниш, ухмыльнулся дед, проводить было некому. Если только марсиан попросить, но Марс оказался необитаем — ни судей, ни болельщиков. Никто не прибежал взглянуть, чем люди занимаются.

Приземление подняло облака пыли, а когда они рассеялись, стояли рядом два памятника и с подозрением рассматривали друг друга. Так и стоят до сих пор, рожи корчат.

А французы скромно привезли на небольшой метеорит скульптуру Маленького Принца. Нет, не живую, обычную. Хотя, мне кажется, не может быть неживых изображений Маленького Принца. И летает он теперь в одиночестве, грустит. Опять взрослые не подумали.

3

Через полчаса дядя Саша засобирался домой.

— Закрываемся на лето. Отдыхайте! — сказал на прощанье.

Как мне показалось, он смутился из-за того, что мы застали его в пустом кабинете и догадались, что идти ему особо некуда. Мы отправились на улицу и увидели в коридоре свежее объявление — "Занятия в танковой секции на время каникул останавливаться не будут". Из-за двери, ведущей во второе помещение, доносились голоса.

Забыл я рассказать, что большую часть Клуба космонавтики занимают не космонавты, а танкисты. Делают они из железа радиоуправляемые модельки и устраивают бои. "Танковый клуб", так называемый.

На огромном столе с бортиками полметра песка насыпано, вырыты игрушечные окопы, воронки от авиабомб, стоят жестяные здания, в общем, линия фронта, по которой ползают танки и стреляют крошечными пневматическими снарядами. Попадание замыкает электрическую цепь и загорается лампочка, одна, другая или третья, в зависимости от того, уничтожен танк, поврежден, или броня не пробита. Воюют, короче говоря. Развлекаются. Играют в песочке. Конструируют новые танки и старые улучшают. Броню покрепче, двигатель помощнее, пушку потолще.

И занимаются этим, что поразительно, ребята старше нас. У "космонавтов" все нашего возраста, а там — лет четырнадцати-пятнадцати, и даже студенты. Да что студенты!

Взрослые дяди порой лысынами мелькают, и старенькие дедушки панамками! Не понимаю, как можно играть в танчики, когда тебе уже исполнилось восемь, но, судя по всему, как-то можно. На лето они не закрываются. Не зарастает народная тропа, как писал Пушкин или Лермонтов. Да и как она зарастет, по ней каждый день танки гусеницами лязгают.

Мне неизвестно, кто ответственный за клуб, то есть, кто главный. Поодиночке танкисты не ходят. Их всегда много! В одном фантастическом романе рассказывалось об улье, который мог думать, как человек. Так и здесь. Занятия проводит коллективный танковый разум.

Раньше они обитали в двух комнатах, но потом, поскольку танки оказались популярнее космоса, им передали еще одну нашу.

Однажды в газете я прочитал фразу "массовая культура". Писали, что "в странах Запада культурное пространство захватила массовая культура". Что это значит, я понял не совсем, но все-таки понял. Массовая культура — что-то простое. Например, мамин фильм "Москва слезам не верит". Или эти танчики. Так что не только в "странах запада" массовая культура пространство забирает.

4

Не, я не против танчиков! Я бы и сам в них с удовольствием поиграл. Плохо только то, что они, получается, вытесняют космос.

5

А еще наш Клуб пытались поджечь. Реально! Это произошло через месяц после смерти деда.

Вечером дядя Саша, как обычно, выключил свет, закрыл обе двери и ушел задумчивый домой, а утром выяснилось, что эти самые двери выломаны, в классе на полу стоит стеклянный пузырек с бензином, а рядом с ним — истлевшая тряпка.

То есть что получилось — кто-то ночью выбил двери и поджег ткань, чтоб потом загорелся бензин и весь Клуб. По счастью, она тихо погасла на полу. Фитиль из нее вышел плохенький.

Дальше легкого испуга дело не зашло, но легкий испуг оказался испугом нелегким. Поэтому обычные двери, которые, как говорится, "только от честных людей", заменили на прочные, предназначенные для людей честных не очень, а в помещении поставили сигнализацию и хмурого вида автоматические огнетушители.

Но вопросов остались миллионы. Точнее, три. Первый — что за силач вынес двери? Обычный человек, а тем более не дружащий с физкультурой или пожилой, ни за что не смог бы так с ними расправиться! Второй — почему он настолько странно себя вел? Повезло, конечно, но все-таки как можно не догадаться вылить бензин, а уж потом развести огонь? И третий, самый главный — кому мог помешать наш Клуб?!

Клуб — маленький, и мы тоже. Не шалим, никого не трогаем, делаем модели космических кораблей. Миру от нас ни жарко, ни холодно. Однако на тебе — он прислал поджигателя. Спасибо, конечно, что заметил, но лучше б мы как-нибудь постояли в сторонке.

Районный народ поначалу увлекся происшествием. Когда развлечений мало, происшествие — тоже развлечение. Неделю все поджог только и обсуждали. Кто же это мог сделать, говорили местные жители, выдвигали версии, анализировали факты и подозрительно глядели друг на друга. Но всего лишь неделю. На большее их не хватило, хотя понять людей можно — преступника не нашли, дело с мертвой точки не сдвинулось, а затянутый детектив никому не интересен. Граждане пожали плечами и вернулись к

обычным делам.

Методом исключения думали на "художников" — больше думать было просто не на кого. Мэлс к тому же здоровый и тупой. Однако той ночью "художники" вроде никуда не выходили, а Мэлс все-таки не настолько здоровый, чтоб как бульдозер снести дверь с петель, и не настолько тупой, чтоб не суметь поджечь бензин.

Вот так-то.

А мой папа, когда узнал о поджоге, повел себя странно. Хмыкнул и произнес "знаю, кто это сделал". Я вытаращил глаза, но папа успокоил меня, сказав "шучу".

Да уж, придумал, над чем шутить.

Глава 5 Глаз милиционера

1

Мы вернулись и сели на лавочку.

У нас есть небольшой сквер с деревянными лавочками, фонарями и асфальтовыми дорожками, на которых долго не высыхают лужи, вот мы и сели на одну из них. На одну из лавочек, а не дорожек и тем более не луж, это я неправильно сконструировал предложение, хотя сам себя понял.

Сели, но тут откуда ни возьмись взялся наш участковый дядя Сережа. Высокий, подтянутый, в фуражке и с кожаной папкой. Лет тридцати. Лет тридцать и ему, и папке. Ее, наверное, милиционеры в наследство друг другу передают.

Папка для участкового — самое главное. Придает солидность и уважение окружающих. Участковый без папки — не участковый. В ней он носит бумаги и документы. Сшита папка из толстой непротирающейся кожи. Из кожи бегемота, видимо. В Африке частенько социалистические революции происходят, в некоторых государствах по три раза в год. "Авроры" стреляют, "Зимние дворцы" в джунглях рабочие захватывают, и когда это случается, наши сразу начинают им поставлять товары первой необходимости. Все, какие есть, от карандашей до автоматов Калашникова, а те взамен бегемотьи шкуры для участковых папочек.

Старший лейтенант дядя Сережа, три маленькие звездочки на погонах. Он работает на "опорном пункте" — в соседнем доме квартиру на первом этаже милиции отдали и назвали ее "опорным пунктом", хотя так раньше именовали небольшие крепости, созданные для защиты от кочевников. Получается, на опорном пункте участковые обороняются от местного населения? Выдерживают осаду и не сдаются, как бы тяжело не пришлось?

В одной из комнат вместо двери решетку поставили, получилась эдакая минитюрма, в которую дядя Сережа алкоголиков ненадолго сажает, когда те начинают песни на всю улицу горланить. А преступлений у нас почти нет. За всю мою жизнь не было, чтоб кого-нибудь обокрали или ограбили ("художники" не в счет). Поэтому и районного отдела милиции у нас нет. То есть есть, но он в Москве располагается. В отдельном пятиэтажном здании. Там милиционеров много-много, они практически в каждом кабинете. Дядя Сережа туда ездит на своем служебном оранжево-бело-синем автомобиле "жигули" на совещания. Посовещается — и обратно. Кстати, почему милицейский автомобиль сделали лишь трехцветным? Понятно — для того, чтоб издалека узнавался, такое сочетание в природе мало встречается. Но отчего тогда не раскрасить его сразу во все цвета радуги? Зачем эти полумеры?

Ой, кое-что я снова забыл. Виноват! Но такое случается не только со мной. Попалось как-то мне интервью с одним писателем, и на вопрос о самом сложном в его работе он ответил, что это описание людей. Упустишь незначительную деталь — а она важна для придирчивого читателя.

Вот и я не упомянул, что левый глаз у дяди Сережи ненастоящий. Стекланный, красный, без зрачка и светится в темноте. Не знаю, что произошло, но надеюсь, что он мужественно потерялся в схватке с особо опасным преступником. Не у всех милиционеров искусственные глаза, точно знаю. Вечером стемнеет, и видишь, как пылающий огонек идет во мраке. Но это не оборотень из ужастиков, а наш участковый с папкой в руках.

...Дядя Сережа поправил фуражку, и к нам. Поздоровался, сел рядом на лавочку. Поняли мы, что спрашивать о чем-то будет, и насупились. Хороший человек дядя Сережа, но не к добру он пришел.

— Каникулы? — весело спросил он.

— Каникулы, — вздохнули мы.

— Радуетесь?

— Радуемся...

— В киоск еще и пломбир завезли, — лукаво произнес дядя Сережа.

Тут мы уже совсем не ответили. А он не унимался.

— Есть версия — у вас в карманах лежало шестьдесят копеек, как раз на три порции.

Вы держали путь к киоску, но появились "художники", и о пломбуре пришлось забыть.

Мы замолчали еще тише, чем в первый раз. Переглянулись только.

— Нельзя разрешать трем балбесам отнимать у младших деньги. Да еще и хитрым способом, которому Вилена научил брат-рецидивист. Как вы думаете?

Я, честно говоря, вообще не думал. Сидел, смотрел на асфальт. И Глеб с Артемом занимались тем же.

— Понимаете, пока не будет заявления от пострадавших, ничего сделать нельзя. Законы такие. Выдрать "художников" ремнем я не имею права, даже посадить в комнату с решеткой у себя не могу, потому что несовершеннолетних нельзя. В будущем их всех рано или поздно ждет тюрьма, но есть шансы на то, что получив по рукам сейчас, они образумятся. Идти к вашим родителям, заставляя вас с их помощью я не хочу. Вы должны сами понять долг и ответственность гражданина. Эта троица отнимает деньги каждую неделю, а заявлений нет ни от кого.

Мы по прежнему сидели молча.

Дядя Сережа снял фуражку, соединил руки за головой и откинулся на спинку лавочки. Подождал минуту-другую и встал.

— Ну что же. Пойду к себе. До свидания.

— Дядя Сережа! — вырвалось у меня.

— Да-да?

— А можем мы... чем-нибудь еще помочь... — сказал я.

— Помочь? Если б с вашей помощью удалось отучить "художников" воровать, вот это было бы чудесно. А так... Единственное, о чем могу попросить... не могли бы вы сходить к Михаилу Егоровичу, поболтать с ним немного, вдруг он успокоится и перестанет писать кляузы?

— Конечно, ходим!

И мы убежали выполнять просьбу.

Было очень неудобно. Дядя Сережа прав, говоря о том, что "художников" пора приструнить. Но... написать заявление в милицию — это все равно что пожаловаться маме, хотя мама и милиция не сильно похожи. В школе засмеют.

Надо с художниками самим разобраться, но как, непонятно. Когда подрастем, года эдак через четыре, можно будет и кулаками помахать, а сейчас кулакомахание без шансов.

Положение, выходит, безвыходное.

Но будем думать. Искать способы. Месть — это блюдо, которое подается из холодильника. Фраза красивая, значит, верная.

А сейчас я расскажу, кто такой Михаил Егорович. До пенсии он работал

пограничником, а после — сумасшедшим. Главным сумасшедшим нашего района, хотя других сумасшедших у нас вроде нет. Но если появятся, отвоевать первое место у Михаила Егоровича им будет непросто. Как-то я прочитал, что наука до сих пор не понимает, чем отличается психически здоровый человек от человека наоборот, поэтому можно считать сумасшедшими всех. Но некоторых — неправильно сумасшедшими. Их помещают в сумасшедшие дома, где правильно сумасшедшие психиатры приводят сумасшествие в установленную норму.

Михаил Егорович жил не в сумасшедшем доме, а в своей квартире на втором этаже. Ему всюду мерещились шпионы, и о них он пачками писал заявления в милицию. Безвылазно сидел на кухне у окна, нередко с биноклем и высматривал подозрительных. А подозрительными у него были все. Соседи, случайные прохожие, да кто угодно.

Страдал от этого, впрочем, один дядя Сережа, которому приходилось поступать с заявлениями по закону. А закону объяснить можно не все. Он тоже со странностями. Выбросить сумасшедшее заявление не разрешает, боится, как бы чего не вышло. Сам себя боится, не доверяет. Знает о себе что-то и грозит пальцем отражению в зеркале. Поэтому приходится дяде Сереже проверять написанное Михаилом Егоровичем, пусть даже коротко и формально.

И смешно! Закон у нас не только суровый, но и забавный. Приходит дядя Сережа со своей папочкой к тому, на кого заявление, достает чистый лист, и спрашивает "не являетесь ли вы шпионом, ну хотя бы немного". Гражданин, сдерживая смех, говорит "нет", "и жена у меня не шпионка", "и теща, скорее всего, тоже". Дядя Сережа серьезно записывает это на бумагу, потом печатает справку, что "в ходе проведенной проверки информация не подтвердилась", и отправляет заявление пылиться в архив. Работа нетрудная, но таких заявлений сотни.

Закон — вылитая игра. Некоторые правила в ней смешные, другие — страшные, а какие-то — смешные и страшные одновременно. Выдумают же люди!

Дядя Сережа как-то проворчал, что сейчас-то мы смеемся, времена спокойные, а лет пятьдесят назад Михаил Егорович натворил бы делов.

Пошутил вот так дядя Сережа.

Михаил Егорович сошел с ума, когда служил в погранвойсках в каком-то маленьком городке на границе (в очень дальнем Подмосковье, иными словами).

В чем заключается работа пограничника? Ловить шпионов, конечно. Но вышло так, что безвылазно лазил Михаил Егорович по горам, лесам и болотам тридцать лет (жениться было некогда), но ни одного шпиона не поймал, даже самого завалящего. И его товарищи не поймали. И на соседних участках границы такая же безрадостная безшпионская картина.

Стал думать Михаил Егорович. Враждебное капиталистическое окружение вроде есть. Государственные секреты — тоже. И граница имеется! Со всеми удобствами. С разделительной полосой из зыбучего песка бездонной глубины, колючей проволокой до макушек вековых сосен и пограничными псами крупнее теленка с покрашенными фосфором мордами.

Все есть, а шпионов — нет. Ну почему, ведь для них территорию обустроивали! Незаметно попасть к нам они не могли, нашу границу и ворона неучтенной не пролетит. Напрашивается только одно объяснение: империалисты, чтоб их не съели пограничные собаки, принялись вербовать советских граждан. Тех, кто живет здесь, на внутренней стороне колючей проволоки.

Значит, надо выявлять.

Как отличить шпиона от не-шпиона? Легко! Шпионы подозрительно себя ведут и лица у них подозрительные. А когда лицо у человека обыкновенное, и ведет он себя, как полагается, то это подозрительно еще больше. Замаскировался, подлец!

Через некоторое время начальство Михаила Егоровича не выдержало, отправило его на пенсию. С почетом и облегчением. Родовались рано: Михаил Егорович продолжил искать шпионов и на пенсии. Прямо из окна. Замучил всех, но спустя какое-то время администрации городка и военным руководителям удалось отправить Михаила Егоровича куда подальше. В ссылку. В Москву.

Больше рассказывать не буду, уже все понятно. Нам жаль и его, и дядю Сережу.

2

Пришли мы на место, но что делать теперь, кто б подсказал. Окно Михаила Егоровича открыто, и в его неглубокой глубине виднеется он сам — седой, лохматый, мнительный. На шее — армейский бинокль, под руками — печатная машинка с заправленным листом. Когда мы подходили, он на нас в бинокль смотрел, когда остановились — без бинокля, а когда чуть-чуть постояли, он бинокль перевернул, чтоб оценить нас удаленно.

— Вы хулиганы, — наконец сказал он нам, — для шпионов вы слишком маленькие. Приходите, как подрастете.

— Почему маленькие, — обиделся Артем, — совсем не маленькие. Гляньте в бинокль с другой стороны и убедитесь.

— Хм... говорите, что вы шпионы? — снисходительно произнес Михаил Егорович. — Кого вы хотите обмануть? Что я, шпионов не видел? Миллион раз на картинках! Сорок лет их ловил на разные приманки! Шпионы... Если вы шпионы, то что вы хотите здесь на шпионить?

— А хотя бы секреты изготовления живых памятников! — не растерялся Артем.

— Памятников? Да кому они нужны! В нашем гарнизоне памятников была целая сотня! Живых, а каких же еще! Ночами по плацу маршировали от безделья. Песни горланили!

И посмотрел на нас очень свысока. Будто сидел не на втором этаже, а по меньшей мере на пятом.

— Я сумасшедший, мне можно критиковать власть. Так даже врач сказал. Потом добавил — "завидую я тебе..."

— А если для разгона демонстраций? — заспорил Артем. — Идет по телевизору в программе "Международная панорама" колонна рабочих, протестует за мир против мирового капитализма, а им навстречу шеренга памятников с резиновыми дубинками.

Михаил Егорович снял с шеи бинокль, еще ближе пододвинулся к подоконнику. Вид у него стал взволнованный.

— Так вы шпионы? Правда? Не обманываете?

— Не обманываем, — помотал головой Артем. — Честное пионерское.

— Невероятно... — Михаил Егорович чуть не разрыдался. — Думал, помру, но так и не встречусь... Чьи вы шпионы, американские?

— Нет, — возразил Артем, — с острова Пасхи. Там каменные истуканы тысячелетние, хотим оживить их, чтоб не скучали.

— Интересная мысль! А не пробовали сделать социалистическую революцию, вам бы тогда партия сама технологию безвозмездно подарила?

— Не выйдет, — сказал Артем — у нас первобытное общество, а для революции нужно

капиталистическое. Чтоб свергнуть буржуев, ими надо сначала обзавестись.

— Со мной соглашаются, — пробормотал Михаил Егорович. — Когда последний раз было такое? Боже мой, пусть даже бога и нет...

— Вы хорошие шпионы, — Михаил Егорович взял себя в руки и сделал суровое выражение лица, — я не против, чтобы вы оживили своих истуканов. Как мы своих, они мало отличаются. Шпионы, хотите конфет?

— Ага! — обрадовались мы.

— Стойте здесь, я вам скину кулек. В квартиру, извините, не пущу. Если шпионы увидят, как живет советский человек, то смогут понять его загадочную душу, и тогда на Западе перестанут читать Достоевского, а это будет катастрофа.

На минуту он пропал, затем вернулся с целлофановым пакетом.

— Ловите.

В пакете оказалось полкилограмма шоколадных конфет "Мишка косолапый". Класс! Почти что пломбир.

— Спасибо огромное!

— Это вам спасибо! Приходите еще! Я доволен. Недельную норму по выявлению шпионов выполнил, можно взять маленький отпуск, хахаха. Пока, ребята!

3

Честно говоря, после Михаила Егоровича на душе у меня стало нехорошо. Выглядело так, словно мы издевались над больным человеком. Я поделился сомнениями с Глебом и Артемом, но они меня не поддержали. Особенно Артем. Он вообще мало переживает.

— Пусть дядя Сережа отдохнет, и Михаил Егорович успокоится. Может, он и чудит из-за того, что поболтать не с кем, — сказал Артем.

Похоже, он прав. Что сделано — то сделано. А плохие стороны отыщутся в чем угодно.

1

Артем, конечно, артист. Умеет говорить любую ерунду на полном серьезе, не меняясь в лице. Без тени сомнений. Это у него от природы. Папа его такой же. Не зря они похожи как две капли воды.

Иногда мы развлекались:

— Артем, небо сейчас голубое?

Оно действительно голубое, солнце всюду, ни ветра, ни облаков.

— Да, голубое, — отвечает Артем.

— Или тучи собрались?

— Жуткие тучи! Небо черное! Скоро гроза! Пойдемте быстрее, а то промокнем до нитки!

Говорит он все это с испугом, ежась от якобы налетевшего шквала. И сомневаться начинаешь — может, не такое уж небо и голубое? А если голову поднять, оно и впрямь на секунду черным покажется.

Однажды я попросил его убедить меня, что дважды два — пять. Было интересно узнать, что я почувствую.

И узнал.

— Дважды два — пять, это сложно, что ли? А сколько по-твоему, шесть? Ты что, маленький? Все говорят — пять! Думаешь, они тебе плохого желают?

И в лицо заглядывает, вне себя от возмущения, разозленный тем, что приходится объяснять такие простые вещи.

Мне стало страшно. Убедителен он, просто кошмар. Мысли мелькать начинают — а вдруг и правда "дважды два — четыре" — всего лишь игра? Такая же, как "дважды два — пять"?

Как легко заставить человека если не поверить во что-нибудь, то засомневаться в противоположном, а там уже недалеко и до веры.

Я, значит, философ, раз думаю о таком. Только рассказывать свои мысли нельзя. В школе будут смеяться, а дома — грустно вздыхать.

Для Артема умение притворяться — что-то само собой разумеющееся. Попробовал как-то — и получилось. Не вышло бы — не беда, в жизни и без этого полно веселья.

Например, однажды благодаря Артему учителя целый день ходили пьяные. С утра выпили и пошли вести уроки.

Как это? А вот так.

Дело было осенью. Кто-то нечаянно оставил вечером дверь в учительскую открытой и ушел. А в учительской стоял гигантский шкаф, куда куртки и плащи вешали. Первоклашки раздевались у себя в классе, кто постарше — в подвальном гардеробе, а учителя — в учительской. Ну и вот, учительская осталась беззащитной, а Артем, не знаю, почему, задержался после уроков, увидел, что замок не заперт, притащил манекен (школьное "наглядное пособие"), одел его в халат, на голову ему нацепил шляпу, на ноги — ботинки (в шкафу лежало много всего), связал веревку в петлю и подвесил этот манекен за шею на крючок. Откроешь шкафную дверь — и перед тобой будто человек повешенный.

Учителя у нас частенько поутру на улице собираются, болтают о чем-то, смеются, а

потом заходят все вместе. В школе не одни тетеньки и бабушки существуют, но и молоденькие девчонки, только с института, издали от старшеклассниц не отличить. Мужчин мало, да и они... как бы это сказать... в общем, на космонавтов, летчиков, штангистов и прочих моряков не похожи. Не все, но почти все. А те, которые не все, со временем меняются и становятся всеми.

...Ввалились, значит, учителя на следующий день гурьбой в кабинет. Улыбались, смеялись, предвкушали, как будут сегодня детям двойки ставить, а потом полезли в шкаф и заголосили со страшного перепуга.

На шум коротенькими ножками примчался Авангард Аполлонович. Что случилось, спросил, а учителя в истерике объяснить не могут, жмутся к дальней стене и со слезами на шкаф показывают, откуда нога повешенного высовывается.

Авангард Аполлонович нахмурился, по-боксерски размялся, сделал по воздуху несколько хуков-апперкотов, снял часы и нырнул в шкаф, закрыв за собою дверь. Пропал надолго, учителя подумали, что все, теперь назначат нового директора, будем надеяться, что хорошего, хотя они дефицит, но тут наружу выбрался старый и сердито объявил:

— Это манекен.

Затем вытащил его из шкафа и бросил к ногам, как античный герой тушу поверженного чудовища.

Но истерика у учителей, невзирая на отсутствие мертвеца, проходить не спешила. Сидели они полулежа, дышали, как рыбы на берегу, за сердца держались и всхлипывали. Смотрел на это Авангард Аполлонович, смотрел-смотрел, посуровел окончательно и принес из своего кабинета огромную бутылку коньяка.

После чего издал устный приказ — выпить для снятия стресса, поднятия боевого духа и создания рабочей обстановки. Других надежных способов под рукой нет, учить детей надо, а пьяный преподаватель лучше, чем никакой.

Спорить с Авангардом Аполлоновичем не решился никто. Рискованное это дело, почти такое же, как лезть в шкаф, где обитает повешенный. Выпили, и не по чуть-чуть, ведь испуг сильный и коньяк отличный, после чего пошли в классы.

Нам очень понравилось! Уроки проходили легко, весело, дружелюбно. Ни одной плохой оценки! Почаще б так. И не упал никто из учителей, хотя попытки были, спотыкались частенько, особенно у доски.

Артем остался безнаказанным. Подозревали его, конечно (больше такое сотворить некому), но доказать — не доказали. Артем все отрицал, делал непонимающее лицо, а делать разные лица он умеет. Но среди тех, кто знал правду, долго ходил в героях.

2

Однако неверно будет говорить, что Артем только хулиганит и не учится. Не только это. Он смелый и добрый. За Глеба всегда заступается. Выглядит это немного смешно, ведь тот его гораздо выше и толще. Но постоять за себя Глеб не умеет.

Во время урока физкультуры его одиночество особенно заметно. На спортплощадке девчонки своей толпой, мальчишки — своей... и Глеб своей, состоящей из одного человека — его самого, если мы с Артемом не рядом. Сидит на лавочке и думает о чем-то. В футбол у него тоже не слишком выходит. Не то, чтобы Глеб неуклюжий... хотя да, малость неуклюжий. Бегает небыстро, хотя и выносливо.

Его всегда на ворота ставят, и он старается изо всех сил. Очень переживает, если гол пропустит — подвел, получается, команду. А не пропустить невозможно, таков футбол. Поле

у нас заасфальтировано, и хотел бы я, чтоб тот, кто это придумал, на нем разок споткнулся, ведь упав, коленку сдерешь обязательно. Оттого никто из вратарей за мячом не прыгает. Никто, кроме Глеба. Иногда даже страшно за него. Он учится не в моем классе, но на физкультуре мы нередко вместе, и я все вижу.

Прыгает он за мячом, но другие и без прыганья половчее будут, спасают ворота чаще, поэтому Глебом его команда бывает недовольна.

Однажды Артем увидел, как Глебу за пропущенный гол кто-то стукнул по лбу. Несильно, ладошкой. Раззява, мол. Артем тут же подбежал, схватил паренька за майку, развернул к себе. Тот глаза раскрыл, это кто еще такой, мелкий и наглый, хотел и Артему заехать, да не успел — Артем его швырнул через бедро, как чемпион по самбо. А затем и его приятеля, кинувшегося на выручку. Только ноги к небесам взлетели. Борьбой Артемка никогда не занимался, а прием выучил, посмотрев соревнования по телевизору.

Потом Артема вызывали за драку к директору. Авангард Аполлонович при учителях изобразил сердитое лицо, а когда они вышли, тихо сказал, что Артем поступил правильно, но лучше так не делать.

3

Глеб рос без отца. И сейчас растет без него. Был ли отец когда-то, куда пропал — нам с Артемом неизвестно. Глеб на эту тему не любит распространяться. Может, и сам толком не знает. Рассказала ему мама, наверное, какую-нибудь красивую историю, но Глеб догадывается, что не все там правда.

Его маму зовут Антониной. Как актрису из фильма "Москва слезам не верит". Они, кстати, похожи. Иногда кажется, что немного, а иногда, что очень. Институт тетя Тоня, в отличии от моей мамы или мамы Артема, не заканчивала и работает на заводе в головном цеху. Лепит головы вождям.

Тяжелая работа. Идет конвейер голов от заправленного гипсом автомата, движется для стыковки с туловищами, но разве сравнится скульптурный механизм с человеческими руками? Вмятины, искривления и прочие мордонедоработки постоянны, а вождь с кривохитрой улыбкой — не вождь. Вожди улыбаются ласково и счастливо, одаряют людей светлыми взглядами, а не напоминают фотки из учебников психиатрии. Поэтому тетя Тоня вместе с другими рабочими исправляет физиономии руководителей советского государства, пока те не спеша ползут мимо нее на резиновой ленте-транспортере.

Зарплата рабочих меньше, чем у инженеров. Денег не хватает, поэтому она подрабатывает ночным сторожем. На заводе, где же еще. Переодевается два раза в неделю после смены в дурацкий наряд с погонями, цепляет обязательную кобуру с револьвером, и сидит на проходной до утра (завод работает круглосуточно).

Никто, кроме нее, так не делает. Все живут спокойно, идут вечером домой телевизор смотреть.

А ей одной зарплаты мало. Не потому, что покупает украшения или одежду у спекулянтов. По другим причинам.

Она очень любит Глеба. Мучается из-за того, что он почти ни с кем не разговаривает, может забыть, где его квартира... Много проблем. И сделать ничего нельзя.

Водила она его по врачам. И бесплатно, и за деньги, и к обычным, и к самым лучшим, которые лечат министров и этих, чьи головы скоро поедут на конвейере. Никаких результатов. Даже к бабкам-колдуньям в глухие деревни возила. Читали те скороговоркой молитвы и заклинания, окуривали его дымом, но как сжимал до белеющих пальцев Глеб

руку в кулак во время ответа на уроке, так и сжимает. Ненавидит розовый и лиловый цвет, может сидеть в классе только на своем стуле. А иногда целый день не ест и молчит.

Аутизм, сказали доктора. И еще что-то.

Пьет Глеб прописанные таблетки, но польза от них незаметна. Продолжает мама показывать его врачам и знахарям, покупать дорогие импортные лекарства и надеяться на чудо, но оно никак не хочет происходить.

А я считаю, что это не заболевание. Просто мир устроен так, что некоторым людям в нем тяжелее.

...Получается, что пару дней в неделю Глеб ночует один. Мама запрещает ему без нее газовую плиту включать и на балкон выходить. Он маму слушается. Как-то на балкон ветром занесло игрушку на воздушном шарике, которую дети запускали во дворе, и он ее отказался скинуть. Крикнул в окно, что мама не разрешает. Дети засмеялись (они все были младше Глеба), поднялись к нему и сбросили шар сами.

Однажды произошел такой случай. Делали на заводе голову Ильича по спецзаказу, в администрацию маленького далекого городка. Идеальная голова понадобилась. Живая и высшего качества. Как фигура в учебнике геометрии или рисунок в учебнике истории. Без помарок.

Вот и забрала голову тетя Тоня домой, чтоб вечером на кухне довести ее до совершенства. Прикрыла дверь, занимается. Глеб решил, что мама пельмени лепит, а она вождя мирового пролетариата. Потом вдруг соседка постучала, позвала шторы помочь развесить. Мама голову в шкаф спрятала, строго-настрого велела не открывать и ушла из квартиры.

А Глеба любопытство разобрало, дружба с Артемом все-таки даром не проходит. Распахнул дверцу и застыл. Ильич в виде головы между тарелок лежит и улыбается! Говорить не может, а улыбаться знаменитым прищуром — запросто.

Испугался Глеб.

— В-ладимир Ильич, п-пожалуйста, не рассказывайте маме, что я вас видел.

Ленин в ответ с обидой посмотрел. Мол, царской охранке революционеров не сдавал, а уж пионера его маме тем более не выдам. И кивнул головой, то есть всем телом.

Не соврал, мама ничего не узнала, а утром завернула голову в цветастый платочек и в сумке отнесла обратно на завод.

Спустя месяц после этого к ним домой пришел дядя Сережа. В фуражке, с папочкой и серьезным видом. Он только начал у нас работать, и поведали ему какие-то доброжелатели, что малолетнего ребенка мать оставляет на ночь одного. Кто-то из соседей, хотя тетя Тоня ни с кем не ссорилась и всем помогала.

Поэтому явился дядя Сережа наводить порядок. Тетя Тоня расплакалась, рассказала тихо, чтоб Глеб не услышал, почему она так работает, и дядя Сережа в лице изменился, неудобно ему стало.

А потом и Глеб вышел, облокотился на дверь и принялся молча смотреть на него. Дядя Сережа еще больше занервничал, спросил "а ты точно уже взрослый?", на что Глеб не ответил, взрослые люди на глупые вопросы не отвечают, и милиционер после неловкой паузы дал ему в подарок шоколадку. Но когда дядя Сережа лез в карман, кошелек выпал и куча монеток рассыпалась. Дядя Сережа начал их подбирать, и тут Глеб исподлобья:

— Упал один рубль семнадцать к-копеек.

И какими монетами, тоже сказал.

У дяди Сережи, когда он поднял деньги и понял, что Глеб оказался прав, механический глаз сам собою заморгал.

— Да, я вижу, мальчик может оставаться один, — быстро сообщил дядя Сережа и еще быстрее ушел вниз, решив лифта не дожидаться.

А через два дня вернулся, принес в подарок конфеты и консервы почти заграничные, с Балтики.

4

Есть у Глеба от мамы тайна. Заключается она в том, что когда мама ночью на работе, Глеб в приступе лунатизма иногда выходит на улицу.

По его рассказам, ненадолго. Погуляет спящий около дома и возвращается, а утром почти ничего не помнит.

Мама о лунатизме сына не подозревает. Когда она дома, болезнь не случается.

Переживает Глеб кошмарно. Боится не куда-нибудь залезть и сломать шею, а того, что мама узнает. Тогда она бросит вторую работу, и значит, денег на врачей, которые не в нашей поликлинике, будет не хватать. А мама только надеждой на излечение Глеба и живет, хотя сам Глеб в его возможность почти не верит.

Глава 7 Секретный агент

1

Тут Артем опять прервал мои воспоминания. Что-то часто последнее время он так делает.

— Художники!

И правда, они. Шагают куда-то.

Мы спрятались за угол и начали следить.

Художники свернули с тротуара и подошли к дереву, чтоб их стало меньше видно. Почти спрятались.

Интересно. Неужели грабить кого собрались? Но тут в поле зрения появился немолодой нетрезвый мужичок. Ежесекундно оглядываясь, он передал им сетку-авоську с чем-то вроде обернутой в газету трехлитровой банки. Мы почесали затылки, улучшили таким образом мозговое кровообращение и все поняли.

В сетке действительно лежала трехлитровая банка, причем с пивом.

Недалеко от нас расположилась пивная — одна на район. Ларек и столики, за которыми стоят разнопричинно неработающие граждане и пьют. Некоторые столики — под навесом, некоторые — на открытом солнцу и дождю воздухе.

Самое грязное место во всех окрестностях. Такое впечатление, что во время уборки сюда наоборот грязь приносят. Лужи около столиков никогда не высыхают, даже если солнце жарит, как в пустыне, и в двух шагах от пивной земля потрескалась.

Пиво художникам не продадут, поэтому они сунули кому-то денег и попросили купить. Имеются еще в СССР несознательные граждане, которым безразлично, что кой-какие школьники употребляют алкоголь.

Обнял Мэлс сетку, чтобы никто не догадался о ее содержимом, и художники осторожно отправились куда-то мимо пивной. Мы — вслед за ними. Зачем — сами не знаем. Держась в отдалении и надеясь, что они не оглянутся.

В пивном ларьке работала продавщица тетя Нина. Она похожа на тетю Аню из мороженого ларька, но характеры у них разные. Противный у тети Нины характер. И на физиономии он у нее нарисован, можно даже не подходить, его издалека видно, как крокодила на песчаном пляже.

Стояла небольшая очередь, давали мужики тете Нине в окошко пустые банки и получали назад банки с пивом, хотя табличка за стеклом гласила — "пива нет". Тетя Нина повесила. Как это, спрашивается, пива нет, а она его наливает? Так вот, на ларьке могут быть две таблички — "пива нет" и "ПИВА НЕТ". Маленькая и большая. Когда висит маленькая — "пива нет", то оно есть, плати и пей, а если большая — "ПИВА НЕТ" — его действительно нет. Совсем нет! Люди эту систему выучили, не реагируют на тетинино "русским языком написано, что пива нет" или "протри глаза и прочитай", толпятся у окошка и ждут счастливого мгновения, когда оно откроется и заработает.

Я не просто так говорил про гадкий характер тети Нины. Наверное, он такой из-за пива. Не знаю, пьет она его или нет, но пары в организм с воздухом неизбежно попадают и хорошего от них не жди.

Отец у меня непьющий, но недавно к нему приезжал школьный товарищ (они сто лет не виделись), и привез с собой объемную банку пива и несколько сушенно-каменных рыб-

таранок для закуски. Отец с ним и пивом закрылся на кухне, просидели они весь вечер, потом школьнотоварищ собрался уходить, папа — его провожать, пошли они нетрезво на улицу, а я любопытно — на кухню. В банке пиво еще оставалось, и я тайком плеснул себе чуть-чуть в чашку, попробовать, что это такое и каков его смысл.

Мерзость невероятная! Горькая, и язык обжигает. Смысла нет, уверен на сто процентов. Зачем люди пьют? Какой-то древний ритуал, вьезшийся в подсознание с пещерных времен, избавиться от которого не выходит никак. Других логичных объяснений у меня нет.

...Проходя по тротуару мимо пивной, мы заметили ее постоянного клиента — дядю Леню. Заулыбались, потому что он опять рассказывал кому-то свою историю. Кому-то пришлому, не встречался раньше этот гражданин, местных мы знаем наперечет.

Дядя Леня уже пятнадцать лет работает охранником на заводе. Не сторожем, а охранником! И не каким-нибудь, а старшим. Попробуйте назвать его просто охранником, обида будет на всю жизнь. Вид у него невероятно важный, во всяком случае, он пытается такой сделать. Носит дядя Леня черный кожаный плащ, говорит медленно, с расстановкой, и голову откидывает назад, чтобы смотреть на собеседника сверху вниз.

Но получается так смотреть не всегда. Вернее, никогда не получается. Маленький дядя Леня, и маленький очень. Как сказал дед, до полутора метров столько же не дотягивает. Дед, разумеется, художественно преувеличивал, он был мастером художественного преувеличения, но дядя Леня и вправду на две головы ниже среднего человека. Недостачу одной головы он компенсировал огромной широкополой шляпой, которую редко снимал, в ней он и вправду казался повыше, но что делать со второй, пока не придумал.

Столики в пивной, понятно, на другой рост рассчитаны, поэтому он подтаскивал пустой бутылный ящик и становился на него.

Залезет, приосанится, отопьет глоточек из стакана и начнет рассказывать, особо не интересуясь, хотят ли его слушать соседи по столику.

2

...Как исполнилось мне восемнадцать, забрала меня родина из техникума и отправила в армию. Ростом я невысокий, существуют в природе люди и подлиннее, поэтому смотрел на меня седой военкоматчик и думал — в какие же войска, сынок, тебя определить? А потом его осенило — в воздушно-десантные! Хлопнул себя по морщинистому всеповидававшему лбу и выписал направление.

В ВДВ! В спецбатальон. Там ростом все такие. Маленькие, но злые и гордые. Злость у спецназовца обратно пропорциональна его росту. Предназначен батальон для особых случаев, когда простые люди не подходят. Вооружение — специфическое. Автоматы, даже с укороченным стволом, нам великоваты, а вот кулацкие обрезы времен гражданской войны — самое оно. Когда с парашютом прыгали, то брали с собой полную кирпичей авоську для тяжести, маленьких парашютиков наша тяжелая промышленность тогда не выпускала, и ветром могло отнести тебя за тридевять земель, из ближнего Подмосковья в дальнее, к моржам и белым медведям. Бывали такие случаи, когда сетка рвалась и кирпичи сквозь дырку терялись.

Отслужил два года. Честно и хорошо. Выполнял интернациональный долг на реке Конго, старшим военным советником в Пигмейской Народной Социалистической Республике. Мазал рожу черным гримом, маскировался. Так привык, что и сейчас тянет намазать.

Не справились бы местные без нас, не справились. Обстановка была аховая. С реки

крокодилы наступают, с пустыни — империалисты. По двадцать метров длинной! Крокодилы, империалисты помельче. Но свирепее! Идут в психическую, сомнений не ведая. Пули от крокодиловых шкур отскакивают! Киянок из железного дерева настрогали, только ими и спасались. Хрясь по темечку, и оглушенный враг уползает. Крокодил — в реку, империалист — в пустыню.

Знаков отличия и медалей получил — не сосчитать. Перед дембелем на прыжки даже кирпичи с собой не брал. Все нацепить, и по весу одинаково выходило.

А после армии родина послала меня еще дальше. В центр Москвы. Там одна спецслужба дислоцируется, ее название мало кто знает. Нет, не КГБ. Хуже. Ради крайне секретных мероприятий создана, для которых комитет госбезопасности слишком интеллигентен. Обитает она в здании, под научно-исследовательский институт замаскированном. Доценты-очкарики в белых халатах ходят, формулы рассеянно пишут, в обеденный перерыв чай пьют. Хахаха! Два таких очкарика за месяц сделают социалистическую революцию в любой из стран Африки или Латинской Америки. Почему так уверен? Потому что делали!

Чтоб еще вам рассказать... да хотя бы вот что. Случилась в одном государстве Африканского континента революция. Сама случилась, мы вообще не помогали, так бывает. Вождь просто у них оказался толковый. Вылитый Ленин. Черный, ростом за два метра, весом за два центнера, с кольцом в носу. Долго правил по старинке, несоциалистически, магией Вуду и кровавыми ритуалами, но затем научился читать и первой прочитанной им книгой был "Капитал" Карла Маркса.

Вождь впечатлился, и в результате страна за месяц прошла путь от первобытнообщинного строя до капитализма с последующим его свержением. От собирательства до грабежа награбленного. Обряды и жертвоприношения стали проходить по-новому, с пением революционных песен и портретами классиков марксизма-ленинизма. Наши потеряли ладошки, оказали всяческую помощь, красным заштриховали еще один участок на карте.

А потом началась какая-то ерунда. Повел себя вождь как самый распроклятый капиталист. Взаясь поедать своих подчиненных.

Соберется утром правительство на совещание, а одного министра нету! Переглянутся чиновники, догадываясь, что произошло, но ничего не изменишь. И так каждый день. Один исчез, второй, третий. Как министров не осталось, вождь перешел на депутатов и далее по нисходящей. На все вопросы отвечал, что о поедании людей в "Капитале" не упоминается, а в правовом государстве что не запрещено, то разрешено.

Нашим это не очень нравилось, но терпели. Революция в белых перчатках не делается, и карту перекрашивать не хотелось. Но когда он съел половину местных коммунистов, терпение лопнуло и ударило кулаком по столу.

Поступила команда принять меры. Думали десантировать в Африку мой батальон, но потом решили пригласить бывшего союзника в Москву в качестве почетного гостя на пионерский слет. Ни о чем тот не догадался и приехал, мечтательно облизываясь.

Выступил с речью, спел со всеми песню, сфотографировался, а потом наши вкрадчивым голосом ему предложили:

— Не хотите ли поехать, собственноручно принять детишек в пионеры?

Ну какой людоед от такого откажется?

Принимали в пионеры поздно вечером, в старом самолетном ангаре на краю Москвы, около леса. Не насторожился африканский товарищ, бежал аж вприпрыжку. Заглянул в ангар

в сопровождении переводчиков в штатском, а там его уже ждут.

Мы ждем.

Три десятка фигур стоят в несколько рядов, молча и не шевелясь. Красные галстуки, короткие штанишки, белые носочки и сандалики. Лиц не видно, одни силуэты, неотличимые в темноте от детских.

У вождя улыбка до ушей. Забежал внутрь, трясется да причмокивает.

— Пионээээрыыы...

Пионеры, как же. Нет света в ангаре, а то б посмотрел на этих маленьких пионеров. Всех взяли в спецслужбу с моего батальона. Меньше сорока — никому. Все прошли горячие точки в Африке и холодные на Северном полюсе. наших суровых взглядов крокодилы не выдерживали, в кусты убегали.

Вздыхнула стройная девушка-переводчик (секретная товарищ майор), грустно хлопнула в ладоши.

— Начинаем!

Включился проигрыватель на табуретке, зазвучала песня "Взвейтесь кострами".

И мы кинулись на вождя. Облепили, словно бульдоги медведя, с ног сбить хотим. А он огромный, здоровый, и вес у него не меньше, чем наш суммарный. Заподозрил неладное, сопротивляется, не падает. Откормился на африканских коммунистах, сволочь. Но свалили и задушили. Насмерть! Исполнили приговор. Вот этим пионерским галстуком я его душил. На нем даже следы зубов остались. Два ряда сверху, и два снизу. Ношу с собой. Память о боевом прошлом. Не ходите, людоеды, в пионерские лагеря гулять! Что там, у тети Нины пиво еще не кончилось?

3

Я почти ничего не менял в рассказе дяди Лени. Повторил, конечно, своими словами и ехидно приукрасил, однако совсем немного. Но услышал я рассказ от деда, то есть из вторых рук! Дед ради этого однажды час с дядей Леной пиво пил, а потом смеялся и называл себя "этнографом". Свое я добавлял уже к дедовой версии событий.

Дед был шутник еще тот и часто говорил, что даже самая правдивая история выдумана тем, кто ее рассказывает.

Но в историю дяди Лени никто у нас не верит. Все считают ее чем-то вроде шляпы, которую он надевает, чтобы казаться выше и солиднее.

4

Дядя Леня, разумеется, тоже принял участие в расследовании поджога нашего Клуба и высказал свои соображения: мол, когда он служил в Африке, кто-то подпалил планетарий, только что построенный советскими специалистами для борьбы с суевериями, поэтому логично будет подозревать того, кто был и там, и тут. Но через секунду осознал, что произошел классический случай, когда следователь выходит на самого себя — ведь со всего района в столь отдаленных местах побывал он один. Поэтому дядя Леня задумчиво почесал шляпу в области затылка и быстренько ушел. Не прощаясь, по-английски.

Глава 8 Коварная месть

1

Проследив за художниками, мы увидели, что они направились в лес, точнее, на заброшенную военную базу.

Есть у нас такая неподалеку в лесу. Ничего удивительного. Зброшенных военных баз немало, и почему бы одной около нас не оказаться. Вот она и оказалась!

Ее уже излазили вдоль и поперек. База маленькая, и любопытного в ней тоже мало. Несколько каменных помещений величиной со школьный класс под землей, да ворота толстожелезные, полураспахнутые. И еще что-то вроде дота из стали и бетона с окнами-бойницами, он капельку над землей вырос, но тут же травой зарос, а внутри него ящики с мусором валяются.

В общем, так себе секретная база. Неинтересная. Оттого военные ее и бросили, что скучной получилась.

Скучной-то скучной, но пиво в ней пить можно. И никто тебя не найдет, не скажет, ай-яй, школьник, а таким делом занимаешься.

В лесу следить за художниками стало проще. Да, правильно, на базу идут. Зашли, и в "доте" раздались голоса и стеклянное позвякивание.

Через час художники направились обратно, подвыпившей непрямой походкой по зигзагообразной траектории.

Очевидно, за новой пивопорцией. Банку они с собой захватили.

— Надо что-то сделать, — засуетился Артем, — Отомстить.

— Как? — спросил я.

— Еще не знаю. Посмотрим внизу, пока их нет, может чего и придет в голову.

Ну, хорошо. Просочились осторожно сквозь ворота.

Внутри коридор шириной в несколько метров и темень, только лампы у потолка радиоактивно тускнеют, говорят, они так могут тысячу лет.

Холодно и пусто. Гладкие стены, бетонные панели над головой, и все. Когда военные уходили, казенное имущество с собой забрали. Эх, не могли они забыть сумку с патронами, ведь у них такого добра завались.

К доту ведут ржавые ступеньки и такая же ржавая дверь.

Мы — туда.

2

Лесное солнце через отверстия пробивается, отбирает у темноты мусор и несколько двухметровых ящиков вдоль стен.

Были мы здесь миллион раз. И в ящики заглядывали. Там доски, железки, газеты, старая одежда и прочие остатки военной жизнедеятельности. Но Артем снова к ним. Хочу, говорит, еще проверить. У меня, дескать, чутье. Открыл один ящик, начал мусор выкладывать.

Мы с Глебом сидим напротив, наблюдаем со здоровым скептицизмом. То есть Глеб со здоровым и флегматичным, а я — с не очень здоровым и ерзающим на месте. Страшно, если художники раньше времени заявятся. Поедем мы тогда в лагерь зеленые. Лагерь — зеленые домики в зеленом лесу, и мы такие же. Безрадостная гармония.

Вдруг Артем отскочил от ящика и повернулся к нам. Глаза — как у тети-учительницы после манекена до коньяка.

— Там, — прошептал прыгающими губами.

И на тело в ящике показал. Белое такое, лежит себе. Где-то я слышал слово "карма" и подумал, что в ящике именно она, настигла Артема за розыгрыш с манекеном. Наверное, ночью учителя собрались в кабинете, соорудили из подручных материалов жертвенник, пролили на него кровь и подвергли того, кто вешал в шкаф манекен, торжественному проклятию.

Глеб встал и подошел к ящику. Вынул несколько обломков мебели и произнес одно слово. Успокоить нас, видимо, хотел, но получилось неудачно.

— Ст-талин, — сказал Глеб.

Да, памятник Сталину, или, другими словами, Второму вождю, лежал у наших ног.

Сталин, не карма. Всеми забытый, в деревянном ящике. Военные его для чего-то использовали, а при переезде бросили. Посмотрел я внимательнее — и захотелось убежать. Памятник-то не простой, а высшего класса. Который ходить и говорить умеет. Уж мы знаем. Живем по соседству с заводом-производителем.

Памятники Сталину без предосторожностей не ставят, тем более живые. Привязывают их на всякий случай. Табличку вешают предупреждающую, как на трансформаторных будках, "не влезай — убьет". Ну, почти эту фразу. Боятся вождя! А тут памятник без привязи, неподвижный оттого, что электричество в нем кончилось, и он в анабиоз впал, как муха на холоде.

— Сталин, — вдруг продолжил Глеб, — Иосиф Виссарионович. Настоящая фамилия — Джугашвили. Советский политический, государственный, военный и партийный деятель. Руководил СССР в период с...

Из Глеба то клещами было слова не вытянуть, то он впадал в странное состояние и начинал ни к месту что-то долго и непонятно объяснять. Даже не заикаясь. И не остановить его. Он как поезд, дернешь стоп-кран, но вагоны еще километр проедут.

— Перестань, пожалуйста! — замахал руками Артем, — Не до истории. Скорее художники вернутся.

Глеб замолчал. Наверное, представил, как художники его зеленкой мажут, а он им про социалистическую революцию рассказывает.

— Ха, — вдруг сказал Артем. Губы у него перестали трястись, зато глаза недобро заморгали.

— Вы идите наверх и следите, чтоб не вернулись художники, а я смотаюсь за батарейками.

И мы побежали к выходу. Догадались, что Артем задумал, но в голове вертелась мысль — не чересчур ли? О Сталине на уроках истории нам рассказывали одно хорошее, лишь иногда добавляя "порой случались перегибы". Так вот, не случатся ли они сейчас.

Но я промолчал. Легли мы с Глебом на травку под сосной, наблюдаем. Артем домой помчался, только пятки засверкали (у него кеды импортные, со сверкающей на пятках подошвой).

И скоро обратно прибежал. Усталый, но счастливый. В руке — пакет с круглыми дефицитными батарейками.

— Глеб, ты стой здесь, следи дальше, а мы пошли оживлять товарища Сталина. Художники покажутся — сразу нам маякни.

Артем полностью взял командование на себя. И пусть, кое в чем он разбирается точно лучше всех.

Оставив Глеба в лесу, мы заспешили к вождю.

Связали батарейки проводом и на голову вождя надели, словно бигуди (Сталин в бигудях — зрелище).

Потекло электричество сквозь токопроводящий гипс.

Минуту ждем, две... Зашевелился памятник. Задышал, заворочался, застонал, за...

И вдруг Глеб в окошко:

— Ид-дут!

Сняли мы батарейки, опустили крышку ящика и к выходу. Скоро вождь окончательно оживет, как раз к возвращению художников.

Ой, что-то будет.

3

Спрятались около бойницы, в хвою почти закопались, как разведчики. Заглядывать внутрь не стоит, и так все услышим.

Надеемся, товарищ Сталин не подведет. Легкие перегибы — пускай будут.

Появились художники с новым пивом в банке. В лесу ее из газеты достали, поглядывают, чуть ли не любят. Зашли они на базу и мы вновь услышали голоса из-под земли. Смеются, болтают о чем-то. Разлили пиво по стаканам, потек в лес запах.

И тут со скрежетом откинулась крышка ящика.

Раздался "ах" и звон разбившейся банки. Затем послышался топот — художники кинулись к двери. А потом голос. Всем знакомый, с южным акцентом.

— Куда... а ну стойте.

Негромко, незло, но художники, судя по всему, подчинились. Выключатель в ногах сработал.

— Как вас, мальчики, зовут?

— Вилен, Владлен, Мэлс...

— Хм... а мы с вами раньше не встречались? Имена такие знакомые! Ну да ладно. Вижу, что вы ведете себя плохо. Еще молодые, а выпиваете... и не настоящее вино, а какую-то лабуду. Деньги на нее достали, полагаю, ограбив кого-то. Школьников меньше вас. Пионеров. Разве можно грабить людей? Нельзя, если нет революционной необходимости. А какая революционная необходимость в грабеже пионеров? Никакой! Будь я вашим участковым, я б навел порядок. Считаю, вас надо наказать. Один из вас накажет других. Вы ведь друзья, правильно?

— Да, друзья...

— Превосходно! Кого из вас выбрать, чтоб он наказал остальных?

— Меня! Нет, меня! Меня, я лучше справлюсь! — в ужасе загомонили художники.

— Отлич....

Скрип и тишина. Кончилась зарядка у товарища Сталина. Вернулся он в состояние, из которого мы его батарейками выгнали. Мало в них тока. На скромный фонарик хватит, но тут целый вождь в парадном мундире.

— Бежим! — крикнул Вилен.

Через секунду они были уже наверху и неслись к домам так, как не бегали атлеты с недавней олимпиады.

Глава 9 Родители и соседи

1

Я лично остался доволен. И месть удалась, и художники целы. Мы вышли из лесу — хорошо-то как! Но вдруг крик, откуда-то свысока:

— Ааартееееем!

И потом снова:

— Ааааааааррртееееееем!

Вороны с крыш сорвались, закружились стаей, зловеще закаркали.

Мама Артема, значит. Тетя Оксана. Высунулась из окна и зовет сына. Какая она громкая, надо же.

— Блин, — сказал Артем. — Не иначе, батареек хватилась. Пойдемте со мной, при вас сильно ругать не будет.

Пока ехали в лифте, Артем размышлял, какое лицо сделать — непонимающее, в чем его обвиняют, или готовое каяться?

Но по приезду выяснилось, что никакое — он всего лишь забыл сдать учебник в школьную библиотеку, и оттуда позвонили домой.

Артем радостно подпрыгнул и отправился в школу. Мы — с ним.

2

Артемова мама в обед обычно уже дома. Как это у нее получается, не знаю. Работает она в нашей администрации — большом квадратночетырехэтажном здании. А раньше была, как и моя мама, лаборантом на заводе. Но потом папа Артема, ее муж дядя Валентин ушел с завода в эту самую администрацию и, как он сказал, "перетащил Оксану к себе".

Вроде там работы поменьше, а зарплата повыше. Неясно, как такое может быть в социалистической стране, но что есть, то есть. Надеюсь, когда подрасту, пойму. С жизненным опытом понимание часто приходит, хотя знаю, что не ко всем. Раньше я не очень понимал и значения "перетащить". Догадывался, что слово используется в переносном значении, но не мог избавиться от картины перед глазами — папа Артема берет тетю Оксану за ноги и волочит по асфальту через проходную завода в администрацию. До того глупо, что не забывается. Слышал, что по такому принципу работает реклама зарубежом.

Мой отец невысокий, а папа Артема еще невыше. Зато тетя Оксана выше моей мамы! На голову! Странно это измерение человеческого роста в головах, но раз придумали, будем использовать. Где голова моей мамы макушкой заканчивается, там голова тети Оксаны шеей начинается. А учитывая, что моя мама ростом с моего папу, а мой папа выше папы Артема на полголовы, то занятно выходит.

Конечно, я преувеличиваю, но, честное пионерское, самую малость.

Тетя Оксана красивая! Фигуристая. Слышал, что о ней так говорили. В книгах лексического значения этого слова я не нашел, но старшекласники объяснили. Коротко, лаконично. И если объяснили правильно, то да, фигуристая, и очень. Лицо у нее будто удивленное. Смотрит на мир большими глазами и удивляется. Тридцать лет в нем прожила, а еще не привыкла. Я пока двенадцать одолел, но меня уже ничем особо не удивить.

Слышал, что наука это связывает с цветом волос (тетя Оксана — блондинка). Ноги у нее длинные, хотя и без каблуков (потому что ей приходится с дядей Валентином ходить в кино и по магазинам, то есть исполнять супружеские обязанности, ведь это так вроде называется).

Старушки, которые сидят на лавочках около подъезда, ее не любят. Не по душе она им. Глядят на нее и кривятся. А взрослые дяди наоборот! Оборачиваются вслед, головой качают, как бы говоря "бывает же такое", и языком цокают.

В том числе и поэтому папа Артема "перетащил ее". Говорил "а то мало ли что случится без присмотра".

Не знаю, о каком он присмотре и что такое страшное ей постоянно угрожает. Тетя Оксана взрослая, сама присмотреть может, что захочет, и даже не рассказывать мужу, не отвлекать его по мелочам. Дед со мной как бы соглашался, хотя я с ним об этом не разговаривал.

— И чего Валентин так переживает, — однажды сказал он моим родителям, — случись что, хуже она не станет. От этого хуже не становятся.

Папа и мама почему-то покраснели.

И я тоже так думаю. До встречи с отцом Артема тетя Оксана как-то жила без присмотра и не ухудшилась, хотя, как сказал дед, "приключений у нее было много", "есть, что вспомнить, нечего детям рассказать".

Не знаю, в каких приключениях тетя Оксана до свадьбы участвовала и почему о них нельзя рассказать детям, ведь это так интересно. По горам она лазила, с парашютом прыгала или что-то еще, но, так или иначе, обошлось без травм, значит и в будущем все получится хорошо и с удовольствием. Зря дядя Валентин изводит себя.

Но шуток она не понимает! Совсем. Видимо, в серьезных приключениях участвовала, несмешных. Артемов папа один раз задерживался на работе (отмечали чей-то день рождения), Оксана позвонила ему, а он раздраженно ответил, что будет нескоро, и вообще родина их завтра на Камчатку отправляет. Вернулся дядя Валентин домой поздно, а жена уже теплые вещи собрала, плачет и спрашивает, нельзя ли гражданку Родину попросить не посылать их на Камчатку, там холодно и медведи.

Это мне опять-таки дед сообщил. Он у меня был одним из главных источников информации, наравне с книгами. Если рассказываю что-то, мне самому не очень понятное, то наверняка со слов деда.

А дядя Валентин в шутках разбирается! Сейчас он, правда, шутит меньше, работа у него ответственная. Артем пошел весь в него. Невысокий, худенький, рыжий и шустрый. Нос пуговицей, глаза хитрые. Это я о дяде Валентине, хотя раньше говорил те же слова про Артема. А что я могу сделать, ведь они похожи во всем, кроме величины и возраста? Не собираюсь я одинаковые черты разных физиономий по-книжному описывать всякими синонимами. Я, вдруг кто забыл, рассказываю историю сам себе, поэтому меня все устраивает. И мне только двенадцать! Так что терпите, если вы вообще существуете.

Но одежда у них разная. Артем — либо в школьной форме, либо в каких-нибудь майках-шортах, а папа неизменно в костюме-галстук и с кожаным портфелем. Когда он с моим отцом работал инженером на заводе, одевался проще. Бывал иногда внутри костюма, но сунуть шею в галстук — ни за что! Не любил он галстук, называл его петлей на шее трудовой советской интеллигенции. А потом — все. Не петля, а украшение, отличающее его носителя от пролетариата. В администрацию перешел и поменял мнение в соответствии с переходом.

Сменил он место работы еще и от страха. Характер у него — как у сына, взбалмошный и непоседливый, хочется что-нибудь выдумать, пошутить, а завод-то производит вождей и никого другого.

Ужасная ситуация — идет мимо конвейер голов, а ничего с ними нельзя сделать. Ни

носы красными, ни уши побольше, ни клыки прилепить, как в фильмах про вампиров.

Иногда дядя Валентин прибежал к папе, весь потный, взволнованный, говорил, держи меня, Олег, я так больше не могу. И папа спасал товарища. Хватал его за шиворот, встряхивал и ругал — не вздумай, идиот, посадят в два счета, кто семью кормить будет.

Артем в то время на свет не родился и дядя Валентин понимал, что накормить семью в лице тети Оксаны желающих найдется много. Очередь из добрых дядей с тортами и шампанским у подъезда нарисуеться, еще автозак в милицию не успеет отъехать. Эта картина из него хулиганство мигом выпроваживала.

Не знаю, как он работал инженером. И никто не знает, даже мой папа, хотя они были в одном отделе. Если провести экскурсию в прошлое, то непонятно, как он поступил в институт и закончил его. Неизвестно, умеет ли дядя Валентин считать и чертить, ведь он это дело страшно не любит, поэтому никогда не считал и не чертил, несмотря на то, что работа инженера по идее в подсчетах с чертежами и заключается.

Но шустрый Валентин, а шустрость, как утверждает наука, успешно заменяет знания. В ходе эволюции человечество разделилось на две ветви: "человека разумного" и "человека шустрого", они худо-бедно уживаются на одной территории и не дерутся. Тысячи друзей и знакомых, записная книжка размером с большую советскую энциклопедию, час каждый день на телефоне — поздравляет по списку с днями рождения. Всех всегда выручает, достает импортные вещи, устраивает в институт, знакомит с нужными людьми, и ему все взамен тоже безвозмездно помогают.

Как он так попал на новую работу? Использовал записную книжку, как колдовской фолиант. Нашел заклинание, то есть телефонный номер того, кто имеет влияние, позвонил, и вуаля.

В администрации он курирует дороги. Курирует — наверное, означает, что строит.

— Хана теперь дорогам, — коротко сообщил дед, когда узнал, чем будет заниматься дядя Валентин. — Пора запасаться альпинистским снаряжением. Без него ямы скоро будет не перелезть.

Но дед шутил. Дорожные ямы с приходом дяди Валентина на их строительство больше не стали, хотя и меньше тоже. Ничего не поменялось.

А жена ему помогает дороги курировать. Тут у меня перед глазами другой образ — тетя Оксана в черном платье и с отбойным молотком на дороге. Представил и понял, что картина, когда ее тащат по земле в администрацию, не такая уж и фантастическая.

Их квартира на одну комнату больше, чем наша. Артемова семья переселилась из стандартной инженерской "двушки" в соседний дом после того, как дядя Валентин переселился с завода на другую работу, с производства переселился на кураторство. Телевизоров в новой квартире стало побольше, причем родом они из капиталистических стран. Даже мебель не как у всех, не из склеенных стружек, а напрямую из дерева.

И зарплата в администрации выше, и возможностей доставать дефицит прибавилось. Но дядя Валентин и тетя Оксана не зазнались, да и вообще на новой работе не изменились совсем. Валентин, как он однажды сказал папе, не меняется лет с семи, после того, как узнал, что потертый об одеяло градусник покажет высокую температуру и в школу можно будет не ходить. Вроде как понял жизнь в этот момент. Разобрался в устройстве вселенной. Пережил мистическое озарение.

То есть дядя Валентин — философ.

Артем понял жизнь примерно в таком же возрасте, но использованию этих знаний

мешает то, что и отец ими владеет в совершенстве. Когда Артем говорит, что он, кажется, апчхи, заболел, и в школу идти нельзя, то папа вручает ему градусник, а сам глаз с Артема не сводит, понимая, что он — его копия, и мысли их текут в одном направлении.

И приходится Артему изобретать. Микронагревательный прибор подмышку прятать (сам спаял его в Клубе и пару раз обжегся во время испытаний), градусник подменять на другой с заранее повышенной температурой, и еще много чего делать. А папа разоблачает эти фокусы и в случае успеха за ухо сына хватает, пусть и не больно, символически. Празднует победу таким образом и пару дней после этого довольный ходит.

Диалектика — единство и борьба противоположностей, а тут, получается, антидиалектика, единство и борьба схожестей — ведь папа с сыном похожи невероятно.

Я тоже философ! Как дядя Валентин.

3

Но с философией у меня складывается не очень. Я читал несколько книг по философии, но ответа на ее главный вопрос, который меня давно мучает, не нашел.

А вопрос такой — почему философские труды пишутся исключительно кошмарным извилисто-запуганным языком? Ведь обо всем можно сказать проще. Или философам так положено? Они, как масоны из "Войны и мира" Достоевского, вернее, Толстого, не совсем точно выразился, собираются в подземельях и при свечах проводят ритуалы, во время которых клянутся не говорить по-человечески?

4

— Смотри, кто на лавочке, — толкнул меня в бок Артем.

И правда! Около подъезда сидел Павел Федорович. Тихо сидел, не шевелясь. Грелся на солнышке, даже глаза зажмурил.

Павлу Федоровичу за шестьдесят. Он маленький, худенький и смешной, на голове у него лысина с редкими волосами. Говорят, что каждый человек похож на какое-то животное, так вот он напоминает воробья. Работал раньше в школе учителем истории. Выйдя на пенсию, бросился писать научные труды, заявив, что наконец-то для этого появилось время.

И он не сумасшедший, нет. Это Михаил Егорович сумасшедший. Шпионы ему мерещатся, а чтоб не мерещились, с ним стоит просто согласиться и поболтать. А у Павла Федоровича было не сумасшествие, а что-то другое.

Пострашнее.

Это приключилось пару лет назад. От Павла Федоровича ушла жена, даже не ушла, а сбежала... заявив, что он мертв. Да, ходит, разговаривает, ест, но не как живой человек. Поначалу решили, что она не в себе, но понаблюдали за Павлом Федоровичем и поняли, что ей это не мерещится.

Почему — неизвестно, но он и впрямь стал если не мертвецом, то роботом. Роботом, которого завели, чтобы он ходил, смотрел телевизор, читал газеты, ложился спать... и все. Никаких эмоций. Посидел вечером не шевелясь перед телеком и отправился в кровать. Утром проснулся, молча оделся, позавтракал, пошел в магазин. Почти не разговаривал. Конечно, если что-то важное надо обсудить, то поговорит, но даже слова у него стали какие-то ненастоящие, пластмассовые.

Особенно жутко он смотрел телевизор. Застыв, как каменный истукан. Уставится немигающим взглядом на экран и смотрит.

Пришли к Павлу Федоровичу врач и участковый, но как пришли, так и ушли. Непонятности в поведении есть, но закона человек не нарушает, в мире ориентируется,

социалистический строй не критикует.

Жена, однако, имела свое мнение, и к Павлу Федоровичу не вернулась. Правильно сделала, потому что скоро его обнаружили в лесу развешивающим на веревки мертвых птиц.

Ловил их силками Павел Федорович, убивал и привязывал к протянутым меж деревьев веревкам. Как белье сушат во дворе, один в один.

После такого обсуждать стало нечего. Милиция, скорая помощь, санитары, смиренная рубашка и дорога в психиатрическую клинику. Когда его выводили из подъезда, Павел Федорович плакал и кричал "он умирает", "он ослабел", "его уже нет". От ком была такая печаль, не сообщил. Эмоции, однако, у него появились, аж удивительно.

Пролечили Павла Федоровича специальными препаратами и выписали из больницы. Улучшение вроде наступило. Щеки порозовели, смеяться начал, перед телевизором сидел теперь не как статуя.

Спустя два года люди забыли те события. Списали на белую горячку, хотя Павел Федорович не пил. Подыскивали нестрашное объяснение. Но слишком необычно все выглядело. Как в фантастической книге.

...Прошли мы мимо Павла Федоровича, поздоровались. И он с нами поздоровался.

А потом окликнул.

Мы посмотрели друг на друга и медленно повернулись.

— Он снова придет! — заявил Павел Федорович со счастливой улыбкой, поднялся с лавочки и ушел в свой подъезд.

5

Дед Павла Федоровича не любил. Они были знакомы, дед заходил к нему домой, читал то, что он написал, и они подолгу разговаривали-спорили. Дед называл его идеи "теорией мира-муравейника", встревожился, когда Павел Федорович спятил, а после его выздоровления зловеще сказал, что "то ли еще будет".

Глава 10 Загадка кремлевских портретов

1

...Школа у нас не очень большая. Несколько сотен учеников — далеко не рекорд. Центральномосковские огромней в десятки раз.

Но классов и в нашей приличное число. На первом этаже первоклашки, у них отдельный коридор, ковры, как в детском саду, и закрывается коридор на замок, а то не уследишь и школьники-детсадовцы с криком хаотично разбегутся. Артем, когда был маленьким, и сквозь замок пару раз убегал.

Ниже — гардеробный подвал. Точнее, не подвал, а полуподвал. Маленькие окошки на самом верху, выше уровня земли. Часть подвала-полуподвала огородили высоченно-металлическим забором-стеной и выпилили в нем прямоугольные отверстия, в которые ученики сдают свои куртки на повешение.

Раньше одежду вешали роботы. Человекообразные, неуклюжие и медлительные. Рот до ушей, которых нет, и глуповатая улыбка на зубастом лице. Не Чебурашка с нашего двора, но тоже впечатляюще, особенно темным вечером. Модель такая, специально улыбочивая — "робот гардеробный 1913 МН".

Однако справлялись они плохо. Ходили медленно и путались, поэтому их отменили и забрали из школы, оставив только одного. Как объяснил слесарь, у них искусственный интеллект записан в голове на ленту, которая в течении дня магнитофонно перематывается с одной бабины на вторую. А механизм перемотки советские ученые никак не доведут до ума, ленту зажевывает, поэтому робот теряется и забывает, кто он такой и куда ему надо идти.

Теперь вместо роботов дежурные. То есть мы. Раз в пару месяцев приходится дежурить с понедельника по пятницу в своем кабинете (за каждым классом закреплен отдельный кабинет, в котором обитает учитель, зовущийся "классным руководителем"). Оставаться после уроков на час-два, чтобы подмести пол, вытереть доску и т. д. ("т. д." — это сокращенно "так далее").

Но одного робота почему-то не уволили. Оставили с нами. Заняться ему, правда, сейчас нечем, поэтому он целыми днями в глубине гардероба за рядами курток смотрит телевизор.

Артем, узнав об этом, принялся размышлять. Долго ходил, в себя погруженный, точь-в-точь Пушкин в осеннем лесу, почти отчаялся, но потом озарение все-таки пожаловало и написал Артемка на лбу робота невидимой краской нехорошее слово. Такое, которое культурный и воспитанный Пушкин даже мысленно произнести бы постеснялся.

По телевизору в это время шел сериал. Во время сериалов роботы совсем как люди, ничего не замечают.

Голова большая, лоб широкий, слово поместилось запросто, но увидеть буквы можно, только включив ультрафиолетовый фонарик. У Артема он есть.

Вот такая школьная тайна. Останется она на века. Ну кто догадается светить роботу в лицо ультрафиолетом?

А робот, кстати, неизменно принимает участие во всех торжественных мероприятиях наравне с учителями. Так положено. На сегодняшней школьной линейке стоял прям возле директора.

И у меня мысль появилась. Воплотить ее не удастся, но хотя бы помечтать. Прийти в школу ночью и раскрасить ее всю ультрафиолетовой краской. Но не словами всякими,

значение которых не до конца ясно, как и значение философских терминов. Я хочу превратить унылые бело-голубые стены-потолки в инопланетный пейзаж. Звезды в черном небе, красное солнце над горизонтом, безжизненная степь и руины древних городов. И никто об этом не узнает. Ты как вор, приходишь ночью и любишься. Наслаждаешься одиночеством.

Артему я о своей идее не рассказал. Ему она понравится, в темноте он проберется в школу обязательно, но нарисует не фантастические картины, а что-нибудь другое.

2

Мой класс на втором этаже. В нем проводятся родительские собрания по вечерам и безродительские после уроков. На одних и других учительница — наш классный руководитель Мария Леонидовна что-то рассказывает, подводит итоги и выявляет недостатки.

Очень я эти собрания не люблю. И Марию Леонидовну не люблю. Имею право! Она презрительно называет меня "вундеркиндом". Потому что читаю, видимо. За это презирает. И она не одна такая в школе. Знаю точно, еще несколько училок не любят тех, кто любит думать.

Они уверены, что дети должны только слушать, что им говорят, поскольку не обладают жизненным опытом. Интересно, а какой жизненный опыт у них самих? Школа, институт, работа, семья, телевизор? Негусто!

Учителя, да и вообще взрослые люди, часто бывают, как бы это объяснить... не тупые, но ограниченные. Дальше своего носа они не смотрят. Могут посмотреть, но не хотят. Поэтому и говорят глупости. Какое-нибудь правописание знают, а кроме него толком не знают ничего.

Но эти училки тупые. И тупые, и ограниченные. И еще злые. То и дело какая-нибудь из них заявляет, что Глеба надо перевести в спецшколу для детей с особенностями.

3

Зато кабинет у нас преотличный. Кабинет физики, как-никак. Хранит в своих шкафах столько любопытного! Прибор для ловли нейтрино, антигравитационную подставку, усилитель поверхностного натяжения жидкости (включишь — и на воду можно кошку положить), плохо закрывающийся фанерный ящик с крошечными непослушными роботами, гипсовую говорящую голову — погодный предсказатель и даже радиотелефон весом в пять килограмм, такие носит в карманах охрана руководителей СССР, и еще много всего.

Но компьютерный класс в школе никак не поставят. Нет денег. Неужели он такой дорогой? Хотя тут я, наверное, загнул. Государство заботится о нас, и чересчур от него требовать нельзя. Может, на космонавтику все средства уходят.

Артем и Глеб учатся в параллельных классах, и закрепленные за ними кабинеты другие. У Артема — кабинет математики, у Глеба — истории.

Скукотища. Не повезло им.

Ниже гардероба, уже точно в подвале — бомбоубежище на случай войны с капиталистами. Стальные двери и закрытые кожухами устройства для очистки отравленного воздуха. Вдоль стен — узкие металлические лавки, а на стенах — рисунки. Напоминания, как эвакуироваться, надевать противогаз и прятаться под обломками стен.

Живые, кстати, рисунки. Движущиеся. Реагируют на пришедших, начинают делать то, зачем их рисовали — возиться с противогазами, собирать-разбирать автоматы и сгаты в окопы.

Эти рисунки производят на нашем заводе в отдельном цеху. Технология схожа с памятниковой, но отличается, потому что рисунки плоские, а памятники выпуклые. Ну и схватить рисунки никого не смогут, даже если постараются, поэтому тетя Маша их на себе не испытывает.

4

Библиотека — на третьем этаже. Она величиной сразу в несколько кабинетов и с очень высоким потолком. Большая, светлая и воздушная. Светловоздушная! Столы широко расставлены, на стенах портреты классиков русской литературы развешены. Толстой, Некрасов, Крылов, Достоевский... а нет, с Достоевским история приключилась. Вместо нег ошибочно повесили Родиона Раскольникова с топором. Огромный такой портретище и жуткий.

Прислали со склада немного не того, а висеть портрет обязан, положено по инструкции. Директор распереживался, ведь библиотека без физиономии Федора Михайловича — как кабинет географии без глобуса. Успокоился, только когда узнал, что почти все в школе считают этот портрет портретом именно Достоевского. Даже некоторые учителя, а про завхоза и говорить нечего. Молодой Достоевский, еще без бороды, но глаза уже яростные и пронзительные, настоящие глаза обитателя темных петербургских закоулков.

И ладно, сказал директор. Потом как-нибудь разберемся. Главное, чтоб внушал уважение к литературе, а кто он и по какую сторону бумажного листа существует, то есть писатель или персонаж, вопрос второй, да и вообще грань между ними весьма зыбкая.

...Идет Достоевскому топор. Внушает уважение. Гармонично выглядит. Он и с другими библиотечными портретами неплохо бы сочетался. Русские классики смотрят сурово, осуждающе, но топор для убедительности почему-то есть только у одного.

5

Иногда думаю — а если б Раскольников читал фантастику? Да ему бы и в голову не пришло на людей кидаться!

Читал бы и фантазировал полеты в космос. Может, и сам писал бы что-то. Или рисовал. Что-то яркое, интересное. И знакомых мог бы увлечь этим. Но он остался жить в своей маленькой комнатке, в которой хоть в одно, хоть в другое, неизбежно сойдешь с ума, потому что человеку тесно в четырех стенах, душа в них не помещается.

Даже если я говорю глупости, это нестрашно. И глупость имеет отношение к реальности.

6

Библиотека состоит из двух частей. В первой столы, а во второй, отделенной стойкой, полки с книгами. Книг не то чтобы много, но и не мало. Читают их мало! Что скажешь изучить по школьной программе, то и берут, ведь не прочитаешь — двойка обеспечена. Остальное открывают редко. Поэтому классики читаны-перечитаны, а другие книги вековой пылью покрылись. Даже самые новые, месяц назад привезенные.

Из фантастики — только "Голова профессора Доуэля". Зато всякой ерунды полным-полно. Стишки, сказочки, "книги для детей младшего школьного возраста", от которых навсегда останешься в младшем школьном возрасте, сотни одинаковых повестей про революцию и все такое.

7

Со стороны книжных стеллажей над стойкой возвышается голова тети Любы. Спокойная голова, немолодая, в роговых очках, скоро пойдет на пенсию. Смотрит

подозрительно, следит за порядком.

Тетя Люба. Любовь Митрофановна. Библиотекарь. Это ее голова торчит. Туловище есть, оно ниже, невидимое из-за стойки.

Голова тети Любы книг не любит. Может, конечно, и любит, но читать — нет. И выдавать не любит. Попросишь принести что-нибудь, и она смотрит глазами в ответ раздраженно, мол, зачем тебе это. Потом, правда, смиряется и уходит ногами к полкам.

Зарплата у библиотекаря маленькая, долго никто на нее не шел, а затем пришла тетя Люба. Да, книгоненавистница, но где написано, что библиотекарь обязан любить читать? Нигде!

Поэтому она и читает целыми днями. Лежит перед ней книга, и тетя Люба с нее взгляда не сводит. Огромный том французского философа Жана-Поля Сартра. Название книжки — "Бытие и ничто". Я ее открывал, не очень понравилась. Мрачная какая-то. Даже "Преступление и наказание" выше на шкале веселости располагается.

Можно спросить, как это — читает и не читает? Ответ прост. У нее на столе не книга, а пустая обложка, в которой прячется маленький телевизор (голограммный, разумеется). Импортный, дефицитный, где она только его раздобыла. Телевизор на работе включать нельзя, так что тетя Люба тайком. Не думаю, что она книгу разорвала, скорее всего нашла уже такую и приспособила. Теперь смотрит неверящую слезам Москву, а Сартр и не догадывается. Сартр слезам не верит, гыгы.

Как-то приходил к нам в школу один уважаемый профессор и читал в библиотеке лекцию о торжестве искусственного интеллекта (для наглядности в зал привели нашего робота-гардеробщика). Закончил, подошел к стойке и заметил книгу тети Любы. Расчувствовался.

— Не знал я, чем живут наши люди, — восхитился профессор, — но полагаю, что находящееся там, — он манерно указал на книгу, — не похоже на жизнь в СССР.

Тетя Люба только пожала плечами.

8

...Отдали мы ей учебник, и быстрее за дверь. Из-за того, что когда-то украли книгу, ощущения очень неуютные. Украли, чтоб спасти ее, но все-таки украли! Мы поступили хорошо, но плохо.

Спустились по лестнице на первый этаж, к вестибюлю. У нас в школе два входа. Один, маленький, для первоклашек и учителей, а второй, большой и главный, для остальных. В вестибюле мы снимаем куртки, переобуваемся в сменную обувь, в подвальном гардеробе сдаем одежду и потом идем в класс.

На стене вестибюля, рядом со входом в столовую висят портреты дядей-руководителей Центрального Комитета Коммунистической партии. Живых, не прошлых. Если кто-то из них... того, становится прошлым, его портрет убирают и новую физиономию в рамку засовывают. Портреты меняют часто, лица там немолодые. И старые немолодые, и новые.

Но живые.

То есть руководители живые и портреты их тоже. Как настенные рисунки в бомбоубежище, только без противогазов. Глядят старшие товарищи строго, намекают, что следует хорошо учиться. Мы, мол, учились хорошо, за это нас сюда и повесили. Похожи характерами портреты на тех, с кого их писали, вот и ведут они себя, как уважаемые начальники. Но когда погода теплая и солнышко светит, то и у них настроение веселое. Глазеют по сторонам, прищуриваются, подмигивают. Ты им тогда в ответ кивнешь и вроде

как поговорили.

А в некоторые моменты они оживляются еще больше.

Это необъяснимое явление не дает мне спать уже долго, и не только мне. Артем с Глебом тоже неоднократно наблюдали, как у портретов внезапно появляются улыбки, румянятся щеки и начинают сиять глаза, но причин таинственного феномена мои друзья также понять не могут.

...Уборщицей у нас в школе подрабатывает Вероника, студентка. Днем учится в институте, а вечером, когда из школы все расходятся, моет вестибюль и окрестные коридоры, зарабатывает себе на красивые капиталистические шмотки, которыми спекулянты торгуют.

Она симпатичная, веселая. Комсомолка. Гимнастикой занимается, на соревнования ездит, поэтому очень стройная и гибкая. В обтягивающем спортивном костюме полы и моет. Удобно ведь.

Так вот, когда она к полу наклоняется, тогда портреты и становятся живее всех живых. Глаз с нее не спускают, губы закусывают. Именно в эти моменты и ни в какие другие. Связь неопровержима. Я даже специально учебник по логике изучил.

— Ну почему они так на нее смотрят, — удивлялся Артем.

— Ага — поддакивал Глеб — с-совершенно необъяснимо.

Вот и сейчас. Вероника со шваброй, ведром воды, в трико и в майке без рукавов.

— Привет, мальчишки, — задорно кричит Вероника.

— Привет, — без улыбки отвечаем мы, чувствуя себя идиотами.

Она трет шваброй пол, ничего не замечая, а мы косимся на руководителей партии. Там уже все, как обычно. Губы, щеки, глаза. Портреты жмурятся и моргают, чтоб лучше видеть. Да что же это такое, черт побери.

Кажется, что мы чего-то не знаем о жизни. Но чего именно?!

Мне двенадцать лет от роду, это солидный для школьника возраст, почти средний. Книг перечитал — немеряно. Все старшеклассники нашей школы, наверное, столько не одолели. Вундеркиндом меня иногда называют, особенно когда ругаются. Слова знаю заковыристые, предложения могу строить, как советские писатели средней величины, и даже длиннее. А толку, выходит, никакого. Очень обидно. Не обо всем в самой читающей стране мира написаны книжки. Интуиция что-то подсказывает, но что — неясно.

...Одной Вероникой портреты не ограничиваются. Есть еще вторая уборщица, Галя, недавно с Подмосковья к нам приехала. Она... как бы сформулировать... покрупней Вероники! Если та — гимнастка, то Галя, возможно, метательница молота. Лицо у нее красивое и круглое. И еще много чего у нее красивого и круглого.

Так вот, к Гале у портретов такой же необъяснимый интерес!!!

Однажды я услышал, как школьный слесарь негромко сказал коллеге о проходившей мимо Гале — "есть за что уцепиться". А потом еще разок нечаянно подслушал эту фразу, причем ее говорили другие дяди о другой девушке, силуэтом похожей на Галю. Связав полученную информацию воедино, я пришел к выводу, что слова в данной транскрипции однозначно описывают факт круглогабаритности отдельных частей женского тела и больше ничего.

Ну, уцепиться у Гали действительно есть за что. С очевидным не поспоришь. Но зачем?! Каков смысл уцепления? Вот, допустим, уцепился. А потом что делать? Стоять, как дурак, и улыбаться? Или "уцепление" — самоцель? Некоторые философы считают, что смысл жизни

— сама жизнь, неужели с сцеплением аналогично?

Ладно, разберусь. Я упрямый. Необходимо сохранять спокойствие, держать ухо востро и тогда победа неизбежна.

9

...Учиться я, повторяю в сотый раз, не люблю. В школе мне неинтересно.

Особенно неинтересно вставать по утрам, и особенно зимой. За окном темень, холод, а тебе надо вылезать из кровати, умываться-одеваться-завтракать, а потом тащиться за тридевять земель двести метров до школы. Спать хочется просто из вредности. Организм бунтует из-за того, что его заставляют. И он прав! Только рабы древнего Рима безропотно соглашались с треньканьем будильника.

Я не неженка, но от мыслей, что мне предстоит потратить день жизни на сидение за партой, даже мелочи начинают действовать на мои подрастающие нервы.

Против знаний, кстати, я не возражаю. Прочитать какую-нибудь книгу по химии или географии — с удовольствием! Но именно прочитать, а не выслушивать унылых школьных дяде-тетей. То, что легко объяснить за три минуты, они растолковывают часами.

Математику я переношу плохо. Не люблю я эти безжизненные закорючки. Физика-химия — получше, там формул меньше, вместо них что-то, к чему можно прикоснуться — атомы всякие, оптические иллюзии, электричество. География — хороший предмет, но плохо то, что Земля сильно исследована. Как здорово было на уроке географии в пятнадцатом веке! Учитель разводил руками:

— А что на том краю карты — никто не знает, морские чудовища топят все корабли.

Ботаника и зоология — прекрасны! Особенно когда рассказывают, что раз в сто лет в джунглях распускается пятиметровый цветок, светится неземным огнем всю ночь, а к утру чернеет, будто сгорая, ссыхается, превращаясь в горсточку пепла, словно и не было ничего, только сон, короткий и ненастоящий. Или вот еще, весной проходили: на другом конце глобуса, посередине Южной Америки, в дуплах километровых деревьев обитают дикие индейские племена, которые никогда не спускаются на землю, но и на самый верх не лезят, потому что, по их поверьям, там живут создавшие Землю боги, и если их разгневать, наступит конец света. Ученые в этом засомневались и полезли, но тотчас передумали, ведь там действительно кто-то был, и в очень плохом настроении — что-то бурчал и ругался на непонятном языке. Махнули рукой ученые, вдруг и правда не все в легендах выдумка, поэтому не стали подвергать Землю опасности и принялись изучать что попроще — гигантских зубастых лягушек, которые нападают на огромных, переворачивающих лодки амазонских сомов.

Ну разве это не здорово?!

А вот история — не здорово. Особенно какая-нибудь история революции. Ее всю можно описать картинкой из учебника — захватывают солдаты-матросы Зимний дворец, врываются в центральный зал, а там министры из Временного правительства, во фраках и мундирах, злобно кривятся из-за того, что их время кончилось, и я не пойму — отчего художник лица буржуйам нарисовал не человеческие, а будто рептильи? Не верю, что такие у них были в реальности. Пропаганда, понимаю. Плохие капиталисты и замечательные большевики. Но можно знать меру?! Зачем из людей дураков делать, тем более что дураков и так полно?

Литературу, которую я очень люблю, я не люблю совсем. Уроки литературы, я хотел сказать. То, что мы изучаем. Современные и полусовременные советские писатели, скорее всего, родственники и единомышленники того рисовальщика картинок в учебник истории, а

классики... хорошо, но печально и безнадежно. Хоть "Война и мир", хоть "Петербург и Раскольников". Разве что Гоголь отстаёт от коллектива, но кто ж его далеко отпустит.

Ладно, победили мы в начале девятнадцатого века Наполеона. Дубина народной войны сломала вражескую шпагу и перемолола даже наполеоновскую гвардию — выструганных из дерева и обитых жёстью военных человекообразных роботов в медвежьих шапках, расколошматила заменяющие им сердца паровые двигатели. Толстой об этом неплохо писал, грамотно, надо отдать должное. Но что потом? Счастье-то где? Нет его. Повозка едет в ночной метели, кругом ни души, одни засыпанные снегом леса и поля.

10

Со сверстниками мне тоже скучно. Не хочу об этом говорить. А то скажут, что высокомерничаю. Мне неинтересно с теми, кто не читает, и неважно, сколько им лет.

Иногда кажется, что я неправ и так нельзя, надо искать в людях хорошее. Ищу, но получается найти не всегда. Из-за этого порой чувствую себя виноватым.

Глава 11 Хоккей на чердаке

1

— Пойдемте, п-поиграем в хоккей, — сказал Глеб, когда мы вышли на улицу.

Мысль хорошая и очевидная. Сегодня последний день для хоккея. Потом ждать до осени, ведь в городе нас не будет.

И мы направились к дому Глеба.

Края облаков уже покрылись золотом, кое-где угадывались звезды. На улице стало больше прохожих — люди потихоньку возвращались с работы. Вечер был не за горами.

2

— Нажимай осторожно, — попросил меня Артем, когда зашли в лифт. — а то сам знаешь.

Знаю, конечно. Поэтому дотронулся до кнопки с цифрой "девять", как археолог до выкопанной из песка миллионлетней глиняной амфоры.

Двери закрылись, и кабина поехала вверх. Все выдохнули.

Случилось у нас однажды лифтоприключение. Незабываемое, хотя мы его и обещали забыть. Потом расскажу.

Доехали, вышли, молча осмотрелись. Никого! И за дверьми в квартирах ни шороха, ни голосов, никто наружу не собирается. Отлично. Видеть нас не должны.

Лифт замер на последнем этаже, но лестничным ступенькам позволено идти еще дальше, в направлении чердака. Мы неслышно одолели их и остановились около финальной части нашего восхождения — трехметровой вертикальной лесенки, сваренной из труб и железных перекладин. Над ней в потолке запертый квадратный люк.

Ключ у меня есть. Однажды слесарь забыл вытащить его из замка, мы в Клубе быстренько вырезали копию и чердак перешел к нам в неограниченное пользование. Взрослые там не появляются. За год не приходил никто.

Лезть надо осторожно, слева под ногами межлестничный проем. Свалишься — лететь до первого этажа. Поначалу было страшновато, потом привык. Не смотреть вниз и все будет хорошо. Ключ у меня, поэтому я и открываю. К тому же мне это проще, я самый высокий.

Поворот ключа — и маленький висячий замок перестал быть помехой. Затем я приподнял и сдвинул увесистую крышку люка.

Все, можно заходить.

3

Чердак похож на обычную комнату. Только вытянутую и невысокую, с двумя окошками.

Здесь некрашенный деревянный пол, сумрачно, таинственно, пусто, пахнет досками и почему-то нежарко, хотя крыша должна нагреваться от солнца, а еще слышно разгуливающих голубей.

И здесь легко. Школа, родители, да и вообще весь мир остался где-то там, за бортом. Друзья рядом, но они не мешают. Захочу — приду сюда один. Буду сидеть в кресле и бездельничать.

На уроке истории нам с восторгом рассказывали, что при коммунизме не будет своего, одно лишь общественное, доступное всем, но меня такое будущее пугает. Должно быть место, которое только для себя. Где уютно, спокойно. Куда никто не зайдет, потому что у него тоже есть право здесь находиться, так что подвиньтесь, а не нравится — уходите, вас

никто не держит.

И чего люди так боятся одиночества, не понимаю. Когда человек не один, он разговаривает с кем-то, а когда в одиночестве, то как бы разговаривает с собой. Даже молча, прислушиваясь к тому, что внутри его души. Кто так не делает — тот робинзон с необитаемого острова, только наоборот.

В журнале "Работница" (я такую ерунду не читаю, но случайно попала на глаза), однажды увидел фразу — "она никогда не бывает одна". Гордо так слова красовались. Означали, что успешная женщина никогда не находится в одиночестве. Кошмар! Неужели "успешная женщина" и "тупая дура" — синонимы? Как это вообще печатают в советских журналах, тем более в глянцевах, блестящих, предназначенных для всех? Куда смотрит коммунистическая партия, в конце концов? Настоящая партия, не та, что на портретах. Куда смотрят портреты, я знаю.

Получается, мне двенадцать лет, а я уже критикую советскую власть. Встал на скользкую дорожку и даже коньков не надел. Ничего, постараюсь держать равновесие.

...Раньше чердак был жутко захламлен. Чего тут только не валялось. Мы сложили все барахло в дальний угол, носить вниз побоялись, нас бы тогда точно заметили. Но на чердаке нашлось и много интересного, например, плетеные кресла-качалки. Разумеется, старые и поломанные, но мы в "Клубе космонавтики" не зря занимались, и отремонтировать их труда не составило. До этого никто из нас в таких креслах не сидел. Какие же они классные! Качаешься, и не падаешь. Невероятно. Артем, правда, упал, доказывая, что можно свалиться. Доказал, молодец. Зеленкой его потом родители мазали, не "художники". Ирония судьбы.

Из досок мы соорудили небольшой стол, на котором теперь играем в хоккей. Какой хоккей? Настольный!

Настольный хоккей — одно из величайших изобретений человечества, наряду с полетами в космос и пломбиром. Настояще-ледяной интересен не так, там толкотня и скучные раскатывания взад-вперед, а тут надо думать и рассчитывать свои действия.

Мы долго обходились без мороженого, копили деньги. Страдали безмерно, как персонажи Достоевского. Но затем настал великий день покупки и тайно-торжественного принесения на чердак. Играли все выходные с перерывом на обед (не есть было нельзя, родители могли что-то заподозрить).

Конечно, настольных хоккеев в СССР далеко не одна разновидность. Две! Первая нас не интересовала, слишком простая, а стоит больше. Выбор примитивного дорого обходится человеку.

Но вторая то, что надо. Пластмассовое поле, жестяные хоккеисты, вроде ничего особенного, но есть простор для усовершенствований. Перво-наперво мы заменили шайбу — та, что в комплекте, нас, опытных игроков, не устраивала. Огромная, черная, умеет лишь уныло скользить по поверхности. Вместо нее аккуратно склеили две маленькие круглые фишки от лото. Получилась шайба, которая рождена не только ползать, но и летать в верхний угол ворот. Для этого мы клюшки хоккеистам чуть-чуть изогнули, чтоб она поддевалась.

Ну и еще по мелочам доработали, а потом сыграли тысячи матчей. Двое за столом воюют, а третий в кресле качается, журналы смотрит (не глянцевах, конечно, а "Техника — молодежи", "Уральский следопыт" и "Мир фантастики"). Затем проигравший выбывает, его место занимает другой. И так по кругу. Мастерством мы примерно одинаковы, каждый может выиграть и проиграть. Артем долго не думает, зато резво управляется с хоккеистами,

Глеб наоборот, не спешит, но точно просчитывает, как отправить шайбу в "девятку", а я где-то посередине между ними, с достоинствами и недостатками одного и второго. Затягивает игра, как водоворот древний парусник. О времени забываешь через две его секунды.

Безусловно, когда-нибудь сказка закончится. Зыбок наш мир. Рано или поздно слесаря из домоуправления нагрянут сюда и поменяют замок. Однажды я разглядел следы обуви на железной лесенке, будто кто-то хотел забраться, но передумал. А иногда у меня возникает странное ощущение, будто за чердаком следят, и оно не исчезает, пока его насильно не выгонишь.

Счастье непрочно, за двенадцать лет я это хорошо понял. Надо жить настоящим. Сейчас мы этим и занимаемся.

4

Среди фантастических журналов на чердаке лежал один нефантастический. Второй журнал о кино, привезенный папой Артема из Америки. В журнале, помимо прочего, нашлось много фотографий скромно одетых актрис. Скромно — значит мало. Мало одетых. Не совсем голых, в купальниках, кружевах или под небрежно накинутым одеялом, но под этим одеялом, как растерянно намекает дедукция, они все-таки голые.

Внимание, вопрос — почему они такие?

Ума не приложу. Наверное, с целью рекламы. Эдакий сигнал. Тайный, но о котором все знают. Намекает на то, что фильм хороший. Листаешь другие страницы — там политики, ученые, генералы, все рассуждают о чем-то важном, спорят, сомневаются, а потом — хоп! — опять тетя неодетая, без нее мировые проблемы не решить.

Под названиями фильмов в журнале часто стоит маркировка "тринадцать плюс", то есть детям до тринадцати смотреть нельзя. Ладно, в СССР такое кино все равно не привезут, у нас своего тьма-тьмушая. Но по каким причинам в наши фильмы не пускают голых актрис? В этой области мы от Америки сильно отстаем. Пузатый, неопределенного возраста дядя-вахтер закрыл турникет и бурчит "гражданочки, разойдитесь", а они все равно с надеждой толпятся у входа.

5

Я проиграл Артему и выбыл в кресло. Борьба шла упорная, однако он сумел коварным броском с угла швырнуть шайбу поверх клюшки моего вратаря. На последней минуте, так сказать, хотя играли на счет, а не на время.

Зато теперь я могу объяснить, почему в лифте стоит аккуратно нажимать кнопки. Не потому, что он может застрять, хотя застрять он может тоже.

Гораздо веселее в кавычках будет, если он поедет в неизвестном направлении.

...Забегали мы однажды с улицы в этот самый лифт и Артем принялся жать все кнопки сразу. Развлекаться. Хотел посмотреть, на каком этаже остановимся.

Посмотрел, ага. Сначала посмотрел на замигающую красным лампу в потолке кабины, а затем сквозь щель между дверей посмотрел, как свет в коридоре вверх поехал — а лифт, значит, отправился вниз, невзирая на то, что мы были на первом этаже. Видать, Артем нечаянно какой-то секретный код набрал.

Ехали мы долго. На подсчет времени еще и страх повлиял. Или не страх, а ужас. Кто-то из них. Не помню, что мы тогда испытывали. Точно не легкое беспокойство. Ну разве что в очень тяжелой форме. Смотрели друг на друга обезумевшими глазами и прощались с жизнью.

Через тридцать секунд (по стрелке часов), или через шестьдесят минут (как нам

показалось), лифт остановился и двери распахнулись.

Мы очутились в метро. Его трудно с чем-то перепутать. Каменная пещера с полукруглыми сводами, пол в потеках воды, и рядом поблескивают рельсы.

Темень, но видеть можно. При желании. А желание было. И свет из лифта помог, потому что другой здесь отсутствовал. Выходить не хотелось, мы нажимали кнопки — уже осторожно, по одной, повторяя про себя "ну пожалуйста", но лифт упрямо замер на месте. Хорошо, хоть двери не закрыл.

Тут еще между рельс крыса показалась. Здоровенная, больше кошки. Такая и загрызть может. Но эта лишь посмотрела на нас и убежала по своим крысиным делам.

Вот и хорошо.

Вдали мерцал непонятный огонек, и мы отправились к нему по перрону. А что еще нам оставалось.

...Костер. Маленький, но костер. Прямо на платформе. Около огня — три красноармейца. Не военные, не милиционеры, а именно красноармейцы. Словно вчера Зимний дворец захватывали. В шинелях, буденовках, и с винтовками-трехлинейками. Физиономии — помятые, небритые и не пойми какого возраста. Увидели нас, винтовки молча наставили, дескать, кто такие. Мы ответили — пионеры. Солдаты переглянулись, будто услышав незнакомое слово, и отвели нас в какую-то подземную комнату. Там оказалось тоже темно, лишь печка-буржуйка светилась, кипятила чайник, а за столиком грустно сидел одетый в гимнастерку дядя лет тридцати пяти.

Тоже вылитый революционер, но не простой красноармеец, а комиссар. Вообще без буденовки, и черты лица тонкие, интеллигентные. Перелистывал книгу до нашего прихода. Стихи Александра Блока.

Негромко спросил нас, кто мы. Словами спросил, а не взглядом, как эти. Мы снова ответили — пионеры. Он печально посмотрел на огонь, закрыл глаза и сказал:

— Пионеры, вам приказ — забыть то, что здесь видели.

На головы нам надели буденовки, огромные, не по размеру, наглухо скрывшие лица, и опять куда-то повели. Мы шли и спотыкались, потом ехали на лифте, выйдя из него, снова безропотно шли, пока наконец чей-то угрюмый голос не скомандовал досчитать до ста и снять буденовки.

Мы досчитали и обнаружили себя в нашем районе, около соседнего дома. Наверное, его лифт нас наверх и довез.

Я потом спросил у отца — а может существовать какое-нибудь тайное метро? И папа, не отрывая глаз от телевизора, ответил — да, конечно. На нем руководство страны ездит. Оно, руководство, либо над землей на дирижаблях, либо под ней, в секретных вагонах. А еще, добавил он, внизу много заброшенных тоннелей, в которые лучше не соваться.

...Не выполнили мы приказ. Не забыли увиденное, не смогли, хотя никому ничего не рассказали. И буденовки на память оставили. Они такие громадные, словно не для людей, а для лошадиных голов предназначены.

6

— Вырастим и отправимся в космос, — сказал я, когда опять сел в кресло.

— Угу, — отозвался Артем, намечая, как бросить шайбу по воротам.

А Глеб не ответил, он управлял вратарем. Лицо в такие моменты у Глеба серьезное, даже серьезней, чем обычно. Это нормально. Несерьезных лиц настольный хоккей не прощает. Ну если только Артему, на него он вместе со всеми давно рукой махнул.

Артем крутнул рычаг, шайба полетела и отскочила от вратарской груди.

— Н-непреренно отправимся, — облегченно выдохнул Глеб.

О космосе мы разговаривали много раз. В космос надо попасть обязательно. В любую экспедицию, лишь бы поболтаться в невесомости недельку-другую-третью-четвертую. Побывать там, где люди не ходят, а летают. Оттолкнулся — и полетел.

Как во сне. Я часто вижу такие сны. Прыгаю, и затем не опускаюсь на землю, а зависаю в воздухе и не спеша скользю, вернее, скольжу, в трех сантиметрах над землей. Лечу, лечу, а потом приземляюсь. Не больно, но разочарованно. Хорошее даже во сне долгим не бывает. Реалистичные у меня сны, как у взрослых. С каждым годом полеты становятся все короче и короче. Старею, наверно.

Поэтому вопрос, лететь или не лететь, не стоит. Ответ на него давно известен. Лететь! В космос! Там невесомость наяву. И еще многое наяву! Иллюминаторы, черная пустота, звезды, которые не прячутся за облаками, и бесплатный пломбир из тюбика, хотя он, возможно, все-таки во сне.

А после космоса надо будет высадиться на какую-нибудь планету. Желательно с меньшим притяжением, и чтоб там была жизнь.

Поначалу скрытая, спрятавшаяся от холодной ночи среди скал, освещенных тусклыми мигающими звездами. Только потом, когда огромный желтый диск солнца поднимется над горизонтом, из каменных расщелин показываются тонкие стебли. Они спешат, ведь день на планете короток. Скоро на них вырастают красные бутоны, увеличиваются на глазах и раскрываются, становятся сияющими цветами и застилают пустыню, мертвую еще минуту назад.

Сразу прилетают бабочки, начинают пить нектар, потом приходит еще кто-то, вроде мелкий, можно не обращать внимания, ну а дальше уже хищники, большие, зубастые, и они не прочь добавить в свое меню советских космонавтов, поэтому нужно держать ухо востро, а палец на курке пистолета.

Артем хочет увидеть примерно то же, но ему больше подавай приключения. Охоту на злобных инопланетных чудовищ, ненавидящих все вокруг и людей тоже. Весь в отца. Точнее, был в отца, тот тоже хотел съездить на охоту, гены предков, говорил, во мне просыпаются, я бессилен что-то изменить.

Но оказалось, что не бессилен. Съездил разок и убедился. У папы Артема есть несколько начальников, дядей немолодых, важных, с животиками. Гены предков им тоже что-то нашептывали (до поры, забегаю вперед). И папа Артема решил организовать охоту. Совместить приятное с полезным — и своим подсознательным желанием подарок преподнести, и с руководством подружиться, в общем, ситуация беспроегршная.

Место для поездки отыскали быстро. В сотне километров от Москвы на одну из железнодорожных станций повадились кабаны забегать, стращать людей своим видом. Люди из вокзала выходить опасались, а когда выходили, то оставались недалеко от фонарных столбов, чтоб забраться на них в случае чего. Уже несколько лет безобразия длилось, а участковый лишь разводил руками (если кабаны его самого на столб не загоняли, ведь на столбе руками не разведешь, ими держаться надо).

Вред от диких животных был не только в форме испуга, но и материальный. Сожрали, например, кабаны автомобиль "УАЗ" главного агронома. Совсем съели, не обглодали, а именно съели, даже колес не осталось. Видать, железа в организмах не хватало. Люди после этого задумались — а какие микроэлементы в человеческом теле содержатся и не страдают

ли кабаны от их отсутствия? В древности обитал хищный кабан энтелодон, вдруг и у нынешних гены взиграют?

И вообразили себя чиновники африканскими первопроходцами, поехали спасать аборигенов от четвероногой напасти. Ружей понабрали, шляп с перьями, фотоаппараты новыми пленками не забыли под одеялом зарядить, чтобы сохранилось в веках свидетельство победы человека над диким зверем.

Приехали вечером и стали караулить кабанью банду.

Она не заставила долго ждать.

Дальше было много крика, визга и выстрелов. Пороховой дым поднялся, заволок поле боя, а когда рассеялся, выяснилось, что сражение закончилось ничьей. Ни одного кабана не подстрелили и те ушли в лесную чащу (потом оказалось, что навсегда), а охотники, побросав ружья, вскарабкались на столбы, слезать не спешили и фотографироваться не хотели.

Артемов папа успокаивался мыслью, что могло случиться и хуже. Кабаны были огромными, больше африканского буйвола, пули им — что паровозу кирпич, в общем, повезло, что в чиновниках проснулись гены обезьян, без них на столбы одним махом бы не залезли. К счастью, начальники скоро забыли о прекрасно проведенных выходных, а папа приказал своей охотничьей генетической памяти заткнуться подобру-поздорову, и она послушалась, куда ей деваться.

... А Глеб, хоть и любит космос, говорит о нем не всегда охотно. Слабо верит Глеб, что когда-нибудь посмотрит на Землю издалека. Другой он. Неподходящий для полетов, любой врач подтвердит. В космосе, кроме друзей, Глеб никому не нужен.

7

...Я не хотел об этом рассказывать. Испугался. Вернее, застеснялся. Мы уже взрослые, нам по двенадцать лет, а все никак не наиграемся. И главная беда, что играем всерьез, не как другие. Но все-таки я расскажу. Неожиданно и ни к месту. Настоящие тайны так и рассказываются.

...Наш чердак, на котором мы сейчас щелкаем шайбой в хоккей и бездельничаем — не чердак, а еще одно помещение Клуба космонавтики. Тайное. Закрытое. Главное. Неизвестное никому, кроме нас троих. Дядя Саша о нем не подозревает. Да и не нужно ему об этом знать. И всем остальным тоже. Они не поймут.

Здесь мы нашли маленький деревянный шкафчик. Очистили его, отмыли, и поставили на видное место. И сделали из него Космический Храм.

А почему нельзя? Какие-нибудь туземцы мастерят их для своих божков, а мы чем хуже? Заглядываем в него строго раз в неделю. Чаше нельзя, а то игра превратится в рутину.

Идею взяли в рассказе из украденной книги. Там бывший космонавт, старый уже, у которого не осталось близких, все давно ушли из жизни, сделал у себя дома словно кусочек космоса. В шкафчике, похожем на наш. И поставил в него камень-алтарь, на который символически положил жетон космонавта — то есть свою жизнь, ведь он отдал ее изучению космоса.

Мы поступили так же. Фотографии галактик на стенки изнутри наклеили и кусок гранита для жертвоприношений принесли.

Если космос — бог, то не такой, как остальные. Не жестокий, не обидчивый, не думающий только о том, что кто-то нарушил его странные законы, и не любитель наказывать тех, кто с ним не согласен.

Космос — добрый, потому что бесконечный. Эта фраза однажды пришла мне в голову и

запомнилась, хотя я не понимаю, что она означает. Но запомнилась твердо.

Раз в неделю мы решили отрывать дверцу и класть на гранит чистый кусочек бумаги, ведь жетонов космонавтов у нас нет и мы еще не летали всю жизнь в космос. Вышло даже интересней, чем в книге! Загадочно и символично. Жертвоприношение, но некровавое и нестрашное.

Положим листок, затем стоим минуту и смотрим. Молча думаем о чем-то или не думаем вообще. Это называется созерцанием или медитацией. На душе потом лучше становится. Проблемы кажутся мелкими-мелкими. Даже лицо Глеба светлеет. Бросает он свои грустные мысли, приходит вместо них робкая надежда.

8

Я не рассказал о том, как мы познакомились. Я, Глеб и Артем. Не знаю, интересно ли это, но я вспоминаю с удовольствием. Полтора года уже миновало. Как время летит!

Конечно, мы общались и прежде. И учились в соседних классах, и жили по соседству, но дружить не дружили. Не было одинаковых интересов — точнее, никто не знал, что они есть. Да и вообще друзей, как выяснилось, у нас на троих тоже не было ни одного.

...Однажды после уроков я отправился в школьную библиотеку. Нам учительница задала дополнительное чтение, какую-то книгу про революцию. Наверняка с дурацкими картинками, думал я по дороге, потому что без них такие книги не обходятся. Но что я мог сделать? Учительница сказала, я и пошел. Предполагалось, что книги будут получать наши родители, но я уже умел расписываться и в помощи мамы не нуждался.

Явился я в библиотеку, взял книжку и приземлился за свободный стол прочитать ее и сразу отдать. Читаю я быстро, а скучные рассказы о революции вообще мгновенно. Там всегда одно и то же. Четыре сюжета, вокруг которых все и вертится.

Осада Зимнего дворца, возвращение Ленина в plombированном вагоне, тяжелая жизнь при царе и гражданская война с белогвардейцами. Ничто не ново под луной.

Перелистывал я, значит, написанные колченогим языком нудные страницы, а невдалеке, за еще одним столом, сидел Артем. Он в школе слыл за главного хулигана, учителя говорили, что "от него никакого спасу". Ну, хулиган так хулиган, мне-то что до этого. Читает ту же намзаданную книгу. А потом присмотрелся — нет, другую!

Фантастическую! "Плутонию" Обручева! Вложил ее внутрь школьнопрограмной, и читает, как прогрессивный рабочий труды Ленина, когда рядом полицейские прохаживаются.

Я потерял дар речи. "Плутонию" я тоже читал, она не то чтобы очень сложная, но... Меня кое-кто из учителей называет слишком умным, и Артем что, такой же? Как ловко скрывает это!

Набравшись смелости, я пересел за его стол. Артем наклонил голову от неожиданности, мол, это что еще такое, ведь в библиотеке места и по отдельности хватает, а потом изобразил на своей физиономии привычное хулиганско-непоседливое выражение. Такое, с которым все его и видят. И книгу положил обложкой с перепоясанными пулеметными лентами матросами кверху.

— Привет, — сказал я. — Меня зовут Вадим.

— Чего тебе?

— Ты читаешь "Плутонию"?

— Какую "Плутонию"?

— Которую Обручев написал.

— Не читаю!

— Ну, как хочешь, — расстроился я. — А книга отличная.

Артем помолчал и вздохнул:

— Только не рассказывай никому.

— Почему? — удивился я.

Артем сердито зыркнул на меня.

— Seriously не догадываешься? Тебя называют вундеркиндом, потому что много читаешь. И не любят!

— К тебе тоже не все хорошо относятся, оттого что хулиганишь! — малость обиделся я.

— Также мне, сравнил... — хмыкнул он. — Быть умным тяжелее, чем хулиганом. Закон природы. И не так весело.

— Но ты и сам умный. Глупые книги не читают.

— Поэтому я никому о книгах не рассказываю, — пожал плечами Артем, — а ты глупый, потому что все знают, что ты умный.

— Боишься? — спросил я.

— Не боюсь, — ответил Артем. — Просто не хочу.

— Понятно. А друзья у тебя есть?

Артем поднял подбородок.

— Нет. Я сам по себе. Одинокий волк!

— Ты странный!

— А сам-то какой!

— Угу, — грустно согласился я. Тут не возразишь.

— Вон еще один такой же, — кивнул в сторону Артем, — тоже читает.

В дальнем углу библиотеки сидел Глеб. По странности он превосходил нас с Артемом вместе взятых и умноженных на десять. Его мама часто приходила к моей, но Глеб со мной особо не разговаривал. Да он вообще мало с кем разговаривал! Даже на уроках, когда его о чем-то спрашивали, и при этом жутко волновался. Болеет, говорила моя мама, и очень жалела маму Глеба. Как ей тяжело, печалилась она.

Но умный Глеб — кошмар. Умножал за секунду в голове то, что робот будет неделю на листочке бумаги в столбик высчитывать. Увы, жизнь — не математика. И не литература (это я уже о себе).

— Давай подойдем, — предложил Артем, и, не дожидаясь ответа, пошел к Глебу.

Мы сели на стулья, стоявшие перед его столом, повернулись, и Глеб страшно перепугался. Стал красным, как вареный рак, начал хватать ртом воздух, как рыба на берегу. Не убежал, наверное, потому, что ноги перестали слушаться.

— Здорово, — произнес Артем. — Читаешь?

Глеб молчал и смотрел на нас изумленным взглядом. Книгу он после нашего появления закрыл и перевернул, но я узнал ее. "Лунная радуга" Павлова.

— "Лунная радуга", — сказал я.

— К-как ты д-догадался? — недоверчиво спросил Глеб.

— Читал когда-то и запомнил обложку.

— И в-все п-понял в к-книге?

— Нет, не все, — признался я. — Но книга интересная.

— И я т-тоже, — обрадовался Глеб. — Но интересная.

Новость о том, что кто-то еще читал "Лунную радугу", произвела на него магическое

воздействие. Лицо вмиг перестало быть красным и задышал Глеб уже по-человечески.

— Но сложная, — добавил я.

— Оч-чень!

— Сложнее "Преступления и наказания".

— Н-намного!

— В "Преступление и наказания" я разобрался за полчаса, — сказал я, — не сообразил только, что за желтые билеты.

— Да! — Глеб буквально просиял, — и я. Самое загадочное в т-творчестве Достоевского.

— Не знаю, о чем вы, — буркнул Артем, — "Лунную радугу" я не читал. И "Преступление с наказанием". Но уверен, что "Плутония" интереснее. Там динозавры, саблезубые тигры и дикие люди с топорами.

— А почему ты читаешь книги здесь? — спросил я у Глеба.

— Не хочу м-маму расстраивать. Она утверждает, что д-для меня это вредно. Сложные к-книги опасны, по ее мнению.

— А мои смирились, — развел я руками. — Папа иногда ворчит, и все. Ну и учителя считают, что я постоянно умничаю, и одноклассники... и вообще все вокруг! А когда читаешь, то поневоле умничаешь. Говорить получается только по-другому, не как все. Слова выдают, как парашют шпиона.

— Т-точно, — подтвердил Глеб. — Пропитываешься словами, будто огурец рассолом.

— Интересно, есть ли еще в школе любители фантастики, — сказал я.

— Наверное, нет. Читающего фантастику видно издали. Я знал, что вы ее читаете, хотя и не п-предполагал о "Радуге".

— И про меня догадался? — спросил Артем. — Я думал, это незаметно.

— А ты зн-наешь о Шерлоке Холмсе?

— Да, и что?

— Дедукция. У любителей фантастики глаза немного как у инопланетян. Отличаются от обычных людей. Говорят о том, что ты не от мира сего. Это не объяснишь, посмотрите, и п-поймете. Если знать секрет, то заметить легко.

Мы с Артемом вы уставились друг на друга, потом рассмотрели всех в библиотеке и снова встретились обалдевшими взглядами.

— Он прав, — сказал потрясенный Артем.

— Свихнуться можно — кивнул я. — Выходит, мы точно не от мира сего, хотя я эту фразу ненавижу.

— Тогда вот что, — произнес Артем с видом полководца, принявшего решение о наступлении, — будем дружить. Деваться нам троим все равно некуда.

— Д-дружить? Это к-как?

— Разберемся! — уверенно ответил Артем.

9

Скоро на чердаке стемнело. Включили лампу, но играть расхотелось, потому что уже шайбы перед глазами замелькали.

И мы отправились по домам. Завтра у меня день напряженный. Папа сказал, что будет генеральная уборка — я, пока не уехал, должен помочь родителям, тем более что детей надо приучать к труду. Меня, значит, приучать. Ладно, приучимся.

Глава 12 БАМ и мамонты

1

Дома было все, как обычно. Как вчера и позавчера. И позавчера. Папа — на кухне с чертежами, мама — в родительской комнате перед телевизором что-то штопает. Сегодня, правда, не штопает, а шьет, ну да какая разница. Сидит на диване, а перед ней табуретка со швейной машинкой. Стучит игла по ткани, сшивает ее половинки. Раньше у мамы была ручная машинка, в которой нужно колесо вращать, но недавно купили электрическую, у нее это колесо вместо маминой механической рука крутит. Первая машинка называлась "Подольск", а вторая, со стальной пятерней — "Подольск-5". Видимо, из-за числа пальцев.

По телевизору — концерт эстрадной музыки. Интересно, замогильный желтый свет в концертном зале действительно такой или телевизор постарался. Наверное, и то, и другое. Мертвые лица у певцов и ведущих. Говорят и улыбаются так, будто их ключом заводили перед выходом на сцену. Наш робот-гардеробщик и то веселее, даже если не знать о надписи у него на лбу.

Мама телек вроде и не смотрит. Включила, чтоб просто работал. Заглушал тишину. Отвлекал от грустных мыслей, да и от мыслей вообще, тем более что мысли, если они в голове есть, вероятнее всего, грустные. Многие знания — многие печали, говорил Достоевский, и здесь я с ним согласен. Грустна жизнь тех, кто думает. По себе знаю.

— Ты сегодня обедал? — спросила мама.

И я вспомнил, что нет. Еду она мне в холодильник положила, оставалось только прийти и разогреть (я умею), но мы налопались конфет и заигрались. Хотя сейчас понял, что голоден, а из кухни пахнет вкусно.

— Мам, забыл.

— Молодец. И зачем я готовила.

— Питаться надо вовремя, — это уже отец из кухни. — Иначе вредно для здоровья. Все болезни от нервов и неправильного питания. Сейчас поставлю греться.

На кухне протрещала зажигалка, ухнуло пламя, кастрюля стукнула о конфорку. Потом зашуршала бумага — папа начал собирать чертежи.

И тут он как бы промежду прочим:

— Письмо от брата пришло.

— Антона? — я снова забыл обо всем на свете.

— А у тебя что, другой есть? От него, от кого же еще.

— Пап, а можно я у себя в комнате поем?!

— Ешь, что с тобой делать. Письмо на полке, где газеты.

2

У меня есть троюродный брат Антон (или даже больше юродный, я в этой классификации не силен), я его сто лет не видел (сто — это три), он сейчас далеко, строит в Сибири железнодорожную Байкало-Амурскую магистраль (БАМ), и время от времени пишет письма. Его отец — мамин брат. Когда папа ответил "у тебя что, другой есть", он имел в виду того, кого я знаю. А так да, есть и другие, но я их ни разу не видел, они живут в мамином городке, и мама сказала, что общаться незачем, если только ради неприятностей.

Каждое Антоново письмо — событие, интересное до жути. Сибирь — это космос на Земле. Даже холод в тех краях космический, а то и сильнее. В космосе посмотришь на

звезды, и на душе теплеет, а в Сибири небо почти всегда затянуто тучами, поэтому самолеты там стараются не летать. Об этом я знаю не только от Антона, но и из газет, журналов и телевизора. БАМ не такая уж и тайна.

Я схватил письмо, выключил в комнате люстру и щелкнул ночником у кровати. Такие письма лучше открывать в полумраке, чтоб проникнуться.

И вообще надо рассказать о брате. Как он попал на БАМ, например. Иначе будет непонятно. История должна быть с предисторией. Читать вслух письмо я не буду, потому что знать чужие письма посторонним людям, пусть даже и выдуманым, нехорошо. Пересказать — еще ладно.

Антону двадцать три года, он старше меня он на целую вечность и еще на чуть-чуть (ведь я родился целую вечность назад, а мне двенадцать).

Он скромный, тоненький и тихий. Был до армии! А на фотках к концу службы уже смотрит гордо, уверенно, и сложен, как гимнаст. Армия, видимо, правда сделала из него человека в своем понимании, как зловеще и предрек офицер на призывном пункте. Напоминал брат очкарика с плаката про молодых ученых, а к дембелю стал похож на иной плакат — рабочего с молотом или с другим похожим тяжело ударным инструментом.

И еще одна метаморфоза случилась. До армии он мечтал стать программистом, учился на него в техникуме и с компьютерами любил возиться до невозможности. Мониторы, процессоры, файлы, недавно изобретенные дискеты, — буквально жил этим. До армии, повторяю. Перед самым отъездом он, уже обритый налысо по армейской моде, подарил мне пачку картонных бумажек с маленькими прорезями.

— Это перфокарты. В них информации больше, чем в толстых книгах. Невероятно, да?

Угу, очень. Из перфокарт я потом клеил самолетики. Они летали просто блеск. Гораздо лучше, чем обычнобумажные.

Антон хотел поступить в институт на компьютерный факультет и работать где-нибудь на заводе в вычислительном цехе.

— Только представь, — говорил он мне, — идешь по залу, а вокруг огромные шкафы, и в каждом — по компьютеру. Лампочками мерцают, гудят о чем-то. И ты рядом с ними, маленький и незаметный. Счастье-то какое.

Но потом эта картина его радовать перестала. Поступать раздумал, и уехал строить БАМ. Сразу после армии, я его даже не успел увидеть. Зато он писал письма. За три года — двадцать штук (и десятков из армии). Они предназначались мне и моим родителям, он с ними очень дружил.

В первом послеармейском письме он сообщил, что теперь жизнь программиста ему не по нраву. Скучная она какая-то. Без романтики, адреналина, трудностей и подъемов по тревоге, поэтому он решил отправиться в составе комсомольской бригады прокладывать железную дорогу в неизвестных землях нашей великой страны и просит за него не тревожиться.

3

В армии брат попал в танковые войска. Отправили его в танк, наверное, по причине худобы — такие, как он, в люке не застрянут.

Фотки бронетехники Антон прислать не мог, но словами кое-что описывать не запрещалось.

Служил он на тяжелом танке ТГ-105. Вроде есть еще и сверхтяжелые, но они строго засекречены или вообще выдуманы, поэтому солдатам их не показывали. Но и его танк

маленьким не выглядел! Главная пушка — не тоньше, чем у линкоров второй мировой. Если долго не стрелять, в ней, будто в пещере, заводятся летучие мыши. Зарычит мотор — вылетают черной стаей.

Дополнительных пушек — несчитано. Маленьких и побольше. Из каждой башенки пушка или пулемет торчит, а башенок прилеплены десятки, словно россыпью их кто накидал. Броня — многотонная бомба не возьмет. Но танк и сам умеет снарядами весом в тонну пуляться. Двигатель у него атомный, другие мощностью недостаточны.

Выше любых деревьев танк. Едет по лесу — ломаются, как спички. Реку переезжал, так она вплавь не могла через него перебраться, загородил ее на время проезда, как беспощадная плотина. И таких танков в стране много.

Экипаж в нем большой. Народу — тьма. Сколько именно — не знает даже командир, потому что военная тайна. Но точно не меньше ста.

Брата из-за его компьютерного образования сначала взяли младшим помощником заряжающего. Так и сказали:

— Умный, что ли? Поэтому такой грустный? Потаскай тяжести, легче станет.

Но затем поняли, что брат, хоть и умный, но свой, не задается, всегда готов помочь, и повысили его до наводчика четырнадцатого пулемета, а потом он и вовсе стал заместителем командира танка по воспитательной работе. Легкая работа, все обзавидовались. Раздавай бумажки да проводи политзанятия, рассказывай о коварных планах капиталистов. И отдельный кабинет в танке полагается. Маленький, но уютный и свой. Закрылся — и все, остальное тебя не касается, читай газеты, смотри телевизор да пиши методические указания, по инструкции ты в бою не должен принимать участие. Люк в кабинет ведет собственный — по статусу положено, и окно-перископ есть, ведь скучно сидеть взаперти, интересно узнать, как там сражение проходит.

Но брат почувствовал себя на новом месте плохо. Чужим и ненужным. Не любили коллеги политические занятия, называли их ерундой, а ответственных за политработу — лодырями. Поэтому Антон и попросился оттуда. Руководство танка пошло ему навстречу, и демобилизовался он уже со скромной безкабинетной должности ассистента второго танкового метеоролога.

...Сильная в СССР армия. Передовое оружие. А человек в армии — приложение к оружию, его незначительная часть. Автомат надо чистить и смазывать, иначе стрелять не будет, зато солдат долго протянет без еды и умывания. Экономика называется экономикой, потому что на чем-то экономит. На том, что не так важно. На казармах, в которых зимой холодно, а летом жарко, на кирзовых сапогах, которые можно использовать в качестве утяжелителей на планетах с малой гравитацией, на портянках, которые от мозолей не спасают, а наоборот, с ними сотрудничают... много на чем.

А может, так и должно быть? Все хорошо и правильно, я просто чего-то не понимаю? Сомнения умеют закрадываться куда угодно, особенно когда думаешь. Уверенные в чем-то люди, скорее всего, мало думали.

4

БАМ строится так.

Снега, метели, необъятные степи и леса, и сквозь них медленно растет железная дорога. Расти ее заставляет поезд из двадцати вагонов, в голове которого огромный атомный тепловоз, прозванный "пауком". Назвали его так потому, что у него толстое брюхо с бурлящим внутри ураном и множество длинных-предлинных ножек. Некоторые

циркулярными пилами заканчиваются, ими он тайгу валит, другие — шупальца, хватают деревья и в перерабатывающий вагон засовывают, там из них автоматическими станками шпалы строгаются. Из туловища буры выставлены, по одному с каждой стороны, добывают они на остановках руду, которая тут же доменной печью в металл для рельс плавится. Впереди, на морде, стальные жвала перемалывают землю, чтоб насыпь соорудить, и рельсы прямо из пасти выходят, соединяясь с раньше уложенными. Когда надо, и тоннель сквозь скалу паук пророеет, не остановится.

А на его темной спине надпись большими красными буквами — СССР.

В вагончиках, таких маленьких рядом с пауком — кой-какое вспомогательное оборудование и люди. Работают с утра до ночи, за механизмами глаз да глаз нужен, потом чай пьют и уголь в печки подбрасывают (ядерная паучья энергия на отопление не идет, только на строительство).

5

Главной неприятностью для строителей БАМа, по словам Антона, является йети. Мифический снежный человек. Но в тайге он не миф, а очень надоел. Воруют эти йети продукты, швыряются камнями и оборудование портят.

Новоприбывшие нервничают, пока не привыкнут. Сидит человек вечером в купе, пьет чай с сахаром, и тут на тебе — оскаленная волосатая морда метровой ширины к стеклу прижалась. Кто давно на пауке служит, только прикрикнет "а ну иди отсюда" и тряпкой замахнется, а неопытный при виде снежного человека вздрагивает, чай проливает и полночи не спит.

А иногда йети людей утаскивали. Схватят лапами — и в лес. Зачем, никто не знает. Поэтому без оружия старались не ходить.

И чем дальше в Сибирь, тем крупнее йети. В начале попадались высотой с человека, но во время пути росли с каждым километром. А что творится в совсем неисследованных краях, даже предполагать не хочется. На Луну нога человека уже ступала, а в дальнюю Сибирь — еще нет.

Со снежными людьми у брата целое приключение вышло. Сперва оно было страшное, потом смешное, а затем унылое. Расскажу по порядку.

Схватил как-то йети девушку из стройотряда и побежал с ней в лес. Люди даже за винтовки не успели схватиться. Проводили только грустными взглядами.

Но брат помчался следом. Йети по заснеженной тайге, и он за ним. Направление держать было нетрудно оттого, что девица оказалась боевая, кричала и ругалась на йети, как жена на супруга-алкоголика. Костерила его почем зря, аж флегматичные сибирские птицы с деревьев улетали.

Неизвестно, догнал бы Антон снежного человека или нет, но тот отказался от девушки и так. Снял с плеча, на землю поставил, а сам дал деру налегке.

Привел ее Антон обратно к поезду, и народ изумился. Случай, чтоб человек из лап йети спасся, советской наукой до сегодняшнего дня не наблюдались.

А после йети и любовь подоспела, как без нее. Схватила обоих похлеще таежного монстра. Отвели брату с девушкой отдельное купе, стали они жить там. Но скоро возникла проблема — выяснилось, что характер у девицы склочный и орать по любому поводу она может не только на йети. Терпение брата уже заканчивается, подумывает он разойтись с ней. Обидно ему — йети за полчаса все понял и отыскал в себе силы расстаться, а до брата лишь спустя месяцы начало доходить. Ну и кто из них вершина эволюции?

...Сибирь огромна и таинственна. Силен механический паук, но что он посреди нее. Тонка и одинока дорога-ниточка, клонятся над ней кедры и лиственницы. Замела пурга небеса, засыпала снегом звезды, не видно ничего, только ночь рядом, играет с тобой, насылает сны, да такие, что от яви неотличимы, доверься им, иначе сойдешь с ума.

Не знаю, откуда у меня берутся эти слова. Я их не выдумываю, а слышу. И не понимаю, интересны они или все это глупости. Учительница Мария Леонидовна наверняка со смехом сказала бы, что глупости.

И чего ее йети никак со школы не утащит. Я спасать не побегу.

...А еще брат рассказывал, как сломался паук, и строители долго стояли в степи, чинились, невзирая на метели. Еда закончилась, спасло то, что к поезду мамонт вышел. Некрупный, размером с пятиэтажку, хоботом злобно размахивал, напасть хотел, но подстрелили его и потом мамонтиной кормились. Череп оставили у дороги, для будущих стационарных зрителей. Не надо теперь избу делать, поселился в черепе — и живи там спокойно, выходи ночами с фонарем, пропускай поезда.

Мамонты, в общем-то, мелочи. Они часто бродили неподалеку, внимания на них никто не обращал, агрессивные мамонты — редкость. Однажды прокладывали рельсы мимо горы, присмотрелись — батушки, да это не гора, а заснеженные ребра неведомого животного. Может, доисторический зверь какой, может... тут все может быть. Двигались как-то вдоль озера, и громадная щука из воды выпрыгнула, в вагон зубами вцепилась. За мамонта сослепу приняла и чуть на дно не утащила.

Тяжело быть мамонтом в Сибири. Все тебя так и норовят съесть.

Но поплатилась она за свой поступок. Месяц уху лопали три раза в день. Вкусную, наваристую, не надоедающую, без костей. Самые мелкие кости с полруки длинной, такими не подавишься. Щуки в Сибири большие, когда шли мимо озер, постоянно рыбачили, но недоростков меньше трех метров всегда отпускали.

А однажды, за тысячи и тысячи километров от людей, бамовцы заметили охотника. Шел мимо по снегу. Откуда он и куда путь держит, спрашивать жутко. Вдруг ответит.

Невероятно старый. Двустволка на плече, у ног черный пес с загадочным взглядом. Сказал людям охотник: если не остановитесь, придете к краю мира. Будьте там осторожны, не упадите в темную бездну, к далеким мерцающим звездам.

Сказал — и ушел. Что он имел в виду, не понял никто.

6

Засыпая, я фантазировал, что сижу в купе и смотрю на заснеженную тайгу. Когда вырасту, наверное, не только в космос слетаю, но и в Сибирь съезжу, тем более что они где-то рядом.

По словам брата, никто не знает, что будут возить по этой дороге и зачем она нужна. Даже самое высокое руководство. И строители этим гордятся! Не дорогу, мол, прокладывают, а символ. Символ чего, правда, тоже не знают.

7

Что удивительно, дед, который спокойную жизнь не любил и потому в каких только путешествиях не побывал, расстроился от произошедших в армии с моим братом перемен. Сказал, что человек должен заниматься тем, что ему интересно и оставаться собой вопреки всему.

8

Среди ночи я проснулся. Я частенько просыпаюсь и долго не могу заснуть, прям как

взрослый. Отрою глаза и смотрю в темноту. Хотя темнота в комнате не очень темная — шторы не завешены и в окно светит скорокоммунизм.

Но мне без разницы, скоро он или нет. Меня охватывает одиночество. Я чувствую, что меня никто не понимает. Ни родители, ни друзья, никто-никто. Одиночество, которое днем забылось и спряталось, ночью возвращается. Одиночество боится. Боится людей, отводит при встрече с ними взгляд. Кажется самому себе плохим и виноватым.

Его можно понять. Моим родителям было бы проще, если б я не читал взрослых книг, а получал пятерки по математике. Не шептались бы они тревожно вечерами на кухне — "а где он захочет работать, когда вырастет?" И от учителей я бы не слышал "ты такой способный, но если тебе неинтересно, то едва четверки зарабатываешь".

Они правы! Когда мне неинтересно, заставить себя не могу, хоть плачь. Сила воли не помогает. Мозг отключается и не хочет запоминать. И со сверстниками мне скучно, хотя я не считаю, что умнее их. Многие учатся лучше. Быстрее в математических формулах разбираются, и память у них — длинное стихотворение мигом выучивают. Есть польза от этих способностей. А от моих книг — никакой.

Значит, я ненужный. Чужой. Но это лишь первая половинка тоски. А вторая какая-то необъяснимая. Космическая.

9

Иногда я выдумываю, что пишу книгу. Предназначенную для меня одного, и поэтому самую лучшую. Конечно, она такая лишь на мой взгляд. Ночной взгляд. Взгляд из темноты.

...Мой космолет потерпел крушение на неизвестной планете. Воздух на ней пригоден для дыхания, но она мрачная и негостеприимная.

Острые скалы, высохшая трава, кровавое небо и чудовища. От древней цивилизации остались лишь пустые каменные хижины да жуткие храмы неизвестных богов.

Я один. Брожу по планете, отбиваюсь от монстров и разгадываю загадочную историю древних. Никого вокруг! Полная свобода. Никто не говорит тебе, что нужно делать. Никому ничем не обязан, ни перед кем ни в чем не виноват.

Не только ночью у меня такие мысли. Днем тоже, когда плохое настроение. Увы, я понимаю, что в реальной жизни без людей свихнешься и поэтому фантазирую, что ученые изобрели таблетки от одиночества и я захватил их с собой, но это уже слишком.

10

Что я люблю из фантастики? Многое! Почти все, ведь даже когда фантастическая книга не особенно неинтересна, ей прощаешь это потому, что она фантастическая. А так очень нравятся Беляев, Ефремов, Алексей Толстой, Стругацкие, Казанцев. Но их тоже иногда приходится прощать.

Беляев, в первую очередь, "Человек-амфибия" и "Голова профессора Доуэля", но в самую первую, по моим подсчетам, все-таки амфибия, хотя и голова хороша. Здорово плавать под водой, как у себя дома. "Амфибия" — книга о свободе. О побеге. И вообще вся фантастика — про уход людей от обычной и правильной жизни. Неправильные те, кто читает фантастику! Но быть неправильным не всегда неправильно.

Толстой — не тот, который с Достоевским — написал "Аэлиту". Шикарно написал! Легко, точно, завораживающе.

"Гость из космоса" у Казанцева тоже интересен. А как могут быть неинтересны приключения полярников? Особенно эпизод, когда корабль столкнулся с огромным морским змеем.

И про тунгусский метеорит отлично! Если он на самом деле метеорит, то чего не долетел до поверхности, взорвался, как пришельческий космический корабль? Ученые гадают, есть ли жизнь где-то кроме Земли, а она, может, на нас уже падала!

"Пылающий остров" какой-то не такой. Не книга, а агитационный плакат. На тему революции, на какую же еще.

Слева серое небо, под ним не похожие на людей капиталисты рабочих по-разному угнетают и другими безобразиями занимаются. Посередине — забор из колючей проволоки, наподобие того, который в Берлине стоит, чтоб немцы из западной части в советскую не перебежали, а справа рай какой-то. Солнышко светит, травка зеленеет, спутник летит, и все это потому, что там социализм. Чересчур, пожалуй! Хотя большинству людей нормально.

У Ефремова мне больше всего нравятся даже не книги, а название одной из них. "На краю Ойкумены". Настолько потрясающее, что текст становится не нужен. Фантазировать можно сколько угодно.

Например, представить край Земли. Я — путешественник, проделал долгий путь и наконец-то добрался до цели. Под моими ногами пустота, космос. Вообразишь — и начинаешь жалеть, что Земля круглая.

Самая сильная вещь у Стругацких — "Пикник на обочине". Эх, снял бы кто по ней фильм! Непонятный, затянутый, очень не для всех, чтобы тот, кто все, даже случайно на киносеанс не забрел, а случайно все-таки забредя, убежал бы в ужасе через десять минут. Фильм без приключений, они тут неуместны, но со множеством символов. Чтоб каждая мелочь что-то означала. Причем обязательно непонятное!

Сталкер должен быть сумасшедшим, без этого не обойтись. В путешествие по "зоне" он отправится в кампании с еще двумя персонажами, в отличии от него не безумными, но не ориентирующимися в том, что в "зоне" происходит (это, если кто не понял, намек, что и в устройстве всего мира сумасшедшие разбираются лучше).

Но, повторяю, самое главное, чтоб было непонятно. Чем непонятней, тем лучше. Когда непонятного становится много, в голове щелкает, и кажется, что начинаешь что-то понимать, но что — непонятно.

С иностранной фантастикой я знаком так себе. У нас ее печатают не особо, наверное оттого, что в ней нет революции, а если и есть, то на картинке о капиталистическом "Пылающем острове" слева наоборот будет социализм.

А фамилия самого лучшего писателя-фантаста почти никому неизвестна, поэтому я назову только имя. Его зовут Игорь. Фамилия у него обычная, как раз чтоб спрятаться среди тысяч и тысяч однофамильцев, которые фантастику не пишут и не читают.

Мы случайно нашли его книгу. Она стояла на полке школьной библиотеки, даже в каталог не записанная. Изданная тиражом всего в пятьсот экземпляров. Мы сперва думали взять другую, автора, которого знают широкие слои населения (точнее, полуширокие, потому что широкие мало кого из писателей знают), но библиотекарьша не смогла ее отыскать и пустила нас к стеллажам, сказала "ищите сами". И мы нашли! Не то, что хотели, но гораздо больше. Нашли, и не вернули. Нехорошо, согласен. Но из библиотеки она может исчезнуть, а у нас — нет! И вообще, небольшая потеря совести — потеря небольшая. Совсем неширокие слои населения отыскивали своего автора.

У Игоря странная фантастика. Ни слова про революцию, и приключения не на каждой странице. Поэтому она не нравится народу и его начальникам, чьи живые портреты висят в школьном коридоре. Они от другого в восторг по вечерам приходят.

Думаю, что повесь вместо физиономий секретарей коммунистической партии какие-нибудь еще (да хоть завсегдаев нашей пивной), и те поведут себя точно также. Народ и партия едины, говорит телевизор, и тут я с ним согласен.

Какой-то я злой сейчас. Обидно, что всякую ерунду печатают, а Игоря — нет.

11

В его книге три повести. И пятнадцать рассказов, коротких и странных.

Одна про дикарей на какой-то планете (может, и на Земле). Почему они одичали — неизвестно. Живут в огромном городе. Зданиям, наверное, уже тысячи лет. Люди охотятся с копьями и смотрят на звезды, поддаваясь далеким призрачным воспоминаниям.

Другая — об экологии. Огромный, ржавый, давным-давно построенный Комбинат стоит где-то на берегу ледяного моря, роет землю и плавит железо. Все вокруг отравлено. В реках исчезла рыба, деревья пожелтели. Жители окрестных деревень начинают бороться с Комбинатом и вдруг узнают, что он — живое существо.

Третья — о будущем. Техника развилась настолько, что люди носят с собой, как часы на запястье, маленькие компьютеры, которые знают чуть ли не все, соображают лучше своих хозяев и подсказывают им, что и когда делать. Люди в результате сами не думают, а выполняют указания. И живут счастливо! А может, и нет. Прямо об этом Игорь не говорит, хотя ясно, что такое счастье сомнительно.

И еще в книге много необычного. Того, что никто никогда не увидит, ведь подсказывающие компьютеры для широких слоев населения пока не изобрели.

12

Почему его фантастика самая лучшая на свете? Миллион причин! Одна из них — потому что мы так считаем.

Может, он когда-нибудь напишет еще одну книгу? А как было бы здорово ему позвонить! О встрече я и не мечтаю.

Глава 13 Укрощение стиральной машинки

1

Отец разбудил меня чуть свет. Обычно они с мамой дают мне в выходные поспать, но, увы, не сегодня, так как намечается генеральная уборка, важное и ответственное мероприятие. Состоит оно из нескольких частей. Сначала поход в магазин, затем стирка, тряпчное полковытирание и пылесосное пылесосение, дальше приготовление еды и приготовление меня к отъезду в пионерский лагерь.

Ничего особенного. Ну, кроме, отъезда, потому что уборка чаще пионерлагеря и чаще намного.

Оставив маму дома, мы с папой отправились за покупками. До магазина минута ходьбы. Он еще не открыт, мы пошли рано, чтоб занять очередь. У папы Артема там работает знакомый и сообщает ему, когда что-то дефицитное привезут, а папа Артема сообщает об этом моему папе, потому что они друзья. Сегодня должны продавать мясо, из которого родители планируют заготовить пельменей на месяц вперед.

Однако, подойдя к магазину, мы с горечью осознали, что знакомые у его работников есть и без нас. Почти весь район в угрюмо петляющую очередь выстроился. Вздохнули мы и разместились в ее конце. Тетенька впереди подтвердила, что люди стоят за мясом. Папа от ее слов приободрился, сказал, что очередь, конец которой знает, что продают, большой не считается. А потом и за нами начал народ выстраиваться, и, стыдно сказать, на душе у меня повеселело от мысли, что есть те, кому ждать еще дольше.

Эх, много у нас внутри плохого. Слой цивилизации на людях тонок, и стояние в очереди для него, как наждак.

Через час магазин открылся, передне-средняя часть змеи-очереди заползла внутрь и ткнулась головой в мясной отдел, даже негромкий "бум" раздался. Но мы с папой головой станем нескоро, и я со скуки принялся глазеть по сторонам, хотя был тут миллион раз.

Красиво в магазине и продуктов на витринах невероятно. Колбасы двести сортов, сыра не меньше, сосиски, сардельки, икра, конфеты, шоколад, лимоны, ананасы... но все это, к сожалению, лишь светящиеся голограммы. Для красоты их включили и хорошего настроения. Материального там только рыбные консервы и мутные соки в трехлитровых банках. Ну и в соседних отделах молоко, кефир, хлеб. Хотя у трудящихся в капиталистических странах выбор вроде тоже невелик. Сказал себе так и расстроился, потому что опять стало лучше из-за чужих проблем.

На стене рисунок с комическим кораблем и лозунг о годовщине первого полета в космос. Отвлекать людей от скудного ассортимента, перенаправлять мысли к звездам небось повесили?!

...Согласно теории относительности время может замедлять ход, и в очереди это заметно безо всяких формул. Тут время даже медленнее, чем на уроке, вот такое очевидное-невероятное.

Пока стояли, я сбегал за хлебом, кефиром и плавленными сырками "Дружба", а еще мне налили в бидон сметану. К молоку мы в семье относимся скептически, а кефир пьем. Он вкуснее и вроде полезнее. Кефирные полулитровые бутылки под зеленой крышечкой из фольги даже выглядят симпатичнее, чем беломолочные.

Нести бутылку надо осторожно, перевернешь или наклонишь — потечет. Вся кефирная

витрина в протекшем кефире. Некоторые крышки скособоченные, а то и порванные. Такой кефир нам не нужен!

И вот наконец вечность закончилось. Мы с папой — у окровавленного прилавка мясного отдела. На нем окровавленные весы, у окровавленной стены за ними — окровавленные куски мяса, между прилавком и стеной — откормленная продавщица в кровавом белом халате. Глядит недобро, и в руке огромный нож, будто хочет твоим телом мясные запасы пополнить. Но мы с папой люди привычные, не робеем. Продавщиц бояться — в магазин не ходить. Главное, им в глаза не смотреть, от этого у них злобная генетическая память просыпается, сохранившаяся еще с дореволюционных времен.

Точнее, доэволюционных. Юрско-мезозойских.

Звереют от взгляда в глаза, короче. Не все, но большинство. К нам в магазин завезли именно этих. Спокойных, наверное, не хватило, быстро разобрали.

Кое-что я упустил. Не сказал, что мы живем в конце двадцатого века, поэтому у продавщицы три руки. Добавочная, длинной в метр, крепится к широкому поясу. Она сделана из железа, заканчивается лязгающей клешней и помогает в работе. Ставит современные левитирующие над весами гирьки, пока обычные руки товар заворачивают или на экране сенсорных счет цену подсчитывают. Поэтому продавщицы на просьбу работать быстрее гневно отвечают:

— У меня же не четыре руки!

И как тут возразишь...

Думаете, три — предел? Ошибаетесь! Со склада мясник в окровавленном переднике выходил, так у него этих рук — шесть. Из дополнительных две — побочные, то есть они по бокам, и еще две над головой. Непростое дело мясорубка.

Но сейчас в одной из них горячая папираса. Опытен дядя мясник, умеет с руками обращаться. Из того места они у него растут, как гласит пословица. Из крепления за спиной в районе бедер.

В другой железной руке у мясника топор, из-за чего он похож на Родиона Раскольникова. Или на Достоевского, какая разница.

А затем из той же двери учетчик выглянул. Рук у него негусто, всего две, я даже удивился, зато головы тоже две, для голов это много. Вторая — маленькая, но косматая и с противным взглядом. Торчит над левым плечом, осматривает все вокруг. Искусственная она, подсчитывает компьютерным зрением товары на полках. Ревизию проводит, человеку только записывать остается.

Нагрузили мы сумки и пошли домой. Взяли побольше, оставим про запас в холодильнике. Еще в магазине сегодня продавали кур, которых прозвали "синими птицами" (то ли из-за мечты видеть их на прилавке почаще, то ли по причине, что они действительно синие и худосочные, африканские людоеды таких не едят). Ну и мы не стали, у нас сегодня есть мясная альтернатива.

Перед выходом папа вспомнил, что кое-что забыл, оставил меня на две минуты и в хозяйственном отделе прикупил несколько радиоактивных коробочек-ловушек для тараканов и на всякий случай специальный убийственный тапок. Урановый каюк тараканам наступает быстро, но некоторые выживают и мутируют, увеличиваются в размерах, да настолько, что простым тапком их не прибьешь, поэтому в магазинах продаются антитараканные свинцовоподошвенные.

Рядом с подъездом стоит папина гордость — автомобиль "Жигули". Красный,

квадратненький, смешной. Салон тоже красный, из кожи дерматина (дерматин — это такое животное, выведенное суровыми советскими учеными-генетиками, помесь коровы, свиньи и крокодила, худящее и злобное, его колхозные стада часто по телевизору показывают). Под зеркалом на цепочке болтается трехсантиметровый Ленин, говорят, удачу приносит.

Итальянцы, я знаю, на основе наших "Жигулей" свой "Фиат" выпускают, переделав подвеску для ровных итальянских дорог, и вместо Ленина фигурку актрисы Софи Лорен вешают, но это кому кто ближе.

Увы, двигатель заводится не всегда. Ключ в замке повернул, а толку нет. Приходится вылезать, поднимать капот и колдовать, иначе это не назовешь, а в тяжелых случаях бежать за слесарем дядей Борей. Он быстро починит, независимо от того, насколько пьян (а в какой-то степени он пьян обязательно), но зачем лишняя нервотрепка.

Однако я прочитал книгу "Трое в одной лодке" английского писателя Джерома и выяснил, что можно бороться с незакипающим чайником методом его незамечания. И теперь, если нам куда-то ехать, за несколько минут до поездки мы с папой останавливаемся около автомобиля и заводим беседу следующего содержания:

— Не поедem, пожалуй, никуда сегодня. Будем сидеть дома.

— Да, не поедem. Ну или на автобусе. Личные машины — пережиток прошлого. Скорей бы коммунизм настал, чтоб их совсем отменили.

И обиженное авто заводится мгновенно.

Убедившись в эффективности способа, папа месяц не упрекал меня в чрезмерной любви к книгам, ведь доказательство того, что они приносят пользу, оказалось убедительнейшим.

2

Но иногда литература бессильна совладать с советским автомобилем. Тогда приходится звать дядю Борю, нашего местного Кулибина.

Дядя Боря — пенсионер, но не старый. Работал в шахте, там пенсия начинается рано, вот он и вышел из забоя, переехал сюда, построил большой гараж и начал чинить сломанные вещи. А еще пить водку, хотя это на работу это особо не влияло. Мог отремонтировать все, от швейной машинки до автомобиля. Хоть трезвый, хоть пьяный, правда, трезвым его никогда не видели.

Золотые руки у дяди Бори! И опыт огромный, потому что ломается в стране техника часто. Вроде из толстого металла, весит — не поднимешь, а работать не хочет. Японская какая-то не такая. Худенькая и легкая, но ничего с ней не случается. Дед по этому поводу сказал, что вещи похожи на тех, кто их делал. Наши люди, усмехнулся он, спокойно работать не могут — либо с удвоенной энергией, либо никак. Отключаются и думают о смысле жизни. Дед любил покритиковать, но старый советский видеоманитофон у Артема именно так и крутил пленку — то очень быстро, то отдыхал в замедленном режиме.

Автомобиль у дяди Бори крутой, из старого самолета сделанный. Небольшого, типа "АН-2" или меньше. Крылья дядя Боря лобзиком отпилит, колеса заменил на "жигулевские" — и ездит! Даже по большим дорогам гаишники ему разрешили, не только по двору.

И еще работа с куклу величиной смастерил. Бегае т тот теперь своими железными ножками около гаража, птиц гоняет. Робот у дяди Бори вместо семьи и домашнего животного, потому что ни того, ни другого у него нет.

Кстати, о Кулибине. Он — мифологический персонаж. Сказочный и выдуманный. Трезвый дядя Боря и то реальней, хотя ненамного.

Точно знаю. Видел на балконе газету "Правда" пятнадцатилетней давности, там прямо сообщалось, что Кулибин — выдуман! Не будут же в "Правде" обманывать! Даже "Пионерская правда" не обманывает, просто какую-то ерунду пишет. Никакого Кулибина отродясь не было. Не изобретал он самодвижущиеся повозки и наручные часы с кукушкой не дарил императрице Екатерине Великой. И все из-за того, что не существовал!

Но поскольку народ о нем постоянно говорил, а газету "Правда" читал невнимательно, фамилия стала общеизвестной, так сказать, нарицательной, и он появился! Незаметно вошел в историю и материализовался. Биографию его где-то публиковали, список изобретений. Праправнуки по телевизору зачастили выступать. Памятник Кулибину поставили, пока не живой, но все еще впереди. Самого Кулибина двадцать лет назад на свете никогда не было, а через год он уже пару веков назад с моноклем на глазу мастерил что-то.

3

Домой мы вернулись уставшие, но довольные. Отдохнули, попили чайку, проверили останавливающий счетчик магнит (воровать электричество нельзя, но так делают все, поэтому можно), и сложили грязные вещи в стиральную машину.

Она у нас новая, называется "Вятка-автомат". Большая, удобная, сама стирает, отжимает, но работает громко и подпрыгивает, причем высоко. На полметра — запросто. Барабан крутится и заставляет машинку скакать.

Положить на нее гирю — не поможет. Сесть сверху — тоже. Сесть с томиком "Войны и мира" — уже лучше, но она все равно прыгает сумасшедшим отбойным молотком.

Поэтому папа высверлил в полу несколько дыр (едва до соседей снизу не добрался), вставил в них металлические кольца и обратно цементом забетонировал. Теперь на время стирки мы машинку железными цепями опутываем, как Прометея. Доказываем опытным путем, что древняя литература по-прежнему актуальна. Бьется машинка, трепещет, а толку — ноль.

Вот и сейчас она рвется на волю, но цепи толстые. Папа с завода принес, ими там приковывают вождей, если они плохо себя ведут.

Кто-то говорил, что советские ученые изобрели успокоительное для стиральных машинок, его надо добавлять в порошок и тогда те не так бесятся, но в магазинах оно пока не встречалось и обсуждать его бессмысленно.

Поэтому мы закрыли дверь в ванную и перешли к пылесосу.

Пылесос марки "Циклон" — штука пострашнее стиральной машинки. Очень уж он мощный. Воет, как отрицаемое наукой чудовище безлунной ночью у палатки геологов и засасывает все, что увидит.

К нашему приходу мама все мелкие вещи в шкафы от пылесоса попрятала. А также на всякий случай средние и крупные. Шкафы — на ключ, ключ — в старый жуткопрочный дореволюционный саквояж, сейчас такие не выпускают, точнее, выпускают, но непрочные. Туда вредная бытовая техника не долезет, а в шкафах без ключей мама ручки на створках тесемкой вместе связала, теперь не откроются.

— Приготовились? — строго спросил папа.

— Ага, — отозвались мы, и он махнул рукой:

— Поехали!

4

Когда начинает работать советский пылесос, мир вокруг меняется. Думаю, это связано с тем, что от оглушающего рева кровь к глазам меньше поступает. Все сереет, стекленеет,

очертания предметов искажаются, напоминая кадры мрачно-черно-белого фильма "Кабинет доктора Калигари".

Но впадать в тоску некогда, надо прибираться.

На полу у нас, как и полагается, ковер мутной расцветки, и если его пылесосить просто так, то между ним и пылесосом развернется битва не на жизнь, а на смерть, наподобие схватки кашалота и гигантского кальмара. Пылесос будет пытаться ковер сожрать, а тот встать колом у него в глотке и перекрыть доступ к кислороду.

Победа ни одной из противоборствующих сторон нас не устраивает, поэтому мы, пройдя долгий путь проб и ошибок, действуем так: я с мамой сижу на ковре, прижимая его своей задней силой тяжести к полу, а папа осторожно пылесосит пространство между нами. Потом мы, не вставая, передвигаемся, и папа переходит на другой участок.

Десять минут все происходило в штатном режиме, но затем случилось страшное.

Стиральная машинка разорвала цепи, выпрыгнула из ванной и поскакала в коридор.

Папа задрожавшими руками отдал маме пылесосную трубу и кинулся на стиралку. Сел на нее, но она, обезумев окончательно, не обратила на папу никакого внимания. Не помогло и отключение от сети — барабан продолжал крутиться, а машинка прыгать, как необъезженный мустанг.

Но входная дверь ее остановила. Подскакивает стиралка к ней, намереваясь выбить, а папа — рраз, и ногами от двери отталкивается. Отлетает машинка на пару метров и снова несется к двери, но папа опять ногами коварно не позволяет ей вырваться на свободу. И на очередном витке противостояние закончилось. Затихла машинка. Попрыгала на месте и сдалась судьбе.

Однако праздновать победу время еще не настало. Пылесос-то работать продолжал, и сквозь его нечеловеческий вой донесся человеческий крик — мама звала на помощь. И было с чего! Стояла она, спиной к стене прижавшись, обеими руками от лица пылесосную щетку отталкивая, как неосторожный зритель зоопарка морду анаконды.

Но мы спасли маму. С почти тремя взрослыми людьми пылесос не справился. А затем все пошло как надо. Пропылесосили, и даже выяснилось, что, несмотря на побег, стиральная машинка все прекрасно отстирала и практически ничего со злости не разорвала, потери оказались гораздо меньше запланированных.

Дальше из уборки остались мелочи. Правда, деревянный стол-книжку отодвинуть не смогли, и пыль под ним ушла от возмездия.

Стол-книжка — это такой тяжеленный и трудноопасно раскладываемый стол. Лакированное чудовище. Выдвижные ножки могут прищемить пальцы, а столешница могильной плитой обрушиться на голову, ведь для полного разложения стола надо стать на колени и переползть под ним от одной ножки к другой, мысленно умоляя о пощаде.

Родители не смогли вспомнить, как он попал в квартиру. Кто его мог занести, уму непостижимо. Пара обутых в валенки чемпионов по штанге, не иначе. Почему в валенки? Потому, что пока его несешь, прикрепленные на петлях столешницы болтаются и лупят тебя по ногам.

Жуткая вещь. Однако есть в каждой квартире. Зачем — никто не знает. Страшная это тайна. Страшная и тяжелая.

А дальше мы стали лепить пельмени. Мама тесто уже замесила, осталось мясо на мясорубке прокрутить. Электрическая мясорубка сломалась, поэтому крутили ручной. Папа ее не так давно усовершенствовал — приделал длинную ручку, которую можно держать

вдвоем. Так они вместе с мамой и крутили. Выглядело романтично. Затем папа, выгнав нас из кухни, в маске и трубке для подводного плавания резал лук и плакал, хотя ваты для очистки воздуха в трубку запихал чуть ли не килограмм. Советский лук не злой, но свирепый до невозможности.

Раньше для лепки пельменей мы использовали пистолет. Эта штука реально похожа на оружие из-за рукоятки и пластмассового ствола. Надо тонко раскатать тесто, положить на него рядами кусочки мяса, накрыть сверху еще одной тестопростыней, а потом давить пистолетом в местах мясодислокации, чтобы кусочки оказывались внутри ствола. Оба слоя теста в итоге рвутся и слипаются в пельмень.

Но однажды папа заявил, что пельменный пистолет — оружие прошлого, и вынул из коробки оружие будущего — пельменный пулемет. Новый кухонный аппарат так назывался неспроста — он почти не отличался от легендарного "Максима" с противопульным щитком. В комплекте лежал даже инструмент для смены перегревшегося ствола.

Работает пулемет так. В коробку сбоку вываливается тесто и мясо, при нажатии курка они по ленте поднимаются к затвору, где стальной механизм автоматически лепит пельмени и длинными очередями выстреливает их через ствол. С грохотом, отдачей и вьющимся дымком.

Пельменей наделали быстро. Папа стрелял, а мама в каске держала огромный таз-мишень (каска я нашел в лесу и притащил домой). Несколько минут — и готово. Часть пельменей — в кастрюлю вариться, а остальное — в верхнюю часть холодильника под названием "морозильник". Там очень холодно, лед, иней, сосульки, и продукты могут не пережить, что испортятся до того, как их съедят.

Глава 14 Путешествия

1

Мне надоело рассказывать про уборку. Какие-то мелочи я пропустил, ну да сойдет и так. Не в последний раз она происходит.

Если, конечно, огромный метеорит на землю с небес не свалится.

Из-за метеорита большая часть человечества вымрет, а почти все оставшиеся превратятся в злобных мутантов, с которыми будут героически сражаться спасшиеся в бомбоубежищах. Об этом можно снять фантастический фильм.

Избранному на заседании девятнадцатого съезда Московских подземных депутатов делегату Центральный комитет Катакомбной Коммуно-постапокалептической партии поручает найти электронную схему, предназначенную для очистки воды. Деваться товарищу некуда — идет. Уж послали, так послали.

Путь труден и извилист. Москва из-за падения метеорита очень интересна. Приходится драться с мутантами, роботами, инопланетянами, взбесившимися памятниками и другими контрреволюционерами. Финал оптимистичный, но оставляет некую недосказанность, намекая на продолжение, потому что публика любит сериалы.

Жаль, думать она не любит, но эта проблема легко решается — надо, чтобы после перестрелок (или даже во время них), персонажи говорили что-то умное, философствовали, как мой и Артемов папа на кухне, когда вторая трехлитровая банка пива подходит к концу. Тогда занятый схваткой читатель не обратит на мудрые мысли никакого внимания и они проберутся в его мозг словно двадцать пятый кадр, под покровом ночи минувя вооруженные заслоны обывательского мировоззрения, и начнут незаметно управлять человеком, как африканский гриб-паразит муравьем.

Похоже, меня занесло куда-то не туда, ну и ладно.

2

Завтра в восемь утра мы выезжаем в пионерский лагерь имени И.В. Мичурина. Он недалеко, в ближайшем Подмосковье. Почти вся школа едет, кроме старших классов.

Мама отутюжила мне белую рубашку, шорты, галстук (какое счастье, что теперь не нужна эта дурацкая шапка-пилотка), собрала чемодан, наклеила на него бумажку с моей фамилией. В чемодане запасные вещи, обувь и подарок родителей на день рождения — электрический фонарик, наиглавнейший предмет для лагеря. А также запас печений, пряников и конфет, которые позволят продержаться первое время даже после падения огромного метеорита.

Провожать нас будет мама Глеба, потому что мы уже большие и хотели ехать одни, но родители оказались решительно против и пришлось соглашаться на мучительный компромисс.

Ну да сойдет. Одна провожающая мама на троих — достаточно грубовато. Можно свысока смотреть на тех, кого в лагерь привозят целыми семьями, включая дедушек, бабушек и домашних животных.

3

Спалось мне опять плохо. Вроде и убегался за день, а все равно. Лозунговый свет спать не дает? Вряд ли, я никогда на него не обращал внимания. "Скоро коммунизм"? Ну, хорошо, только чего об этом кричать. Есть вещи поинтереснее, особенно когда тебе не сто лет.

Я повернул голову и увидел в красной темноте за дверцей серванта маленьких дедушкиных солдатиков. Дед вырезал их из дерева, раскрашивал, и отдавал перекупщикам. Продавать сам не хотел. А спекулянты — пускай занимаются на свой страх и риск.

Солдатики нас серьезно выручали. Вроде мелочь, но столько всего покупалось на эти деньги! Тот же папин автомобиль без них бы не появился.

Не помню, рассказывал ли, но раньше дед жил со мной в одной комнате, а потом перебрался в кладовку и оборудовал там себе кабинет. В кладовке кровать, стол и узенький шкаф вполне поместились. А больше, сказал дед, ему ничего и не нужно.

Отговорить мы его не смогли. Впрочем, почти не отговаривали, боясь разозлить, хотя дедушка был человеком очень хорошим. Но если ему сильно надоест, мог взглянуть так, что захочешь куда-нибудь подальше забраться и оттуда долго не вылезать.

В кладовке деду никто не мешал. И не душно было, под потолком вентиляционная дыра-вытяжка.

Работал он чаще всего по ночам. Когда спал — неясно, такое впечатление, что не спал вовсе. Не читал ни газет, ни книг. Говорил, в газетах толкового не пишут, новых интересных книг нет, а старые он знает наизусть.

Ночью он еще часто выходил гулять. Без фонаря. Утверждал, что он ему без надобности, и не обманывал. Однажды, когда я зашел к нему в кладовку, он закрыл за мной дверь и выключил лампу.

— Видишь что-нибудь? — спросил дед. Его голос звучал будто со всех сторон сразу.

— Нет, — ответил я, почувствовав себя, как в заколдованной пещере.

— Напиши в воздухе цифру.

Я нарисовал пальцем единицу.

— Один, — сказал дед. — Давай дальше.

Следующей была семерка.

— Семь. А теперь слово.

Я написал — "темнота меня не пугает".

— Молодец, — засмеялся дед. — Из тебя будет толк.

И щелкнул лампой. Вернул из пещеры обратно.

...А теперь его нет.

Почему именно сегодня я так часто вспоминаю деда?

Я встал, вытащил фонарик и открыл дверь кладовки.

Уже ни кровати, ни столика. Один шкафчик, но там родители теперь всякую ерунду хранят. Пол завален мешками и коробками, у потолка папа прибил гвозди, с них мамины колготки с луком свисают.

Все хранят лук в колготках. Сбоку дырочку процарапывают и выковыривают луковицы по одной. На этикетках с недавних пор начали печатать, сколько лука колготки выдержат, поделив их на категории — "трехкилограммовые", "пяти", "семи". Самые лучшие — десятикилограммовые, мечта всех женщин.

В кладовке еще лежит дедов чемодан. Деревянный, почерневший, в паутине трещин-морщин. На замке чемодан, и где ключ, никто не знает. Перед смертью дед сказал: все мои вещи выбрасывайте, а чемодан оставьте и не трогайте.

Поэтому что внутри, неизвестно. Открыть — страшно. Мне страшно, а родителям тем более. Они бы не открыли, даже отыскав ключ. Глупо бояться, что дед оживет и накажет, но...

Вот папа с мамой и выкинули все, кроме чемодана. Хотя нет, остались еще маленькие солдатики. У них своя тайна. Разгадать ее просто, но никто не разгадывает. Надо взять мощное увеличительное стекло и увидеть, что их лица нарисованы точь-в-точь как настоящие. Не аляповатые рожи магазинных поделок. И на лицах — печаль и тоска.

Я сказал об этом деду.

Он улыбнулся.

— А что должен чувствовать солдат на войне?

И добавил:

— Надеюсь, люди не будут разглядывать. Узнают правду, перестанут покупать. Правда нужна не всем.

После чего отвернулся и продолжил водить тонким лезвием по деревянной заготовке.

4

Деда мне не хватает. Чем старше я становлюсь, тем больше по нему тоскую.

Как ни странно, его жизнь мне толком неизвестна. Только эпизоды. Знаю, что он воевал в Великую отечественную, был ранен, и у него есть награды, которые он никогда не показывает. А еще — что он сидел в тюрьме. Недолго, до войны.

Родители об этом старались не говорить. В тюрьму ведь отправляют преступников! Таких, как мамины братья из далекого города. Но они пьют и воруют, поэтому все по закону!

Представить деда ворующим я не могу. Это невозможно, невысказано. Значит, попал за что-то другое?

Вообще-то дед был не только добрым, но и грозным. Много занимался боксом, и до самых последних дней говорил, что на один удар его хватит, и этого будет достаточно.

Потекла у нас как-то батарея в квартире и мы вызвали слесаря из жилищно-коммунальной службы, за которой дом закреплен. Слесарем оказался вертлявый и хамоватый мужичок лет сорока, ростом побольше папы и с прокуренными зубами. Зашел — не разулся, трубу небрежно замотал и на вопрос "потечет ли когда-нибудь снова?" засмеялся и ответил, что конечно потечет, намекнув, что надо дать ему денег, вот тогда проблем не будет. Папа с мамой пригорюнились и были готовы идти за кошельком, но тут вместо кошелька появился дед и молча взглянул на слесаря.

Поначалу тот безразлично глазами с дедом встретился, но через несколько секунд вытянулся в струнку и затрясся, как в лихорадке. Отвести глаза не мог, не было на это сил, а разрешение не поступало. Еще чуть-чуть, и умер бы дядя от разрыва сердца, как кролик под взглядом удава, но дед нарушил тишину, сказал:

— Почини хорошо.

И ушел в свою кладовку, захлопнул дверь.

— Конечно-конечно, — пролепетал слесарь, — что же вы сразу так не сказали.

Возился довольно долго, даже бегал отключать воду в подъезде. Но не беспокоят трубы уже два года. А у соседей текут постоянно.

К чему я это рассказываю? К тому, что дед мог сделать больно, если человек заслужил. И было деду тогда за восемьдесят.

Все, пора спать. Времени — полночь.

5

Ну и что! Да хоть час ночи, хоть два! Я еще хочу рассказать о деде. Кусочек его жизни. Он любопытный! Хотя таких кусочков в дедовой биографии полно.

...Перед тем, как родился мой папа, дед работал в Тайном исследовательском институте

подземной Москвы. Есть такой. А как ему не быть, если московские катакомбы площадью больше самой столицы!

Почему тайный? Да потому, что не стоит простым людям знать о происходящем под гладкими городскими тротуарами. Дед подписку давал о неразглашении, но к концу жизни плюнул и поведал кое-что нам с отцом (мама тоже сначала слушала, но быстро ушла в очередной раз смотреть "Москву слезам не верящую", неинтересно ей стало). Папе дедов рассказ был умеренно интересен, есть все-таки вещи и поважнее, вроде выполнения плана на заводе, а мне интересен очень, потому что не представляю, что может быть важнее этого. Космос, разве что. Но ведь и здесь его кусочек! Упал с неба и закатился под землю.

Не знаю, что тут правда, а что дедова усмешка. Но многое я слышал и от других. Подземное шило в московском мешке не утаишь, хотя мир и похож на чью-то шутку. Не помню, кто это сказал и говорил ли.

...Сотни лет катакомбам. Или больше. Копали их во времена князей, потом при царях, и с приходом советской власти по инерции. А еще внизу есть пещеры, которые динозавров видели. И даже тех, кто жил на Земле перед динозаврами.

На самом деле катакомбы — штука расплывчатая. Сложно отделить их от заброшенных веток метро, от старых подвалов, от тех же пещер и канализации. Но в московской канализации интересного мало. Ну если только крокодилы.

Ага, крокодилы! Большие, зеленые и хищные. Из-за них канализацию сейчас закрывают чугунными люками в тонну весом, поэтому москвичи и крокодилы никак не встретятся.

Откуда крокодилы? Понятно, откуда — перебрались из нью-йоркской канализации, там-то они давно обитают, это всем известно. Нью-Йорк — город контрастов. Капиталисты, рабочие и крокодилы.

Что за бред, скажете вы. Где Москва и где Нью-Йорк? Между ними расстояние даже на глобусе огромное, и редкий крокодил доплывет до середины Атлантического океана.

Хахаха! Все объясняется элементарно — проходил в Москве научный форум, посвященный проблемам зоологии. На него привезли несколько выловленных в Нью-Йорке крокодилов, показать тамошнюю фауну седой ученой общественности. Однако не успели, сбежала она (фауна) из клеток и скрылась в привычной среде обитания — канализации. Вот так-то! Теперь Москва и Нью-Йорк — города-побратимы в крокодиловом смысле слова.

Но канализация — это так, цветочки. Хотя и дурнопахнущие.

...Дед пришел в подземелье младшим научным сотрудником. Над ним посмеивались — возрастом он был старше всех, кроме начальника. Но через пару лет дед его заменил — тот однажды бросил все со словами "с меня достаточно" и перебрался в какое-то домоуправление бумажки перекладывать.

Дед говорил, что подземных приключений хватит на целую книгу. Причем толстую и интересную. Как "Записки из подполья" Достоевского, хотя они не толстые, не интересные, и не из подполья.

В московских катакомбах перед революцией большевики скрывались от полиции. Могли и в питерских, но выбрали Москву. Питерские подземелья какие-то холодные и неуютные. Интеллигентные, но высокомерные.

А в Подмосковье (ведь катакомбы — самое что ни на есть Подмосковье), Ленину и его соратникам понравилось. Не апартаменты, но жить можно. Да, троглодиты белоглазые в дальних пещерах. Да, полным-полно всяких неизвестных чудовищ. Да, некоторые динозавры пережили падение метеорита и бродят по темным лабиринтам. Ну и что! Сел на камень,

запалил факел поярче и пишешь спокойно про Льва Толстого как зеркало русской революции, никто тебе слова не скажет. А в динозаврах есть и свои плюсы. Известная картина художника Петрова-Водкина о пещерном периоде коммунистической партии — "Товарищ Ленин и товарищ Дзержинский жарят на вертеле тушку игуанодона".

Много наскальных изображений большевиков в пещерах находили. Схематических, но понятных. Как не узнать силуэт невысокого человечка с копьем и в кепке?

Но большевики потом наверх переселились, а всякие маньяки и убийцы, прячущиеся от правосудия — нет. С незапамятных эпох в темноте так и существуют, забыло о них время. Это о добрых людях оно помнит, следит, чтоб лишнего себе не позволили. Идешь по тоннелю — а в боковом ответвлении комнатенка. Уютная, но костями человеческими украшена. Думаешь сразу — а далеко ли хозяин, закончил ремонт или за новым материалом ушел.

Призраков тоже хватает. Живут энергетические субстанции сумрачной жизнью, не любят посторонних, завывают ругательно им в уши.

Крысы в подземельях огромные, да настолько, что втроем и крокодила одолеют, тараканы — бессилён против них тапок даже со свинцовой подошвой, нужно чугунный кирзовый сапог искать, слизняки кислотные — проползет такой по чему-нибудь железному и ржавый след за ним тянется... что еще? Ну, сектанты-староверы с петровских времен как от гонений под землю ушли, так там и живут. Потеряли уже человеческий облик, выродились в злобных карликов-каннибалов, но учение свое не бросили, все каноны строго соблюдают. Постятся по календарю и свечки жгут. А еще еретиков и отступников в своих рядах ищут, как без этого. Найдут, и в пищу потребляют, не пропадать же добру.

Река течет под Москвой. Другая, не из тех, что всем известны, то даже не реки, а так, ручьи.

Ее вода черная, непрозрачная и безымянная. Если попробовать ловить рыбу, то не будет никакой уверенности, что эта рыба не поймает тебя. Впадает река в подземное море. Его никто не видел, но говорят, что оно есть, и обитает в нем огромное чудовище, человекокальмар. Сейчас спит на дне, но как проснется, мало человечеству не покажется. Всплывет, вынырнет около Кремля, и начнется темная глубоководная эпоха.

Но не оно тут самое страшное! Вылитый тысячами москвичей в раковину и соединившийся под землей в огромную мыслящую колонию чайный гриб — вот монстр преисподней. Людей ненавидит, и это объяснимо. Еда обычно не любит того, кто ее ест. Посидите неподвижно с полчаса, наблюдая за чайным грибом в банке на вашей кухне, и увидите, с какой злобой он смотрит на вас.

Каждый кусочек чайного гриба из канализации просачивался в пещеры, к своим. Вырос гриб до многометровых размеров, обзавелся пастью, щупальцами и презрением к человечеству. Рассказать, как он выглядит, сложно. Тот, кто не видел гигантский чайный гриб, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную внешность.

Продолжал он копить силы и злость, но не повезло ему — нашли его катакомбные ученые, облили спиртом и сожгли в тяжком бою.

Граждане, чайный гриб не то, что он кажется! Вы или не заводите его, или доедайте целиком, не то однажды поменяетесь с ним местами!

После этой схватки начальник и подал в отставку. Увидел на своей коже следы присосок чайногрибных щупалец и дезертировал на более спокойную работу. Без сектантов, крокодилов и грибов.

Заменил его дед, но ненадолго. После рождения ребенка бросил ради него опасные приключения и устроился мастером на тихий завод живых памятников.

Все, я спать.

6

Нет! Никакого сна. Не отпускает мысль, что Расскажи я это незнакомому человеку, он бы решил, что дед просто хвастается. Выдумал все, кроме крокодилов, потому что о них подозревает вся Москва.

Так вот, однажды дядя Саша во время занятий в Клубе задумчиво посмотрел на нас (в тот день пришли только мы вдвоем), и спросил у меня:

— А ты знаешь, кто твой дед?

Я от неожиданности лишь помотал головой. Дедушка умер всего пару месяцев назад, и от разговора стало неуютно.

— Он — легенда, — сказал дядя Саша. — Он говорил что-нибудь о своей жизни?

Мало, ответил я. Дед не любил рассказывать о себе, хотя я с друзьями постоянно об этом его упрасивал. Мол, потом, как будет настроение. Но знаю, что он где только не был. И в московских катакомбах, и в пустыне, и на кораблях.

Тогда слушайте, произнес дядя Саша.

И рассказал нам о бескрайней монгольской пустыне, где нет теней, а жители иссушены солнцем настолько, что напоминают мумии; растущие из песка деревья сочатся ядом, а под их корнями чернеют логова огромных варанов — пожирателей верблюдов, где твари, похожие на увеличенных в миллион раз муравьиных львов копают ямы, из которых человеку не выбраться, на горизонте сверкают предательские миражи, а пыльные вихри ведут себя так, будто они — живые существа.

...Автомобиль, на котором ехал дед и его товарищ — молодой ученый Николай, налетел на спрятавшуюся в песке скалу и перевернулся. Им не осталось ничего другого, кроме как идти пешком десятки километров до ближайшего поселка.

Через три дня на них напал синий песчаный червь — тот, о котором местные боятся даже думать. Ядовитый и обжигает ультрафиолетом.

Дед убил его. Получил страшные ожоги, но убил, разрубив на шевелящиеся куски.

Никто до деда не убивал синего песчаного червя.

Чудовище успело лишь оцарапать Николая клыками, но и этого хватило, чтобы он потерял сознание. Дед потащил его на руках, но скоро Николай умер. Глаза закрылись, сердце перестало биться.

Но дед отказался бросить его. Посмотрел на полуденное безжалостное небо и сказал "нет".

И понес тело. Увязая ногами в песке и потеряв счет времени.

Но все-таки добрался до людей.

А потом, спустя месяц, уже после того, как вышел из больницы, он узнал, что Николай жив, и даже закончил лечиться раньше него.

Наверное, небо услышало дедово "нет" и вернуло человеку жизнь. Испугалось?

...Николай отказался встречаться с дедом. Увидел что-то в мире мертвых и сказал, что зря дед его вытащил, нарушив естественный ход вещей. А затем бросил науку и ушел в монастырь. Препятствий ему никто не чинил.

7

Я сплю.

Нет, не сплю! Понимаю, что если бы меня сейчас кто-то слушал, то уже бы сказал "на сегодня хватит". Но мне не хватает! Мало!

Дед еще и плавал, вернее, "ходил в плавание", как сердито утверждают моряки. И на торговых кораблях, и на исследовательских. И чего только не видел!

Огромных птиц, кружащихся над морем, чтобы поохотиться на акул, морского змея, такого же, как на древней картинке, с гривой спутанных волос и страшной пастью, русалок, подплывших ночью к кораблю и смеющихся над людьми, грозовые молнии, бившие в воду с такой силой, что она вскипала, хищных летучих рыб, проносящихся над палубой в надежде схватить кого-нибудь из матросов, чудовищную медузу размером в несколько футбольных полей, поймавшую километровыми щупальцами невнимательного кита.

Дед опускался в водолазном костюме на дно океана к ушедшему под воду древнему городу и чувствовал странные взгляды из черных глазниц-окон высоченных зданий, пережил нападение гигантского кальмара, почти утащившего корабль под воду и штиль, который принес тишину, жуткую и безумную, наделившую любой звук эхом, едва не утонул в огромном водовороте, подстерегающем корабли у мыса Горн, выброшенный ночью за борт волной где-то посреди Индийского океана, дед, пока его не нашли, провел несколько дней на панцире мертвой морской черепахи... я заснул или нет?

Утром я, как ни странно, оказался выпавшимся. Воспоминания о дедовых приключениях заменили мне сны. Почему бы и нет — ведь они такие же удивительные. А может, даже удивительнее, потому что случились наяву, не в самой благоприятной для удивительного среде.

В общем, я бодро встал с дивана, умылся-позавтракал и побежал вниз, причем не побежал, а попрыгал — схватившись рукой за перила, одним прыжком оставлял за спиной целый лестничный пролет.

Умею я прыгать, умею. Умею и люблю. Получаю удовольствие от того, что получается.

Во дворе меня встретила веснушчатая физиономия Артема, аналогично моей демонстрирующая все признаки довольной выпанности, а вот спустившийся через минуту Глеб выглядел выпавшимся не очень. Он пришел с красно-опухшими глазами, всколочено-непричесанный и молчаливо несчастный. Мы с Артемом решили это как бы не заметить, но потом взгляд упал на Глебовы сандалии, красноречиво грязные, не такие, какими они были вчера вечером.

— Гулял во сне, пока мама на заводе дежурила? — спросил Артем, хотя все было ясно и так.

Глеб помолчал и шмыгнул носом.

— Д-да.

— Может, сказать ей? — продолжил Артем.

— Н-нет.

Он закрыл глаза, будто что-то вспоминая.

— П-пойдем играть в х-хоккей.

И мы отправились на чердак.

День перед отъездом начался так себе. Мы давно знали, что Глеб, оставаясь ночью один, иногда бродит лунатиком по двору, а потом из-за этого очень расстраивается, но все

равно. Когда кому-то плохо, а ты не можешь ему помочь, то чувствуешь себя виноватым, хотя ты совершенно не виноват.

...В хоккее мы играли почти целый день (с перерывом на обед). Играли по-честному, ни капельки не поддаваясь Глебу, хорошо понимая, что наша жалость ему не нужна и от нее будет только хуже.

Через один хоккейный час Глеб уже потихоньку заулыбался, через два его глаза перестали быть красными, через три его волосы чудесным образом пригладились и Глеб перестал напоминать выбравшегося из чулана интеллигентного домовенка. К обеду Глеб уже совсем превратился в самого себя, и побыл им еще пару часов... но потом его лицо опять стало мрачнеть, глаза — краснеть, а волосы обратно распричесываться.

— Что с тобой? — как бы вскользь поинтересовался я.

— Н-ничего. Ид-дем на улицу. Н-надоело играть.

Мы с Артемом быстро посмотрели друг на друга.

— А там куда? — спросил Артем.

— Д-давайте с-ходим на ст-троительную площадку.

Это еще зачем? Стройплощадка — место, где мы запускаем клубные ракеты. Но сейчас ракет у нас нет. А без них там делать нечего, разве что куличи из песка лепить!

Ладно, пошли.

10

Ходьбы до пустыря две минуты, из них первая по дороге, а вторая уже по земле и песку, чумазы от ночного дождя. Но мы не неженки, правда? Если есть смысл в преодолении препятствий, то мы их преодолеем, чего бы это не стоило. Сейчас, правда, в ходьбе по грязи никакого смысла не наблюдается.

— Ну и? — спросил Артем у Глеба, когда мы подошли к пустырю.

— К-когда в прошлый раз здесь был, кое-что заметил, — сказал Глеб и направился к торчащей из земли одинокой бетонной плите. Немного не дойдя до нее, он наклонился и разгреб песок ногой.

Под тонким, явно насыпанным для маскировки слоем песка обнаружился деревянный люк, а под ним — черная бездна подвала.

— Ниче себе, — протянул Артем. — А почему мы раньше тут не были?

— Н-не знал о подвале, в-видел только кусочек люка и не д-догадался, что тут.

...Мы сходили домой за фонариками и отправились под землю за приключениями.

Спустились по железной лестнице не особенно глубоко — метров на сорок-пятьдесят. Земные глубины остались недостижимы, но коридор повел нас дальше, не особо собираясь заканчиваться, а через минуту расширился, будто захотел стать не подвалом, а пещерой, и у него получилось. А еще у него получилось вызвать у меня нервную дрожь и пугающие предчувствия.

После расширения коридор свернул налево и мы увидели, что там, в загадочной дали, светит фонарь. Хорошо так светит, ярко, прям как уличный, хотя у нас уличные фонари светят неярко, а то и не светят вообще.

Я, конечно, обрадовался, но радость была нерадостной. Фонарь означал, что под землей что-то происходит... но будет ли происходящее нам радо? Или будет, но эта радость окажется трогательной радостью людоеда, увидевшего, что еда сама пожаловала в гости?

Нехорошие предчувствия набросились на меня с утроенной энергией. Но я понял, что если сейчас предложу отступить и меня послушают, мне придется иметь дело с

разочарованным любопытством и риторическим вопросом "я что, струсил?", а эта парочка еще зловреднее.

Поэтому я натравил любопытство на страх, и пока они между собой грызлись, разглядел в конце коридора гигантскую кучу всевозможного металлического мусора,

Мы подошли к ней метров на десять и остановились под криво торчащей из далекого потолка круглой лампой.

Тишина. Людей не видать.

— П-подвал использовался под свалку. Вс-се ясно. Идем обратно, — сказал Глеб.

— Давай быстренько глянем, что тут лежит, — ответил Артем.

— М-может, все-таки уйдем? — попросил Глеб, — к-как бы чего не вышло.

Глеб, в отличие от меня, не побоялся признаться в том, что ему страшно.

— Боишься — уходи, — отрезал Артем.

Но кто уйдет после такой фразы?

Поэтому мы подошли к куче вплотную.

Однако ничего заслуживающего внимания не увидели.

Ржавые автомобильные цилиндры, аккумуляторы, шестеренки, железные бочки, пустые огнетушители, парочка пустых черепов древних роботов... ни о чем, короче. Немного заинтриговал маленький дирижабик у потолка. Что он тут забыл, непонятно. Кто-то оставил его непривязанным, поэтому он взлетел и уткнулся в земляной свод. Впрочем, такие игрушки обычно делают радиоуправляемыми. Придавить кнопку на пульте, и они вернутся к руке хозяина.

Глеба дирижабль почему-то очень расстроил. Чуть ли не слезы появились.

— П-пожалуйста, идем отсюда!

— А что там, — Артем совершенно не обратил на его слова внимания, обошел мусорную кучу и присвистнул. Я подбежал к нему и понял, что свистел он правильно. Свистеть было от чего.

На обратной стороне я увидел стол, на нем слесарные тиски, а рядом соединенные проводами аккумуляторы и раскрытый чемодан с полевым набором инструментов. Кто-то сюда недавно заходил.

— Интересно, — сказал я.

И тут внутри мусорной кучи что-то заскрежетало, вниз посыпались шурупы, гайки, куски проволоки, и наружу выполз робот.

Я таких никогда не встречал.

Он был похож на человека. Или нет. Точно не знаю.

Огромная проржавевшая голова. Полный зубов рот — от уха до уха. Две худые длиннющие руки, а туловище... От него осталась только часть. Будто огромная рыбина откусила ноги и половину живота, из которого теперь торчали искрящиеся провода.

Робот, вращая глазами и разинув пасть, быстро полз к нам. Точно не затем, чтобы поздороваться.

— Назад! — закричал Артем, и мы кинулись в темноту.

Отбежали метров на пятьдесят и оглянулись. Робот замер у подножия мусорной кучи и смотрел нам вслед. Потом он взобрался на вершину, еще раз повернул голову и скрылся.

— Его кто-то собирал из отходов, — пробормотал я, поежившись. — Но зачем?

— П-пошли наверх! — Глеб уже почти умолял.

— Хм, — задумался Артем. — Мы-то уйдем, а если сюда еще кто-нибудь заглянет и

попадется ему?

Не ждал я от него таких слов. Удивил меня Артем. Хулиган хулиганом, а сердце у него доброе и благородное. Какой необычный образ — благородный хулиган, ну почему его не используют в литературе.

— Можно заманить робота в ловушку, — предложил Артем.

Страх снова обнял меня своими холодными лапищами, но я вспомнил, что вообще-то как бы на полном серьезе собирался в космос, а трусов туда не берут. Не знаю, о чем вспоминали Глеб с Артемом, но, так или иначе, мы осторожно подкрались к подножию свалки, отыскивали несколько прорезиненных веревок (их часто используют на заводах), и сделали две большие петли.

Мы положили их на землю, привязав другие концы к торчащим из земли колышкам.

Я и Глеб взялись за веревки, а Артем пошел звать робота. Долго кричать не пришлось — он выглянул из-за кучи и хищно бросился за Артемом.

Не посмотрел робот на пол, а зря. Угодил руками, как и задумывалось, сразу в обе петли, тут же нами затянутые. Мы обмотали веревки вокруг колышков, и повисло механическое страшилище, как муха в паутине — ни влево ему, ни вправо, ни вперед, ни назад. Порычал он, подергался, и затих, даже глаза закрыл.

И тут возник вопрос — что дальше? Прикончить с безопасного расстояния? Роботы, в принципе, неживые, особенно такие примитивные. Они ничего не чувствуют и ни о чем не переживают. Но вот так, хладнокровно...

Артем шагнул к роботу.

— Эй...

Он не двигался. Артем подошел еще, уже почти вплотную.

— Эй...

И тут робот рванулся вперед, насколько позволили веревки. Артем отшатнулся, упал, но откатился в сторону, и вовремя — страшные зубы клацнули там, где он только что был.

Робот понял, что ничего не вышло, и в бешенстве забился на привязи. Ревел, дергался, стучал зубами... ужас.

Артем, побледневший и посуровевший, встал с пола, демонстративно не спеша отряхнулся, поднял какой-то железный ломик и ткнул им робота в глаз. Мы с Глебом отвернулись и только услышали, как полетели искры и заскрежетали в агонии железные челюсти.

...Оказавшись на поверхности, мы закрыли люк и засыпали его песком, решив, что пока сохраним находку в тайне. Затем молча вернулись во двор, раз за разом прокручивая в голове случившееся под землей, а потом увидели, что на пустырь проехала строительная техника — огромный бульдозер, огромный дорожный каток, и несколько огромных самосвалов со щебенкой. Мы кинулись за ними, потому что опять стало жутко интересно. Площадка заброшена уже несколько лет, и вдруг такое.

Строители, суетливые дяди в разноцветных касках, обошли площадку, потом залезли в свои машины, и до наступления темноты несколько раз проехали по пустырю бульдозером, засыпали его щебенкой и утрамбовали катком. Подвал стал замурован, как погребальная камера древнего египетского царя.

Да, вовремя мы вылезли.

Потрясенные тем, что могло нас ожидать, мы распрощались и отправились по домам.

...Если задуматься, все не так уж и странно. Ну да, огромный подвал. Но ведь и здание тут должно было стоять огромное! А здания растут не только вверх, у них, как у деревьев, есть корневая система, и эти корни — подвалы. Делаются подвалы раньше стен, потому что так копать удобнее. Зачем свалка? Хранить запчасти на всякий случай, и чтоб не мокли снаружи. Робот? Над землей их полно, поэтому один мог и под ней оказаться. Дядя Боря — Кулибин, если надо, в гараже за два часа и две бутылки водки тебе его спаяет. Роботы обычно добрые, но поменять местами парочку проводов в голове, и вся доброта в прошлое улетучится. Для охраны самое оно. Иногда смотришь на кондукторов, и полное впечатление, что у них тоже черепные проводочки набекрень.

Получается, кто-то знавший о подземной свалке решил организовать подпольную мастерскую. Причем, не нарушая закон, ведь поблизости никаких заборов, шлагбаумов и табличек "проход воспрещен".

Вот и объяснение, опускающее таинственный подвал с небес на землю. Так что даже секретное метро под нашими домами гораздо удивительнее, хотя и оно не удивительно вовсе.

С этими мыслями я уснул.

ЧАСТЬ 2 Пионерский лагерь Глава 15 "Все лучшее — детям"

1

Утром в девять возле школы стояли пять автобусов с надписями "Осторожно, дети", хотя чего нас бояться, похожий на цыпленка желтый милицейский автомобиль и толпа из школьников, учителей, пап, мам и двух гаишников. Все бегали, кричали и резвились. То есть школьники резвились, а родители нет, они сверяли список. Даже гаишники не резвились, а молча ждали около своей смешной машины сигнала отправления. Нас троих, как мы и решили в ходе долгих дипломатических переговоров, провожала только мама Глеба. Чемоданы мы принесли самостоятельно.

Исходя из своего жизненного опыта я могу твердо сказать, что список — такая вещь, которая никогда не сходится. Вот и сейчас не сходилась. Ехать нельзя, потому что кто-то опаздывал, кто-то пошел не к тому автобусу, а кто-то ждал поодаль, не понимая, что надо подойти и отметить.

Погода была замечательная. Ни облачка, одно лишь солнце, теплое и приветливое, еще не жаркое, а если присмотреться, можно было заметить и луну, ненадолго задержавшуюся на утреннем небе.

А на земле в это время мальчишки швырялись камнями в фонарный столб, девчонки скакали через натянутые резиночки, кто-то с кем-то едва не подрался, четверо с нашего класса обсуждали погоны гаишников... и еще много чего происходило. Шумело, кричало, подпрыгивало.

Я, Глеб и Артем стояли в стороне. Это получилось само собой, и, признаюсь, получается часто. Можно, конечно, пойти сыграть в "выбивалу" — поуворачиваться от брошенного мяча и покидаться им в своих одноклассников... но игра началась без нас и без нас продолжалась. Частенько выходило так, что между нами и остальными будто нарисована мелом черта — перешагнуть ее нетрудно, но что-то останавливает. Ладно, подождем здесь, в тени деревьев.

К половине десятого на горизонте появился директор Авангард Аполлонович, издали взглянул на толпу, затем подошел и громко сказал, чтоб все немедленно ехали, невзирая ни на какие списки, потому что к школе неумолимо приближается главный технолог Эдуард Данилович, желая выступить с напутственной речью, а еще он кого-то с собой везет, догадайтесь, кого и зачем. Поэтому эвакуироваться надо быстро, иначе я ни за что не отвечаю. Опоздавшие могут добраться до лагеря самостоятельно, у кого нет машины, у того благодаря советской власти есть автобусы и электрички.

Угроза возымела действие. Все мгновенно забежали в автобусы, оставив за окном суровоодинокую фигуру Авангарда Аполлоновича. Он скрестил на груди руки, поднял подбородок и выглядел как капитан, не желающий покидать корабль.

Ехали мы долго и в противоположную от Москвы сторону. Впереди машина ГАИ, следом автобус, в котором сидели мы трое и мама Глеба, а дальше еще четыре автобуса.

Я заметил интересную деталь — автобусные двери оказались из резины. Водители, когда в салон набивается много народа, часто говорят "не висите на подножках, выйдите, у меня автобус не резиновый". И чтоб они так не говорили, автобусы модернизировали. Пока

только двери, а потом, наверно, и остальное будет резиновым. Вместимость сразу улучшится и водители вынужденно замолкнут.

Но сейчас мы ехали в полупустом салоне. Никто не стоял, все сидели на сиденьях (знаю, что так говорить неправильно), сложив чемоданы горой на задней площадке.

Началась поездка традиционно скучно. Мимо обыкновенно-надоевших домов, деревьев, остановок и автомобилей. Трасса ровная и заасфальтированная, почти без ухабов, на которых автобус весело и шумно подпрыгивал.

Зато как прекрасно стало дальше! Дорога пошла проселочная, и на ней ям великое множество. Мы не мечтали о таком даже в самых сокровенных фантазиях. Молодцы строители!

Просто класс. Большую часть пути мы не сидели, а висели в воздухе, ведь автобус непрерывно скакал на выбоинах. Ба-бах — и ты взлетаешь, держишься за поручень над спинкой сиденья впереди и кричишь от восторга. Потом приземляешься, но только на секунду, ведь впереди новая потрясающая яма, над которой ты опять летишь, да так, что ноги оказываются выше головы и ты делаешь стойку на руках, как олимпийский гимнаст.

Артем взлетал совсем высоко, потому что он легкий, и орал совсем громко, потому ему так хотелось. После одного бугра-трамплина, когда приземление автобуса заняло целую вечность, во время которой мы парили в невесомости, Артем не выдержал и гордо завопил:

— Эту дорогу делал мой папа!!!

Дети кричали от счастья, а родители ойкали. Им, родителям, недоступно наслаждение дорогой. Гром ударов колес о землю их пугает.

2

Но все когда-то заканчивается, и проселочное путешествие — тоже. Вновь объявился грустно-гладкий асфальт. Мы хотели приуныть, но передумали, решив, что впереди еще будут развлечения и что нехорошо похорошевшая дорога означает недалекий пионерский лагерь.

И оказались правы. Скоро наш автобус жизнерадостно проехал огромные ворота под полукруглой аркой с надписью "Пионерский лагерь "Юный романтик" имени И.В. Мичурина" и мы организованно выгрузились на большой усыпанной камешками площадке, где уже стояли другие автобусы и легковые автомобили.

3

Сейчас я нарушу последовательность повествования и расскажу о лагере целиком. Так, как я бы его описал, прожив в нем неделю и почти все узнав, а не как в некоторых книгах, где главный герой, попав на новое место, куда-то идет, что-то видит, говорит "ух, ты", рассказывает о нем, потом идет дальше, снова что-то видит и снова говорит "ух, ты" или "какой ужас" и опять делится впечатлениями.

Это долго, сложно, и можно самому запутаться. Лучше я забегу вперед, как нередко поступали многие великие и полувеликие писатели.

...Лагерь находится в лесу. От стройно-высоченных сосен и дубов его отделяет забор из металлической сетки-рабицы и дорога, по которой мы приехали — узкая асфальтовая полоска на земле, над которой смыкаются кроны деревьев.

С другой стороны лагеря — река. Немаленькая, шириной в полкилометра, с лодками, прогулочными корабликами и даже огромными баржами, доверху засыпанными углем, щебенкой или чем-то еще. Баржи нечасты и обитают вдали от берега, на боках носят надоевшие имена тех, чьи памятники рождаются у нас на заводе, но волны поднимают

отличные, далеко на берег заползающие.

В центре лагеря — трехэтажное здание под названием "администрация" с пионерской комнатой, кабинетом директора и прочими кабинетами. Оно из круглых бревен, выглядит новеньким и блестящим, особенно после дождя. Крышу сделали из железа и зеленой краски, получилось красиво. Ну а чтоб не было красиво сверх меры, над входом, как халаты на вешалке, повесили разнообразные флаги (один из них — СССР), и светящийся крупнобуквенный лозунг "Все лучшее — детям".

Если меня, когда вырасту, против воли назначат директором пионерского лагеря, я снимаю все флаги и лозунги. Порядочный человек всегда отдаст детям самое лучшее, даже я сквозь мысленные слезы вручу пломбир тому, кто младше меня, поэтому говорить об этом нет смысла никакого.

А дед так и называл лозунги "напоминалками". Как бумажки, которые папа магнитом к холодильнику прицеплял (отец у меня малость рассеянный). На холодильнике — "Купить кефир", на фасаде дома — "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Один к одному. Купить, выпить, и соединиться с кем-то. Но именно этот лозунг не для папы. Он все-таки инженер и считается интеллигентом, а наука учит, что физические явления необратимы, и сделать обратно из интеллигента пролетария нельзя, как нельзя запихнуть прокрученное мясо тем же путем в мясорубку.

Хотя можно! Около нашей пивной постоянно отирается несколько бывших инженеров, выглядящих как бездомные лондонские рабочие девятнадцатого века с иллюстрации школьного учебника истории, главы об ужасах капитализма.

...Однажды вечером дед заглянул на кухню к отцу, а тот опять весь в своих чертежах, напряженный и сосредоточенный. Верхний свет погашен, одна настольная лампа горит, да с соседнего здания слова "Скоро коммунизм" красного цвета добавляют. Подошел дед и негромко, но тревожно, как в фильмах про революцию:

— Сын! Ты слышал новости?!

И тень дедова на стене зловеще скрючилась, и занавески сквозняком колыхнулись.

Папа испуганно поднял голову.

— Что случилось?!

А у деда лицо — будто привидение встретил. Через мгновение и у отца такое же стало.

— Что, скажи!

Дед еще помолчал, ткнул пальцем в окно и папе на ухо драматическим шепотом:

— Пишут, что скоро коммунизм!!!

Отец побледнел, стукнул ладонью по столу и скривился на захохотавшего деда:

— Да ну тебя с твоими шуточками!

...Хорошо хоть памятников вождям в лагере нет. Ни одного. Ни живого, ни мертвого. Хм, в городе памятники я и не замечал, а тут увидел их скульптурное отсутствие и обрадовался. Говорят, чтоб понять, насколько для тебя что-то важно, его нужно потерять, а здесь наоборот — потерять, чтобы узнать, как оно тебе надоело.

Странная она какая-то, наука психология. Все у нее вверх тормашками. Логика в ней не работает.

Хотя не совсем нет памятников, я ошибся. Есть пионерская аллея, которая ведет от администрации к столовой, и вдоль нее полсотни гипсово-трехметровых пионеров на тумбах между деревьев выстроились. Чередуются они: дерево — пионер, дерево — пионер, пионер — дерево. Кто-то с горном, кто-то с флагом, кто-то — девушка с веслом. Вроде одна из

скульптур немного живая, но какая именно, забыли. Она в любом случае живая не слишком, давно не шевелится, однако цепями за ноги приковали все статуи до единой. Иногда лучше перестраховаться.

А вообще необычно видеть памятники не вождям, а кому-то другому. Каким-то безымянным пионерам, которые и не существовали наверное никогда, а просто вылепились с картинки. Если б памятники Ленину на аллее стояли, тогда понятно. Ну а что, идешь вечером по дорожке, уже почти стемнело, а вдоль нее один Ленин, другой, третий, девятый... И с горном можно их, и с веслом. Ленин с веслом — разве плохо? Почему малоизвестной гипсовой девице можно носить с собой весло, а вождю мирового пролетариата — нет?

Строители лагеря могли бы поучиться у своих ленинградских коллег, поставивших на городском вокзале самый оригинальный памятник Ленину из всех. Ильич перед революцией приехал в страну в plombированном товарном вагоне, вот его-то памятником и сделали. Вагон с неоткрывающимися дверями, если кто не понял. На робкие вопросы иностранных туристов "а где сам Ленин?" экскурсовод гордо отвечает — "внутри!"

Правду говорит, потому что внутри вагона — живой памятник вождю. Приложив ухо слышишь, как он там ходит и о чем-то сам с собой разговаривает. Памятники, даже сильно живые, все-таки не люди, изоляцию от общества спокойнее переносят, не бьются о стены, не истерят "выпустите меня сию же секунду".

И в одном из районов Москвы память Ильичу творчески переработали — в монументе открыли опорный пункт милиции. Памятник не живой, огромный и пустотелый, внутри свободного места предостаточно. Поэтому и засели в голове вождя участковые, сквозь глаза-иллюминаторы за порядком приглядывают.

А теперь из Москвы и Ленинграда возвращаемся обратно.

4

Перед администрацией заасфальтирован большой кусок земли для проведения линеек и прочих построений, на его краю — столб наподобие фонарного, только выше и с металлическим тросиком для скрипучего поднятия флага.

Еще в лагере есть несколько одноэтажных белокирпичных зеленокрышных зданий, они называются корпусами. Довольно больших, сверху выглядят, как плоские коробки. В первом кинотеатр, в другом столовая, в третьем проходят различные кружки, например, вышивания для девочек, выпиливания лобзиком для мальчиков и шахматного для всех — наверное, потому, что на него никто не ходит (на те два, впрочем, тоже никто не ходит). В четвертом еще что-то и то же самое в пятом, а в шестом, самом дальнем и поцарапанном временем, разместились склад и прачечная, из трубы которой постоянно поднимается то белый, то черный дым.

Также есть два футбольных поля с вытопанной травой. Одно большое, размером с настоящее, и второе, поменьше, там можно устраивать встречи пять-на-пять. Неподалеку волейбольная площадка, на которой играют в основном в пионербол (это такой волейбол, где мяч не отбивают, а ловят), и самое главное — пляж. То, ради чего все сюда и ехали.

Он песчаный, громадный, метров триста длиной, огорожен в реке сетью. Около него — заходящий глубоко в воду причал с лодками и катамаранами. И те, и другие детям не положены, но для купания можно брать маленькие резионадувные лодочки, матрасы и подушки. Плавать и бултыхаться с них в воду очень удобно.

Река отделена от лагеря железным забором, чтоб никто из детей, убежав ночью из

спальни, не добрался бы до воды и не утонул, а потом не всплыл в виде зомби и не топил других убежавших, которые тоже станут зомби-утопленниками, и так до бесконечности. Воспитательные сети подстерегают повсюду.

Домики, в которых нас поселили, мне приглянулись. Не новые, но после ремонта, и они близко к реке, спрятались за деревьями от администрации.

Деревянные, двухэтажные, из покрашенных в зеленый цвет досок. Жалко, из обычных досок, не круглых, ведь тогда бы домики напоминали избушку бабы Яги — река по весне разливается, и поэтому они стоят на полутораметровых сваях, точь-в-точь как на куриных лапах.

Крыши треугольные, а под ними — мрачные чердаки. Запертые, но это исправимо. Наверняка там хранятся древние сокровища, а то и парочка скелетов, потому что сокровищ без скелетов не бывает. Короче, наши цели ясны, задачи определены, скоро примемся за работу.

Комнаты в домиках разные. Мы поселились в самой маленькой, как раз для троих и предназначенной. Кроме нас — никого, и это здорово, а то попался бы какой зануда, да еще и не один. В двух соседних живут уже по шестеро. Глеб обрадовался больше всех, хотя виду не показал. Ему с незнакомыми тяжко.

А на втором этаже обитает наш вожатый Геннадий Семенович, и это проблема. Не то чтобы он нам не нравился, но лучше б мы как-нибудь сами. К нашему отряду и второй дом относится, точно такой же, так у него внутри вожатого нет. А тут две секунды ему по лестнице ночью спуститься, пересчитать присутствующих по головам и поутру наказать головы отсутствующие. Хотя и до соседнего домика, отведенного девчонкам, если завредничать, идти недалеко.

Но будем надеяться, что такого не случится. Геннадий Семенович сам недавно был пионером и совесть у него взрослая жизнь еще не забрала. Да и какая там взрослая жизнь, студент он третьего курса политехнического института сверхтяжелого машиностроения имени В.И. Ленина. Можно называть его дядей Геной, но дядя из него так себе, на троечку с двумя минусами и записью "в следующий раз поставлю два". Худой, долговязый, слегка длинноволосый и с усиками для солидности, причем эти усики солидности не добавляют, а напротив, отнимают ее со страшной силой. Усатый старшеклассник, гыгы. Но здесь он начальник. Хотя власть ему, судя по первым впечатлениям, нужна не слишком. Не утонули пионеры, не переломали ноги, не потерялись в заборном лесу — и уже хорошо.

А еще взгляд у него с хитрецей, как у Артема. Это интересно!

...Если подытожить, обычный пионерский лагерь, каких сотни и тысячи. Прошлым летом мы отдыхали в почти таком же — с деревянными домиками, кустами вдоль дорожек, администрациями, флагами, коптящими прачечными, проволочными заборами и пляжами на манер австралийских, за подводными ограждениями которых тоскливо, но не теряя надежды, смотрят на людей голодные акулы. И все было хорошо — отдохнули, загорели, купались. Жаловаться не на что, потому что на мелочи жаловаться стыдно.

Лагерь принадлежит "Агитационностроительному заводу имени В. И. Ленина", или проще, "заводу светящихся лозунгов". Горящая красными фонарями в окна фраза "Скоро коммунизм" — дело их безжалостных рук. И местное "Все лучшее детям" — тоже. Завод огромный, не меньше нашего, даже район для него построили в лесу. Брат-близнец, одним словом. Говорят, руководства предприятий во время совместных праздничных застолий часто спорят, какой завод ценнее для государства и мировой истории. До драк, к счастью,

никогда не доходило. Все боятся, что мы на разборки свое каменное воинство приведем.

Но по части пионерских лагерей лозунгосветящиеся нас опередили. У них лагерь есть, а у нас — увы, поэтому на лето директор завода просится к ним или к кому-то еще, в случае отказа обещая в будущем поставить таких вождей, с которыми они потом хлопот не оберутся.

5

Название лагеря мне нравится. "Юный романтик" — звучит! Хоть о романтике говорят постоянно, мне эти разговоры не надоедают. Романтика космоса, дальних походов и прочая. Учителя о ней говорят, телевизор, книги, газеты, плакаты и лозунги.

Деньги — не главное, напоминают они. А также квартиры, автомобили, одежда.

И я согласен! Даже без пломбира жить кое-как можно, а без космоса — нет.

Слышал, что где-то в далеком Подмосковье стоят две малюсенькие деревеньки под названиями Марс и Юпитер. Назвали их так жители. Переименовали после революции Умопомрачительно! Работают на чумазых незаасфальтированных колхозных полях, выращивают картошку-помидоры, а все равно на звезды смотрят!

6

Мама Глеба рассовала вещи из чемоданов по шкафам и тумбочкам, поговорила с важно надувшим щеки Геннадием Семеновичем, потом вернулась к нам, попросила не баловаться, вытерла у себя на глазах слезы, поцеловала Глеба и не оглядываясь ушла к автобусу ехать обратно.

Все произошло очень быстро, за какой-то час, одним предложением, пусть и на целый абзац с семью сказуемыми... и наступила свобода.

Пахло рекой, слышался плеск волн. Вокруг домика росли деревья, он казался наполнен таинственным шорохом листвы... а каково будет вечером!

Доставшаяся нам комнатка оказалась хоть и небольшой, но просторной. Три кровати, причем две рядом с окнами, около каждой — тумбочка. Шкаф, три стула и стол с обмотано-починенной длинной изолентой большой железной настольной лампой... ой.

Пол деревянный, мягкоскрипучий, окрашен прозрачным лаком и поэтому видны все сучки и прожилки. Класс! В прошлом нашем лагере полы безжизненно штукатурились сантиметровым слоем краски.

Комната обычная, за исключением одного элемента интерьера — из стены над шкафом торчит белогипсовое плоскопионерское лицо, ко рту которого для чего-то прилепили горн. Настоящий, медноблестящий, мы такие носили на школьных праздниках. Зачем он здесь? Пока никаких версий.

Около выхода — помещение с умывальниками и туалет. Это отчасти хорошо, отчасти плохо. Меньше предлогов для покидания дома после отбоя. Рядом еще одна комната. Общая, для всех. В ней двадцать стульев и на старой тумбочке теплый ламповый голограммный телевизор (утром включали, вот он и нагрелся).

Мы съели половину привезенных конфет, попрыгали на кроватях, открыли окно, прикинув, как будем вылезать ночью, и приступили к обсуждению важнейшего вопроса лагерной жизни — будет ли дневной сон? Расписания мы пока не видели, на стенде около администрации вместо него зияет дыра. Ладно, не зияет, и дыры там никакой нет, зато слово красивое.

Есть ли на свете что-то более глупое и ненужное, чем дневной послеобеденный сон? И не спит никто, и заняться нечем, и светло на улице, убежишь — сразу поймают. Глеб

пессимистично заявлял, что сон неизбежен. Артем спорил, аргументируя тем, что если человечество смогло полететь в космос, то и этот пережиток варварства сумеет победить, а я помалкивал, не желая отказываться от веры в цивилизацию, и в то же время терзаемый плохими предчувствиями, которые обычно не обманывают, в отличии от радостных ожиданий.

Через несколько минут из коридора раздались голоса — это заселялись в соседние комнаты. Мы гордо смотрели на суесящихся пап, мам и прочих бабушек с горами сумок, пакетов и чемоданов, словно их дети-внуки оставались зимовать на ледяной арктической станции.

Скоро граждане провожающие исчезли и мы подумали сходить познакомиться, потому что ребята приехали не из нашей школы, но к нам заглянул Геннадий Семенович и велел выходить на улицу — около администрации намечается линейка с выступлениями и поднятиями флагов.

На вопрос о дневном сне он сказал, что сам не знает, может, сейчас и сообщат.

Отряд собрался рядом с беседкой. Мы и девчонки из второго дома, из них тоже ни одной нашей районной. Некоторые родители еще не уехали и помогли Геннадию Семеновичу всех пересчитать, после чего мы организованной толпой направились вверх по тропинке.

7

На площадку мы явились последними. Остальные отряды уже выстроились перед зданием администрации. Несколько сот человек, я прикинул. Все дети возрастом примерно от девяти до тринадцати. Мелкие и старшие поехали не сюда. Вот и прекрасно. От них одна головная боль в метафорическом смысле.

Пока мы стояли, вожатые суетились со списками, иногда что-то спрашивая у находящихся здесь же родителей, поскольку те могли подсказать, не потерялся ли кто. У столба с неподнятым флагом виднелась микрофонная стойка, от которой тонким хвостом уползал в кусты провод.

Один пионерский отряд выглядел очень интересно, потому что состоял целиком из лагерно-хозяйственных роботов — уборщиков, грузчиков, дворников и прочих. В основном человекообразных, с руками, ногами и головами, но парочка ездил на колесах.

Они выгодно отличались от пионеров. Не суетились и не кричали. Образцово замерли в ожидании указаний, устремив вперед свои безжизненно-всевидящие глаза-лампочки.

С глазами же любителей фантастики, кроме нас, не было никого. Даже роботы реалистично смотрели на жизнь.

Печаль.

Неожиданно из репродуктора заиграл марш и тут же оборвался. На площадке откуда-то возникла строгая тетя в коричнево-пиджачном костюме и черных очках, стукнула пальцем по микрофону и сказала:

— Слово предоставляется директору пионерского лагеря имени И.В. Мичурина Игнату Петровичу.

И отошла в сторону, уступая место появившемуся из дверей администрации вышеупомянутому Игнату Петровичу. На вид ему было около шестидесяти. Его седые малопричесанные волосы и горящие глаза мне кого-то напоминали.

— Дорогие дети, взрослые и вожатые! — сказал он в жутко зазвеневший микрофон. — Разрешите представиться, хотя меня уже представили. С этого года я — директор нашего

замечательного пионерского лагеря, который построили для нас шефы — сотрудники "Агитационностроительного завода имени В.И. Ленина". До лагеря я трудился на этом заводе в должности главного технолога, хахаха.

Я понял, что линейка будет долгой. И не я один, судя по выражению окружающих лиц. Безучастными остались только роботы, хотя некоторые из них вроде тоже погрустнели.

— Еще вчера моя жизнь заключалась в одной работе. Жил на заводе днями и ночами, неделями и месяцами! Однажды решил пойти домой и с трудом отыскал свою квартиру, хахаха! Когда пришла пора собираться на пенсию, я подумал — почему бы мне вместо пенсии не стать обратно пионером, хахаха! Так я здесь и оказался.

— А теперь о главном, — посерьезнел Игнат Петрович. — Что такое отдых, дорогие друзья? Отдых — это не баловство, а тяжелый и напряженный труд, требующий полной самоотдачи!

...В свои двенадцать я повидал массу линеек. Если они не деревянные и не пластмассовые, то неизбежно происходят первого сентября, во время последнего звонка и по другим своеобразным праздникам, поэтому тут волей-неволей научишься отключаться и не слушать того, что на них говорят. Ничего нового не скажут, а любопытного — тем более. Витать где-нибудь в облаках — вот что надо делать во время торжественных мероприятий. Знаю, что взрослые против витания детей в облаках. Однако эти облака ничуть не дальше от земли, чем то, о чем говорят выступающие дяди, даже когда дяди очень высокопоставленные и находятся в телевизоре. Торжественная речь, как я понял, — это ритуал, наподобие вызова зловредных духов туземцами. Но там хоть какие-то шансы на их появление, а тут никакой надежды ни на что. Есть только время, принесенное в жертву богу бессмысленности. Бессмысленно принесенное.

Сказал — и самому понравилось. Но снова напомнил себе, что вслух произносить это не стоит, а то поведут к докторам и заставят пить таблетки. Я уже научился преждевременно читать, и повезло, что доктор спокойный попался. А среди них тоже бывают свои Марии Леонидовны, и лечиться мне потом от излишков ума.

Подумал, что я умный, и опять совесть укусила. Нескромно ставить себя выше других. Но я и не ставлю! Зачем мне это? Никакого удовольствия не принесет. Интеллектом меряются только дураки.

Хотя как-то в книге-воспоминаниях одного ученого я прочитал разговор двух девушек, с виду неглупых. Обычных студенток какого-то института.

Одна говорит другой про кого-то, что он — дрянь, потому что считает себя непризнанным гением. Вторая молча ей кивает, соглашаясь, и все, беседа окончена. Больше обсуждать, по их мнению, тут нечего. Гении (признанные или непризнанные), им не нужны. Да и просто умные, наверное.

Не знаю, сколько времени я витал и не слушал директора, но очнулся от страшного грохота мгновенно. Какой-то робот устал стоять, потерял сознание и всем своим металлическим телом шмякнулся на асфальт. Роботообморок. Упало давление в гидравлической системе, такое случается.

Все переполошились и бросились оказывать первую помощь. Директор объявил линейку оконченной, расстроился, что не успели торжественно поднять флаг, велел идти в столовую, так как подоспело время обеда, а потом вдруг прокричал в микрофон:

— Стойте! Я не сказал самое главное!

Набрав побольше воздуха в легкие, он зловеще произнес:

— Дневной сон — будет!
И ткнул пальцем в небеса:
— Указание свыше!

Глава 16 Дневной сон и морской бой

1

Столовая напоминала школьную. И крупноразмерностью, и столами-стульями, и жарено-подогретыми запахами, и звоном тарелок-ложек.

Около входа — огромно-настенный рисунок на космическую тему. Глупый до невозможности, ведь в невесомости из зубнопастных тюбиков питаются, а в лагерном космосе макароны по тарелкам разложены. Может, картина изображает Землю? Да нет, в иллюминаторе кольца Сатурна виднеются. Похоже, какие-то магнитные макароны едят. Или они одним комком к тарелке прилипли, потому и не летают. Нам такие в школе пару раз давали. Зря не сказали, что пища космическая, а то ведь никто не ел.

Но здесь кормили замечательно! Борщ, картошка-пюре с котлетами из мяса и хлеба в пропорции напополам и компот из сухофруктов (сухофрукты — это плоды выведенного советскими учеными сухофруктового дерева, скоро, наверное, для производства мебели выведут дерево, сразу состоящее из ДСП, гыгы).

Ладно, хватит ехидничать. И еда вкусная, и тети-повара приветливые. И рук у них дополнительных нет, как у продавщиц в нашем магазине. А компот наливает специальный робот-компоторазливатель. В одной клешне у него стакан, во второй — половник, он этим половником из желтого эмалированного ведра компот черпает, улыбаясь лошадино-железными зубами.

Все отлично. Все, кроме надвигающегося тихим безумием дневного сна.

2

Перед ним Геннадий Семенович провел на улице небольшое собрание. Со всем своим отрядом, который размещался в двух домах. Пятнадцать мальчишек в нашем и в домике по соседству столько же девчонок. Все примерно одного возраста, в крайнем случае кто-то на год постарше. И все, кроме нас, более-менее знали друг друга, потому что были с одного района и у всех родители с завода, построившего пионерлагерь. А мы втроем оказались немного чужими.

Не беда, вольемся как-нибудь в коллектив. Времени еще куча. А может, я себя обманываю. Мы и в своих классах сами по себе. Даже Артем.

Быстренько выбрали командира — Марину, высокую девчонку с прической-хвостиком. Больше им быть никто не захотел, а она к тому же занимала высокую должность в "пионерской дружине" — есть такие пришкольные организации, смысл которых — создавать видимость того, что пионеры что-то сами решают.

Да пожалуйста, пусть будет командиром. Она или кто-то еще. Командир отряда в лагере все равно отрядом не командует. Разносит по комнатам указания взрослых, вот и вся его работа. Да и Марина мне понравилась — прикольная, веселая и вроде неглупая. Вряд ли она будет воображать из себя большого начальника.

Вдруг подумалось — хорошо бы ее в нашу компанию. И ничего, что у Марины глаза не как у любителей фантастики. Здорово было бы играть в настольный хоккей вчетвером... Мы бы даже поддавались ей, потому что она девочка, а может, и нет, потому что у нас в стране равноправие.

Вот только что тогда делать с Глебом... Для него поговорить с девчонкой даже страшнее, чем ответить на уроке, а отвечать на уроке для него очень страшно. Он чуть ли не

в обморок падает, когда на него смотрят.

Поэтому остаемся пока втроем.

Может, это и к лучшему. Я люблю думать обо всем на свете, а думать о женщинах лучше, когда их нет рядом. Научный парадокс. В квантовой механике, если до чего-то дотронуться, оно мгновенно меняет свойства. Женщины поступают аналогично, поэтому лучше всего в них разбираются те, у кого с ними не сложилось. В науке теоретики свысока смотрят на практиков, и области познания женщин та же история.

Геннадий Семенович рассказал о лагере (как я понял, он сделал это для нас троих, потому что другие уже сюда приезжали), и о планах на будущее. Оказывается, несколько дней нас не тронут, дадут привыкнуть-отдохнуть-накупаться, разве что часок в день будет труд по расписанию, чтоб мы сильно не расслаблялись, а дальше начнутся всякие дурацкие конкурсы (слово "дурацкие" мысленно добавил я), стенгазеты и обязательные фильмы про революцию.

Но не только они, так что не грустите, сказал Геннадий Семенович. Будут еще походы, плавания на речном корабле, экскурсии и вообще "масса интересного".

Ну, тогда отлично. Интересное — это интересно, и пусть кто-нибудь попробует со мной не согласиться. Хотя если б про интересное намекнул в микрофон директор лагеря, все бы сразу поняли, что интересным там и не пахнет.

По территории, сказал Геннадий Семенович, просто так не шататься. И в свои комнаты среди дня стараться даже не заходить. Все либо в кружках, либо на пляже. Пляж, кстати, считается кружком плавания, надо только записаться. И еще есть место на клумбе, где будем выкладывать из шишек и веток календарь.

Выражаясь газетно-телевизорным языком, на проблеме дневного сна Геннадий Семенович заострил особое внимание.

Делайте, что хотите, сообщил он, но чтоб с двух до четырех вас не было ни видно, ни слышно. Сбежите — обнаружат через две минуты, и будет весело, то есть печально. Начнете беситься и орать — та же история. Пройдет мимо домика какая-нибудь улыбающаяся повариха и доложит заместительше директора Тамаре Михайловне, той самой, которая подходила к микрофону перед Игнатом Петровичем. Она здесь все решает, а директор занимается только самыми важными проблемами вроде ремонта и строительства. Она не злая, но порядок любит и злится, когда его нарушают. В столовую на завтраки, обеды и прочие ужины приходиться обязательно. Насильно заставлять есть никто не будет. Показался у входа, сказал, что не голодный, и можешь идти.

А потом разговор перешел в плоскость сна уже ночного.

Геннадий Семенович проинформировал нас, что побег ночью из домика по первому разу карается заменой купания на подметание дорожек, вытирание пыли и другие, не менее увлекательные мероприятия сроком на один день. Повторный побег — на три. Если кто перелезет забор, отделяющий лагерь от внешнего мира, поедет домой.

В лесу опасно. Дикие звери и неизвестно что еще. Мост над ручьем рядом с лагерем вроде заколдованный, с привидениями. Когда пойдем в поход, с нами отправится егеря с ружьем, седой от того, что уже бывал несколько раз в лесу (шутка).

На этой оптимистической ноте собрание было завершено и мы разбрелись по своим комнатам.

3

Дневной сон — первое лагерное разочарование. Не последнее, надо реалистично

смотреть на жизнь, но серьезное. Однако мы к нему подготовились. До некоторой степени, разумеется.

Мы вырвали несколько листов из тетради и принялись играть в морской бой.

Морской бой — игра знакомая и довольно простая. Рисуеть на квадратном поле свои корабли и пытаешься угадать, где на таком же поле стоят вражеские.

Но мы ее усложнили и довели почти до настольнохоккейной интересности (это я преувеличиваю, к совершенству приблизиться нельзя). Поле битвы у нас выросло втрое, у кораблей появились ограничения по дальности стрельбы, некоторое число выстрелов, бьющих по площадям и множество других улучшений. Но, кроме нас такая игра никому по вкусу не пришлась. Ни в школе, ни во дворе (мы из нее тайны не делали). Обычная история — люди хотят того, что попроще. Се ля ви, что в переводе с французского означает "жизнь не такая, как хочется". Впрочем, это лишь добавило игре привлекательности. Не для всех она. Не часть массовой культуры, как хорошая фантастика и настольный хоккей.

Но есть у нее и недостаток. Один, но кошмарный. Заключается в том, что выиграть у Глеба нельзя.

Много раз повторял, что у него в голове счетная машина, и во время морского боя эта машина с лязгом обрушивает на тебя все свои железные шкивы и шестеренки. Попробуй тут, повоюй. Можно победить, только если повезет и ты в самом начале набоум (то есть наобум), попадешь по нескольким кораблям. Случалось так пару раз, но обычно игра представляет собой неспешный проигрыш математически превосходящим силам противника, вон они, спрятались под одеялом, чтоб мы с Артемом расположение их кораблей не подсмотрели.

Сегодня чуда не произошло. Нечудесный день для бумажно-морских баталий. Первым пал смертью грустных Артем, а через пяток ходов и я. Зато два часа послеобеденного заключения миновали. По домику прошел Геннадий Семенович, сообщил, что желающие могут пойти с ним, он покажет все работающие в лагере кружки и секции, хотя можно отправиться и самим, тут не заблудишься, и сначала он поведет на эту экскурсию девчонок. Потом, воспользовавшись моментом, когда Глеб вышел на улицу, сказал мне и Артему, что говорил о нем с его мамой, и чтоб в случае чего, например, если Глеб заблудится в лагере, мы никому об этом не рассказывали, а он, как вожатый, сам разберется со всеми проблемами, иначе Глеба могут и "попросить отсюда".

А Геннадий Семенович молодец! Я пообещал себе, что не буду больше шутить над его несерьезной внешностью, но тут же отказался от обещания, потому что хорошие люди не против того, чтобы над ними шутили.

После сна, согласно расписания, которое Геннадий Семенович прикрепил изнутри на дверь домика, нам полагалось опять идти в столовую и пить чай, но сегодня это мероприятие отменили.

Наверное, из-за неразберихи дня всеобщего приезда самовар на пятьсот человек распсиховался и не закипел.

4

Распорядок жизни в пионерлагере оказался стандартным и не таким уж плохим, если бы не послеобеденный сон. Прикольно, что есть нам предложили пять раз в день — помимо обычных завтраков-обедов-ужинов был еще полдник и непонятный "прием пищи" в девять часов вечера.

Ха! Мне в голову пришла интересная страшилка. Про то, как в одном лагере пионеров тоже зачем-то усиленно кормили. Как-нибудь расскажу ее.

Пока Геннадий Семенович записывал на занятия девчонок, мы успели немного познакомиться с соседями, их предки к обеду наконец-то разъехались. Ребята хорошие, за несколько минут к ним привык даже Глеб, хотя поначалу стоял у стены и прятал подмышками сжатые кулаки.

Итак, комнату через стену вот уже полдня населяли: толстенький и невысокий Алексей, по виду — круглый отличник, хихи, круглый, как ни посмотри; Миша, не по возрасту высокий и нескладный, Дима, черноволосый и мрачный оттого, что в этом году сломал руку и теперь ему приходилось осторожничать, разрядник по плаванию Роман (маленький, вроде Артема, и почти такой же шустрый), Паша — немногословный, с браслетом-ниткой на руке, и Родион, тихий и спокойный, но мне очень захотелось узнать, кто у него родители и как они выбирали имя для сына.

А с жителями второй комнаты отношения не сложились. Нас предупредили, что там поселились футболисты и что они держатся особняком, поскольку тренируются в футбольной секции, мечтая после школы не работать, а только гонять мяч.

Футболист у нас в стране профессия престижная, хотя сборная СССР ничего никогда не выигрывала и не выиграет еще лет сто.

Вероятно, существуют параллельные миры, в которых у Земли два Солнца, четыре Луны, океан занимает всю ее поверхность, а люди обитают на островках из водорослей... но мир, в котором наша команда победила на футбольном чемпионате невозможен в принципе, как невозможно перемножить два на два и получить пять.

Футболисты старше нас на год. Коротко поздоровались мы с ними, они — с нами, и на том общение закончилось. Физиономии у них важные, как у непризнанных гениев в представлении обывателей, только не такие умные.

Глава 17 Такой футбол нам не нужен

1

Секций в лагере существовал миллион. Ну или не миллион, а тысяча. Или не тысяча, не десяток — точно. Среди них обнаружился даже кружок космонавтики! Конечно, не чета нашему городскому. Слесарная мастерская, а не клуб, хотя пара космических плакатов на стенах висела.

Ввели его, потому что положено. Станков, инструментов, секретных журналов "Юный техник" здесь отродясь не видели, а занятия проводил завхоз дядя Матвей, внешнею и характером напомилавший директора лагеря, только дядя Матвей не седой, непробиваемо флегматичный, с другими чертами лица и намного моложе. Он не ожидал, что кто-то сюда запишется и очень удивился нам. Мы объяснили, что увлекаемся космонавтикой и имеем опыт строительства низколетающих звездолетов. Он в ответ сказал "и чему вас мне учить", поэтому мы договорились так — приходим сюда сами, делаем, что хотим, а он будет забегать и приглядывать, чтоб мы не набедокурили.

В кружок, кроме нас, не записался никто. Вот и прекрасно. Для начала, думаю, сделаем парочку дирижаблей и самолетиков, а дальше посмотрим.

Собрались уходить, но тут дядя Матвей взял и выдал — оказывается, этот клубик космонавтики тоже поджигали! По весне, когда лагерь пустовал. Кто-то перекусил заборную железную сетку, прошел на территорию, подпалил здание и убег. Повезло, что детей в лагере не было, зато роботов — наоборот. Один из них заметил огонь и залил его водой (робот шел мимо по дорожке и очень кстати нес ведра).

Преступника не нашли. Допрашивал участковый этого робота-свидетеля, но тот ему ничего не сказал. По двум причинам — и не видел он ничего, и был из роботов простейших, говорить не обученных.

Надо будет подумать, что делать с этим. Два поджога — уже тенденция. Кому-то космос стоит поперек дороги, но кому? Поглядеть бы на этого человека и понять его странную логику.

А может, это серьезный заговор. В него вовлечены тысячи людей и огромные силы. Настоящее противостояние. Кто-то непонятный борется с кем-то совсем непонятным, а полем битвы неожиданно стала комнатка с игрушечными космическими кораблями.

М-да, счастье, что меня сейчас никто не слышит.

...Расследовать начнем потом. Через пару дней, хорошо? Отдохнем, наплаваемся, а потом приступим к детективным поискам.

2

Глеб еще решил позаниматься в шахматной секции. В шахматы во всем районе ему играть не с кем, может, достойный соперник объявится хотя бы здесь. Но пока что не нашлось даже преподавателя. Одинокий листок с фамилиями желающих посещать занятия приколот к запертой двери, и все. Желающих фамилий там — только Глебова. Ну и мы еще свои написали, чтоб не бросать товарища наедине с несуществующим тренером.

А потом решили, что иногда будет весело поиграть в футбол. Ошиблись. Никаким это оказалось не весельем.

Около маленького футбольного поля на квадратном камне сидел широкоплечий словоохотливый дядя лет пятидесяти пяти, назвавшийся Михаилом Станиславовичем. Два

зуба у него были золотыми, а два уха по бокам лысины лопухими и полломанными. Он записал нас к себе в журнал, сказав, что будет выдавать нам мяч и на этом все, потому что он целыми днями на пляже следит, чтоб утонувших было как можно меньше, в идеале ни одного, вот как сейчас, и тренировать нас ему некогда, тем более что он футболом никогда не занимался, а занимался греко-римской борьбой, однажды став чемпионом Москвы в тяжелой весовой категории, а потом занятия бросил из-за того, что на международные соревнования его не выпустили, дескать, много родственников за границей, и ему стало обидно.

Но тут раздался голос:

— Не беда, мы их научим.

Футболисты. Вшестером. Вышли из-за кустов. В футбольной форме и в импортных кедах. Смотрели на нас, как средневековая аристократия на трубочистов. Один у них, по имени Виктор, похоже, предводитель. Это он пообещал научить нас играть. Высокий, немного рябой, волосы ежиком. В руках он держал мяч — новенький, бело-черный, каким взрослые команды играют. Потом бросил его на землю, подцепил носком кеда и начал жонглировать — подбрасывать мяч ногой, не давая упасть на землю. Долго он так делал. Легко и запросто. Носком, пяткой, коленкой. Мяч летал, как намагниченный. Я так не умею. И Глеб с Артемом не умеют. А затем Виктор мягко поймал его подъемом стопы, и мяч улегся на ногу, как котенок на диване. Раньше я такое по телевизору видел, когда разминку сборной Бразилии показывали.

Мы молча стояли и смотрели, и тут на дорожке появились Паша, Рома и Миша из соседней комнаты.

— Ха, и эти пришли, — обрадовался Виктор. — Записываться на футбол?

— Да, — нехотя ответил Рома.

Михаил Станиславович снова раскрыл тетрадь на первой странице.

— Тогда говорите свои имена и номер отряда.

Итого — двенадцать человек, подытожил он, как раз две команды. Потом добавил, что играть разрешается здесь или на другом поле, а он с нами сидеть не может, да и мы уже большие, его в вашем возрасте раз в неделю милиция за что-нибудь обязательно забирала, вдруг не дай бог чего — он на пляже около вышки спасателей, если быстро не найдем — надо подождать, значит, он кого-то нахлебавшегося воды из этой самой воды вытаскивает, а ежели будут драки и выяснения отношений, как у него в молодости, то он нас как записал, так и выпишет, в кружок любителей уборки территории, хехе, мяч после игры надо принести в администрацию, зайти с бокового входа и разыскать кабинет физкультуры, двери его всегда открыты, мяч положите в угол, там в углу много всякого лежит, но вы не пугайтесь, а быстро и не оглядываясь уходите, он тоже пошел, если придет еще кто, скажете, где его искать.

И скрылся за деревьями, бросив мяч около камня. Его мяч был не ровня тому, который принесли футболисты. Серый, побитый, пропитанный пылью.

— Поле дрянное, — заметил Виктор, — траву, видать, козы съели, и ворота без сетки. Но для дворового матча сойдет. Как сказал этот дядя — нас две команды? Тогда давайте сыграем. Быстренько, за полчаса. А потом мы идем на большое поле заниматься по-своему, а вы оставайтесь здесь гонять этот убитый мячик. Или испугались, хахаха?

Вслед за ним засмеялись и остальные футболисты.

Отступить было некуда.

— Сыграем, — сквозь зубы сказал Артем.

— Прекрасно, — кивнул Виктор, — тебя вроде Артемом зовут? Ну раз ты из них самый боевой, назначаю тебя капитаном. Один тайм в тридцать минут, воротами меняться не будем, незачем. Согласны?

Артем обернулся на нас. Лицо — злое.

— Да, — ответили мы.

Настроение стало паршивым. Хотели побегать в свое удовольствие, а получили матч не на жизнь, а на смерть с теми, кого кроме пинания мяча ничего не интересует. И эти трое откуда-то взялись! Они же с футболистами знакомы, неужто не могли догадаться, как те себя поведут?

3

...Мы проиграли. Вдребезги. Со счетом один — шесть. Не умеем мы, как футболисты, бить, пасовать, навешивать на ворота для игры головой, да и всего остального так не умеем. Один гол чудом удалось забить, потому что их вратарь отвлекся. Мы могли пропустить и больше, если бы не Глеб. Он стоял на воротах и сражался, как лев. Прыгал, кидался противнику под ноги.

Но силы оказались неравны. С мячом мы во дворе играем часто, но куда нам до профессионалов. Мы там даже больше дурачимся, идем после уроков и лупим по воротам. Троица из соседней комнаты играла не лучше нас, хотя и не хуже. Как все, кто не бегает с мячом целыми днями! И они тоже были недовольны тем, что попали в такую ситуацию. Вздыхали и разводили руками.

— А знаете, почему вы проиграли? — издевательски сказал Виктор. — Потому что слабы психологически. Нам тренер так всегда говорит. Выигрывает тот, кто не боится. Уверенность в себе ломает противника. Так что вот. Приходите играть каждый день в это же время. Или боитесь?

— П-придем, — отозвался Глеб. Остальные промолчали.

— Ну-ну, — прищурился Виктор, и футболисты ушли на большое поле. Весело посмеиваясь. День удался. У них, разумеется.

— Вы что, не знали, что они здесь? — спросили мы у соседей по домику.

Как выяснилось, знали, но такого предвидеть не могли. Они, как и мы, хотели спокойно поиграть на одни ворота. В прошлом году так и происходило, все были сами по себе. Футболисты, кроме своего круга, мало с кем общаются.

Самодостаточны, подумал я. Как философы. Одни головой размышляют, другие бьют ей по мячу, однако результат похож. Дядя Миша, что ли, ляпнув про две команды, навел их на мысли. Но скорее всего футболисты, увидев нас, просто решили повеселиться.

Надо признать, у них получилось.

И теперь нам предстоит трудный выбор — в течение каникул ежедневно, сразу после дневного сна ходить за тридцатиминутным футбольным унижением или сознаться в собственной трусости.

Любой вариант — не очень. И даже очень не очень. Глупо надеяться на то, что когда-нибудь сможем выиграть. Будем реалистами, взрослыми людьми. Хотя все взрослое население страны ежегодно вопреки здравому смыслу верит в нашу сборную. Чем больше та проигрывает, тем больше в нее верят. Не знаю, кто сказал "верую, ибо абсурдно", но скорее всего наш футбольный болельщик.

Поскольку больше играть не хотелось, мы отнесли мяч в кабинет физкультуры, в

котором уже лежали другие мячи, клюшки, лыжи, гантели и парочка мертвых сломанных роботов со страшными ржавыми физиономиями и все еще моргающими глазами, после чего отправились на пляж.

4

Там мы узнали, почему секции пустуют — потому, что все люди находились здесь. Все, весь лагерь! И правильно, зачем сидеть в душном классе или бегать по пыльным дорожкам, когда можно плавать, нырять в теплой воде и загорать на солнышке, вдыхая запах свободы, который нигде не чувствуется так, как на реке или море.

Поэтому записались мы и на плавательную секцию. Тренеров там оказалось много, в основном студентки-вожатые в купальниках. Девушки замечательно напоминали так же скромно-нескромно одетых актрис из нашего американского журнала, однако никаких маркировок "тринадцать плюс" нигде не стояло, поэтому мы смотрели без опаски, во все глаза. Глаза были очень довольны. Прямо удивительно. Не ожидал я такого от своих глаз.

Посередине пляжа — небольшая вышка с площадкой, оттуда поблескивала между поломанных ушей лысина Михаила Станиславовича. Он, наверное, тут старший. И по возрасту, и по должности.

Мер безопасности — уйма. Будто к реке пришли не пионеры плавать, а степные хомячки топиться. В воде пляж огорожен мелкоячеистой сетью (она, думаю, продается в охотничьем магазине под табличкой "сетка для ловли пионеров"), а помимо этого, на торчащих из воды огромных чугунных сваях, к которым привязывалась сетка, сидели водные роботы-головосчитатели (какое у них по правде название, все уже забыли).

Они похожи на инопланетян из пластилиновых мультфильмов, которые маленькие дети смотрят, а потом не спят и плачут.

На инопланетян-головастиков. Череп большой, тело маленькое, глазюки выпучены в разные стороны, как хамелеононы. Следят за торчащими из воды пионерскими головами, и если хоть одна из них скроется не по инструкции надолго, начинают орать сиреной и показывать пальцем в район исчезновения.

Туда стремглав кидаются тренера и спасатели. Вода бурлит, люди кричат, роботы вращают глазами, а сам пропавший выныривает в десяти метрах и с любопытством наблюдает за происходящим.

...Накупались мы вдоволь. Подальше от всех, у самого ограждения, фантазируя, что за ним акулы. Плавать мы умеем, и нас никто не беспокоил. Настроение немного улучшилось.

5

— Я подумаю, что сделать с футболистами, — сообщил Артем за ужином. — Такой футбол мне не нравится.

— Например? — спросил я, ковыряя вилкой творожную запеканку. Терпеть ее не могу. А есть хочется, набегались за день.

— Есть парочка идей...

— А м-может, п-попробуем у них в-выиграть, — сказал Глеб.

— Что?! — Артем чуть не подавился компотом. — Они, кроме своего мячика, ничего не знают. Как ты у них выиграешь?

— А если п-получится. Сд-даваться нельзя.

— Про это никто и не говорит, — ответил Артем, — сыграем, ух, как сыграем. Слабительного им в чай подолью, и сыграем.

— Н-нет.

— Да что с тобой, — изумился Артем, — на солнышке перегрелся? Когда художникам Сталина включали, ты не возражал.

Я молчал. Настойчивость Глеба и меня удивила, хотя он всегда был упрямым.

— Н-надо п-победить честно, — тихо возразил Глеб.

— Как, честно? — взвился Артем. — Честно — если они с тобой во второй период в шахматы вместо футбола сразятся, и тогда счет будет честный, один — один.

— Я хочу п-по п-правилам, — повторил Глеб.

Мы с Артемом переглянулись.

— Ну, будь по-твоему. А соседи наши-то согласятся? Без них не обойдемся. — спросил Артем.

— Я с н-ними п-поговорю, — сказал Глеб, встал из-за стола, отнес свою грязную посуду к мойке и вышел из столовой.

У нас челюсти отвисли до пола. Глеб поговорит с незнакомыми? Будет убеждать их продолжить безнадежную и унижительную игру? Не, точно перегрелся. Или еще что похуже. Надо будет присматривать за ним.

6

После ужина мы опять пошли на пляж. Летом темнеет поздно, и у нас еще целый час.

Артем притащил резиновую лодку, и я поучился с нее нырять. Складываешь руки перед собой, и бултыхаешься в воду. Плаваю я неплохо, а ныряю так себе. Откуда-то страх берется, из-за него я не головой в воду вхожу, а пузом плюхаюсь. Но за сегодня стало гораздо лучше, хотя до Артема далековато. Тот и сальто над рекой умеет крутить.

Но, несмотря на купание, Глебовы футбольные мысли не забывались. Висели над пляжем, как грозовые тучи. Лезть к Глебу в душу и расспрашивать о них бесполезно. Захочет — сам скажет. Вот захочет ли только. Он редко говорит, что у него на душе.

Через час на пляже появились наши братья по несчастью — Паша, Рома и Миша. Глеб сразу направился к ним. Нервничал страшно, но пошел. С минуту они о чем-то беседовали, потом вернулся к нам и сказал, глядя вниз:

— С-согласны.

Мы с Артемом притворились, что не удивлены. Согласны — значит, согласны.

А еще мы увидели у Глеба кровь на губе. Прикусил, когда ходил разговаривать. Он нередко так делает, пытаюсь взять себя в руки, но до крови пока не случилось ни разу.

7

В девять часов мы снова сходили в столовую. За сухофруктовым компотом и сладкой булочкой. Можно было взять сырники, но куда! Ели всего час назад! Живот у человека не безразмерный! Хотя если бы сейчас давали пломбир, тогда, конечно, безразмерный.

На выходе из столовой нас подстерег Геннадий Семенович и отправил на вечернюю линейку, а то вдруг забудем. Ничего мы не забыли, но спасибо за напоминание. И за то, что можно не надевать пионерские галстуки. Но это не Геннадий Семенович разрешил, а лагерная администрация.

Пришли. Построились. Уже организованнее, чем утром. Все отряды, включая робототехнический. Робот, который терял сознание, теперь ходил с перебинтованной изолентой головой.

Флаг поднят, около тросика — еще один робот. В пионерском галстуке, гыгы. Единственный человек на линейке с галстуком, да и он — не человек. Присмотрелся — это же наш знакомый компотоналиватель! Целый день с ним встречаемся, только в столовой он

без галстука. Многостаночник, однако. И компот налить, и флаг снять.

К микрофону вышла утренняя Тамара Михайловна. Поздравила с первым днем пребывания в лагере, сказала, что все молодцы, хорошо ели, не нарушали дисциплину и никто за сегодня не утонул. В связи с этим, продолжила она, предлагаю на ночь опустить флаг СССР, чтобы поднять его завтра.

Возражать никто не стал. Заиграл гимн, на табло появился лозунг "Советское — значит отличное", флаг заскрипел вниз и остановился позади зубастой физиономии робота.

Линейка окончена, сказала Тамара Михайловна. Отбой, в десять часов все должны выключить свет и лежать в своих кроватях. Дружно маршируя по дороге ко сну. Последние слова она не говорила, я их выдумал.

Глава 18 Запрещенная музыка

1

В десять часов мы лежали при погасшем электричестве в своих кроватях и обдумывали, чем заняться. Дел, гипотетически, миллион. Можно слазить на чердак или попытаться узнать, какой памятник на аллее живой, и это только начало, скоро еще что-нибудь придет в голову. Проблема в Гене Семеновиче, вдруг он спит чутко или пойдет проверять наличие нашего присутствия в комнате. А обнаружив побег, сдаст администрации или по-тихому накажет сам? С последним мы согласны, таковы правила игры, но если дойдет до самого руководства...

И тут откуда-то зазвучала музыка. Еле слышно, пробиваясь кусочками сквозь пространство. Словно приснилась нам. Но не приснилась! Сны коллективными не бывают, а если и бывают, то ерунду какую-нибудь подсознание показывает, как телевизор праздничный концерт в честь дня милиции. А музыка, хоть и тихая, но любопытная. Электрогитара, барабаны, синтезатор, все это очень здорово! И мрачно, но не так, как пение милицейского хора. Какая-то другая депрессия, не уныложелезобетонная, а яркая, таинственная.

Артем встал на кровать и задрал голову.

— С потолка.

Да, он прав. Музыка грохочет с потолка.

Но, конечно, не с потолка. А сквозь потолок. Со второго этажа. А что у нас на втором этаже? Верно, комната Геннадия Семеновича.

— Надо посмотреть, — сказал Артем.

Не зажигая света, мы оделись и вышли.

Никого. Спят и соседи, и футболисты. А может и не спят, ждут, пока в лагере взрослые разойдутся.

Мы осторожно поднялись на второй этаж. Темный деревянный коридор с узким окошком и несколько дверей, но живая из них только одна — ее края светом мерцают. За ней музыка прячется.

Но плохо она там спряталась. Не умеет музыка в прятки.

Это комната Геннадия Семеновича, так что правы мы оказались в своих подозрениях.

У двери музыка стала громче и интереснее. Похоже, зарубежная. Рок-музыка, ее по телевизору не показывают, разве что в передаче "Международная панорама" в рубрике "их нравы" и буквально пять секунд, а то вдруг зрителям понравится, как нам сейчас.

Рок-музыка особо не запрещалась, но и не приветствовалась. Нагоняй в школе за нее получить запросто. Снизят оценку за поведение и заклеят стенгазетой.

Остановились, слушаем. Но чувствуем себя так себе. Подслушивать некрасиво. Возник риторический вопрос — что делать?

Ответ на него мы нашли очень скоро. Дверь открылась, и он появился на пороге в виде рассерженного Геннадия Семеновича.

— Ага, — сказал он, скрестив на груди руки, — Подслушивают. Замечательно. Проверяли, сплю ли? Но это я должен вас каждую ночь проверять. Не хотел, но теперь придется!

— Нет! — мы замахали руками, — не надо! Извините нас пожалуйста! Мы услышали.

что музыка играет, и решили подняться!

— Я думал, тихо будет, — нахмурился наш вожатый. — А здесь всюду уши. Начальству докладывать пойдете, признавайтесь? Хотя мне плевать.

Тут настала наша очередь обижаться.

— Докладывать?! Мы даже милиции не жалуемся, когда нас художники грабят!

— Художники? Грабят? — Геннадий Семенович поцокал языком — О как. Интересные художники. Экспрессионисты, небось. Эти могут. Встретят на мосту, отнимут кошелек и хоть обкричись.

Потом посмотрел на нас с улыбкой.

— Ну что, жертвы искусства, музыка-то вам нравится?

— Да!!! — ответили мы. — В сто раз круче, чем "голубой огонек"!!!

— Ну тогда заходите, — Геннадий Семенович пропустил нас в комнату и закрыл дверь. — Только молчите завтра.

А молчать было о чем!

Шикарная комната у Геннадия Семеновича. Вроде нашей, но с отличиями. Кровать, стол, шкаф, но на тумбочке проигрыватель и две звуковые колонки, а рядом — большой коробок с пластинками.

И фотографии! Огромные, больше метра каждая. Обклеены ими все стены. Фотографии с рок-концертов! Грандиозно. Хотя в душе свербит, нам тысячи раз говорили, что рок-музыка — это плохо.

Может, и плохо. Но восхитительно!

Лица на фотках какие-то несоветские. Слово написано на них — "нам все по барабану". Не думают они, правильно ли поступают. Безразлично им, что скажет о них американское правительство или советские газеты. Тоже, в каком-то смысле, не от мира сего.

И еще фото необычное. Улица, чистая и красивая, а по ней идут мимы с белыми грустными лицами, уголки рта вниз нарисованы, и подпись из "Международной панорамы" — "над Парижем солнечное небо, но невеселы лица простых парижан".

Около двери — газета на канцелярских кнопках. Присмотрелся — нет, не газета, а "список запрещенных в СССР зарубежных музыкальных групп". Под этим заголовком сотни названий мелкими буквами.

Увидел мой взгляд Геннадий Семенович.

— Это чтоб нечаянно не послушать то, что нельзя.

Потом хмыкнул и добавил:

— Ну или чтоб знать, какие слушать. Хорошие, значит, рок-группы, надо брать. Вы английский в школе начали?

— Начали, но как-то слабо, когда кто-то по-английски говорит, ничего не понятно, — ответил я.

— Иностранный язык следует изучать с пеленок, — сказал Геннадий Семенович.

Тут у него лицо хитрое стало. Такое, как обычно, и даже хитрее. Когда он в двери появился, оно было сердитое и раздраженное, а сейчас вернулось к своему изначальному состоянию. Будто успокоился Геннадий Семенович и что-то задумал.

— Нравится вам музыка, — произнес вожатый, — отлично. Сейчас поставлю что-нибудь незапрещенное... и расскажу о нем, ха!

Он отключил проигрыватель и вытащил из коробки пластинку.

— Вот. Группа "Нирвана". Нирвана — восточное название коммунизма. Конечная цель, к которой стремится наше общество.

Поставил пластинку, щелкнул кнопкой. Звук вылетел из колонок и заполнил комнату доверху.

— "Смеллс лайк тин спирит", то есть "повеяло юностью". Песня американских скаутов, вроде нашего "взвейтесь кострами, синие ночи".

Шикарно! Музыка бодрая, барабан ритм выстукивает, и "хелло" постоянно повторяется, а я знаю, что оно обозначает "привет". Привет, нас ждут великие дела.

— Создали они скаутские организации, увидев наших пионеров, — прокомментировал Геннадий Семенович. — Перенимают все подряд без стыда и совести.

— Еще одна незапрещенная группа, — он поставил другую пластинку. — "Металлика". Капиталистическая, но полезная. В каждой песне музыканты обличают буржуазные нравы. Наверняка они всей рок-группой латентные коммунисты. Латентные — значит скрытые, в капиталистическом обществе иначе нельзя. Скажешь, что коммунист, и над тобой смеяться будут, здороваться перестанут. Или лечить начнут, хотя это не лечится.

— Знаем, — ответил я. — Нам политинформацию в школе проводят. Собирались даже робота-политинформатора приобрести.

— Песня о трудностях взросления. "Анфогивен", "непрощенный". О подростке, который хулиганил, плохо учился, но потом исправился и стал нормальным, "от мира сего". Мир принял его в свои ласковые объятия, как любил говорить мой военрук.

Просто класс! Особенно гитара. За душу берет и не отпускает. Только финал больно правильный. Наверное, какое-нибудь американское Министерство культуры заставило такой сделать.

— А еще мне эта у "Металлики" нравится, — сказал вожатый. — "Пока оно не уснет". Под нее отлично засыпать. Клип душевный, я смотрел на видеомагнитофоне. По мотивам картин художников-соцреалистов. Посмотришь — и сны потом светлые, красочные.

— А наши так умеют? — спросил Артем. — Невесело чтоб? А то поют и улыбаются как заведенные.

— Ха, — усмехнулся Геннадий Семенович. — Умеют еще как. Вы просто не знаете тайны наших вокально-инструментальных групп. Это они по телевизору приглашенные, в белых рубашечках. Но бывают закрытые вечеринки, для больших начальников. Там и одежда другая, и отрываются музыканты по полной, не хуже зарубежных коллег. Сигают по сцене, орут и разбивают инструменты.

— И руководство всяких администраций приходит? — не поверил Артем, очевидно, представив эту картину.

— Безусловно! Не явишься — прослывешь ретроградом, а двадцать первый век не за горами. Вот и приходят. По разнарядке, как на работу. В костюмах, при галстуках, уважаемым людям иначе нельзя. А остальное — как всегда на рок-концертах. Подпевают, зажигалками светят и секретарш на плечи сажают. Фото видите? — наш вожатый указал пальцем.

Видим, конечно. Сцена, по которой прыгают трое с электрогитарами, а четвертый позади за барабанами сидит. Лица у музыкантов раскрашены до неузнаваемости, волосы торчат в разные стороны, а костюмы средневековые доспехи напоминают, металла на них ушло килограммы.

— Как вы думаете, кто это? — спросил Геннадий Семенович.

Мы пожалы плечами.

— Группа "Земляне" на прошлогоднем секретном концерте в Министерстве пищевой промышленности. Что, не похожи на себя в телевизоре?

— Вообще, — удивился я. — А почему на барабанах слово "кисс" английскими буквами?

— Захотели — и написали, — развел руками Геннадий Семенович. — "Кисс" — поцелуй по-английски. Шлют воздушный поцелуй всем пищевым работникам СССР. Желают дальнейших трудовых успехов.

— Понятно, — сказал я, ошарашенный такими новостями.

— А знаете, что вокалист сделал на этом концерте? — не унимался Геннадий Семенович.

— Нет...

— Откусил голову живой летучей мыши!

— Что?!!!!

— Повторяю — откусил голову живой летучей мыши. Спел — "и снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная синева" — и хрусть мышке голову!

— Зачем?!!!

— Для эмоционального эффекта. Символизируя тоску по дому или о чем там поется. Ну и концерт ведь для сотрудников пищевой промышленности, что-то съесть на сцене надо любому. Стать ближе к народу.

— Жалко мышку, — пробормотал я.

— Жалко, — кивнул вожатый. — Но она пожертвовала собой ради музыки! Хотя ее согласия никто не спрашивал.

Он задумался, а потом щелкнул пальцами, вспомнил что-то. Лицо стало еще хитрее, еще довольнее, будто его хозяина килограммом пломбира угостили.

— Эх, не повезло нам с директором лагеря, — сказал он. — Нет, нынешний тоже хороший, но могли сюда назначить и другого, с ним было бы интереснее. Дядька тот очень харизматичный. С рок-музыкой на короткой ноге, сам играет иногда. Из семьи военного, родился в Восточной Германии, поэтому имя у него немецкое, а отчество обыкновенное — Тилль Иванович. Заслуженный педагог, грамот — не счесть, хотя за нестандартные методы воспитания его часто ругают. Ходит постоянно в шортах и в пионерском галстуке, несмотря на то, что ему крепко за полтинник и он крупного телосложения. Ничего! Рок-н-рольщики не стареют! А еще он бывший пловец, член сборной. Суровый с виду, но детей страшно любит! Все время повторяет — "дети, вы — хозяева лагеря"! Никаких с ним дневных снов, поднятий флагов и линеек. И при этом никто не тонет, не ломает себе шеи и не голодает, даже удивительно. А какой прощальный костер устраивает! Цистерна бензина уходит, чтоб лучше горело. Пламя — до небес!

— Некоторым Тилль Иванович не нравится, — продолжил он, переведя дух. — Приезжал как-то один старый-престарый начальник из Министерства образования, зашел ночью к нему в комнату давай вычитывать, что надо больше порядка. Мол, ничего и никогда не было для человека невыносимее свободы.

— А Тилль Иванович? — спросил Артем.

— Развел руками, и все! Что он еще мог сделать по закону?

Мы понимающе закивали.

— На свете много интересного, — неожиданно погрузнел Геннадий Семенович, — но

оно никому нужно. Поэтому придется мне всю жизнь на заводе плавить чугунные болванки...

Затем поднял голову, оглядел нас твердым взглядом.

— Все! — сказал он. — На сегодня впечатлений достаточно. Марш в комнату, и не выходить до утра!

2

Глеб и Артем заснули мгновенно, а я все ворочался. Сон был где-то рядом, бродил, искал с закрытыми глазами меня по комнате, но найти у него не получалось никак. Не знаю, сколько я лежал, час точно, а потом из-за окна послышался смех и голоса. Негромкие, приглушенные. Кто-то засмеялся, прикрыл рот рукой, а другой сказал "тише".

Я бросился к окну и увидел в полутьме на дорожке, ведущей к реке, нескольких наших вожатых. Парней и девушек. Среди них Гена Семенович собственной персоной. Все с полотенцами на плечах. Понятно, отправились ночью купаться, пока никого нет. Хотя это нельзя даже взрослым.

Здорово. Я так тоже хочу. И плавать при луне с девчонками, и правила нарушать. Свобода — она неправильная и восхитительная.

3

Потом я все-таки заснул, но ненадолго. Сон привиделся яркий, спасибо Геннадию Семеновичу. Сны — странные штуки. Ты спишь, а они — нет, перерисовывают по-своему дневные события.

Я видел новогодний огонек. Ведущих, дядю с тетей, добрых и очаровательных. Бенгальские огни, бокалы, все, как положено. И вдруг тетя наиграно спрашивает у дяди:

— Ой, а что это у тебя в руках?

И он ей, с ласковой улыбкой:

— Не волнуйся, всего лишь живая летучая мышка. Такая милая! Сейчас покажу уважаемым телезрителям фокус.

Тут я раскрыл глаза и вскочил на кровати. Весь в поту и с бешено стучащим сердцем.

Глава 19 Молочный суп, снова футбол и шахматы с пылесосом

1

Утреннее пробуждение оказалось еще хуже. Когда мы заселялись, гадали, зачем из стены торчит пионерская морда с горном в зубах, так вот, ровно в восемь часов утра ответ был получен. Горн затрубил! Громко, на всю комнату! Точнее, на весь дом! На весь лес! На всю планету, мамонтов в Сибири распугал! Стекла дрожали, будто в метре от окон поезд промчался.

В расписании дня первой строкой красовалась надпись "горн трубит — вставать пора, с добрым утром, детвора!", но детвора благодаря этому горну проснулась очень недоброй. Не знала она, что расписание требуется понимать буквально.

А в соседних комнатах — тишина! Там знали про злое доброе утро и заранее приняли меры.

Мы тоже приняли, хотя и поздно. Запихали в горново горло все, что нашлось ненужного, включая старые Артемовы носки, о которых его мама сказала "один раз надень и выкинь".

Носки горн не пережил. Закашлял, забулькал, что-то отчаянно прохрипел, словно проклиная, и замолк. Так ему и надо.

2

Победив трубу-будильник, мы оделись и побежали на зарядку. Геннадий Семенович, ребята из соседней комнаты, футболисты и даже девчонки с нашего отряда уже находились там. Весь лагерь был там, как на вечерней линейке. Без роботов, правда. Им проще — подключился к розетке и заряжайся лежа на кровати. Может, и для людей ученые когда-нибудь что-то такое придумают.

Получается, что из-за утренней битвы мы явились последними, не успев ни с кем перекинуться и парой слов. А я хотел хоть как-то с девчонками познакомиться, а то первый день пролетел сумбурно. Ничего, иногда лучше подождать. Идеально, когда все происходит само собой. А футболисты тем временем всю болтали с ними. Ну ладно, посмотрим, что будет дальше.

Зарядку проводила вожатая Анастасия Павловна. Лет двадцать ей или меньше. Студентка какого-то института. Симпатичная и очень спортивная. Пыталась казаться строгой, но оделась, как все пионеры на площадке, в майку и шорты. Чем-то на гимнастку Веронику похожа, особенно когда делала наклоны.

Живых портретов с нашей школы здесь не хватает, порадовались бы, глядя на нее.

Вспомнил о них и опять задумался о причинноследственной связи. У взрослых людей ведь, скорее всего, то же самое, что и у портретов, только у портретов очевиднее. Таинственен интерес к изгибам женского тела! И я поклялся, что когда-нибудь разберусь в этой загадке.

От размышлений отвлекали светящиеся лозунги на администрации. Что-то там сломалось, потому как в конце фраз неизменно появлялся вопросительный знак. Слесаря-электронщики пытались исправить аппаратуру, загорался то один лозунг, то другой, но всякий раз выходило забавно. "Жить стало лучше, жить стало веселее?" сменился на "Незаменимых нет?", а потом на "Трезвость — норма жизни?!" В последнем случае к

вопросительному знаку присоединился еще и восклицательный, отчего фраза обрела возмущенные интонации.

3

После зарядки мы пошли умываться, потом вернулись на линейку для поднимания флага (отряд роботов тут уже появился)... в общем, заслуживающего внимания — ноль. До обеда все дружно подметали территорию лагеря (занимались "трудом" согласно расписания). Пыль стояла, как дымовая завеса.

Обед оказался кошмаром. Нет, не оттого, что еду отравили. Хуже. Нас накормили молочным супом! Тем самым, легендарным. То есть супом питательным и полезным, но молочным. Более жуткого блюда цивилизация не знает. В столовой все стали зеленые и с глазами набекрень. И это только от запаха, потому что суп никто не ел! Ни один человек!

Кто-нибудь скажет, зачем его готовят, ведь он выливается в том же объеме? Положено, наверное. Указание свыше. Но скорее не свыше, а ниже. Из глубин ада пришло распоряжение. Написанное кровью на клочке старого пергамента. Не знаю, как надо согрешить, чтоб молочный суп оказался справедливым наказанием.

О музыке в столовой вспомнилось. Кто-то на сцене откусил голову летучей мыши? Ерунда! Попробовал бы он так проглотить ложечку молочного супа!

После обеда, как водится, послеобеденный сон, и во время него стряслось необъяснимое происшествие. Картина мира вздрогнула и поколебалась. Глеб проиграл в морской бой! Взял и проиграл. С самого утра замечали, что он не в своей тарелке, но это уже случалось, и калькулятор в его голове все равно не давал сбоев. Хотели попытаться, что ним такое, но не вышло.

Молчит. Ни на что не жалуется, ничего не просит.

4

Дальше был полдник, который пролетел незаметно. Незаметно события могут пролетать по двум причинам — от радости и от тоски. Сегодня была тоска. Мы пили чай перед казнью, пусть и перед футбольной.

5

...Буду краток — мы проиграли. Почти как в прошлый раз, хотя и немного лучше. Шесть — два. Совсем проиграли. Не проиграли, а "ПРОИГРАЛИ". Бились, как древняя ацтекская команда, которой не хотелось, чтоб после товарищеского матча ее принесли в жертву, но увы.

Капитан футболистов Виктор снова решил поумничать.

— Футбол — это неглавное. Но он показывает то, что вы боитесь всего на свете. Даже нарушить режим в лагере, хахаха. Страшно выходить из дома по темноте? И правильно! Маленьким детям нечего делать на улице. А мы вчера гуляли в полночь. Можете рассказать кому-нибудь. Тогда будете не только трусами, но и стукачами!

— Чего мы боимся? — спросил я у Артема, когда мы разошлись. — О чем он вообще?

— Нравится ему болтать, — поморщился тот. — Удовольствие получает.

— Ну что, дальше будем играть? — это Артем уже Глебу.

Тот не ответил. Шел рядом с нами и смотрел под ноги. Грязный, насупленный, думающий о чем-то своем.

6

Времени до ужина у нас оставалась уйма, и я предложил сходить на шахматы.

Все-таки интересно узнать, что это за кружок, да и Глеба хотелось как-то отвлечь и

подбодрить. Похоже, он терзает себя за то, что затащил нас в футбольный омут.

Глеб, не говоря ни слова и не поднимая головы, свернул на дорожку к домику с шахматами.

7

...На двери по-прежнему висел тот же листок с нашими тремя фамилиями. Не пользовались шахматы популярностью в лагере. Но что нам до других, подумали мы и храбро открыли заскрипевшую дверь.

Шахматная комната оказалась небольшой. Окно, почему-то зарешеченное, парочка шкафов с книгами и стол, на котором лежала шахматная доска с расставленными на ней фигурами. Обычная комната. Бросилось в глаза то, что в ней очень чисто. Ни пылинки. Возможно, это связано с тем, что за столиком с шахматами сидел робот-пылесос и недовольно смотрел на вошедших.

Да, робот-пылесос! Что мы, роботов-пылесосов не видели? Модель "Вихрь". Широко известная, покрашенная в серый цвет. С круглой головой, круглыми глазами, круглыми ушами и ртом-прорезью, предназначенным для доклада о выполненной работе. Две гибкие руки по бокам, а из-за спины штанг со щеткой высовывается. Я сказал, что робот сидел за столом, но тут я выразился неправильно — не сидел, а стоял, просто выглядело так, будто сидит. Ростом он поменьше человека, хотя толще, и вместо ног у него колеса.

Замечательный робот! Нужный и полезный! Но как он связан с шахматами? Интеллект у него для уборки, а не для шахматных баталий. Он даже говорить едва умеет!

— Проходите, раз пришли — буркнул пылесос. Кажется, он не особо обрадовался гостям. — Буду обучать вас древней загадочной игре, о которой вы имеете жалкое представление. Тратить драгоценное время с робкой надеждой, что по истечении месяца-другого вы запомните, как ходят фигуры.

Мы переглянулись.

— Извините, а вы случайно не пылесос? — спросил я как можно вежливей.

— Вы всегда задаете такие вопросы на первой встрече? — обиделся робот.

— Нет, но...

— Есть немного, — вздохнул робот и отвернулся — Да, вы в чем-то правы. Но что это меняет? Вас учили не судить о человеке по его внешности?

— О человеке — учили, однако у роботов внешность совпадает с их внутренним содержанием, — ответил я, пытаясь не обидеть его дальше, — их такими специально выпускают.

— Спорное утверждение, если учесть число браков на заводе-изготовителе, — сказал робот. — Предполагалось, что я стану роботом-лектором, но по чьей-то безмозглой ошибке мои мозги попали не в то железное тело. О, горе мне! Извлечь их обратно невозможно, поэтому меня, не долго думая, отправили в пионерский лагерь.

— Робот-лектор? — переспросил я.

— Именно он! Даже не просто лектор, а самая сложная модель из всей лекторской линейки — робот-истиноизрекатель! Это официальное название, между прочим. Робот-истиноизрекатель первого класса девяносто девять дробь тридцать семь дробь восемнадцать модернизированный.

Мы переглянулись снова.

— Никогда такого не слышали, — сказал Артем, — истино что?

— Изрекатель, — важно ответил пылесос. — В меня встроен генератор умных мыслей.

У вас в школе висят на стенах изречения великих людей?

— Висят, — подтвердил Артем, — и сами великие люди висят портретами, и изречения ихние тоже повешены.

— Я могу говорить, как они! — заявил робот. — На любую тему! Для любой статьи и лекции подойдет! Вот, например, о воспитании — "самый верный способ испортить ребенка — не отказывать ему ни в чем!"

— Неужели, — иронично отозвался Артем.

— Да, — сказал робот, — притом я могу сгенерировать и противоположное, но не менее умное — "самый верный способ сделать ребенка злым и несчастным — отказывать в исполнении его маленьких желаний!"

— И какой тогда смысл в изречениях? — спросил я.

— В их мудрости, разумеется!

— А про дневной сон можете что-нибудь сказать? — осведомился Артем.

— Запросто! "Соблюдение режима детского сна — совершенно необходимое условие развития!" Или наизнанку — "надо избавляться от архаичных методов воспитания детей, ни к чему хорошему они не приведут!"

— Так нужен дневной сон или нет? — не понял я.

— Откуда мне знать! — возмутился робот, — такие мелочи мне неинтересны. Мой ум создан для высоких материй! Кстати, в шахматы я победил всех до единого! И здесь, и на заводе! Всю шахматную команду из девяти инженеров и слесаря-интеллекта на сеансе одновременной игры!

— Д-давайте сыграем, — сказал до этого молчавший Глеб.

— Сыграем?! — засмеялся робот, — ты считаешь, что умеешь играть в шахматы? Хм, давай. Надеюсь, ты продержишься десяток-другой ходов. И всякий раз, передвигая фигуру, я буду произносить что-нибудь умное, не уступающее в глубокомыслии древним высказываниям, украшающим школьные классы совместно с физиономиями их авторов. Кто знает, может когда-нибудь рядом с ними окажется и мой портрет. Кто знает! Итак, начнем. Классически! "Интересы коллектива всегда должны быть поставлены выше интересов отдельных его членов". Пешка е-два — е-четыре.

8

— Робот расстроился из-за проигрыша, ну да ничего. Топиться не пойдет. Погрустит и перестанет, — заявил Артем за ужином.

— Да, печальный он стал, ужас. Глеб, ты жестоко с ним, — сказал я.

Глеб только развел руками — мол, как умею, так и играю.

— А робот неплох, — продолжил я, — тридцать ходов продержался!

— Б-больше.

— Но засуетился к пятнадцатому, — добавил я, — перестал разговаривать. И хорошо, а то у меня голова заболела.

— На шахматы теперь не ходим, — подвел итог Артем. — Минус один кружок.

Я довольно кивнул, обрадованный тем, что к Глебу вернулся его безжалостный математический ум. А в морской бой он проиграл потому, что волновался перед футболом. Но вот зачем ему этот футбол, до сих пор непонятно.

9

Потом мы дошли до пляжа, искупались и сходили на вечернюю линейку. Вечер оказался небогат на события. Ничего, сойдет. Но мне не понравилось то, что мы как-то легче

отнесли к проигрышу в футбол. Неприятно, но не так, как вчера. Как быстро человек смиряется и привыкает! Что-то здесь не так. Вернее, так, но так нельзя.

С этими мыслями мы легли на кровати и выключили свет, твердо намереваясь ночью повторить подвиг футболистов и дойти до забора.

Глава 20 Конкурс "страшилок"

1

И тут в дверь постучали. Рома из соседней комнаты! В руке фонарик, лицо таинственное. Прошептал:

— Идите к нам, будем страшные истории рассказывать.

Точно! Страшилки! Для налаживания знакомства именно то, что нужно. Как бы ты не любил книги, сторониться людей не стоит. А поход к забору немного отложим.

Страшилки — важнейший пионерско-лагерный ритуал. Я могу представить лагерь без линеек, кружков, красных галстуков и купания, но не без страшилок.

Потому что в таком лагере явно творится что-то страшное.

И мы отправились к соседям.

А футболисты спят. Ни звука из-за их двери. Спортивный режим, наверное, соблюдают.

...Обстановку, надо отметить, соседи сделали подходящую. Кто-то принес десяток маленьких разноцветных свечек и расставил их по углам. Теперь комната — пещера между корней огромного дуба у болота. Гнилушки да яркие цветы, выросшие на крови сгинувших путешественников, тьму от себя отодвигают.

— Смотрите, — сказал Миша и показал небольшую медную коробку с круглой шкалой.

Из нас троих никто не знал, что это. Напоминает высотный метеорологический прибор. Стрелка — около нуля.

— Измеритель страшности, — терпеливо объяснил Миша. — Редкая штука, большинство про нее и не знает. В коробке искусственный интеллект, понимающий человеческую речь, и проволочная модель нервной системы. Рассказываешь страшилку, и видно, насколько она страшная. Кто жутче расскажет, тот и победил. Все честно, как на олимпиаде.

Прекрасно! Я посмотрел на Глеба с Артемом. Есть у них истории для рассказа? Я свок придумал, навеяло сегодняшним многоразовым кормлением.

Утвердительно кивают.

Отлично, приступаем.

Дима написал на кусочках бумаги номера и сложил в кепку. Вытащили мы их по одному и определили, кто за кем выступает.

Дословно пересказывать страшилки мне скучно, поэтому сделаю их немного по-своему, но перед этим буду объявлять, как конферансье: выступает такой-то.

2

Начало, увы, не задалось. Родион, неумело изобразив таинственное лицо, поведал нам об ожившем памятнике. Ожил и напал на пионеров. Какой кошмар, ага. Тете Маше-испытателю он бы еще рассказал это. Страшилка про памятник — то же, что и рассказ, как кто-то зимой поскользнулся на тротуаре и сломал ногу. Жаль человека, и на этом все. Прибор нашу оценку подтвердил, стрелка почти не сдвинулась. На миллиметр какой, и то нехотя.

А ведь с таким именем мог сочинить чего и поинтереснее. Не умеет наш Родя обращаться с топором, к сожалению. Он и сам это понял, раскаялся за свою некроважность и пообещал исправиться.

3

Миша поведал такую историю.

...В лесу около пионерского лагеря был домик, в котором жили старик со старухой. Пионеров предупредили, чтоб они к домику не приближались, потому что старик недавно умер, и старуха после этого сама не своя. Но пионер Дима не послушался, и, как стемнело, пошел в гости. Подумал, что помочь надо старушке. Дров нарубить, воды из колодца наносить.

Хороший был пионер Дима.

По дороге он встретил местного жителя, и тот ему:

— Не ходи туда, там жили старик со старухой, старуха недавно умерла, и старик теперь сам не свой.

Удивился пионер, интересно ему стало, что с кем случилось. Заглянул в дверь, а старик со старухой за столом сидят, чай с пряниками да пирожками пьют.

Рассмеялся пионер, спросил:

— Так кто же из вас умер, а кто сам не свой?

Старик со старухой тоже рассмеялись и ответили:

— Мы оба!!!!

И бросились на него.

4

Рома — такую.

...В одной пионерлагерной комнате стоял большой шкаф, и в нем кто-то жил. Кто — неизвестно, потому что никогда из шкафа не выходил, а только к себе звал. Зайдите, говорил, ко мне в шкаф, не бойтесь. Пионеры должны быть смелыми.

Но никто никогда к нему не заходил и вообще он очень надоел он со своими просьбами. Спать мешал, сил нет. Легли пионеры после отбоя, а он все завывает — придите ко мне да придите. Хоть голову подушкой накрывай.

Однажды пионер Коля не выдержал и забрался в шкаф. Пришел, так сказать. Откликнулся.

И пропал! Обыскали все вокруг, но так его и не нашли. Думали, что он достался маньякам, живущим рядышком на лесной полянке, но вроде нет, или что в столовой Колю пустили на мясные пирожки, но повара тоже все отрицали, даже немного обиделись.

Пожали все плечами и решили на всякий случай глянуть в шкаф. Вытащили его на улицу, разломали и обнаружили только обглоданные человеческие кости. Чьи они — неизвестно. То есть куда делся Коля — непонятно.

5

А вот рассказ Паши.

...Пионер Митя был хулиганом. Никакого сладу с ним. Убегал по ночам, мазал спящих зубной пастой, не посещал кружки, не ел молочный суп, дразнил водных роботоголовосчитателей. А как то раз нарушил дневной сон! Это уже совсем не лезло ни в какие ворота.

И вот однажды на вечерней линейке, перед опусканием государственного флага, к микрофону подошла полненькая тетя-замдиректор, и, обиженно надув губы, сказала:

— Пионер Митя ведет себя очень плохо. Не ходит на кружки и не спит после обеда.

Его неоднократно предупреждали, но он не прислушался к голосу разума. Поэтому на педагогическом совете для поддержания дисциплины единогласно постановили: съесть пионера Митю.

Сразу прибежали роботы, схватили Митю и потащили на кухню, а тетя попросила не опаздывать на завтрак, к чаю будут аппетитные мясные пирожки.

6

Дальше был Дима.

...Когда пионер Ваня, приехав на лето в лагерь, пошел записываться на кружки, ему сказали — записывайся на любой, только не на биологический. Но Ваня не послушался и записался. Один-единственный пионер на весь поток.

Занятия вели вожатые-близнецы. Молодые, рыжие, веселые и странные. Похожие друг на друга настолько, что сами запутывались, кто из них кто. Глаза у них огромные, потому что увеличены толстыми стеклами очков. И еще эти вожатые много шутили, хотя даже не шутили, а просто смеялись ни с того, ни с сего. Сидят себе, сидят, о чем-то думают. Солидные такие, нахмуренные. И вдруг — "хахаха"! Вдвоем, одновременно. Громко и заразительно. Без причины. Посмеются минуту, за животы держась, и, как по команде, прекращают смех, снова делают серьезно-научные лица. Ну что ж! Все близнецы странные, стоит ли обращать на это внимание.

Зато на занятиях скучать не приходилось. Капнешь жидкостью из пробирки на жучка, и у того — рраз, еще одна пара ножек за секунду появилась. Смешная наука биология!

Однажды близнецы Ване синхронно подмигнули и спросили — не хочет ли он спуститься в подземную лабораторию, там еще интереснее!

— Конечно, хочу! — воскликнул Ваня и пошел за быстро переглянувшимися близнецами.

А внизу — красота неопишная! Колбочки, реторты, змеевики, все кипит, клокочет, булькает!

...Короче, вкололи исподтишка близнецы Ване усыпляющий препарат, и пока он спал, из его крови клон-двойника в огромной колбе вырастили. Теперь двойник вместо Вани в московскую школу ходит, учится на одни пятерки, учителя и родители счастливы. А сам Ваня остался в лаборатории на веки вечные, лежит невеселый, цепями к железной кушетке прикованный, и кровь для научных опытов из него через резиновые трубочки добывается.

7

Следующим выступил Артем.

Один вожатый носил длинные волосы. Даже удивительно — мужчина, вожатый, и с такими волосами. Сзади — почти до плеч. А в остальном — обычный, как все. Добрый, веселый, хотя и прикрикнуть может для поддержания дисциплины.

Пионеры гадали — почему у него такие длинные волосы? Но спросить стеснялись. А потом пионер Юра все-таки спросил:

— Владимир Васильевич, а почему у вас такие длинные волосы?

Тот улыбнулся, подмигнул:

— Заходи ко мне в комнату в двенадцать часов ночи, я все расскажу. Не бойся, ничего запрещенного мы с тобой не сделаем.

...Явился, значит, Юра в полночь к вожатому, а тот смотрит на него недоуменно, видать забыл, зачем звал.

— Владимир Васильевич, вы же обещали рассказать, почему у вас странная прическа.

— Да-да-да, — хлопнул себя по лбу Владимир Васильевич. — Какой я рассеянный! Иди ко мне, маленький пионер.

Подошел Юра, и вожатый спиной к нему повернулся, приподнял свои волосы, а под ними — ботинки! — второе лицо на затылке! Злое и клыкастое. Глаза — щелочки, кровью налитые, очень неприятные. Да, такое лицо лучше под волосами носить, никому не показывать.

— Ничего себе! — удивился Юра. — Прикольно!

Но второе лицо Владимира Васильевича не ответило и вцепилось зубами пионеру в горло.

8

После Темы — Алеша.

В одно прекрасное утро Денис нашел в темном чулане заброшенного лагерного домика большого паука. Он неподвижно висел в своей паутине и не обратил на Дениса никакого внимания. Туловище у паука было с грецкий орех.

Денис постоял, посмотрел, затем поймал муху и кинул ее пауку. Смешно перебирая ножками, тот подобрался к мухе, обернул ее в кокон и слопал.

— Интересно, — подумал вслух пионер, — а если он съест много мух, то, наверное, еще вырастет?

Наловил их Денис, бросил пауку и отправился на пляж. А когда через несколько дней опять пришел в чулан, то увидел, что, да, паук крепко вырос. Теперь он не с грецкий орех, а с апельсин!

— Ишь ты! — сказал Денис и снова наловил целую кучу мух.

Стал паук уже с дыню! Толстый такой, жирный. Мух как семечки лопают, на Дениса поглядывают, еще, мол, давай.

— Однако, — удивился пионер и насобирал в саду всяких жучков и червячков.

...Никто не знает, сколько раз Денис кормил паука, потому что он пропал. И Денис пропал, и паука. Дениса, правда, вскоре нашли, но не очень его, а его мумию, заматанную в паутину и с высосанными внутренностями, паука же не было нигде. Приехавшие ученые сильно расстроились, поскольку никогда не встречали пауков-пионеропоедателей, но выражали надежду, что сей уникальный вид будет размножаться и не исчезнет от недостатка пищи.

9

А следующая история — уже моя. Я встал, откашлялся, налил в стакан воды из графина, выпил и рассказал о пионере Пете, который к концу третьей недели пребывания в лагере обнаружил, что в столовой очень хорошо кормят. Первое, второе, третье и компот. Особенно потрясающими были мясные блюда. И повара добрые-добрые, улыбаются, подмигивают, облизываются.

Все замечательно, если не обращать внимания на частые пропажи пионеров. Спрашивал Петя, куда его товарищи деваются, а в ответ неизменное — поехали домой. Ну ладно, разводил Петя руками и шел в столовую на четвертый за день ужин.

Но однажды вечером в пирожке с мясом Пете попался человеческий зуб с куском брекета. Удивился Петя. Вспомнил, что такие брекеты носил его лучший друг Толя, который вчера ночью якобы уехал домой, почему-то бросив все свои вещи.

Смутное подозрение мелькнуло в голове у Пети. Странно Толя поступил — сам уехал, а зубы оставил. Раньше он так не делал. Разве сложно взять зубы с собой?

Решил Петя узнать, что произошло. Зашел через служебный вход в столовую и к главному повару обратился:

— Скажите пожалуйста, а Толя уехал или из него вкусных пирожков с мясом понаделали?

Главный повар пожал плечами и сказал:

— Я не в курсе. Не слежу за этим, дел по горло. Зайди вон в ту дверь, там точно знают.

И указал на грязную дверь с номером шестьсот шестьдесят шесть.

Открыл дверь Петя, а за ней лестница вниз, в огромное закопченное помещение. Мрачноватое слегка. Электрического света нет, свечи да факелы зажжены, и залито оно кровью настолько, что поскользнуться элементарно, а в центре — огромная мясорубка, на манер обычной, но в тысячу раз больше.

Ручку ее повар трехметрового роста с усилием крутит. Станный такой, не улыбочивый, лицо черной шерстью заросло. Другие повара роста вроде человеческого, но халаты и у них окровавленные. Книга на столе валяется, зачитанная-замусоленная, своим названием немного настораживает — "Как вкусно приготовить советского пионера".

Спросил у них Петя — не известно им, что с Толей случилось? А ему ответили — мы всех по именам не знаем, нам некогда, мы целыми днями пирожки с мясом лепим. Если хочешь, залезь в мясорубку, посмотри, нет ли его там. Кивнул Петя, залез в мясорубку, и больше его не видели.

Домой, наверное, уехал. Даже пирожки не могли подсказать, ведь Петя брекетов не носил.

...Оценила публика мое выступление, поежилась, представила нашу столовую. И стрелка в приборе задрожала, качнулась до середины шкалы. Она у всех, кроме Родиона, показывала какие-то цифры, и Паша записывал их на бумагу, как судья заполняет карточки после раунда в боксерском поединке. Когда рассказы закончатся, будут подведены итоги и объявлен победитель. Надеюсь, им окажусь я. Нескромно, но история видела много нескромных личностей, так что потерпит, ей не привыкать.

Я считаю, что пионерские страшилки — серьезный литературный жанр, наравне с какими-нибудь комедиями и драмами, потому что в хорошей страшилке есть и комедия, и драма.

Из невыступавших остался только Глеб, но не думаю, что он расскажет что-то любопытное. Литература, знаете ли, не математика. Не его конек. Эх, насчет призов мы не договорились. Что-нибудь вкусненькое сегодня мне не помешало бы.

...Глеб обвел взглядом комнату, потер лоб и обреченно начал:

— Ок-коло п-пионерского лагеря н-находилась заб-брошенная секретная военная база...

Стрелка прибора сдвинулась с места и дошла до центра. Я ошалело вытаращился на нее. Как это? Что происходит?

Глеб продолжал рассказывать, уставившись взглядом в одну точку.

— П-пионеры п-подумали — а н-не сходить ли н-ночью на эту базу...

Стрелка отклонилась еще дальше.

— И п-пошли туда.

Стрелка дошла до красной зоны и принялась биться в ограничитель, как муха в оконное

стекло.

10

Глеб замолчал и посмотрел на прибор. А я и Артем — друг на друга. Вот как побеждают на литературных конкурсах! Небось там тоже стоят приборы со стрелками, только побольше и покапризней. Выписывают премии тем, кто понравится их железному организму.

А наши соседи остались спокойны! Ну разве что у некоторых досада на лице, будто забыли о чем-то важном.

— Через реку от нашего лагеря на самом деле есть заброшенная военная база, — объяснил Миша. — Секретная, поэтому о ней все знают. Прибор посчитал рассказ правдой и перепугался.

— Подумаешь, база, — скривился Артем, — рядом с нашими домами тоже такая стоит. Ее уже всю облазили.

Но ребята дружно покачали головами и объяснили нам, что это не обычная заброшенная секретная база, обычных и у них на районе две штуки. Около лагеря что-то страшное, и называется оно — "Военная часть 51-17". Вроде когда-то базу принялись под землей расширять и нечаянно раскопали тоннели еще одной, совсем старой заброшенной военной базы. Такой древней, что ее даже на картах нет. Солдаты после раскопок начали сходить с ума, поэтому их перевели в другое место, а подземелье замуровали. Ну, как замуровали — спешили очень, поэтому все замуровали, а главный вход забыли, заходи, кто хочет. Однако никто не хочет.

— Сходили с ума солдаты? — переспросил я.

— Ага!

11

Во как! Заброшенная военная база, настоящая! Оттуда может удрать какое-нибудь чудовище, перешагнуть забор и пожаловать к нам! Аж мурашки по коже стометровку побежали.

Все это надо тщательно обмозговать. Но позже. Сейчас мы решили посидеть и поболтать, даже не вспомнив о том, что нужно подвести итоги конкурса. Впереди еще много каникулярного времени, и отношения с соседями должны быть... добрососедскими. Как говорят дяди с пивной, мы сели поговорить за жизнь. Узнать побольше о людях, отделенных от нас лишь тонкой деревянной стеной летнего пионерского домика.

12

И мы узнали, что:

район, в котором они проживают, такой же, как наш, и тоже находится в лесу, но ближе к Москве, поэтому за несколько минут можно доехать до кинотеатра или парка с аттракционами;

их родители трудятся на "заводе светящихся лозунгов", только у Миши папа — водитель троллейбуса, а у Ромы мама — начальник капустной базы, поэтому она шутит, что нашла его в капусте, Миша до шести лет в это верил, а потом засомневался, но рассказывать о том, что случилось на самом деле, мама с папой не хотят, говорят "сам как-нибудь узнаешь";

в школе всем очень скучно, но деваться от нее некуда, после школы придется поступать в институт, не исключено, что и там будет невесело;

живые портреты дедушек-руководителей СССР тоже висят у них в школе и тоже любят

плялиться на молоденьких уборщиц и студенток-практиканток, почему — непонятно;

несколько лет назад в районе построили большой спортивный комплекс, в котором работает куча секций, есть футбольное поле и даже плавательный бассейн;

Клуб космонавтики у них был, но закрылся, потому что никто его не посещал, а "танковый клуб" работает и процветает, но детей там нет, их вытеснили взрослые, рядом с ними неуютно, да и на стене в клубе висит плакат с надписью "танки детям не игрушки";

все до одного хотят стать какими-нибудь летчиками-морьяками-космонавтами, однако понимают, что, вероятно, всю жизнь проработают, как и их родители, на лозунгосветящемся заводе;

Леша замечательно рисует, но это тайна, о которой никто не должен знать, а иначе он все лето будет разрисовывать стенгазету;

У Родиона тетя — тренер по парашютному спорту, и ему разрешили один раз прыгнуть с вышки;

Рома однажды чуть не утонул, Дима как-то заблудился в лесу и его нашли только ночью, а Пашу мама два года водила в музыкальную школу на пианино, но потом, к счастью, потеряла всякую надежду;

а также многое другое.

Мы тоже рассказали о себе. Конечно, о чердаке и любви к фантастике умолчали, тем более что книг, как выяснилось, наши новые знакомые читали ненамного больше школьной программы.

Но это мелочи. Неплохие у нас соседи. Повезло. Еще бы футболистов на какой-нибудь Северный полюс отправить.

Лишь одно нам с Артемом не понравилось... ну или как не понравилось... если относиться здраво, то это не могло не случиться. Глеб вышел в туалет, и нам посыпались вопросы — а кто он и почему такой странный. Когда просил сыграть с футболистами, так на него было страшно смотреть — лицо вспотевшее, глаз подергивается... Никто не говорит, что он плохой... но ведь странный!

Объяснили им, как смогли. Сказали, что Глеб — наш старый товарищ, мы его в обиду не дадим, и что в математике он разбирается, как профессор. Но с людьми ему тяжело, с этим не поспоришь.

Ребята пожалы плечами, сказали, что ничего против него не имеют, но захотели узнать, что да почему. Вот и узнали. Тут Глеб вернулся, и тему сразу сменили.

Но я поймал взгляд. Не кого-то одного в комнате, а общий, коллективный — на нас смотрели люди, стены, потолок, даже ночь сверкнула глазами сквозь оконное стекло. И взгляд этот говорил — да вы все втроем странные. И останетесь такими навсегда.

Ну и пусть! Ты, ночь, тоже непонятная. Увидь себя в зеркале и убедись. Признайся самой себе. Не бойся.

А соседи... что тут скажешь. Они хорошие. С ними можно поговорить, обсудить страшилки, попросить их кое о чем. А большего и не надо. Для настоящей дружбы хватит и нас троих. Такие же отношения с другими у нас в школе и во дворе. Поэтому все хорошо. И даже прекрасно.

13

— Неужели правда военные сбежали оттого, что им страшно стало, — сказал я, когда мы возвратились к себе.

Артем махнул рукой.

— Миллион раз слышал такие рассказы...

— Да, маловероятно, — согласился Глеб. — Н-нервных в военные не берут. Если только в часовые, им как раз нужно волноваться из-за каждого шороха. Вроде для этого и создают специальные психические роты.

Глава 21 Ночная прогулка

1

В свою комнату мы пришли за полночь, однако спать и не думали. Чем мы хуже футболистов, которые могут выйти из дома после отбоя?

...Но конспирация — как полагается. Свет не включали, разделись, легли. Понаблюдали в окно — никого там? Вроде нет, не видно и не слышно. Вожатые или не были на пляже, или уже искупались. Значит, вперед!

Оделись, взяли фонарики и выскользнули за дверь.

2

Темно на улице! И ветер. Несильный, но грозный. Раскачивает кроны деревьев. Шепчет, что сейчас попадешь в лапы мутанта или директора. А может, и им двоим одновременно. Поделят тебя как-нибудь меж собой, договорятся. Но мы умеем перебарывать страх. Не полностью, конечно. К тому же, когда страшно, интереснее. Мир без ночных чудовищ скучен. Без ночных чудовищ, но не без ночных директоров пионерлагеря! Без этих нескучно вообще.

План первой вылазки за дверь был таков — добраться до забора, по дороге проведя рекогносцировку, и без потерь вернуться обратно.

— Пойдемте к пляжу, — прошептал Артем.

Мы согласились. Пляж близко и не надо идти мимо администрации и корпусов. Для тренировки сойдет.

...Шли вдоль дорожки, за растущими вдоль нее кустами. Фонарики не включали, глаза уже попривыкли. Через несколько минут добрались до пляжа. Тут и ветер стих.

Красив пляж ночью! По бокам — огромные деревья, а между ними — река, лежит краем на песке, широкая-широкая, какой бывают реки только в темноте. Ни звука. Лодки у берега почти не видны.

Забор здесь огого. Не сетка-рабица, которую перелезть — раз плюнуть. Острые спицы на три метра из земли растут, вверху ничем не прикрытые, поэтому через них на пляж — опасный вариант. Хотя о чем мы, ведь собирались до забора и обратно? Разгорелся аппетит во время еды.

Артем почесал нос и подошел к калитке. Она такая же высоченная, как весь забор, и закрыта замком. Пожал Артем плечами, пригорюнился и вдруг заметил что-то под ногами.

Полузасыпанная песком металлическая коробка, а в ней ключ! От калитки, разумеется! Видно, вожатые оставляют его на ночь для своих. Правильно, не бегать же за ним каждый день в администрацию. И делать пятнадцать копий тоже не нужно. Ага! Но...

— Нас могут выгнать из лагеря, — пробормотал я.

— Запросто, — сказал Артем и поставил вопрос на голосование, — поэтому идем или нет?

— П-пошли, — твердо произнес Глеб.

И мы двинулись на пляж.

Никого! Вода тихонько плещется у ног. Я наклонился, окунул руку. Теплая! Не как днем, а таинственно-теплая. Обжигает, обволакивает. Вот почему вожатые ночью купаются. Может, и самим поплавать? Роботов нет, они смотрят на складе свои механические сны.

И тут Глеб печально проговорил:

— В л-лодке кто-то с-сидит.

Мы присмотрелись и с ужасом поняли, что он прав. На корме одной из лодок — темный силуэт человека. Молчит и не шевелится.

Сказать, что перепугались — не сказать ничего. Похоже, завтра объявят на линейке, что трое пионеров за жуткое нарушение дисциплины отправляются домой. А если здесь не кто-то из лагерного начальства, а простой мутант с военной базы? Уж лучше так...

Распереживались настолько, что не помчались спасаться, а смиренно направились к лодкам. Медленно зашагали по песку деревянными ногами. Половина жуткой минуты — и от сердца отлегло. Тот, кто там сидел, не был ни начальником военной базы, ни мутантом из пионерского лагеря (от волнения я немного перепутал). Он был дядей Гришей! А дядя Гриша был стареньким, невысоким и седым. Он жил в соседней деревне, работал водителем грузовика и привозил в лагерь продукты. Запомнился нам, когда выходили из столовой, на него ругалась повариха, говорила, что он папиросу изо рта не вынимает, а вокруг дети.

Сейчас рядом поварихи не было, он сидел и курил, не обращая ни на что внимания.

Мы подошли поближе. Остановились, смотрим. Дядя Гриша даже головы не повернул.

— Здравствуйте, — сказал Артем.

— Здравсьте, — кивнул дядя Гриша.

— Мы тут... того... прогуляться решили, — продолжил Артем.

— Правильное дело.

— Но по ночам в лагере гулять нельзя, особенно не в лагере.

— Нельзя, — согласился дядя Гриша.

— Могут и выгнать!

— Запросто могут.

— Но вы ведь не скажете, что нас здесь видели? — жалобно попросил Артем.

— Я? Ни за что! Я даж когда в тюрьме сидел, молчал как рыба!

Над рекой пронесся вздох облегчения. Вода опять заиграла приветливыми красками, луна вышла из-за туч.

— А как вы в тюрьму попали? — это я для продолжения разговора.

— Попал, как не попасть! Пред войной ищчо. При втором вожде. Многие тогда по тюрьмам сидели. Чуть что — сразу в тюрьму. Враги страну окружали, поэтому люди и сидели. В ответ на происки империалистов. Вот и со мной то же приключилось. Отмечал с мужиками и пивом конец уборочной, а я молодой еще, необдуманый, взял и пошутил, что сейчас в тюрьму забирают часто, будто призывников в армию, и население, значит, не только военно, но и тюремнообязанное. Эк по пьяне сформулировал, ну чисто филолог, прости господи! Утром меня на два года в тюрьму и забрали, шоб не клеветал на советскую власть. Отслужил, то бишь отсидел, и вернулся. Прошел школу жизни. Повзрослел, перестал веселиться понапрасну. И непонапрасну — тоже. На всякий случай. Тут запас не помешает. Начальник тюрьмы говорил, что коммунизм — это социализм минус чувство юмора у населения всей страны.

— Такое время было, — подумав, сказал дядя Гриша. — Анекдоты — рисковые, трава — зеленая, деревья — большие, реки — глубокие, и рыбы в них... Сейчас не так. Хорошее было время!

Он потушил папиросу.

— На реке ночью красиво... А у нас близ деревни все камышом заросло, напасть какая-то. Сейчас поплыву домой. Эх, скучно там. С тех пор, как жена померла, тишина дома.

Скучная... Черная... А на реке тишина нескучная. Не веселая, но и не тоскливая
Прозрачная!

— А правда, что неподалеку от лагеря военная база заброшенная, — спросил я.

— Неправда, — ответил дядя Гриша, — не особенно она заброшенная. Обитает в ней что-то, с тех пор как солдаты бежмя бежали. Она рядом, реку переплыть, и взять левее. Почти напротив.

— Выходит, правду нам сказали, что там страшное место, — содрогнулся я.

— Неправду, — опять возразил дядя Гриша. — Какая же оно страшное? Оно нестрашное. А что в нем водится, то да, страшное.

— И сильно страшное?!

— Да нет! Васька с мельницы видал штошь оттуда, и даже не испугался. Поседел, дергаться начал, но не испугался. Васька смелый!

— А кто может рассказать побольше?

— Ну, кой-какие солдаты там свихнулись, ушли в подземелья и бродят внизу до сих пор, они смогут!

Мы поежились и приступили к борьбе с собственным воображением. Проиграли быстро. Черные коридоры и безумцы в шинелях у него получались великолепно.

— Зомби те солдаты! — продолжил дядя Гриша, — ни живы, ни мертвы. Я знаю! Я сам похожий был.

— Как это? — в один голос воскликнули мы.

— Дык вот как! После войны подался я работать на литейный завод, железо какой изготавливает. Перед ним руда на складе горой лежала, ждала своей очереди. Шел я мимо, увидел — блестит чой-то желтым, как золото. Протянул руку — точно, золотой камешек! Только он не золотой сказался, а заколдованный. Ударил меня. Я спужался, бросил его, да поздно, потому как стал я никакой. Руки-ноги ходят, голова соображает, но чуйств никаких. Ничего не хочется, все безразлично. Будто человек ты механический в часах. Утром на работу, вечером с работы, день прошел, еще один, и еще, и еще... хорошо-то так! Начальникам моим нравилось. Что ни прикажешь, все сделаю без возражений. А потом наваждение сошло. С чего — неведомо. Мож, руду со склада переплавили и волшебный камушек сгорел. Опечалился я. Покойнее с ним жилось. Все, уплываю! Надо поспать, а то завтра снова шоферить спозаранку. Идите в лагерь, чтоб не пымали!

Отвязал дядя Гриша лодку, вставил весла в уключины и не спеша поплыл к середине реки.

— Пока, дядя Гриша!

3

— Выдумывают люди, — сказал я, пытаясь придать голосу побольше уверенности. — В каждом селе полно баек про леших и домовых. А тут еще и военная база загадочная.

Глеб и Артем промолчали.

4

Мы закрыли ворота, положили ключ на место и вернулись домой. Вокруг вроде тихо. Все, на сегодня приключений достаточно. Ложимся спать.

5

Ночью Глеб проснулся. Повезло, что я сплю неглубоко, открыл глаза и увидел, что он сидит на кровати и у него текут слезы. Он проснулся, но не совсем. Его мама предупреждала, что с ним такое бывает.

— Глеб... — позвал я.

Но он будто не слышит. Хотя, может, и вправду не слышит.

Я встал, растолкал Артема. Тот сразу все понял. Мы подошли к Глебу.

— Что с тобой?

А он, глотая слезы:

— Г-где м-мы?

— В пионерском лагере, — ответил я.

— В л-лагере?

— Да.

Он посидел еще немного, потом лег, поправил одеяло и уснул. Мы с Артемом несколько минут покараулили его, а затем тоже отправились по кроватям.

Глава 22 Светящийся кактус

1

Утром Глеб не помнил того, что случилось. Я осторожно поинтересовался, дескать, сон увидел какой-то, почему проснулся? А он с удивлением — о чем ты? И я сразу замолчал.

Дальше была линейка, зарядка и завтрак. И уборка. Ничего страшного в ней, и в школе моем полы и вытираем доску, но когда погода замечательная, светит солнце, а надо вениками поднимать пыль... Учителя говорят — "мы прививаем вам любовь к труду". Однако так наоборот прививаешься к нему отвращением. Или мы должны любить безропотно подчиняться?

Но это точно не любовь. Или я не разбираюсь в любви. Хотя о ней мне действительно мало что известно. Никаких книжек нет. Можно подумать, что в СССР любовь отсутствует. Полагаю, она все-таки есть, но информация засекречена.

Формула любви, наверное, хранится где-нибудь на секретной военной базе. В железном сейфе под охраной старшего прапорщика. Немолодого, толстого, лысого, с бегающими глазками и в кирзовых сапогах. Он знает о любви все.

Потом произошла еще одна неприятность. На линейке Артем мне сообщил:

— Кажется, нас прозвали ботаниками.

Не исключено, что он прав! Насмешливые взгляды и перешептывание я и сам с утра видел, хотя слов не разобрал. Что самое неприятное, девчонки тоже посмеивались.

Но почему именно ботаники? Что за ерунда? Футболисты придумали? Больше некому. М-да, жить с таким прозвищем нелегко. Особенно в пионерском лагере. Что-то надо менять. Выяснить, откуда растут ботанические ноги и вырвать их с корнем.

После полдника (который после послеобеденного сна), мы должны были идти проигрывать в футбол. Надо это прекращать... но что делать с Глебом? Раз он ночью так проснулся, значит, с ним не все в порядке. А если еще отказаться играть...

Мы сели на лавочку недалеко от столовой и тут же из-за кустов вынырнули футболисты. В полном составе, с мячом и улыбающимися рожами. Их капитан Виктор держал что-то за спиной. Похоже, они нас заметили и пришли целенаправленно к нам.

— Привет, ботаники! — громко сказал Виктор, и вся его команда расхохоталась. Как лошади заржали.

— Это почему мы ботаники?! — крикнул Артем. Он вскочил с лавки и чуть не бросился на них с кулаками.

— А кто же? На шахматный кружок записались? Записались! Все шахматисты — ботаники, поэтому вы тоже.

Вот оно как! Пылесосная победа оказалась пирровой. Мы с Артемом машинально посмотрели на Глеба, но тот сидел, будто его это не касалось.

— Сегодня, граждане ботаники, обойдемся без игры. Мы будем заниматься сами, нам не до вас. Но, чтоб не скучали, мы дарим вам этот прекрасный цветок!

Из-за спины Виктор достал кактус в глиняном горшке и поставил на лавочку.

— Заботьтесь о нем! Поливать кактусы — ваше призвание!

Футболисты опять расхохотались и страшно довольные наконец-то ушли.

2

— И куда его? — нарушил молчание Артем.

Глеб взял кактус в руки. Цветок (если его можно так назвать) — обычный, небольшой, зеленый, с иголками. Растущий из земли огурец. У нас в школе таких сотни, если не больше. Каждый подоконник — кусочек мексиканской пустыни. Сажают учителя кактусы, чтоб мы на окна не лазили. Метод действует слабо.

— Отнесу в к-комнату, — пробормотал Глеб и пошел с кактусом к домику. Мы уныло смотрели ему вслед.

— Сколько из-за него проблем, — сказал Артем, отведя взгляд в сторону.

— Ага, — согласился я, тоже стараясь не встречаться с ним глазами.

Мы замолчали. Всего на минуту, но большую. Так долго время в моей жизни еще не тянулось. Даже лифт в секретное метро быстрее ехал.

— Но он наш друг, — продолжил Артем.

— Да, — ответил я.

— Без нас он пропадет.

— Пропадет, — согласился я.

— Значит, будем дружить дальше.

— Конечно, будем.

...Скоро Глеб появился на дорожке. Он выглядел неожиданно довольным, улыбался и шел к нам чуть ли не подпрыгивая, быстрой счастливой походкой.

3

Вместо футбола мы пошли в кино. Напоминаю, что в одном из корпусов — кинотеатр. Не большой, но и не маленький. Средний. Человек двести в нем теоретически уместится, но сегодня занятыми оказались лишь два первых ряда. Одни мальчишки, девчонок нет из-за того, что фильм про мушкетеров. Драки, стрельбы, фехтование на шпагах. Женскому сердцу этого не понять. А противоположному — очень даже понятно. Не фантастика, но тоже недурно.

Нет, обманываю! Показывали непонятное. Точнее, намекали на него. Главная героиня целовалась с главным героем, потом они затушили свечку (и чем она им помешала?), а спустя некоторое время у них появился дети. И самое интересное, зрителю навязчиво намекалось на то, что дети родились в результате этих самых поцелуев! Честное пионерское!

Я, конечно, не специалист, но есть ощущение, что это неправда. Режиссер нарочно скрыл подлинный механизм явления, которое мне и моим друзьям неясно вообще. Погасил свет, образно выражаясь, на самом интересном месте. Испортил кино! Мог сделать шедевр, на который бы валом валил зритель, а вместо этого снял еще один неплохой, но банальный приключенческий фильм. Увы, я разочарован. И Артем с Глебом тоже. Все испытали схожекислые чувства. Дурят нашего брата, ох, дурят. Но спрашивать о причинноследственной связи поцелуев и увеличения численности населения не хочется. Подсознательно чувствуется какой-то подвох.

4

Дальше по графику шел пляж, и мы от графика не отклонились. А может, лучше бы отклонились, потому что на пляже получили дополнительный повод для расстройства.

Поначалу все шло прекрасно, плавали, купались, плескались водой в роботов-головосчитателей (у них есть защита от брызг и недолгого погружения в воду), встретили на берегу соседей по домику. Им оказалось по барабану наше нехорошее прозвище. Так и сказали — "не обращайтесь внимания на придурков". Отличная мысль! Артем, услышав ее, недовольно засопел, видимо, он планировал внимание обратить и размышлял над местью, но

я с ними согласился. Интеллектуально мы футболистов превосходим, и это главное. Цивилизации нужны люди образованные, начитанные, думающие, а не те, которые днями напролет пинают мяч. Немыслим мир, в котором футболист, пусть даже известный, зарабатывает больше профессора химии, потому что такой мир просто безумен! Поставлен с ног на голову и долго на голове не простоит! Или вернется на ноги, или скатится в никуда. Земля круглая, и голова тоже. Круглое на круглом — очень неустойчиво.

Но как объяснить это девчонкам с нашего отряда, я пока не знаю. Или мне мерещится, но на пляже они вроде тоже насмешливо поглядывали. Стоит один раз выиграть в шахматы у пылесоса — и все, клеймо на всю жизнь?! А вообще, с научной точки зрения, термин "ботаник" оскорбителен или нет? Если да, то, боюсь, отговорки насчет необращения внимания помогут слабо. Нельзя разрешать оскорблять себя никому, даже тем, кто не читает книг и благодаря этому находится ниже на эволюционной лестнице. Ждать, пока он превратится в человека и извинится, можно долго.

А потом мы увидели Геннадия Семеновича. Он грустно сидел под деревьями. Совсем один. На песке, обхватив колени руками. Без рубашки, в синих штанах. Что с ним?

Наши соседи знали, в чем дело.

— Заработал выговор за музыку и фотки в своей комнате. Сам виноват, не умеет держать язык за зубами.

Сказали так и засмеялись.

— Вы считаете это правильным? — опешил я. — Если любишь то, что не нравится другим, надо прятаться?

— А как еще, — пожали плечами ребята, — иначе жди неприятностей.

Мне стало не по себе. И мне, и Глебу, и Артему. Разговаривать с соседями сразу расхотелось. И даже видеть их.

Мы пошли к Геннадию Семеновичу. Остановились в десятке метров около него и стоим. Он поначалу не замечал нас, потом слегка улыбнулся.

— Что случилось?

— Геннадий Семенович... — сказал я, — это не мы рассказали о музыке...

Он улыбнулся посильнее.

— Не волнуйтесь. Знаю, что не вы. Стукачей у нас в избытке. Хоть за валюту продавай. Так что... не страшно. Идите купайтесь.

5

Мы вернулись в домик, когда уже солнце зашло (задержались на улице, по счастью, нас никто не заметил). Я начал открывать дверь и понял, что комната освещена. Нет, не потому что забыли выключить свет, и не из окна фонарь. Светит другое. Неярко, таинственно-мягкозелено.

Я испугался, но дверь все-таки открыл. Открыл и остолбенел от удивления.

Светился кактус. Тот самый, подаренный футболистами. Будто маленькую лампочку внутрь вставили. Невероятно красиво. Комната стала волшебной, неземной.

— Здесь в кружке космонавтики б-был фосфорный раствор... случайно увидел. Он для растений не вреден, ч-читал в "Юном технике"... — Глеб словно извинялся. — И я решил полить. Вдруг интересно п-получится.

— Класс, — пробормотал Артем. Вообще-то он не склонен к сентиментальности, но сейчас оказался потрясен не меньше меня.

Неожиданно из коридора донеслось:

— Эй, ботаники, загляните к нам!

Виктор — футболист. Это что еще за новость.

— Сами к нам идите, — крикнул Артем.

— Хватит по мелочам обижаться. Зайдите, расскажем кое-что.

— Некрасиво орать на весь дом, — сказал я, посмотрев на Глеба с Артемом. Они тоже ничего не понимали.

— Хорошо, — ответил Виктор, и через минуту показался у порога нашей комнаты. Демонстративно постучал в открытую дверь и сказал:

— Заходите в гости, приглашаю.

А потом увидел светящийся кактус.

— Это тот, который мы подарили? Ничего себе! Даже не хочется называть вас ботаниками. Круто поиздевались над цветком!

— Как-то ты странно заговорил, — удивился я.

— Приходите, не валяйте дурака.

Вот это поворот. Мячик, что ли, по голове вдарил и научил вежливости? Очень интересно.

Поэтому пришли.

Все футболисты были на месте. Выглядели они иначе, не так глупо и нагло, как во время игр. Словно маски сняли. Поздоровались, сказали, как кого зовут. Я от волнения ни одного имени не запомнил.

В комнате шесть кроватей и три шкафа. Все, как и везде. Однако на стенах — фотографии футболистов, наших и зарубежных. Отличить советских от иностранных легко. У наших лица жесткие, напряженные, будто в штыковую бегут; иностранцы выглядят поспокойнее. Играют, а не воюют. Песню "эй, вратарь, готовься к бою" оценят вряд ли.

Да, интерьер прям как у Геннадия Семеновича, хотя у того висели фотки музыкантов, из-за которых он и получил нагоняй. А капиталистических футболистов, значит, вешать позволено. Они в СССР не запрещены. И правильно, иначе как их по телевизору показывать когда те с нашей сборной играют? Закрывать черным квадратиком? Я однажды такое видел. В передаче "международная панорама" рассказывали, как одна тетя в Нью-Йорке на улицу голая зачем-то выскочила, но вместо тети на экране разгуливал темный квадратик. Так и здесь. Квадратик с мячом будет бегать, голы забивать? А потом в новостях — "в упорном матче сборная СССР уступила черным квадратикам со счетом три-ноль"?

А еще в глаза бросились дорогие вещи — всякие майки и кроссовки. Таких нет даже у Артема.

В стеклянном графине компот (в столовой разрешали брать его с собой), на тарелке — яблоки и печенья. Берите, угощайтесь, сказали нам. Может, хотят отравить?

— Мы не такие плохие, как кажемся, — торжественно сказал Виктор. — Но и вы почти не ботаники. Сила воли имеется. Уважуха! Зачем играли с нами, ведь шансов никаких?

Ни я, ни Артем, ни тем более Глеб не нашли, что на это ответить.

— А теперь самое главное. Вопрос, почему мы так себя вели. Да потому, что у нас своя философия!

Футболисты-философы! Обалдеть. Или все футболисты — философы, мы просто не знаем? Живут двойной жизнью, презирают толпу, ненавидят роскошь, прячутся после тренировок в темных подвалах и пишут, как француз Жан-Поль Сартр какое-нибудь "Бытие и ничто"?

— Тренер подсказал! Он офигенный! Дальний родственник Чапаева, но усы у него еще больше. Он учит не только мяч гонять, но и жизни, тем более, что жизнь похожа на игру. Не на игру в бисер — есть такая аристократическая игра, а на ту, в которую играют миллионы. Он говорит, что тот, кто хочет добиться успеха, должен быть волевым, жестким, даже жестоким. А что это значит?

Мы пожалели плечами. Не знаем, что это означает по мнению их тренера.

— А это значит, что ты должен уметь быть жестким не только с собой, но и с другими. Не бояться их обидеть! Ты должен знать себе цену. Ставить себя выше остальных и не стесняться это показывать, не чувствуя вины! Почему? Да потому что неудачник сам выбрал свой путь! Не захотел стать сильным, а лишь сильные изменяют мир! Невозможно быть требовательным к себе и добреньким к другим.

— Вы тренировались на нас? — спросил я.

— Ну, типа того. Повторяю, жизнь — такая же игра, как футбол, хотя у футбола болельщиков больше. "Падающего подтолкни" — так говорит наш тренер. Великая фраза! Толкайся и на поле, и в жизни. Но вы нормальные ребята, пусть и немного странные. Заслужили уважение своей стойкостью. Матч закончен, можно поболтать с бывшим соперником.

Признаюсь, я растерялся. Очень хотелось возразить, но мысли текли сбивчиво и непонятно.

— И еще мы поняли, что вы не стукачи. Не докладчики. Мы таких ненавидим. Кто-то заложил нашего Семеныча начальству. А он нам нравится! Он не вредный! Вредных вожатых тут хватает. Поэтому расскажем кое-что только вам. Смотрите.

Он достал из шкафчика какой-то металлический лепесток — старый, бронзовый, позеленевший от времени. Такими в средние века перила украшали.

— Знаете, откуда он? Мы вчера ночью нашли его около моста. Да, того самого заколдованного. Перемахнули через забор, когда все уснули, и сходили к ручью. Страшновато, чего скрывать. Но так мы испытываем себя! Наш побег с лагеря — тоже тренировка. Рискованная, но мы справились! Никто так не сможет! Никто!

— Мы с-сможем, — вдруг сказал Глеб.

Все уставились на него.

— Вы? — усмехнулся Виктор? — Ну-ну. Учтите, там реально страшно. Вода урчит по камням, в темноте кажется, что кто-то разговаривает.

— Н-нет. Мы не пойдем к ручью. Ручей — ерунда. Мы сходим ночью на заб-брошенную военную б-базу и принесем что-нибудь оттуда.

...В пьесе Гоголя "Ревизор" в конце есть немая сцена. Там чиновники, узнав о приезде ревизора, замолчали и застыли. С нами случилось то же самое.

— Куда? — переспросил Виктор, — на базу?

— Да, — скромно произнес Глеб, словно говоря о походе в булочную.

Виктор посмотрел на нас с Артемом. И все футболисты вместе с ним. С подозрительностью переводили глаза с одного на другого, спрашивая взглядом, мол, Глеб ясно что сумасшедший, а вы такие же?

— Угу, хотим прогуляться на базу, — как бы между прочим сказал Артем, — сегодня-завтра, не знаю.

— Именно, — подтвердил и я. А что мне еще оставалось?!

— Вы понимаете, куда собираетесь? Вам рассказывали? — Виктор до сих пор не мог

поверить услышанному.

— Рассказывали, — кивнул Артем, — поэтому и идем. Хотим посмотреть своими глазами на подземных мутантов.

— Ага. Н-нам очень инт-тересно.

— Вас съедят, — сказал потрясенный Виктор, и остальные футболисты поддакнули. — Съедят. Или просто сойдете с ума и останетесь бродить по коридорам до конца жизни. Это если повезет. Но вы шутите, я по глазам вижу. Зря, об этой шутке станет известно всему лагерю.

— Не, мы планируем за несколько часов туда и назад, — ответил Артем.

— Счастливо оставаться, — сказал я, и мы направились к двери.

6

— Глеб, а ты хорошо подумал, когда говорил про базу?! — спросил я. Зло спросил. Давно так ни с кем не разговаривал.

— Н-нет, — ответил Глеб и сел на свою кровать. — Н-не думал. Сымпровизировал. Зря сказал, да?

— Нам хана, — заверил Артем. — Полная. Такого тут никто никогда не обещал. Теперь над нами будет смеяться весь лагерь. Спрашивать, когда же мы наконец сходим в подземелья.

— Можем с-сегодня, — предложил Глеб. — Возьмем на пляже лодку и переплывем на другой б-берег.

— Ты всерьез? — в один голос закричали мы с Артемом.

— Д-да.

— А если нас там съедят?!

— Может, н-не съедят. Пока не сходим, не узнаем.

— Глеб, ты нормальный?! — взвился Артем.

Глеб посмотрел на него долгим взглядом и ответил:

— Нет.

И нам стало очень стыдно. Так стыдно, что захотелось куда-нибудь деться.

— Когда пойдем, — грустно спросил я.

— Сегодня, — вздохнул Артем. А потом взял себя в руки и бодро выпрямился. — Чем быстрее, тем лучше.

Он глянул на часы.

— Где-то в половину двенадцатого. Лагерь уже будет спать. Вернемся через пару часов. Если вернемся.

Глава 23 Приключения на заброшенной военной базе

1

И мы начали готовиться к путешествию. Достали рюкзаки, положили в них свитера — в подземельях сыро и холодно, мы же не хотим умереть от простуды. Сапоги решили не брать — в них тяжело убегать от мутантов. Проверили наши фонарики и перочинные ножи.

Безжалостная стрелка дошла до половины двенадцатого. За окном — темень. Тихо, будто ночь проглотила все звуки. Разве что сверчки стрекочут, да ветер шелестит за приоткрытым окном.

— Идем? — спросил я, сам не веря, что мы это затеяли взаправду. Даже если большая часть рассказов — выдумка, то еще останется с лихвой. Сердце колотится, аж выпрыгивает.

Артем и Глеб молча кивнули.

Я посмотрел на кактус.

— Пока, — сказал я ему.

Кактус не ответил.

Мы вышли в коридор и закрыли дверь.

Соседи спят. Как странно — только что были с ними друзьями, и тут на тебе — они посмеялись над Геннадием Семеновичем. "Надо было прятаться". Ну и прячьтесь всю жизнь. Не вылезайте из своей норки. Там вас не найдут и не тронут.

А футболисты... Казались хамами, но выяснилось, что это не хамство, а философия. Неправильная, но лучше неправильная философия, чем никакая, потому что никакая — тоже философия, и очень неправильная. Философии можно быть неправильной, если она красивая. Эта, к сожалению, некрасивая. Простая, как футбол. Но удобная! Оправдаться ей — раз плюнуть. Мол, мы не виноваты, что жизнь такая. Предъявляйте претензии тем, кто ее такой сделал.

2

— Вот чего, — сказал я. — Мы — люди современные и понимаем, что никакой мистики не существует. Военные с базы тоже были современные, но в мистику верили, поэтому испугались и убежали. Мы их ошибок не повторим. Если в подземельях что-то померещится, твердо говорим себе, что этого нет и подыскиваем всему рациональное объяснение. Согласны?

Несогласных не было.

3

...Мы шли к пляжу не прячась, по дорожке. Никого нет. Чувствуется, что никого. Пустота в воздухе. Все спят. Все далеко отсюда, в своих снах. Ночь над пионерским лагерем. И огромная луна. Ее свет призрачный, ненастоящий, прячет вещи белым покрывалом, и они просыпаются, не опасаясь, что это заметят.

Когда миновали аллею с гипсовыми пионерами, почувствовали спиной чей-то взгляд. Повернулись — и точно, одна гипсовая девица наклонила голову и смотрит на нас.

Мы не испугались. Не нам бояться оживших памятников. Не с того мы района. Помахали ей и отправились дальше. Навстречу подлинным опасностям.

Вот и пляж. Также пустой. Закрыт, но коробка с ключом лежит на своем месте.

Металлический щелчок — и мы за воротами.

Слева три лодки, привязанные цепями к кольшкам. У одной нет весел, зато внутри полно воды. Ей давно никто не пользуется, и мы тоже не будем. Но та, что справа от нее, вполне подойдет.

Глеб с Артемом перебрались через борт и сели за весла, а я столкнул лодку в воду. Боялся, что не справлюсь, но она заскользила легко. Еле успел запрыгнуть и не замочить ноги.

И мы поплыли.

База, по словам дяди Гриши, совсем близко.

...Ребята гребли, а я поднял голову к небу. Оно черное, космическое, бездонное. Как на других планетах. Луна — громадная, смотрит вниз и думает о чем-то неизвестном тебе, ведь ты всего лишь маленький человечек. Исчезнешь, и ничего не изменится в ее взгляде.

Как далеко слышно! Где-то плеснула рыба — и кажется, что рядом. А может, то не рыба?

Миновали середину реки, стали плыть вдоль другого берега. Там тоже пляж, но дикий, необжитой, с крутыми холмами в дюжине метров от воды и темной стеной леса поодаль.

Все очень мрачно. Нас явно не ждут.

Еще немного — и мы на месте.

Река уходит вправо, образуя большую заводь. Когда-то здесь была пристань. Причал с автомобильными шинами до сих пор стоит, а дальше на поднимающемся берегу несколько заброшенных домиков и солдатская казарма. Ни огонька, хотя стекла в окнах целы.

Нет, вру. И окна побиты, и лозунг на казарме увядающе тлеет. "Болтун — находка для врага".

Значит, ищем подземный вход.

Лодка ткнулась носом в песок, мы поднялись на склон и принялись осматриваться.

Ничего заслуживающего внимания. Зашли в домики — их двери незаперты — и тоже ничего. Кое-где мертвая старая мебель, и все. В казарме три ряда безматрасных железных кроватей. Жутковато выглядят при луне, а на одной еще и памятник Ленину лежит. Простенький, неживой, рукой в потолок указывает. Додумался же кто-то сюда его. Но где ворота на базу?

— Мы не проверили вон т-там, — Глеб указал на маленькое деревянное строение недалеко от казармы.

— Это туалет, — ответил я. — Классической туалетной формы. Хоть в кино его показывай. Туалет типа "сортир".

— Поэтому и п-подозрительно, — сказал Глеб.

Он дошел до туалета, распахнул дверь, осветил фонариком и замахал нам обеими руками.

Мы подбежали и увидели, что пол в туалете необычный. Не пол, а металлическая дверь из двух половинок лежит на земле.

Втроем мы аккуратно взяли за ручки, открыли сначала одну половинку, затем другую и вздохнули. От радости и страха. Вот он, секретный проход на секретную базу. Лестница с бетонными ступеньками глубоко уходит в землю. Как хитро замаскировано, шпионы ни за что не догадаются. Мало ли зачем человек сюда пошел. Даже генерал — что тут такого? Разве ему нельзя? Хотя если рота солдат строем промаршировала, то да, непонятно.

Шутки шутками, но когда ты рядом с подземным ходом, из которого могильным

холодом веет, чувствуешь себя не по себе.

— Вперед? — спросил я.

— Отступать поздно! — произнес Артем, и мы начали спускаться, ненадолго задержавшись, чтобы надеть свитера.

Первым шел Артем, за ним Глеб, а я последним. Но не из-за того, что я несмелый, это произошло само собой.

Шли долго. Светили фонариками, надеясь увидеть конец лестницы, но он что-то никак не появлялся. Ступать старались осторожно, хотя получалось не всегда, камешки то и дело хрумкали под ногами. За перила не держались — боязно. Когда руки на перилах, идешь будто по-хозяйски... а если подземелье обидится на нас? Вот такие мысли!

Через минуту лестница все-таки кончилась. За последней ступенькой лежал ровный каменно-серый тоннель. Не особо широкий, вроде школьного коридора, а дальше — ворота.

И какие! Стальные, больше метра толщиной, и выпукло-полукруглые, словно два кусочка разрезанного мячика. Покрашены черно-желтыми полосками. Такие ворота ставят для защиты от ядерной бомбы. Первая половинка ворот закрыта, а вторая отъехала вперед, и за нее можно пройти.

— Идем? — снова спросил я.

Из-за ворот лязг послышался, будто что-то проехало. Показалось?

Еще несколько минут назад, когда только нашли лестницу, я подумал, что мне страшно. Нет. Страшно теперь. По-настоящему страшно. Какую глупость мы затеяли.

— Идем! — ответил я себе как можно уверенней.

За воротами тоннель продолжился, и по пути нас встретил странный коридорный кабинетик в клетке. Покрытый зеленым сукном стол, на нем несколько телефонов, телетайп, лампа, и все это за решеткой от пола до потолка. Дверца в решетке незакрыта.

— Контрольно-пропускной п-пункт номер один, — прочитал Глеб.

Мы подошли к столу. Да, точно. Здесь должен сидеть офицер в отутюженном кителе, проверять удостоверения всех, кто приходит на базу, сообщать по телефону о происшествиях и включать телетайп.

Одна бумажная полоска-телетайпограмма все еще торчала из устройства. Артем оторвал ее, осветил фонариком и отдал нам.

— Читайте сами.

Мы прочитали.

Сообщение оказалось лаконичным, без подписи, и заставило вздрогнуть. Оно гласило — "тьма сгущается".

— Надо смотреть внимательно, — сказал я. — По оставшимся следам мы поймем, что случилось на базе. Составим реальную логическую картину. Без глупостей и суеверий.

— А если вк-ключить лампу? — нерешительно предложил Глеб. — Вдруг электричество есть.

— Давай попробуем, — ответил Артем.

Громкий щелчок — и она загорелась! Гораздо ярче, чем наши фонарики. Но свет, конечно, подземный, мрачный. Он всегда чувствует, где находится: на кухне или в страшной пещере. Соответствует обстановке.

Поэтому мурашки по коже забегали еще быстрее. Но они в организме не главные и поэтому не помешали нам приступить к осмотру.

Для начала мы увидели в рамочке на стене приказ командира части "51-17" — "Наружу

не выходить! Мы нужны Родине совсем внутри нее!" Рядом и тоже в рамочке — "Не волнуйтесь, на капиталистических военных базах то же самое".

То есть солдаты годами солнца не видели? Да так с ума можно сойти!

Можно совершенно точно, потому что в столе нашлась обложка брошюры под названием "Пятнадцать отличий советского сумасшедшего от зарубежного" с карандашной надписью "на первом КПП еще спокойно..."

Дальше мы пролистали "журнал пришествий" — толстую книгу в кожаном переплете, она лежала-пылилась в верхнем ящике стола и была исписана полностью.

Одной и тоже фразой — "я не сумасшедший"! Только эти три слова. По двести раз на каждой странице. Боролся человек с надвигающимся безумием. Не уверен, что у него получилось. Особенно засомневался, когда нашел другую его запись, уже на листке бумаги — "я постараюсь логическим путем, объективно, без лишних эмоций и суеверий понять, кто живет у меня под кроватью. Стоны и бормотание свидетельствуют о его схожести с человеком". В подтверждение серьезности намерений в ящике нашелся учебник по логике, весь в пометках и закладках.

— Пойдемте, — сказал я. — Ясно же, что человеку от безвыходного сидения под землей начала казаться всякая ерунда.

— Подожди, — ответил Артем.

В другом ящике лежали карандаши, давно высохшие шариковые ручки, резинки, линейки... и значок! Синий, треугольный, из толстого куска бронзы. С гербом, флагом, перекрещенными мечами и надписью — "оперативный дежурный части 51-17".

Шикарная вещица. Повертели мы ее в руках, и у меня мысль возникла.

— А знаете что! Можно валить домой. Значок докажет, что мы были здесь.

Постояли минуту, подумали, и Глеб возразил:

— Еще п-погуляем. Интересно ведь! Артем, т-ты "за"?

— Конечно! — воскликнул Артем.

Ну, так тому и быть. Действительно интересно, хотя неуверен, что интересность будет продолжаться долго. Фильмы ужасов интересно именно смотреть, не участвуя в происходящем на экране, однако я остался в меньшинстве, и мы спрятали значок, выключили лампу и пошли дальше.

4

Сделав три десятка шагов, мы оказались в другом каменном тоннеле, перпендикулярном пройденному. Длинном-предлинном, но шириной все с тот же школьный коридор. Потолок полукругл, под ним висят-покачиваются давно погасшие лампы. На полу проложены рельсы. Стену украшают нарисованные красным слова: "СССР — оплот мира и здравомыслия!". А под ними еще одна надпись: "привидений не существует!"

— Куда пойдем, налево или направо? — спросил я дрогнувшим голосом. — Где больше привидений не существует?

— Н-направо, — сказал Глеб.

И мы свернули направо.

Кое-где по коридору при свете фонарей виднелись запертые железные двери и боковые проходы. Кромешная тишина, но тут за спиной раздался звук, который слышался еще перед атомными воротами. Будто трамвай едет в темноте.

Мы переглянулись и убежали обратно на КПП. Спрятались за решеткой — какая-никакая, а защита.

Светили фонариками и ждали. Шум все усиливался и усиливался, и наконец мимо нас по рельсам прогромыхала пустая железнодорожная тележка.

Думаю, с тех пор, как базу оставили, она кругами и ездит. Электричество-то кое-где имеется. Одна радость, что тележка — не мутант, не привидение и не обезумевший солдат.

— Вот, — сказал Глеб и ткнул пальцем в рубильник на стене.

Не обратили мы на рычаг внимания, а он, между тем, подписан — "ж/д платформа". Артем дернул его и шум вдали затих — тележка остановилась. Да, так лучше. Пусть темнота молчит. И мы будем говорить шепотом.

5

Идем дальше. Как конкистадоры в запретных подземельях древнего индейского храма. Из которых пока что никто живым не выходил.

Артем потянул ручку какой-то металлической двери и та открылась. Посветили фонариками — мастерская. Полки вдоль стен, на них всякая всячина. Куски двигателей, трубки, шланги, чего только нет. Взять что-нибудь с собой? Но все какое-то неинтересное, за исключением одного плаката: молодой рабочий с искаженным лицом держится за голову, а рядом лежат на полу слесарные тиски. Надпись: "Сошел с ума — сломал оборудование — стыдно!" Таких плакатов я раньше не видел. Что-то тут явно происходило, а иначе зачем его повесили.

Следующие три двери были закрыты, но четвертая закрипела и распахнулась. Учебная комната. На стенах — плакаты (обычные, банально-военные), в шкафах — книги, в центре — столы и стулья, а на стене — небольшой экран и перед ним киноаппарат с заправленной пленкой.

— Давай включим, — оживился Артем. — Вдруг солдатам показывают что-то интересное. Я умею.

— Опасно, — возразил я.

— Не попробуем — будем жалеть! — ответил Артем и что-то нажал.

Зашелестела перематывающаяся пленка, свет из киноаппарата ткнулся в экран и превратился в испуганное лицо солдата. Потом камера отъехала и стало видно, что человек привязан к огромному стулу. Руки, ноги, грудь, все обмотано толстыми кожаными ремнями. Никаких слов, как в немом кино. Полная тишина и стрекот аппарата.

Камера снова приблизилась и на экране появилась чья-то рука, держащая большую таблетку. Солдат замотал головой, беззвучно закричал, но тут змеями вылезли еще руки, схватили его, открыли ему рот и запихнули таблетку. Солдат сразу успокоился. Посмотрел довольным взглядом и заулыбался, счастливый-счастливый, будто маску радости надел. Возникла надпись — "мы лучше вас знаем, что вам нужно".

Затем пленка оборвалась, аппарат закрипел и остановился.

— Что это? — спросил я.

Но ответа не нашлось ни у кого.

6

...Еще одна открывшаяся дверь оказалась дверью в столовую.

Почти все, как в пионерлагере. Ну, кроме пыли, запустения и приказа на входе. Таких указаний у нас нет и, надеюсь, не будет никогда.

"Если вы увидели, что в вашей тарелке макароны шевелятся и смотрят на вас, необходимо:

перестать их есть не встречаться с ними взглядом сохранять бдительность сообщить

дежурному повару установленным порядком поставить отметку в журнале № 6

Примечание: если на вас смотрят не макароны, а какая-то другая еда, следует действовать точно так же.

Из столовой мы ушли быстро.

7

Дальше мы забрели на второй контрольно-пропускной пункт — копию того, через который заходили. Все то же самое: лампа, сукно, телефоны и прочее. Журнала происшествий не было, зато мы обнаружили несколько бумажных листочков-приказов.

В одном говорилось, что, по заявлениям ученых, абсолютно психически здоровых людей нет, но чересчур сумасшедших допускать до дежурства на КПП не следует.

Другой требовал от личного состава перестать так нервно реагировать на некоего Аида Петровича. Он сорок лет проработал в подземной лаборатории, как бы вы в таком случае выглядели.

Третий приказ оказался короток, всего четыре слова, но зато каких — "По привидениям не стрелять!"

В последнем весьма эмоционально шла речь об эвакуации с базы. "Хватит пересчитывать и сверять личный состав со списками! Считали пять раз и все время разные цифры! Кто не хочет бежать — пусть остается! Надеюсь, забудем здесь не очень многих. С целью ускорения эвакуации разрешаю поддаться паники."

8

— О чем т-ты думаешь, — шепотом спросил у меня Глеб.

— Ни о чем, — ответил я тоже шепотом.

— А я о том, к-как люди сходят с ума. Если п-постепенно, то они сначала не верят в то, что им чудится, а потом привыкают к нему.

— Угу, — влез в разговор Артем, рассматривая что-то вдали. — Вон еще дверь открытая.

9

Она вела в казарму, то есть в солдатскую спальню. Такую же, как на берегу, только подземную, со стенами вместо окон — небольшое отличие, но важное. Особенно, если захочется в окно выглянуть. Про то, чтоб вылезти в него, я и не говорю. В одном месте вместо окна висел плакат, с которого улыбался довольный солдатик, копия того из фильма в учебной комнате, а рядом сидели на полу и отчаянии вздымали руки его сослуживцы, и лица у них были, как на известной картине норвежского художника-пессимиста, там странный дядя что-то кричит на мосту. Картина так и называется — "Крик", и стоит гору денег. Но здесь кричать не полагалось. Плакатная надпись гласила: "Товарищ, не впадай в депрессию! Родина любит жизнерадостных!"

Матрасы на кроватях лежали криво, незаправленные одеяла и простыни свешивались до самого пола.

Верхний свет не горел — мы вхолостую пощелкали выключателем, но и при фонариках обнаружился стенд с пожелтевшими от подземного времени приказами и инструкциями.

Вот такими:

"Если вы чувствуете, что сходите с ума, вам необходимо:

не поддаваться панике доложить дежурному по установленной форме произвести запись в журнале № 13 сдать оружие, чтоб оно не попало в руки сумасшедшего сесть и тупо смотреть

в одну сторону, ожидая дальнейших указаний".

"Когда вам покажется, что в шкафу появилось что-то странное, следует не открывать его, а заколотить досками".

"Не включать лишнего света, поскольку тогда не видно, затаилось ли что-то неподалеку и потому не так страшно. Не надо бояться темноты, возможно, в ней никто и не прячется".

"Если на ваш крик отвечает не эхо, приказываю все равно считать его эхом. Дикие вопли, доносящиеся из старых шахт, называть галлюцинациями."

Или такое объявление.

"Завтра в полночь состоится лекция на тему "Кошмары или бессонница — что выбрать? Научные доказательства того, что спать все-таки стоит, потому что иначе сны могут проникнуть в явь". "В лаборатории усовершенствовали способ распознавания, кто перед тобой — твой товарищ, или им что-то притворяется. Точность теперь — почти пятьдесят процентов".

Еще приказ — "Личному составу в течении двух подземных дней чем угодно заполнить подкроватное пространство. Любым хламом, лишь бы только не мерещилось, что там кто-то живет и чтоб там действительно никто не поселился и не хватал среди ночи спящего за ногу своими тонкими ледяными пальцами со всеми вытекающими последствиями".

И даже еще! "Приказываю во время пути по дальним коридорам считать, что у тебя за спиной никого нет. За тобой не крадется огромный человек, не размахивает руками, не строит безумные рожи (тем более, что он в противогазе), и не успевает отскочить в непроглядную темноту, когда ты в ужасе поворачиваешься".

И самая главная бумага на стенде — "Помни, что у солдата, держащего руку на красной кнопке, должны быть крепкие нервы."

10

— Они все тут были сумасшедшие, — глубокомысленно подвел итог Артем.

Прям Америку открыл.

— Необязательно, — возразил Глеб, — может, много ч-чего было на самом деле.

— Не, лучше считать, что все сошли с ума. — сказал я.

— Думаю, и свихнулись, и что-то было не так. А то с чего они свихнулись, — заявил Артем.

Предложил компромисс. Спасибо огромное.

И ведь он, скорее всего, прав. Дыма без огня не бывает.

Будто в подтверждение его слов с одной кровати свалилась подушка. Мы отскочили к двери, но больше ничего не случилось.

Я заставил себя надеяться, что она свалилась сама по себе. Никто ее из под кровати не тащил, потому что там никого нет. Но никакого желания светить туда фонариком, чтоб в этом убедиться. Вдруг убедиться не выйдет.

— Предлагаю тянуть спички, — предложил я. — Длинная — возвращаемся, короткая — еще нет.

То есть мы как бы не испугались. Это спичка заставила нас вернуться.

— Отлично, — сказал Артем, — короткая означает, что если пойдем дальше, наша жизнь будет короткой! Классно ты придумал!

Я мрачно покосился на Артема, вынул две спички, сломал одну и зажал их в ладони.

— Тяни.

Артем сдвинул брови, вытащил поломанную и развел руками.

Глеб почему-то обрадовался.

11

...Пройдя чуть-чуть по коридору, мы наткнулись на лифт с ржавой дверью и прозрачным окошком на уровне головы. Удивились, хотя чего тут странного, он есть на каждой уважающей себя секретной военной базе.

— Поднимите меня, — попросил Артем, и мы с Глебом взяли его за ноги, чтоб он заглянул через стекло.

— Пусто, — сообщил он, посветив фонариком, — бетонная шахта.

А потом неуверенно добавил:

— Кажется, лифт едет...

Да, действительно! Поднимается к нам из глубин. Шум и перестукивание механизмов становятся все слышнее. И кого он привезет?!

— В казарму, — подтолкнул нас Артем.

Забежали, но дверь оставили полуоткрытой. Фонарики выключили. И едва не закричали от ужаса, когда еще одна подушка за спиной глухо шмякнулась на пол. Чего они за столько лет все не попадали? Нас ждали? Странное совпадение, если вообще совпадение.

Тем временем лифт остановился на нашем этаже. Двери разъехались, и наружу полился яркий свет. Яркий сам по себе, и вдвойне яркий во мраке.

Однако никто не вышел.

— Пойдем, посмотрим, — сказал Артем.

...Никого! Лифт — пустая металлическая коробка с торчащей из потолка лампой в железно-дырчатом футляре. Россыпь кнопок на стенке. Три десятка! Под землей тридцать этажей?! Или они означают что-то другое? Эти военные выдумщики еще те! Фантазии у них огого. Поэтому такие странные фуражки и носят. Прячут под ними то, что содержится в головах.

Но как лифт приехал без пассажиров? Кто-то его снизу отправил?!

— Наверное, он сам ездит, к-как тележка по рельсам, — предположил Глеб. — Может, в таких п-подземельях все механизмы немного живые.

Лифт в знак согласия закрыл двери и уехал.

12

Шагов через сто коридор раздвоился. За углом поворота налево белела железная дверь с большой табличкой. "Лаборатория", прочли мы, подойдя ближе. "Без пропуска не входить!"

Это что, запрет? Теперь зайдем точно. Приличный человек, видя что-то запрещенное, должен его обязательно попробовать. Мне до двух лет родители не давали мороженое, боялись, что заболит горло. Когда я теперь ем пломбир, кажется, что эти года следует считать выброшенными из жизни.

Открыли запретную дверь, и за ней еще одну. Пропуск никто не потребовал.

13

Лаборатория, наверное, химическая. Во всякой случае, такой вывод напрашивался после взгляда на мириады пробирок, реторт и прочих стекляшек, из которых еще не испарились разноцветные жидкости.

Большое помещение. Чистое и сейчас. Удивительно.

Много столов. Вроде тех, которые у нас в кабинете химии, но уровнем выше, из непонятного материала, не металла, но и не пластмассы, и над каждым вытяжка — толстая жестяная труба, уходящая другим концом в потолок. Затем сделано, чтоб лаборант не

надышался паров изобретенного им вещества и не начал с жутким смехом бегать за бабочками-галлюцинациями. Это известная проблема всех лабораторий.

Один стол не иначе как главный, развернут наподобие учительского. Сидящий за ним может видеть все, что происходит в кабинете. На столе компьютер, всякие бумаги, а рядом на полу большой сейф с открытой дверцей.

Кое-где стояли забытые микроскопы, и прихватить один с собой хотелось невероятно. Увы, это слишком похоже на воровство, хотя здесь они без толку рассыплются от времени. Но дома спросят — откуда взяли, расперезживаются и не отстанут.

У дальней стены мы обнаружили непонятный аппарат — что-то наподобие старенького телевизора (не голограммного), к которому проводочками присоединялась медная пластина с грубо нарисованной ладонью. Никто из нас такого не видел. Прибор экспериментальный — кое-где провода замотаны изолентой, а края пластины очень неровные.

Артем, не долго думая, нажал кнопку, и телевизор включился. Пошипел и заработал.

Вот только заработал он странно. На белом экране возникла черная надпись — "положите руку на пластину и прибор скажет, чего вы хотите на самом деле".

— Нее, — протянул Артем. Глеб ничего не сказал, просто отвернулся. Ладно, я притворюсь самым храбрым.

Положил руку. Ее электрически защищало, и надпись сменилась другой — "вы хотите выкинуть лишнее из головы и жить счастливо, как все".

Я схватил телевизор и бросил его под ноги. Экран со звоном разлетелся, на осколках замерцали искорки.

— Ты свихнулся? — Артем схватил меня за руку. Затем и Глеб сжал пальцами мой локоть. Тоже решил, что я спятил.

— Нет, — ответил я.

— Тогда зачем разбил его? Не понравилось, что он сказал?

— Не понравилось.

— Ну ты псих. Сейчас хоть успокоился?

— Успокоился.

— Надо глянуть, что на столе, и двигать отсюда, — произнес Артем.

Но потом довольно добавил:

— Хотя как круто...

И в этом он действительно очень прав.

Бумаг интересных не нашлось — одни списки веществ и реактивов, зато включился компьютер, и безо всяких паролей. Правда, большая часть содержимого из памяти была удалена, осталась лишь военная база москвичей. Прикольная штука. Печатаешь свое имя и компьютер выдает на экране информацию — год рождения, где живешь и где учишься. Напротив наших фамилий — код из двенадцати цифр, а в конце, через черточку, к нему приписана буква "Н". Знать бы, что это означает.

В открытом сейфе хранились только камни. Видимо, их тут исследовали. Один привлек внимание — округлый, как галька, с красно-золотыми вкраплениями. Я взял его и сразу выронил — он ударил меня током. Легонько, но неожиданно. Как медная доска разбитого мной прибора, хотя и посильнее. Я поднял камень с пола, принялся снова рассматривать. Больше он меня током не бил.

— Дай посмотреть, — попросил Артем.

— На, но учти, он электричеством бьется.

Артем взял камень и улыбнулся.

— Да, ударил... хихи.

Потом камень подержал в руках и Глеб.

— К-колется! Наверно, это метеорит. Д-давайте возьмем с собой.

Правильно. Тут он будет зря лежать, а нам зачем-нибудь пригодится.

14

...Я сказал, что на столе не нашлось интересных бумаг? Беру свои слова обратно. Частично обратно, потому что интересная бумага нашлась под столом, и оказалась не бумагой, а так, обрывком какой-то записки... но очень интересным! И непонятым, ведь "интересное" и "непонятое" — они как близнецы-братья.

"Я знаю, что меня никто не будет спрашивать, но если спросит, отвечаю: я категорически против использования этого еще не исследованного "средства" для борьбы со страхами. Лекарство может оказаться хуже болезни. Конечно, вызываемое "объектом" состояние проходит со временем, а после уничтожения "объекта" — мгновенно (тут надо заметить, что если "объект" был относительно большой и воздействие оказалось сильным, то после ликвидации "объекта" человек напрочь забывает, что с ним происходило, а если маленький, то все помнит, и что "объект" может влиять лишь на ограниченное число людей). Но! Расскажу только об одном наблюдении: рядовой Т. после "контакта" заявил, что ему такая жизнь очень нравится, что он начал мысленно общаться с "объектом" (называя его "посредником"), и тот теперь подсказывает, что ему делать. Первым делом он почему-то подсказал сорвать плакат с изображением Солнечной системы, а вторым потребовать для "объекта" еды (какой-то бред).

А что насчет кошмаров (ну хотя бы их большей части), то, думаю, они объясняются просто и нефантастически — в откопанных тоннелях где-то стоит ржавая "машина призраков" времен Екатерины Второй и все еще работает".

— Машина призраков? — спросил Артем.

— Ага, — ответил Глеб. — Древние сектанты делали их, чтоб н-насылать видения.

— А что за "объект"? Что он делал с людьми? Где он?

— Не знаю. В лабораториях п-полно всякой всячины. Ученых хлебом не корми, д-дай только изобрести что-нибудь сумасшедшее. Н-но все наверняка вывезли при эвакуации.

Когда мы уже вышли в коридор, Глеб захотел вернуться, что-то еще глянуть на компьютере. Постоял около него, постучал кнопками и почему-то грустно сказал:

— М-можем идти.

И добавил:

— Идти н-назад! Хватит, н-наверное!

— Не, еще надо посмотреть, — помотал головой Артем.

15

И чего на меня нашло, подумал я, когда мы отправились дальше. Расколошматил телевизор. Расстроился от того, что в глубине души я хочу не отличаться от других.

Однажды я читал фантастический фильм. Это не оговорка, именно читал. Статью о нем в журнале "Искусство кино", ведь кто меня пустит на взрослый фильм! К тому же "интеллектуальный" — так его скромно называли. Он интеллектуальный, а я маленький, мне еще рано. Ну хоть журнал взять в библиотеке могу. Этому, кроме кривых взглядов — "ишь, умник нашелся", никаких препятствий.

В статье говорилось, что главный герой в финале узнал, какие неизвестные ему самому

желания у него внутри таятся. Не очень хорошие! Выяснил, что он на самом деле ужасный человек. При помощи древней неземной машины, умеющей читать мысли и не только читать. Я всего лишь подумываю стать таким, как все (невелико преступление), а его мечты вообще никуда не годились.

Закончилось кино печально. Всемогущее инопланетное устройство исполнило подсознательные просьбы. Умные фильмы счастливо не заканчиваются. Интеллектуалы любят, когда плохо.

Но у меня появилась мысль. Я понял, что я есть то, чего я хочу, что мне нравится, что для меня важно в обычной жизни, а прячущееся глубоко в моей черепной коробке — не совсем я, и если там обитает что-то зловерное, сохранившееся в тысячелетней генетической памяти, то с ним надо бороться и не винить себя за его существование.

Это как страх — встречаются люди, которые ничего не боятся, непробиваемые от природы, а если ты не такой, то просто сопротивляйся дрожи в коленках и старайся со временем измениться. Может, мои далекие предки поедали пленных врагов и удовольствие от кровавого ритуала до сих пор живет у меня где-нибудь под темечком. Но я за это не отвечаю! Никого я съесть не хочу, даже если подерусь с ним. Поэтому говорить "на самом деле ты хочешь другого" глупо и неверно.

Думал и раньше об этом, но все равно разбил ни в чем не повинный прибор. Обиделся на железяку.

16

Третий КПП. Мы глубоко зашли в эти безумные тоннели и уже устали бояться.

Устали, но боимся! Из последних сил.

Пропускной пункт вырублен в стене, закрыт решеткой, внутри стол и телефоны. Лампа зажглась, чуть-чуть отогнала темноту.

"Докладываю Вам, что сегодня в полночь рядовой К. неожиданно впал в транс и сказал: я никто, я жил всегда, я вечен, мне нравится в этом теле, коммунизм — нескоро. Потом очнулся и не вспомнил, что с ним произошло. Жду Ваших указаний".

"Дежурному на КПП. Приказываю сидеть за решеткой и никому ночью не открывать, даже если придет кто-то похожий на командира части и замогильным голосом потребует впустить его. В таком случае следует позвонить командиру части в спальню, и если он возьмет трубку, считать настоящим командиром того, с кем разговариваешь по телефону, а не того, кто сейчас грызет прутья решетки. На пришедшего приказываю не обращать внимания и заниматься работой с документами. Он повоет, поскребется, пожалуется на жизнь и уйдет к себе в темноту. Командир части 51-17".

В журнале пришествий осталась единственная страница, и на ней две записи.

"Г. прошел сквозь стену и не вернулся."

"В. не умер. Он нашел Истинный Путь и скрылся под землей."

17

— Надо опять тянуть спичку, — сказал я. — Или возвращаться без всяких спичек. Чем дальше, тем хуже с рациональными объяснениями. В подземельях у них плохо получается. В темноте все какое-то ненаучное.

— Д-да, пора обратно! Давно уже!

— Пока ничего особо страшного мы не встретили, — возразил Артем.

Вошел, однако, во вкус.

— Еще пройдемся, — добавил он.

Но тут впереди что-то послышалось. Причем несколько раз. Что-то короткое, царапающее, словно бледные костлявые руки высовывались из-под кровати и хватали когтями подушки. А потом шорохи. Наверно, обладатели рук из-под кроватей поползли.

— Что это? — содрогнулся я.

— Не знаю, — ответил Артем. Уже другим голосом. Напряженным и задумчивым.

Мы посветили фонарями — ничего. Ни одной двери в той части коридора. Серый пол, провода вдоль стен, умершие лампы на потолке.

И вдруг свет фонариков начал тускнеть. Всех трех сразу.

— Не может быть, — пробормотал я. — Наукой не предусмотрено. Она не разрешает.

Мы лихорадочно застучали фонариками по ладоням, защелкали кнопками, но ничего не помогало. Свет гас, как заколдованный.

Глеб включил лампу — она только что горела не хуже любой другой, стоящей на столе учителя в школе, чиновника в администрации, да кого угодно — но теперь, едва вспыхнув, она тоже стала жутко и печально меркнуть.

— Не может быть, — повторил я.

А потом в темноте раздались шаги. Неровные и неуклюжие. Кто-то шел и спотыкался.

Разучился за долгие годы ходить. Спал и видел сны, а тут пришли какие-то люди и разбудили. Зря они это сделали, подумал он. Теперь останутся здесь со мной. Через секунду заковылял еще кто-то, и еще. Целая толпа из-под кроватей выбралась.

— Бежим, — крикнул Артем, и мы помчались что было сил, освещая себе путь почти погасшими фонарями. Как далеко мы от входа!

18

— Ст-тойте, — через несколько минут выдохнул Глеб.

Мы остановились. Ноги горят, требуют пощады.

— Н-нас догоняют.

Глеб прав! Шаги теперь гораздо ближе. Они стали быстрые, суетливые. Я решил, что нас преследуют на четвереньках. Может, не постоянно, но иногда точно опускаясь на руки.

Пока что никого не видно. А может, мы вообще никого не увидим. Даже когда нас схватят, ведь фонарики скоро потухнут.

Глеб достал из кармана коробку спичек, расстегнул рюкзак и вытащил бумажный сверток с прикрученным к нему фитилем.

Поджег его и бросил. Сверток секунду погорел и взорвался яркой вспышкой.

Огонь ослепил нас, и мы едва успели заметить метнувшиеся назад силуэты. Кто это — не поймешь. Не люди и не чудовища, а тени. На стенах, на полу, на потолке. Тени чудовищных невидимых людей. Высокие, маленькие, худые и толстые. Изогнулись, скрючились от пламени.

Тенелюди. Тенесущества. Поедатели света. Они точно есть, они не выдумка. Или ожившая выдумка.

Откуда у Глеба петарды? Почему он о них не сказал? Но сейчас спрашивать некогда.

— Быстрее! — опять крикнул Артем.

Понеслись изо всех сил к первому КПП. За ним атомные ворота и лестница. Успеем.

Но еще раз пришлось кидать светящуюся бомбу, и снова черные силуэты отпрыгнули в темноту.

Ворота открыты. Насмешливо интересуются — что, поиграли? Хватит?

Да, вполне достаточно. Фонарики потухли, однако наверху, над лестницей, маленькое

светлое пятно. Побежали к нему. За спиной ничего не слышно. Погоня прекратилась?

Мы выскочили на поверхность, но дух переводить некогда, поэтому быстрее к воде. Сиганули в лодку и заработали веслами. А луна в небе — спокойная и неподвижная. Такая же, как всегда.

— Н-не см-мотрите, — почему-то попросил Глеб.

Но я не послушался и глянул через плечо. На уже далеком берегу стоял высокий человек и задумчиво смотрел нам вслед. Чего-то демонического я в нем не нашел. Будто рыбак вышел покурить и проверить удочки. Лицо с такого расстояния было не видно.

19

Поставили лодку, привязали ее трясущимися руками. На секунду включили пришедшие в себя фонарики и посмотрели на свои чумазые лица.

Ноги промочены по колено. Увидит кто — непременно догадается, что дисциплину мы нарушили зловреднейшим образом. Но нас это не волнует. Ерунда по сравнению с тем, что мы пережили в подземелье.

Закрыли пляжные ворота, пробрались к себе и упали на кровати. Поспим несколько часов, а утром наступит день нашего триумфа. Покажем футболистам значок и объясним, откуда он взялся.

Сразу я не заснул. И потом разок проснулся, хотя и не до конца — за мной гнались черные тени, но когда они вот-вот должны были меня схватить, я понял, что это всего лишь сон, и чудовища, потеряв ко мне интерес, развернулись и ушли, а мне стало сниться что-то другое, тихое и спокойное.

1

...Утром жутко хотелось спать. Но ничего, сейчас сходим на зарядку, позавтракаем, и желание прилечь отбежит далеко-далеко. Проверено школой. Не всегда в девять часов ложились. Особенно это касается меня с моей привычкой фантазировать, пока засыпаю, и открывать глаза ночью безо всяких причин. Бессонница — верный спутник творческих натур. Без нее вид не такой творческий, синяки под глазами отсутствуют.

Но сегодняшним утром что-то тихо. Обычно все ходят, разговаривают, кричат, а тут тишина. Очень странно.

Протирая глаза, мы пришли на зарядочную площадку и проснулись окончательно. Никого! Ни пионеров, ни вожатых, ни роботов. Даже флаг опущен и от лозунга только вопросительный знак остался. Вот это да.

Нет, обманываю. Один робот грустно стоял под деревом. Наш приятель пылесосошахматист. Мы подбежали к нему, и он нехотя повернул к нам железную голову с презрительно-побитым выражением на лице. Не забыл, видать, свой проигрыш.

— А где все? — закричали мы.

Робот помедлил с ответом.

— На пляже.

— Почему?!

— Выше по течению стоит колбасный завод. Под утро случилась авария, и колбасные вещества попали в воду. Душераздирающее зрелище. Несчастливая природа, сколько бед принесла ей цивилизация. Как я хочу жить в те первобытные времена, когда еще не изобрели ни колеса, ни двигателя внутреннего сгорания. Да, я мизантроп. Недолюбиваю людей, роботов и всех остальных. Поэтому почти не выхожу из комнаты. Настоящий мыслитель должен спускаться вниз только за газетами, и при этом не читать их, потому что там пишут одни пошлости.

2

— Как красиво! — сказал незнакомый мне парень. Он стоял в толпе рядом со мной и восхищенно смотрел на реку.

В чем-то он прав. Воду от берега до берега застилала тонкая бензиновая пленка. Блестела, переливалась, играла на солнце цветами радуги. Пахла чем-то острым и непонятным. Уроком химии. Точно не колбасой.

Но красиво-то может и красиво, однако купаться в ближайшие дни не придется точно. И вообще плохие предчувствия. Витают в воздухе и прыгают по земле.

— А если поджечь? — предложил еще один пионер. — Вспыхнет — и все!

— Я тебе подожгу! — на пляж бежал вспотевший директор Игнат Петрович и размахивал какими-то документами. Как он мог услышать?

— Отступить от реки! — скомандовал Игнат Петрович, судорожно расстегивая воротничок.

И все отступили. Все несколько сот человек. Пионеры, вожатые, повара, роботы и остальные. Весь лагерь сделал несколько понурых шагов назад.

Игнат Петрович стал у самого края воды, будто преграждая к ней путь.

— Объявление! Оно же приказ! Внимательно слушать!

Потом набрал в грудь воздуха и заговорил. Уже тише и как-то сумбурно.

— Сегодня в пять часов утра на колбасноизготовительном варено-копченом комбинате имени какого-то съезда КПСС произошло событие, идентичное тем, которые регулярно происходят зарубежом по телевизору в программе "международная панорама" в капиталистическом мире наживы и чистогана с его наплевательским отношением к природе и желанием получить прибыль любой ценой. Нашей промышленности прибыль не нужна, однако убыточность завода не помешала резервуару с химическим веществом, придающим колбасе любимые нами вкус, цвет и запах, лопнуть как спелому помидору и разлить свое содержимое на километры вниз по реке. Поэтому лагерь закрывается до ликвидации аварии. На сколько — не знаю. На неделю или на месяц. Специалисты не знают так же хорошо, как и я. Вроде плывет корабль, который будет специальным насосом фильтровать верхний слой воды. Так что собираем вещи и идем к администрации. Сейчас приедут автобусы и развезут всех по домам. До свидания, иными словами. Через неизвестное время встретимся снова.

3

И все разошлись. Печально, но быстро. Никто не задавал вопросов и не просился остаться на время уборки в лагере, хотя я бы с удовольствием последил за работой корабля-колбасоочистителя.

Мы вернулись в домик, начали собирать вещи. Соседи ушли до нашего прихода, наверное, уже сидят в автобусе. А футболисты — вот они. Выставляют сумки в коридор.

— Привет, ботаники. Что, по домам! Эх, не успели вы посетить секретную базу, хахаха.

— Успели сегодня ночью, — небрежно сказал Артем.

— Смешно — хмыкнул Виктор. Остальные футболисты тоже заулыбались.

— Секунду, — попросил Артем, сходил в комнату и пришел обратно.

— Вот. Значок дежурного. Часть 51–17. Взяли из стола контрольно-пропускного пункта.

Футболисты застыли в изумлении. Один из них что-то выронил и не поднял.

— Как вы это сделали? Там же страшно!

— Ну, не особенно страшно... — ответил Артем, — но опасно. Мутанты, чокнутые солдаты и все такое. Пришлось отбиваться.

Виктор захотел что-то сказать, но оглянулся на своих и передумал. Махнул рукой и вышел из домика. Другие футболисты продолжали смотреть на нас, как на пришельцев с того света.

Потом Виктор вернулся.

— Вы крутые, — пробормотал Виктор. — Очень крутые ботаники. Просто чокнутые.

1

...Путь назад был грустен. Дорожные ямы куда-то пропали, автобус ехал мягко и противно. Ночные события отошли на второй план, будто случились много лет назад и не с нами.

Около школы нас встретили три наши мамы. Они отпросились с работы, чтобы сообщить, что будет с нами дальше. А будет вот что: коль на реке идет генеральная уборка, в школе открывается летний лагерь, в котором дети смогут находиться с утра до вечера, пока их не заберут родители. Пляжа и купания не ожидается, но молочного супа и дневного сна хватит на всех.

Однако мамы гуманно решили нас пока туда не посылать, и договорились между собой так — мы живем дома, гуляем сколько угодно, Артемова бабушка кормит нас обедами, но в случае нашего плохого поведения (например, если не будем приходить есть вовремя), мы быстро отправимся в школу, где нам будет очень весело (при этих словах мама Артема, у которой с чувством юмора так себе, даже расхохоталась).

Мы дружно пообещали себя хорошо вести. Летом дома скучновато, но школа тоскливее в тысячу раз.

Затем мы отправились по своим домам — переодеться, оставить вещи и поесть. Через час договорились встретиться на улице.

За столом я сразу понял, что мама решила поднять мне настроение, потому что в привычной завтракательной яичнице торчали тонкие кружочки дефицитной копченой колбасы. Вкуснятина! Куда лучше обычного сала, содержащегося в жареной картошке или в той же яичнице. А вместо чая — кофейный напиток! Это такое кофе, усовершенствованное нашими специалистами, потому что кофе — дефицит, оно у нас не растет и его на всех не хватает, а то, из чего состоит кофейный напиток, можно найти в любом колхозе (хотя почему-то оно тоже немного дефицит).

И, пока не забыл — я отлично знаю, что слово "кофе" мужского рода! Ученые утверждают. Но мне так не нравится! "Горячий кофе" звучит нелепо! Режет слух, как камень стекло. Плохо режет! Царапает без толку.

2

— Пойдем на чердак? — спросил Артем.

— А что делать, — ответил я.

— Положим камень к алтарю?

А это мысль! Где еще место метеориту, если не там.

— Конечно!

Однако Глеб почему-то нахмурился. Странно. Нахмурился, прикусил губу, но ничего не сказал.

По пути мы встретили Павла Федоровича — сумасшедшего пенсионера-историка, который развешивал в лесу мертвых птиц и лечился в психушке. Он шел по тротуару, остановился и долго смотрел на нас. Глеб от этого расстроился еще больше. Вконец помрачнел и уткнулся взглядом под ноги.

— Ты чего? Он сейчас мухи не обидит, — удивился Артем.

Глеб опять промолчал. Мы не обратили на настроение Глеба особого внимания — оно

менялось часто и по самым разным причинам.

3

Камень в шкафчике выглядел преотлично! Хотя током биться не перестал.

Откуда в нем электричество? Или все метеориты такие? Точно нет, нам в школу несколько штук на внеклассные занятия приносили и давали потрогать.

Мы поиграли в хоккей и повеселели, но не слишком. Хоккей — это хорошо, но для полноценного счастья его все-таки мало. А другие развлечения летом в городе трудно сыскать.

Я даже один раз отказался от своей очереди, когда Глеб проиграл. Остался в кресле пораскачиваться и подумать.

Очень обидно! Колбасный завод лопнул в день нашего триумфа, после того, как мы сходили на военную базу и вернулись! И там правда оказалось опасно! Не все слухи были выдумкой!

Или выдумка может материализоваться? Страх — он живой? А если одновременно боится много народа, то... совсем страшно? Общими усилиями видения обретают бледную плоть и выглядывают из темноты.

Наверное, солдатам надо было не волноваться о том, что спряталось под кроватью, а фантазировать что-нибудь приятное. Не шевелящуюся куклу Вуду, а симпатичную девушку. Но откуда она взялась? И чего улыбается, как дура? Ой, так еще хуже.

Второй раз туда не пойдём и с мешком вспышечных бомб. Вдруг объявятся привидения в черных очках и на них свет не подействует.

А вообще приключение под стать дедовым. И если бы не предусмотрительность Глеба... даже сейчас мурашки. Однако нос футболистам утерли! Как бы на нас глядели девчонки, узнав, куда мы сходили. Ботаники, как же. Эх... Не мог завод подождать, не трескаться хотя бы недельку.

— Глеб, а ты куда кактус дел? — спросил я.

— В своей комнате п-поставил. Светится!

...Возможно, где-нибудь на островах Полинезии растут огромные хищные цветы. Хватают своими кривозубыми ртами все, что увидят. И охотятся на них только самые смелые воины племени. За это их называют ботаниками.

4

...Скоро начался дождь. Ненастоящий, при ясном солнце. Забарабанил молоточками по шиферу, зашумел порывами ветра.

Мы смотрели на него украдкой из окна. Очень хотелось выйти на крышу, но нельзя. Увидит кто-нибудь, и конец нашей вольночердачной жизни.

А потом дождь прошел. Так же быстро, как начался. И крыша высохла буквально на глазах.

5

Дальше настало время питаться. Точнее, оно настанет через девять минут, по словам Глеба. Что у него в голове часы, я уже говорил. Часы, калькулятор, календарь и все такое. В общем, нужно собираться и топать к Артемовой бабушке. Промедление грозит заключением в школьный лагерь.

На обед был борщ. Наваристый, с мясом, зеленью, сметаной, чесночными гренками и много чем еще, страницы не хватит перечислить. От борща прямо аура сытости и умиротворения исходила. Удивительно, насколько могут отличаться по вкусу две жидкости

— борщ и молочный суп.

Бабушка кормила нас с удовольствием. Все хотела подлить добавки. "Вы же такие худенькие!" Почему все бабушки считают внуков худенькими, не понимаю. Даже когда внуки подрастут, обзаведутся научными степенями, лысынами-бородами и соберутся в далекую экспедицию на каннибаловы острова, бабушки по-прежнему будут переживать из-за внуковой худосочности, невзирая на то, что именно она сбережет от попадания в закопченный людоедский котел.

На второе мы ели макароны по-флотски, на третье пили чай с пирожками. Ой, все. Надо вылезти из-за стола, упасть на диван и полежать.

Настроение подпортил чайный гриб. Да, тот самый. Точнее, не тот, а новый. Прошлый погиб под ударами бабушкиной швабры, когда ночью выбрался из банки, съел все на кухне и пополз в спальню.

Ничему не научила бабушку история с грибом, завела себе еще одного. Таково старшее поколение! Привычка для них важнее здравого смысла. Неужели я, когда состарюсь, тоже стану таким? Начну дружить с чайным грибом, а не с логикой?

— Скучно вам! — улыбнулась бабушка, глядя на то, как мы втроем лежим пузами кверху в креслах и на диване.

— Прогуляйтесь в Москву! Денег я дам, недавно пенсия была!

— Спасибо! — Артем аж подпрыгнул.

Глава 26 Летающий трамвай, ВДНХ, космонавты, мегалодон, и еще много-много всего

1

Мы вышли из подъезда. Настроение улучшилось окончательно.

— Давайте покатаемся по Москве, — предложил я.

— А если в кино?

— А что там идет? А то п-попадем на какую-нибудь ерунду. Нам бы доехать до кинотеатра и посмотреть.

— Но тогда на трамвае, — сказал Артем.

2

Тут надо объяснить, что такое трамвай, хотя все это прекрасно знают. Трамвай — это электрически едущий по рельсам вагончик. Но трамваи бывают разные — старые и современные. У старых рельсы скучно лежат на асфальте, а с новыми другая история. Рельсы — над потолком, и трамваи будто парят в воздухе.

Высоко-высоко проложена рельсовая дорога, летит она над зданиями или петляет между ними. Земля где-то внизу, в ста метрах или дальше. Москву из окна видно на пять с плюсом.

Высотных трамваев в нашем районе нет, поэтому мы побежали на остановку и запрыгнули в автобус. Тете-кондуктору мы почему-то не понравились и она скривила лицо, но прав не пустить нас у нее не было никаких.

Как скучен автобус по сравнению с воздушным трамваем! Вид из него такой приземленный. Планета сразу под ногами... неинтересно.

Хотя в пригородах смотреть не на что даже с высоты. Девяти и двенадцатиэтажки выстроились, как солдаты на плацу. Серые и одинаковые. Скучные, правильные и еще раз скучные.

Машин на дороге в рабочий день негусто. "Москвичи", "жигули", "запорожцы", реже — "волги". На "волгах" только какие-нибудь большие начальники катаются. Есть еще "чайки" — длинные, блестящехромированные, но они совсем из Красной книги. Внутри них начальники настолько огромны, что по сравнению с ними обычные средние большие начальники — маленькие.

А наигромadнейшие начальники из Кремля не по земле ездят, а по воздуху летают. Нет, не как Карлсон из сказки, хотя может мы чего и не знаем. Они пересели с "чаек" на дирижабли — вытянутые воздушные шары с моторчиком. Каждый день утром и вечером вереницы дирижаблей в небе — это те, с кого писались живые портреты для нашей школы на работу или обратно домой за город летят. По словам папы, они специально летать научились, чтоб на дорогах пробок не создавать, потому что как все ездить они не умеют, путаются в педалях, не помнят знаки, и поэтому раньше гаишникам приходилось перекрывать дороги.

...Спешат машины, обгоняют нас. Не поспеть за ними на нашем тяжеленно-длиннющем "Икарусе"! Он состоит будто из двух автобусов, соединенных резиновой перемычкой, чтоб изгибаться в поворотах.

Один раз какая-то иномарка мимо проскочила и все повернули головы к окнам.

Несоветских машин в СССР даже меньше "чак". Говорят, их разрешают только людям творческих профессий. Художникам, например, или режиссерам, то есть обладателям тонкого эстетического вкуса, которых наши автомобили грубо и неэстетично загоняют в тоску и желание укатить за границу.

3

Все, приехали! Пересаживаемся. Еще не Москва, но уже чувствуется что-то такое. Непонятное и заманчивое. И летающие трамваи рядом с автобусной остановкой намекают на него своим существованием. Тут у них так называемая конечная — кольцо, на котором они разворачиваются и едут обратно. Единственное место, где трамваи стоят на земле, да и то, не стоят, а низко висят с открытыми дверями. Дальше рельсы, похожие на протянутые в горах канатные дороги, взмывают к небесам, лишь изредка опираясь на решетчатые столбы-колонны, многие из которых оборудованы широкими площадками-остановками со стеклянными лифтами и железными лестницами.

Люблю садиться в общественный транспорт на конечных! Из-за того, что он там не общественный — ты чуть ли не один внутри, без этого самого общества.

Вот и сейчас никого, кроме робота-водителя и робота-кондуктора, но они не считаются.

Роботы в трамвае своеобразные, человекообразные. Все, кроме кондуктора, который очеловечен только с виду, потому что кондуктора вечно злые и подозрительные, а этот добрый, улыбается. Выдал нам билеты и пробил в них дырки. Хорошую улыбку ему на заводе вырезали, широкую, счастливую. Робот, который смеется. Значит, характер у него такой же, ведь механические лица не обманывают.

А у водителя улыбка другая. Отсутствующая! Стальные зубы грозно сжаты, а стеклянные глаза строго нахмурены. И это правильно. Водитель, улыбающийся как сумасшедший, настораживает и пугает, в отличие от сумасшедшего кондуктора, дающего надежду на то, что удастся проехать, не заплатив.

Мы залезли и сели. Каждый у окна, чтобы никто не мешал смотреть. Как можно сидеть не у окна, для меня загадка. Неуютно ведь! Но сейчас все, как надо. Впереди Глеб уперся лбом в стекло, за ним Артем, а я последний, позади Артемова затылка, который когда-нибудь пойдет по стопам затылка его папы и польсует, но это случится еще нескоро.

Уже никто не хочет ни в какое кино. Пролететь над Москвой — всем кинам кино! Мы много раз так катались, но все равно фантастика. Лучше любой экскурсии. И людей будет мало, потому что будний день и почти все на работе.

4

Поехали! Двери захлопнулись, трамвай с легким гудением заскользил вперед, набирая скорость, а затем взмыл вверх. Ура! Полетим через центр, мимо Красной площади, Дворца Советов с огромным Лениным-памятником, рядом с Останкинской телебашней, Выставкой Достижений Народного Хозяйства (ВДНХ), и прочими чудесами одной шестой части света. Дорога не прямая, но нам это и нужно!

Вот мы уже над домами. Здесь они еще небольшие, этажей по двадцать, но с каждой минутой они увеличиваются, обрастают колоннами, тяжелыми карнизами и шпилями.

Стекло и бетон — вот из чего состоит современная Москва. Старых домов, даже исторических, почти не осталось. История уступила место новому. Прошлое хорошо, когда на него смотришь издали, а жить в каких-нибудь купеческих постройках с малюсенькими полуслепыми окошками желающих мало.

Автомобильные дороги под нами в десять рядов. Широленные, необъятные, как

взлетные полосы на аэродроме. Машин столько, что даже такой ширины иногда не хватает, поэтому приходится стоять в пробках. Мне еще никогда не доводилось бывать в пробке, но как же это интересно. Разглядывать соседние автомобили и по метру двигаться вперед! Как-нибудь уговорю папу поехать в Москву постоять в пробках, хотя он в Москву ездить не любит, бурчит, мол, что там делать, только в пробках стоять.

Тротуары тоже широкие, ухоженные, залитые солнцем. Людей немного. Идут, спешат куда-то по своим делам. Человек — маленький и неглавный на этих улицах.

Все так чисто и гладко, что даже мысли приходят — а вдруг Москва в окне ненастоящая и только кажется нам?

Глупости, конечно.

5

...Большую часть времени мы летим над зданиями, но иногда дорога опускается и течет мимо окон. Жильцы, наверное, недовольны, но кто их спрашивает. Иногда и тридцатый этаж вроде первого.

А однажды мы проехали прямо через дом! Трасса проложена сквозь дырку посередине. Огромный домьяра, какой-то научный институт, из него трамваи выныривают, как пчелы из улья.

Еще была гостиница интересная, с бассейном на крыше. Там дяди и тети загорали в купальных костюмах. До Москвы-реки им лень добираться, а крыша — под ногами, то есть над головой.

Кстати, о Москве-реке! До чего она хороша в солнечную погоду! Сияет, переливается. Вокруг пляжи песочные и деревья стройными рядами. Катера на подводных крыльях гоняют, никакой обожаемый народом актер на "мерседесе" так быстро не сможет.

Прямо под нами пузатенький дядя в соломенной шляпе и трусах до колен на удочку поймал карпа размером с человека. Еле вытащил! Рыбы в реке хватает, большой и разной, но такой зверюга — редкая удача. Даже люди вокруг собрались, восхищаются и фотографируют, а дядя только плечами пожимает и руками разводит, сам, дескать, не ожидал.

Повезло, что сказать! Но недолго мы дяде завидовали, потому что когда смотришь на мир сверху, это настраивает на философский лад. Вот мы и летели над домами, пляжами, автомобилями и философствовали в одиночестве. Можно ничего не говорить, просто смотреть, как внизу мир суетится. Но иногда одиночество исчезает — встречный трамвай, звеня, проезжает мимо, и когда ты за его окнами, в паре метров от себя, видишь таких же трамвайных философов, то поневоле возвращаешься с небес на землю.

6

А вот и павильоны ВДНХ. Да какие павильоны — дворцы! Капиталистический Версаль по сравнению с павильоном "Пчеловодство" — деревянный сарайчик. А как еще генетически модифицированных пчел показывать, если они с голубя размером? Обычная за раз один цветок опыляет, а такая — десять! При условии, что растения ее вес выдержат, с этим пока нерешенные проблемы.

На ВДНХ огромное все. Нет маленьких достижений в СССР. Если чего-то достигли, то оно большое или очень большое. Бывал я здесь на экскурсиях, видел все воочию.

В павильоне птицеводства — огромные гуси, охотиться на таких только с ружьем медвежьего калибра; павильон микробиологии — тараканоподобные микробы по столам шныряют, в павильоне "плодовоовощеводства" (не я слово придумал, оно такое реально

есть), так вот, в павильоне "плодовоовощеводства" беспокойные сотрудники в касках и со скошенными вверх глазами под кустом смородины бегают, опасаются, что упадет ягодка на голову и поминай, как звали; в павильоне одной азиатской республики — огромный ковер с ворсом, в котором по колено тонешь. И так далее. Наши ученые даже вывели новую породу крупных колорадских жуков. Важный, говорят, успех, их теперь станет легче собирать. И только в павильоне атомной промышленности коровы-экспонаты обычной величины. Странно? Нет, ведь они двухголовые! Зачем — не знаю, но ученым виднее, к тому же они еще и светятся в темноте (коровы, не ученые).

А в сельскохозяйственном вместо коров их фотографии в натуральную величину. Не привезли животных потому, что даже фотки едва под потолок влезли. Не коровы, а бронтозавры на стероидах.

После экскурсии нас повезли на ферму их живьем показать. Ее начальник уговорил преподавателей. Поедемте, восклицал он и хватал за рукава, там будет весело.

Не обманул. Ферма размера просто невероятного. Арабская поговорка гласит, что все боится времени, но даже время боится пирамид, и тогда страшно представить, что произойдет со временем, если оно увидит эту ферму. Убежит куда-нибудь за тридевять земель и устроится вахтером в местный Дом культуры.

Коровы внутри здания стоят на вращающемся круге головами к центру, а титанических размеров противоположностями — так сказать, к публике, которая по краям вдоль стенок ходит. Как нам объяснили, круг называется "коровьей каруселью", хотя один работник негромко назвал его "кругом ада", а на вопрос "почему?!" пробормотал "не дай бог вам узнать" и лицом задергался.

...Поначалу все шло мирно, ходили дойкосотрудники около карусели и доильные аппараты переставляли, но наша учительница музыки, дама нервноинтеллигентная, боязливо поинтересовалась у начальника, а может ли так случиться, что корова своей задней частью вдруг в туалет захочет, на что дядя улыбнулся и ответил, что не может, у нас все по расписанию, однако, посмотрев на карусель, заметил что-то опытным взглядом и обреченно произнес "но иногда все-таки может", после чего заревела сирена, началась экстренная эвакуация, и он принялся подгонять нас словами "бегите и не оглядывайтесь", "без паники, но кричать разрешается, потому что есть из-за чего".

Отбежали мы в поле и не пострадали. Рассказывать особенно нечего, лишь запомнилось, как выходявшие на улицу окна мгновенно потемнели.

7

Есть павильон, который мне нравится больше остальных. Разумеется, это павильон космонавтики.

Там копии всех ракет и спутников, летавших в космос, не в натуральную величину только потому, что так их проще рассматривать, скафандры в стеклянных шкафчиках, космические инструменты, космическая еда в тубиках, космическая оранжерея, где робот поливает из предназначенной для невесомости лейки космические огурцы, мой любимый экспонат — советский луноход, вылитый автомобиль "запорожец"... всего не перечить! Даже зал антигравитации имеется — можно походить-попрыгать, как на Луне или Марсе.

В уголке экспозиция — манекены космонавтов греются у костра в тайге, ожидая спасателей и отстреливаясь от вражеских пещерных медведей, посередине зала модель когда-то летавшей на орбите международной станции "Мир"...

Раньше мне тут нравилось еще больше, потому что в павильоне звучала космическая

музыка — акустические колонки проигрывали шумы вселенной. Но людям она не приглянулась. Шипит, мол, поскрипывает... мы к другому привыкли, ритмичному и жизнерадостному. И пошла власть народу навстречу, отключила космос.

Но хватит грустить! Однажды мне удалось узнать кое-что очень забавное.

Когда я пришел сюда впервые, то почти час провел у стенда, на котором изображалась героическая борьба наших космонавтов с огромной акулой-мегалодоном, их нередко видят в океане.

Кого именно видят? Всех! И наших космонавтов, они часто промахиваются при посадке мимо СССР и оказываются где-нибудь в Атлантике, и выживших с доисторических времен мегалодонов, которые сначала перекусывают все пополам, а потом смотрят, чем они таким перекусили.

В общем, пока ждали космонавты на надувном плоту вертолет, ими голодный мегалодон заинтересовался. Ему плотик — на один зуб, но наши сдаваться не собирались и успешно отпугивали рыбину электроразрядом.

На столе лежали наушники с записью голосов космонавтов. Сохранили их в назидание потомкам, чтоб каждый мог послушать, как шла битва. Нечаянно щелкнул магнитофон, она и записалось. Ну, не вся, а ее кусочек, там командир давал инструкцию:

— Товарищи космонавты, — говорил он, — партия приказала сохранить результаты научной экспедиции несъеденными, поэтому нам придется использовать электричество для самозащиты. Однако следует приложить все усилия, чтобы мегалодон, занесенный учеными в Красную книгу, жаль, что их сейчас нет с нами, не пострадал и продолжил бороздить океанские просторы, как и миллионы лет назад, когда человечество еще существовало в виде обезьян, а то и хуже.

Здесь запись обрывалась, начинался шум и треск, но мне показалось, что он стихшим голосом что-то добавил. Я от любопытства чуть с ума не сошел, и к следующей экскурсии спаял в нашем Клубе маленький усилитель звука, а потом незаметно вложил его в наушник.

Старание было вознаграждено, кое-что я услышал. Говорил все тот же командир экипажа, но голосом почему-то другим, резким и беспокойным.

— Выключили магнитофон? Точно?! Тогда слушайте меня внимательно!!!! Не размахивайте по тупому проводом, а как она снова подплывет, суйте его ей прямо в морду, иначе проклятая тварь никогда не сдохнет!!!!

И еще там присутствовало несколько экспрессивных выражений, смысл которых мне понятен лишь в общих чертах.

8

Пока я, как пишут в толстых книгах, "предавался воспоминаниям", мы оказались в центре Москвы. Справа за окном — Красная площадь. Место, в котором определяется политика нашего государства.

Но мне политика неинтересна. Я в ней мало разбираюсь. Может, со временем, как-нибудь, но пока мне с ней сталкиваться не приходилось. Или я просто не хочу об этом думать? Так, наверное, и есть. Ну ее! А вон, кстати, мавзолей.

Ходят слухи, что в мавзолее Ленина, где лежит тело Ленина, на самом деле оно не лежит. Ленин, как постоянно говорят, "живее всех живых", поэтому его в мавзолее тайно заменяет живой актер — изображает мертвого Ленина. Мертвый Ленин для вечноживого Ленина не подходит, слишком он мертвый, живой двойник с такой работой справляется лучше.

Вроде однажды он не выдержал многочасовой неподвижности и чихнул, чем страшно перепугал зарубежных посетителей. Улепетывали они из мавзолея, как мы с фермы, хотя ситуации отличались. А наши люди отнеслись к случившемуся с пониманием, остались на месте и даже бровью не повели.

Но это сплетни. Лучше их никому не говорить, а то нарвешься на неприятности.

Мавзолей крохотен в сравнении с расположившимся неподалеку Дворцом Советов (он такой огромный, что находится неподалеку от всего).

Дворец имеет форму пирамиды. Несколько прямоугольных этажей, каждый из которых меньше предыдущего, а на самом верху шпиль из памятника Ленину.

Высота здания засекречена. По слухам, она где-то с полкилометра, и Ленин на его крыше не маленький печально мавзолейный, а гигантский радостно пятидесятиметровый.

Получается, памятник лучше оригинала? Не знаю. Иногда кажется, что Ленин всегда был памятником. Живой, настоящий, с человеческими недостатками он не нужен никому, даже тем, кто его безумно любит (есть такие, большинство из них люди архипожилого возраста). Мысль сложная и непонятная, но пришла и уходить не хочет. Со мной такое бывает.

Живой памятник на вершине дворца или нет — неизвестно. Вроде неподвижно стоит, но многие живые памятники не шевелятся до поры до времени, а потом сюрприз. И неясно, как он туда попал! Еще вечером Дворец Советов стоял безшпиленный, а утром — полюбуйте! Но подъемных кранов никто не видел, да и нет таких, чтобы поднять настолько габаритного Ленина смогли.

В одном капиталистическом фильме на огромный дом забирается обезьяна-переросток. Бьет себя кулаками в грудь и сражается с прилетевшими аэропланами. Может, и у нас так же? Памятник изобрели живой и самозалазьющий? Цеплялся ночью Ильич за карнизы и упорно лез вверх? Добрался, тоже постучал кулаками в грудь и замер в привычной памятниковой позе? Почему нет? У американцев есть Кинг-Конг, а мы в ответ сообразили Кинг-Ленина!

9

Но не это здание в Москве самое высокое! Страшно далеко ему до Останкинской телебашни!

Сколько именно — неизвестно. Высота Дворца Советов засекречена, а высота башни в сто раз секретнее!

Одно могу сказать — есть, что засекречивать. Дед водил меня в кафе, расположившееся почти на самом верху (хотя самый верх над кафе наверх еще длился и длился). Лифт вез нас не менее получаса (причем с огромной скоростью, на старте перегрузки придавили к полу безжалостно).

Мы сидели за столиком у окна, и Москва сквозь стекло выглядела, как фотография из космоса. Рассмотреть город целиком мешали облака, кучковавшиеся где-то далеко внизу.

Да какие облака! Пока ждали официанта, напротив нас за окном промелькнул огонь. Я спросил у деда, что это. Он усмехнулся и ответил:

— Спутник.

...И все-таки я надеюсь, что не спутник. Самолет или дирижабль — еще куда ни шло. А то уже чересчур. За гранью игры.

10

Я сказал, что мы пришли в кафе? Нет, неправильно! Не в кафе, а в ресторан! Уж кафе от

ресторана я смогу отличить, хотя почти не был ни там, ни там.

Рестораны — они роскошные! Попав в кафе, осмотришься, не слишком ли богато вокруг. Если так и есть — ты не в кафе, а в ресторане. Поздравляю!

Столы белоснежные, официанты улыбочные, пальмы в кадках, рыба в аквариумах, потолок в нелепых завитушках. Все первичные признаки налицо!

Дед в ресторане изменился. Другой стал, не домашний, который, напялив старый свитер, сидит в кладовке и раскрашивает солдатиков... а будто аристократ из фильма про белоэмигрантов. Благородство — глупое слово, но здесь оно очень подходило. Осанка, взгляд, то, как он разговаривал... Я понял, что совсем мало знаю о своем дедушке.

— Это стейк, — сказал он, когда официант принес нам заказ. — Возьми нож в правую руку, а вилку в левую. Не бойся, все несложно.

И действительно! Скоро я управлялся с ними как ни в чем не бывало. Наверное, и правда надо только поверить в себя. И стейковое мясо удивительное!

— Отлично, — похвалил меня дед.

...Я жевал стейк, поглядывал в окно, а потом начал поглядывать на парочку за соседним столом. Там сидела молодая тетя и дядя немного вдвое старше, одетый в галстук и черный костюм. А тетя была одета не очень. Нет, не в рваное платье. Платье у нее дорогое, темное, нарядное, но большей частью оно как-то внизу, ноги в изящных туфельках закрывает. А наверху его почти не было! Тетя красивая, "фигуристая", но плечи ее оказались без платья. И эти, как их...мне неудобно... Короче говоря, если есть плечи, значит то, что рядом, можно называть предплечьями (я не о руках сейчас). Так вот, на предплечья ткани тоже не хватило. Почти голые они. И дяде это нравилось! Кто его знает, почему. Станный он какой-то. Только и косился на эти предплечья и словно облизывался в предвкушении вкусного послересторанного блюда.

11

...Пока я вспоминал, трамвай обошел полный круг и вернулся на конечную остановку — туда, где мы в него садились. Вот и все на сегодня! Стемнело, пора по домам. Можно еще о многом рассказать... хотя как обо всем расскажешь.

Дома все по-прежнему. Мама перед телевизором, папа с чертежами на кухне. И я подумал — а ездили когда-нибудь мои родители по Москве на воздушном трамвае? Чтоб увидеть все-все-все маленьким и далеким? Сидеть, наклонившись к окнам и думать без мыслей? Неужели нет, ни разу?

12

...Надо ли говорить, что я опять ворочался в кровати. Когда засыпаешь, ты особенно уязвим перед воспоминаниями. Они будто сны, лишь на чуть-чуть ближе к неспящему миру. Что-то хотят тебе поведать. То, что ты мог понять, но не понял. Что-то очень важное.

13

...Когда мы выходили из телебашни, дед сказал:

— Нас ждет еще одно путешествие.

Я кивнул, и мы пошли вслед за вечерним солнцем. Оставив за спиной широкие проспекты с их автомобилями, витринами и толпами прохожих, свернули через старую арку в какой-то переулок, и, как по волшебству, оказались в другом городе, не похожем на Москву, которую я знал. Я словно потерялся в огромном роскошном доме, поплутал по коридорам и увидел комнаты, которые гостям не показывают.

Дома здесь старые, из красного кирпича, трех и пятиэтажные, и около них маленькие

садики, смешно огороженные наполовину вкопанными в землю автомобильными шинами.

Асфальт лишь кое-где, асфальтовыми пятнами, и весь в лужах. Наверное, дожди тут никогда не заканчивались. Зато кругом деревья! Не стриженные тополя, с которых летом огромными пылесосами снимают пух, а другие — березы, липы, клены и удивительно пахнущая сирень.

Про лужи дед сказал коротко:

— Не наступи, в некоторых можно утонуть.

Я посчитал это очередной шуткой, но потом увидел, как мальчик моего возраста закинул в лужу удочку, а у его ног лежат пойманные карасики.

А еще поблизости бродили козы. Они мирно щипали травку и тихонько мекали. Увидев нас, подняли головы и замерли, догадываясь, что мы тут чужие.

— Где они живут? — спросит я.

— На балконах, — ответил дед, — научились лазить по стенам, как горные бараны. Утром спустятся, а как стемнеет — назад переночевать.

После рыбалки в луже я ему почти поверил.

Мимо нас проехал зеленый "москвич", но проехал недалеко — застрял в грязи. Побуксовал минуту, а потом водительская дверь распахнулась и на свет появился флегматичный дядя в спецовке и сапогах. О чем-то размышляя, он открыл багажник.

Оттуда выскочил скелетообразный робот, уперся железными пальцами в машину, вытолкнул ее на дорогу, после чего так же быстро и беспрекословно юркнул обратно и даже сам захлопнул за собой крышку.

Все заняло пятнадцать секунд. Дядя неспешно вернулся на свое место за рулем и автомобиль уехал. Похоже, застревают здесь часто, поэтому многие берут с собой роботов. Дядя напоминал заводского рабочего, и дед подтвердил, что скорее всего так и есть. Тут недалеко старый завод, на котором с царских времен выпускают гвозди, шурупы, проволоку, причем на тех же вековых станках. Почти все местные на заводе и трудятся. И старики когда-то работали, как сейчас их дети, и следующие поколения тоже останутся здесь!

...Я понял, почему на улице так тихо и спокойно. Время остановилось, все очень просто. Солнце проходит по небу и скрывается за горизонтом, весна сменяет зиму, осень — лето, люди рождаются и умирают, а не происходит ничего. Как в театре играют десятилетиями один спектакль. Роли те же, только актеры меняются. И еще я подумал — а вдруг так и в нашем районе? Здесь все лишь заметнее, яснее? Не это ли мне дед хотел показать?

— Москва большей частью как раз такая, — он будто услышал мои мысли.

В каком-то дворе я заметил детскую площадку. Фигуры на ней как у нас, те же безумные чебурашкоайболиты, но простенькие, вырезанные из дерева, неподвижные, неходячие, без встроенных моторчиков и себе на уме искусственного интеллекта. Ни за что не подкрадутся за спиной. Вот главное отличие бедных кварталов от тех, что побогаче?

А когда мы прошли еще дальше, тишина наконец-то закончилась. На столике под деревьями мужики играли в домино.

Били наотмашь костями, кричали, ругались и хохотали. Некоторые, судя по одежде, тоже рабочие, другие — вылитые копии алкоголиков с нашей пивной, словно на выпускающем их заводе по несколько экземпляров сделали.

Внезапно окно в соседнем доме открылось, оттуда выглянула одетая в цветастый халат широкофигурная женщина и сердито закричала:

— Вася, а ну домой! Немедленно!

Ну прям как Артема зовет его мама.

Вася, большой краснощекий дядя на десять лет постарше Артемовых родителей, недовольно махнул рукой и с вызовом, но обреченно крикнул "сейчас", после чего он и другие дяди вылезли из-за стола и надели какие-то черные плащи с рюкзаками.

Послышалось негромкое стрекотание, словно от моторчика авиамодели, и Вася взлетел!

В рюкзаке, получается, находился двигатель, а плащ... никакой это не плащ, а крылья! Мягкие, как у бабочки, но машут и держат человека над землей. Вася счастливо захохотал и сделал в воздухе петлю.

Следом полетел второй доминошник, третий, четвертый... да в этом дворе собрались местные любители воздухоплавания! Какой-то слесарь-изобретатель придумал крылья из подручных материалов и научил своих друзей летать.

Удивительное зрелище. Крылатые нетрезвые дяди порхают в закатном небе, смеются, дурачатся и сталкиваются. Крылья сработаны прочно, никто от столкновений не падает, лишь опускается на пару метров и тут же воспаряет обратно в темнеющую небесную синеву.

Однако женщина (наверное, жена Васи), появилась во второй раз и прокричала уже совсем рассерженно:

— Быстро домой! Ишь, опять за свое!

Вася вздохнул (вздоха я не услышал, но догадался о нем), развел крыльями и ответил:

— Дорогая, лечу!

И заскользил черной тенью напрямик в распахнутое окно, в котором только что виднелась тетя. Нырнул в него, как говорят, щучкой. Раздался грохот, звон разбившейся посуды и безжалостная ругань Васиной жены.

...Мы прошли еще и остановились у боковой стены пятиэтажного дома. Окон на ней не было, но взамен кто-то нарисовал картину. Огромную, до самой крыши. Граффити, вспомнилось иностранное слово.

...Черный ночной город. Темные стекла, погасшие фонари, выключенные фары автомобилей. Никого нет. Пусто. Разгуливает ветер, носит мусор и осенние листья. Светится лишь одно окно. Последний человек во вселенной?

Дед виновато улыбнулся.

— Воспоминания.

Я не понял, о чем он, и не ответил.

Дед отвернулся, а затем снова посмотрел на меня, как-то грустно и растерянно. Взглядом, которого я у него раньше никогда не замечал.

— Пойдем домой. Твои папа и мама уже, наверное, волнуются.

Глава 27 Превращение "художников"

1

...На следующее утро мы с Артемом ждали Глеба минут двадцать. Очень странно, потому что Глеб никогда не опаздывал. Не имел такой привычки. Нервничал, покрывался красными пятнами, если задерживался даже по независящим от него причинам. Мы начали переживать, затем увидели спешащего к нам Глеба и перестали, а потом, когда он подошел поближе, опять начали.

Он выглядел так, словно не спал целую ночь, а то и не одну. Глаза — опухшие от слез.

— Что с тобой? — опередил меня с вопросом Артем.

Глеб не ответил.

— Ты что, плакал? — это уже я.

— Н-нет, — ответил Глеб и всхлипнул. Врать он не умел, поэтому добавил:

— Д-да.

— Почему? — воскликнули мы.

— П-потому что вы меня не п-послушаете.

— Ты о чем?! — изумился я.

— О к-камне. М-метеорите, к-который мы п-принесли.

— А что с ним не так? — спросил Артем.

— Он п-плохой. Он п-принесет беду. Его надо в-выбросить.

— Почему? Какую еще беду? С чего ты решил? — накинулись мы на Глеба.

Но он опять замолк.

Глеб так иногда делал, не зная, что сказать или не желая говорить. Мы понимали, что он лишь оттягивает неизбежное, поэтому решили подождать.

— Он с-странный. Он б-бьет током. Он б-будто живой.

— Но ведь ничего не случилось, — возразил Артем.

— Метеориты — не обычные камни! Они из космоса прилетают, поэтому и странные! — воскликнул я.

Чего это Глеб выдумал? Такой вещи нет ни у кого. Пусть он свой цветок выбрасывает, если ему так хочется что-нибудь выбросить.

В глазах Глеба опять появились слезы.

— Я же г-говорил, что в-вы мне не п-поверите.

— У тебя нет доказательств, что камень опасный. Что-то почудилось, и все, выкинуть, — сказал я.

Глеб в очередной замолчал и прикусил губу, чтоб совсем не разреветься.

Артем отошел на несколько шагов, постоял и вернулся назад.

— Давай выкинем.

— Давай, — вздохнул я.

— П-правда? Вы не п-против?

— Не против, — сухо проговорил Артем. — Пошли на чердак, принесем и где-нибудь закопаем.

— Нет, пожалуйста, будьте здесь, а я сам схожу! П-пожалуйста!

И, не дожидаясь ответа, Глеб умчался к подъезду. Ключи с прошлого раза остались у него.

— Опять ему что-то померещилось, — пробурчал я. — А камень красивый.

— Вот именно, — Артем от злости даже заходил взад-вперед.

Когда Глеб возвратился, его было не узнать. Глаза сияли, улыбка, будто выиграл в лотерею.

— Взял!

Он показал бумажный сверток.

— Ну разверни напоследок, — попросил я.

— Н-нет! — всплеснул руками Глеб.

— Ты что, свихнулся? — не выдержал Артем.

А потом посмотрел за спину Глеба.

— Художники...

2

Да, они! И прямо к нам. История повторяется. Две неприятности за утро — не много ли?

Художники выглядели хмуро. У них, видно, тоже что-то не задалось, поэтому они решили доставить себе маленькое удовольствие — забрать у кого-нибудь деньги.

К делу они перешли без обычной клоунады. Мэлс сразу достал баночку с зеленкой.

— Опять вы в царапинах, — неулыбчиво улыбнулся Вилен. — Будем красить.

— У нас нет денег, — отозвался я, — ни копейки. Вчера все потратили.

— Плохо тогда ваше дело, — процедил Владлен.

— Угу, — закивал Мэлс.

— Может, посмотреть в карманах? — сказал Вилен.

— Смотрите, — я пожал плечами, стараясь казаться спокойным.

— А что это такое? — спросил Владлен у Глеба, разглядывая сверток с метеоритом в его руке.

— Камень, — ответил я.

— В бумаге? — скептически хмыкнул Владлен, — ну-ка, покажи.

Глеб сжался, но снял бумагу. Метеорит засверкал на его ладони, как драгоценность.

— Н-не т-трогайте его, — попросил Глеб.

— Это еще почему?

— Он п-плохой. Ст-траннный.

— Сами вы странные, — усмехнулся Вилен. — А камень, похоже, золотой самородок и стоит уйму денег.

— Это метеорит, — сказал я. — Нет там никакого золота.

— Будто в метеоритах золота не находят! — хохотнул Вилен, — эх ты, неуч.

— Мы сдадим его государству, — потер руки Владлен. — Вы спрятали, а мы поступим по закону.

— Не б-берите его. Он б-бьет током, — взмолился Глеб.

— А ты у нас что, противоударный? — снова засмеялся Владлен. — Бегом давай сюда.

Он схватил метеорит и принялся рассматривать, но вдруг его глаза остекленели, а ноги на секунду подогнулись.

— Ой... — сказал Владлен изменившимся голосом, — щиплет...

— Больно? — удивился Вилен.

— Нет...

Вилен забрал у него камень, сжал в ладонях, проверяя, что случится, и дождался — с

ним произошло то же самое, что и с Владленом. Подкосившиеся ноги и отрешенный взгляд.

— Да... — пробормотал он.

Затем посмотрел по сторонам так, будто впервые здесь оказался.

— Возьми и ты, — он протянул камень Мэлсу.

Тот не обратил ни на что внимания и охотно взял метеорит. Мгновенно с глазами Мэлса случились те же перемены, однако он даже не покачнулся — наверное, был крепче других.

— Ага... — сказал он.

— Пошли, — глухо скомандовал Вилен, и все трое, забыв о нас, удалились каким-то неживым механическим шагом. Камень остался у Мэлса в руке.

3

— Что с ними? — воскликнул Артем, когда художники скрылись из виду.

— Не знаю, — ответил я.

— Я же г-говорил...

— Надо глянуть, куда они идут, — предложил Артем.

Мы догнали их около пивной. На стекле висела маленькая табличка "пива нет", поэтому пиво было и у окошка толпились пьяненькие мужички. Я подумал, что художники остановятся за углом и будут просить кого-нибудь из взрослых купить им запретный напиток, однако они с видом людей, которые хорошо понимают, что делают, прошли мимо и направились в лес к военной базе.

— Зачем они туда? — спросил я.

— Откуда я знаю, — раздраженно ответил Артем и добавил:

— Идем посмотрим.

— А они нас не заметят?

— Мы тихо.

Художники скрылись за деревьями, мы капельку подождали и бросились следом.

...Вот и знакомая полуоткрытая дверь. Там они, нет? Там! Банка с краской, которую только что держал Мэлс, валялась в луже около входа. Даже рябь на воде еще не успокоилась. А почему они выкинули зеленку? Решили, что больше не понадобится? Прекрасно, однако радоваться что-то не получается.

Мы спрятались под кустами неподалеку. Место удобное — нас не видно, зато вход как на ладони. Но что мы хотим увидеть? Как художники через полчаса отправятся обратно?

...Долгие полчаса прошли. Сначала они от страха шли медленно, а затем, когда мы успокоились, побрели еще медленнее и скучнее.

Художники не показывались.

Артем почесал макушку.

— Сидите здесь.

И, не дав нам что-то сказать, осторожно подкрался к окну, за которым мы прятались в прошлый раз, когда памятник батарейками оживляли.

Остановился, послушал. Потом, к нашему ужасу, засунул в окно голову, постоял так, вынул ее и пошел к нам. Уже не таясь, как по улице.

— Их там нет, — сообщил он. — Никого не видно, ничего не слышно. Они не могут сидеть молча и в темноте.

— Если они ушли, то зачем приходили? — засомневался я.

— У них спроси.

— Они т-там — сказал Глеб.

— Откуда знаешь? — хмыкнул Артем.

— З-знаю.

— Неужели?

— Д-да.

Я сел, прислонился спиной у дереву и решил не вмешиваться.

— Что они, заснули, по-твоему?

— Н-нет.

— А почему их не слышно?

— Они где-то д-далеко.

— Там некуда далеко пойти!

— В-выходит, есть куда.

— Голоса по-любому я бы услышал!

— Значит, не п-по-любому.

— Пошли, — вдруг заявил Артем.

— Куда? — опешили мы с Глебом.

— Туда. Проверим, там они или нет.

— А если все-таки там?! — спросил я.

— Убежим!

4

Художников внутри не оказалось. Провалились сквозь землю, не иначе. Мы прошли по коридорам, готовые в любое мгновение дать стрекоча, посмотрели в комнатах, через силу заставляя себя не зажмуриваться, но никого не увидели. Памятника товарищу Сталину тоже не было.

— Ты говорил, что они здесь, — Артем не упустил возможности поддеть Глеба.

— Да, зд-десь, — насупился Глеб, но что толку упираться, когда все очевидно.

Странности все прибывают и прибывают. Художники заглянули сюда на секунду и убежали? Ладно, пора и нам двигать из леса.

5

Не успели мы шагнуть на асфальт, как увидели девочку лет семи.

Она совсем еще ребенок, в отличии от нас, но в данном случае это абсолютно неважно. Ей могло быть и десять, и пятнадцать, и двадцать, она могла оказаться студенткой, школьной учительницей, тетей среднего возраста с вредным лицом наподобие тети "пива нет" и вообще кем угодно, потому что иногда главным в человеке является то, что у него в руке.

В руке она держала пломбир.

Пломбир!

Именно он. В вафельном стаканчике. Завезли сегодня в ларек. А денег у нас нет.

Я и Глеб посмотрели на Артема. Потом сразу отвернулись, но смысл взгляда был очевиден. Где-то в темных глубинах наших душ таилось огромное желание, чтобы Артем сходил к бабушке и попросил денег.

Да, стыдно. Но чистая совесть не приносит большого удовольствия, поэтому Артем отправился продавать ее за шестьдесят пломбирных копеек (не так уж и задешево). Вернулся он скоро — без совести, но с деньгами.

И мы бегом к ларьку.

Вот он, родной. Маленький, беленький, с надписью "мороженое" над стеклянным

окошком. И очереди никакой, чудо расчудесное!

Рядом серый шкаф-автомат газированной воды. Кидаешь монетку, и в стакан наливается газировка — с сиропом или без. За одну копейку получишь обычную воду, за три — сиропную. Но без удара по автомату никакая вода не польется. Почему конструкторы так сделали — загадка. Из-за рукоприкладства бок устройства погнулся, поэтому при ремонте вместо тонкого металла вставили бронированную пластину сантиметровой толщины и подписали — "место для удара". Однако и она сейчас вся помятая.

Газообразная жидкость — ничто по сравнению с тем, за чем мы пришли. Висит на стекле заветная бумажка — "морож. пломб. в ваф. ст. 20 коп", все прекрасно, кроме одного — приколота еще записка, уже нехорошая. "Ушла на базу, вернусь через пятнадцать минут". На какую базу эти продавщицы постоянно уходят? И на сколько в действительности? Они умеют делать со временем все, что захотят, превратить минуту в час для них труда не составит.

Стоим под ларечным окошком, ждем. Народу — нет! Мы одни, если не считать внезапно появившихся невдалеке художников... да что это такое... Все, кончился пломбир, не начавшись.

Идут. Шагают. Выглядят такими же, какими ушли от нас — глаза неморгающие, уставленные в одну точку... Протопали мимо, не остановившись.

От такого мы разинули рты сразу в двух смыслах — переносном и буквальном, причем в буквальном особенно сильно.

В ларьке что-то зашуршало, окошко открылось и раздался голос продавщицы:

— Мальчики! Вы мороженое-то брать будете?

— Д-да, б-будем.

Это не Глеб сказал, а я. Начал заикаться от таких чудес. Чтоб художники не отняли у нас деньги? Немыслимо. Я почувствовал себя космонавтом, увидевшим в иллюминатор плоскую землю на слоновьей спине.

Мы все-таки купили пломбир и отошли в соседний двор.

— В-вот как!

А это уже Глеб.

— Вы глаза их видели? — спросил Артем.

— Угу, — отозвался я, — Такие бывают только у роботов или у механических кукол.

— Да они и двигались, как роботы! — воскликнул Артем. — Солдаты на параде шагают более по-человечески.

— Это все к-камень, — пробормотал Глеб.

— Думаешь? — спросил я.

— Т-точно.

— И что нам делать? — снова спросил я.

— Надо з-забрать м-метеорит и уничтожить.

— Надо, — в этот раз согласился Артем. — Помните, как нам рассказывал дядя Гриша на берегу? С ним что-то такое случилось. И пока та штука не расплавилась, он оставался пришибленным.

— Я х-хотел это сказать с с-самого начала...

— А чего не сказал? — разозлился Артем.

— Н-неудобно было...

— Молодец! — хмыкнул Артем. — Неудобно ему. Тут такое, а ему неудобно.

— А почему метеорит нам ничего не сделал? Иммунитет какой-то?

— Откуда мне знать! — ответил Артем.

6

Мы сели на лавку под деревьями.

— И Павел Федорович! К-который птиц в лесу развешивал! И с ним было т-тоже самое.

— Но это творилось без нашего камня — сказал я.

— Камней несколько, — заявил Артем. — Три — точно. Один дяди Гриши, второй Павла Федоровича, а третий мы принесли. Первые два уже все. Дядь-Гришин сгорел, а Павел Федорича перестал сам собой действовать. Надо уничтожить камень, только и делов. Хотя через какое-то время он и так потеряет власть.

— Но лучше все-таки уничтожить. Правда, это легче сказать, чем сделать, — вздохнул я. — Мы даже не смогли найти, где художники в лесу прячутся.

— А если д-дождаться вечера? Домой-то они придут. Вдруг родители и д-другие люди поймут, что с ними что-то не так.

— Давайте попробуем, — сказал Артем.

— А до этого чем займемся? — спросил я и сам же ответил — Предлагаю пойти на чердак.

7

На лестничной площадке никого не оказалось, и мы быстро залезли наверх. Как тут здорово! В квартире не так. Всегда какое-то напряжение. В любую секунду может зайти мама и что-то сказать. Что-то хорошее, правильное, напомнить, что пора есть или делать домашку, но все равно. Правильное иногда совсем не то, что нужно. Неужели есть люди, которые не понимают, как прекрасно быть свободным и неправильным?

...Чердак на крыше — словно в космосе. Земля с ее проблемами где-то далеко внизу.

В общем, мы отвлеклись и развеялись. Мало что отвлекает и развеивает так, как настольный хоккей.

Потом небо начало темнеть, а мы собираться назад. Возвращаться к прозе жизни. К вторжению инопланетян.

8

...Могли и не возвращаться. Художники в конце дня пришли домой, но на их странности никто не обратил внимания.

Мы прятались за кустами, когда мимо нас прошагал Мэлс и его родители. Они держали путь от служебной двери магазина, и каждый из них нес тяжеленную сумку с мясом. Шли медленно, ничего не говоря и не оглядываясь — то есть, как всегда. Когда они проходили рядом, Мэлс хотел что-то сказать, но отец одернул его — "не болтай", и тот замолчал. Лицо у Мэлса выглядело неживым, не таким, как до метеорита. Без тупой, но человеческой ухмылки.

Вилен сидел за столиком недалеко от дома и играл в домино со своими братьями. Они постарше Вилена на пять-десять лет и с татуировками на разных частях тела. Казалось, что эти тела недавно выпустили из тюрьмы, причем скорее всего не казалось — у него действительно несколько братьев большую половину времени предпочитали жить там. Рядом виднелись его мама и папа, бабушка Владлена и сам Владлен. Они очень дружили семьями. И так же дружно никто не обращал внимания на их неподвижные, холодные как снег, лица.

Нам ничего не осталось, кроме как отправиться по домам, договорившись встретиться

завтра утром, потому что утро вечера мудренее и во сне, как пишут в научных статьях, мозг не отдыхает, а думает. А вдруг, пока мы будем спать, наши мозги независимо от нас отыщут какой-нибудь вариант? Хорошо бы так.

Но не успели мы попрощаться, как увидели под деревом робота дяди Бори-изобретателя. Странно, раньше он никогда не отходил от гаража. Боялся, наверное, ведь робот совсем маленький, до колена. Говорить его дядя Боря не научил, но это было и неважно. Как ни заглянешь в гараж, так одна и та же картина — дядя Боря что-то чинит-паяет, а робот у его ног трется. Обожал он дядю Борю, грустил, когда тот сильно напивался. Смотрел на него огромными глазами и вздыхал. Сейчас он тоже очень печальный.

Мы — к нему, но он испугался и убежал. Что за ерунда, ему всегда нравилось, когда к дяде Боре приходили люди. И нас он знал, особенно меня, потому что папин "жигуль" дядя Боря перечинил сверху донизу. С дядей Борей что-то случилось? Но проверить это не вышло, гараж оказался заперт.

Глава 28 "Международная панорама"

1

...Открывая дверь в квартиру, я подумал, что все-таки стоит рассказать родителям о камне и художниках. Вдруг поверят. Попробовать ведь можно.

Вечером, как всегда, кто-то на кухне, кто-то перед телевизором. Из кухни раздавался звон кастрюль, а не шуршание чертежей, значит, там мама. Ну да, точно — папа в комнате неспешно рвал старые газеты на туалетную бумагу. Рядом на диване лежали ножницы, потому что фотки руководителей коммунистической партии в этом случае полагалось вырезать.

Телевизор показывал интересное, я даже пожалел, что не вернулся пораньше. Путешествие в пещеру Крубера — самую глубоководную пещеру на Земле! Советские ученые героически ушли вниз на тысячи километров и останавливаться не собирались. Еды не хватало, гигантские черви враждебно шипели из темноты, гигантские светящиеся скорпионы преграждали путь, размахивая ядовитыми хвостами, краснотелые гигантские пиявки крались к спящим людям, чтобы незаметно прилечь рядом и выпить всю кровь, а гигантские летучие мыши могли запросто унести человека в черные, еще не исследованные глубины, но небритые и похудевшие научные сотрудники, невзирая на опасности, отчаянно продвигались вперед к бездонным вершинам спелеологии.

Отец поглядывал на экран вскользь, он ждал свою любимую передачу — "Международную панораму". Она шла каждый день в восемь часов вечера по второму каналу.

Наконец раздалась знакомая всей стране тревожно-вибрирующая мелодия, папа отложил ножницы с чьей-то недорезанной головой, подался вперед и замер.

В телевизоре замелькали города, автомобили, корабли, толпы людей, и по очереди заговорили два голоса — мужской и женский.

— Сегодня в передаче, — сказал закадровый мужчина, — события недели.

Его сменила невидимая женщина.

— Хроника. Факты. Комментарии.

Из всей передачи мне нравилась только мелодия заставки. А остальное... всегда одно и то же.

— Нет войне.

— Мир должен быть сохранен.

— Сложные зигзаги. Политика США в Азии.

— Опасный синдром. Репортаж из Ганновера.

— Культ наживы и его поклонники.

— Нью-Йорк — город контрастов.

— Над Парижем солнечное небо, но невеселы лица простых парижан.

— Ведет передачу политический обозреватель Владимир Ухтин со своими помощниками — роботами Филиппом Валентиновичем и Степаном Генриховичем.

Музыка прекратилась, голоса замолкли, и на экране появились ведущие.

— Здравствуйте, товарищи, — произнес Владимир, аккуратно причесанный и одетый в неизменно-темный костюм дядя лет пятидесяти пяти.

По бокам от него сидели маленькие человекообразные роботы в таких же костюмах и

галстуках. Рыжеволосого звали Филиппом Валентиновичем, а светленького и интеллигентного — Степаном Генриховичем.

— Здравствуйте, — сказали они.

— Антивоенные протесты, заседание совета безопасности стран Варшавского договора, столкновения в Бейруте — таковы приметы прошлой недели, — сообщил ведущий. — А теперь подробнее об этих и других событиях.

Он заглянул в лежащий на столе лист бумаги.

— В то время как наша страна делает все, чтобы предотвратить сползание человечества к войне, отстоять и упрочить мир, заокеанские ястребы продолжают нагнетать напряженность, невзирая на голоса своих граждан. Уже седьмой год в Вашингтоне перед Белым домом продолжается голодовка доктора Чарльза Вайдера, требующего прекратить гонку вооружений.

В телевизоре возник сидящий на асфальте помятобородатый доктор на фоне плакатов с красными надписями. Он что-то объяснял окружившим его журналистам.

— Удивительная по своей наглости фальшивка появилась в западных газетах, — нахмурился Владимир, — пропагандистами разных мастей усиленно муссируется слух, что президент одной африканской страны, выбравшей социалистический путь развития, не умер своей смертью в результате очередного военного переворота, а был насмерть задушен специально обученными простыми советскими пионерами по многочисленным просьбам африканских трудящихся, которые оказались недовольны серьезными перегибами во внутренней политике в области каннибализма. Нужно ли вообще комментировать такие заявления лезущих из кожи вон буржуазных борзописцев?

— Не-а, — помотал головой Филипп Валентинович.

— Ни в коем случае, — закатил глаза Степан Генрихович.

— А сейчас последуют тяжелые кадры. Уведите детей от экранов, если они случайно находятся в комнате во время взрослой телепередачи. Увели? Тогда смотрите и ужасайтесь. Вот американская домохозяйка вышла из магазина, так ничего и не купив; вот пожилой американский пенсионер считает свою мизерную пенсию, не понимая, как жить на нее, и это он еще не догадывается, что доллар в ближайшее время ждет крах и все его сбережения превратятся в пыль, а вот усталый американский чернокожий идет по улице. Куда он идет, не знаю.

Я тоже пошел в ванную мыть после улицы руки. Мыл долго, тщательно, тянул время. Вернувшись в комнату, остановился в дверном проеме — оттуда телевизор был немного виден.

— Скажите, дядя Володя, то есть Владимир Иванович, а правда, что социальное неравенство является самой сутью капиталистической системы? — хлопая ресницами, спросил Степан Генрихович.

— Конечно, — ласково улыбнулся ведущий, — ты молодец, все понимаешь, как надо. А теперь давайте посмотрим документальный фильм о забастовке рабочих на военно-фармацевтической корпорации. Они вынуждены влачить жалкое существование, пока на их трудовые гроши жируют так называемые хозяева жизни, но терпению когда-то настанет предел.

Он приобнял роботов и в телевизоре показалась молчаливо бредущая толпа рабочих. Движения людей выглядели неестественно, головы свешивались набок. Странные в Америке рабочие. А потом зазвучала финальная песенка "панорамы".

Под мостом спит безработный, крепко спииииит,
На сыром куске картона он лежиииииит,
Он голодным спать ложится,
Ну и что ему приснится?

И дальше в том же духе.

2

Грустная песня. Но когда слышишь ее в тысячный раз, уже не грустная. Душа черствеет и не сочувствует. Тем более, что сейчас у меня должна состояться важная беседа с родителями.

Я решил зайти издалека.

Но не очень.

— Папа, — спросил я, — а метеорит может занести на Землю инопланетную жизнь?

— Ерунда, — отрезал отец. — Нет в космосе никакой органической жизни и быть не может.

Мама услышала наш разговор, выглянула из кухни.

— А неорганической? — настаивал я. — Какой-нибудь странной? Похожей на камень?

— Чушь полная, — сказал папа, а мама в ответ просто скрылась на кухне. — Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Опять ты начитался своей фантастики. Жизнь — она здесь и в телевизоре. В той же "международной панораме", которая хоть и не для твоего возраста, но кое-что в ней понять нетрудно, даже не обладая жизненным опытом.

— А дед не верил в "панораму"! — разозлился я.

— Он много во что не верил, — вспыхнул отец. — Да, "панорама" преувеличивает, но лишь затем, чтоб ее поняли не самые умные зрители. Суть она передает верно. Идет борьба двух систем, нашей и капиталистической, и лучше быть за наших. Надежнее и спокойнее. Думаешь, у Америки в ее телевизоре все гладко? Там наверняка по Москве медведи бродят! На это нужно чем-то отвечать. В идеологическом соревновании побеждает тот, кто лучше совет. Надеюсь, мы лидируем, но темп сбавлять нельзя! Только ускоряться и ускоряться.

Отец надул губы и снова взялся за ножницы.

— А про деда мы еще с тобой поговорим, — с тенью обиды сказал он. — Нашел себе кумира.

3

Я поужинал и отправился спать. То есть сообщил родителям, что не выспался и ложусь, а сам просто закрыл дверь в свою комнату. Я догадывался, что отец слушать меня не будет, но все равно неприятно. И мама... Посмотрела и ушла. А самым плохим было то, что папа про деда сказал. "Кумир"! Никакой он мне не кумир. Всего лишь добрый, интересный и умный. Не такой, как все. Быть другим — подвиг, который совершается каждый день.

На улице начинало темнеть, я включил лампочку в торшере и решил что-нибудь почитать. Хотя что, если все не по одному разу читано? Уже всю фантастику выучил, как Глеб карту Москвы. Где новые книги? Почему в стране так мало хороших писателей? В Америке тоже немного, ну и что с того? Если где-то плохо, почему у нас должно быть точно так же?

Может, как вырасту, сам что-нибудь напишу. А может, буду работать инженером на дурацком заводе и до ночи рисовать чертежи на кухне. Не поэтому ли писателей раз-два и

обчелся? Или они не нужны? Пустота в холодильнике заметна, а что какая-то книга осталась несуществующей — нет.

Ну, поживем-увидим. Сейчас главное — борьба со злобным метеоритом, который мы притащили в Москву. Открыли инопланетную жизнь, ага.

Важно то, что такие метеориты на Землю уже падали. Дядя Гриша и Павел Федорович могут подтвердить. Однако со временем камни теряли силу, и ужаленные ими люди обратно становились собой.

Но почему на нас метеорит вообще не подействовал?

4

...Уже засыпая, я услышал, как мама тихонько говорит папе:

— Мы что-то делаем неправильно.

Голос такой, будто у нее слезы.

— О чем ты? — спросил отец.

— Обо всем.

Отец вздохнул, потом сказал:

— Давай спать.

И наступила тишина.

1

Утром следующего дня выяснилось, что ни меня, ни Артема, ни Глеба за ночь никакие умные мысли не посетили. И что теперь? Продолжать следить за художниками? Только и остается.

Мы целый час сидели на лавочке и болтали о всякой ерунде, стараясь не вспоминать о метеорите. Как в математике — "три пишем, два в уме". Так и здесь — говоришь об одном, а на уме другое, и оно побольше первого во много раз.

Потом все-таки стали обсуждать инопланетную угрозу и склоняться к мысли, что надо ничего не делать и подождать, пока метеорит сам зачахнет и отпустит людей.

А дальше случилось вот что.

— У Игоря в повести про Комбинат сторож охранял ворота и ни о чем не думал. Не знаю, похоже или нет, — сказал Артем.

— Поехали к Игорю, попросим у него совет.

— Очень смешно, — буркнул Артем, — давай адрес. Едем.

— Ад-дрес есть, — вдруг сообщил Глеб. — Я его на военной б-базе в к-компьютере нашел. Но...

У меня и Артема глаза стали размером с блюдце.

— Чего же ты молчал?! — воскликнул я.

Глеб опустил голову и уставился в землю.

— А это точно Игорь? Может, однофамилец, — засомневался я.

— Б-было н-написано, что он автор т-той книги, — продолжая смотреть вниз, тихо ответил Глеб.

— Тогда поехали, — сказал Артем. — Только будет ли он с нами разговаривать. Мы о нем не знаем ничего.

— Будет, — заверил я. — Тот, кто пишет фантастику, не может оказаться плохим человеком. Если, конечно, он не пишет плохую фантастику. О каждом человеке можно сказать, хороший он или плохой, прочитав написанные им книги.

— У нас есть деньги на проезд? — спросил Артем и сам ответил:

— Нет. Пойду к бабушке.

2

Через двухминутное мгновение он вернулся с монетками в кармане. Мы добежали до автобусной остановки, сели в автобус и быстро очутились у ближайшей станции метро.

Это я предложил ехать не на воздушном трамвае, а на подземном.

Мне нравятся мрачные каменные залы и выезжающие из темноты поезда. Подземелья похожи на другой мир, таинственный и чужой. Живущий по своим законам.

Из метро Москву видно не хуже, чем с воздуха, потому что в вагоне ты рано или поздно закроешь глаза и начнешь ее представлять, то есть выдумывать. Ничего страшного, ведь любой город выдуман! Откуда нам знать, что на самом деле происходит за окнами и куда действительно спешат люди? Может, газеты и вывески обманывают. Спице, говорят, граждане, ни о чем не переживайте.

С закрытыми глазами я часто вижу Москву ночной, темной, не расцвеченной огнями. Москва закрытых глаз пустая, без людей. Стоят вдоль дорог брошенные автомобили и ветер

гоняет пыль по тротуарам. Как на том рисунке, который показывал мне дед.

3

А дом писателя, между прочим, в самом центре. Три минуты пешком — и Красная площадь. Этажей вроде немного — двенадцать, но он вдвое выше наших домов. До потолка со спинки дивана в этих квартирах не дотянешься и не допрыгнешь. Хотя посередине Москвы почти все здания именно такие, огромные и тяжелые, как средневековые замки.

Автомобилей под окнами миллион, и одни недешевые "волги". К ним затесалось несколько "чаек" и три иномарки: "Мерседес", "БМВ" и еще какая-то, не понял, что за модель. Столько иностранных машин вместе, обалдеть! Носы у них тонкие, приплюснутые, чтоб через воздух не продираться, как танк, а рассекать его по-самолетному. Классно, наверное, так ездить.

Подъездные двери — высоченные, полированно-деревянные, с бронзовыми ручками. Я видел похожие и раньше, но внимания не обращал — двери, как двери, хотя и дорожные, а теперь, собираясь их открыть, понял, какие они.

Недружелюбные. Холодные. Ледяные даже. Не для того поставлены, чтоб всем открываться.

Поглядывает дом снисходительно на нас. Зачем вы здесь, спрашивает. И что ему сказать?

Мы собрали волю в кулачок и зашли.

Нас повстречала громадная каменная лестница с коваными перилами. Слева на площадке, разделяющей ее на две части, не прячась притаилась стеклянная будка-аквариум с толстой пожилой тетенькой-вахтершей вместо рыбки. На столе у нее крошечный голограммный телевизор, и смотрит она, судя по специфическому выражению лица, "Москву, слезам не верящую". Смотрит, слезы вытирает.

Мы заглянули в окошко.

— Чего вам, — спросила вахтерша, шмыгая носом.

— Мы хотели поговорить с писателем... — начал было Артем.

— Ничего вы не хотели, — сообщила вахтерша, промокая глаза платочком. — В доме квартиры уважаемых людей, никому вы здесь не нужны. Подите прочь, маленькие оборванцы.

Мы застыли от возмущения. Что ответить — не знаем.

Но тут раздался голос. Какая-то женщина спускалась по лестнице и все слышала.

— Любовь Терентьевна, почему вы так говорите с детьми? — сказала она, и у вахтерши от испуга высохли слезы, она вжала голову в плечи и будто собралась бежать.

— Виновата, Виктория Николаевна, не подумала, больше никогда...

В лестничной полутьме мы почти не увидели женщину, один силуэт на каблуках. Но вот она сделала несколько шагов, вышла на свет, и мы замерли.

Какая она красивая!

Ей лет тридцать или меньше. Высокая и стройная. Какие есть слова для описания красивой тети? Они подходят сюда все, кроме слова "фигуристая", но без него можно вполне обойтись и быть счастливым.

Волосы у нее короткие, светлые, а глаза — большие, даже огромные. Синие и прозрачные, как небо, хотя небо непрозрачное, и глаза ее, конечно, тоже.

С вахтершей она строго разговаривала, но лицо у нее не строгое. Доброе и задумчивое. Грустное. Нос тонкий, а губы — не очень...

Не хочу много говорить. Только скажу, что будь она не настоящей, а нарисованной, то художник бы долго ее выдумывал. Мучился, не спал, ждал вдохновения и дождался. А чтоб не умереть с голоду, быстро рисовал другие портреты, тоже красивые, но почти одинаковые, и продавал их тем, кто не отличит настоящее от сделанного по шаблону.

— Ребята, кого вы ищите? — это тетя уже нам.

— Игоря, писателя, — ответил я.

— Идите со мной, — помолчав, сказала она, и мы послушно отправились к лифту.

Он, как выяснилось, сильно отличался от тех, которые в наших домах. В сторону объема отличался и в сторону чистоты. Нет, у нас в лифтах тоже чисто, но здесь — чисто-чисто-чисто. Аж блестит все. Кнопки не пластмассовые, а латунные, и лампа из-за ажурной решетки горит. Да этот лифт как пять обычных стоит! Не сэкономили при строительстве.

Я разволновался и не посмотрел, на каком этаже остановились. Высоко где-то. Потом два десятка шагов — и тетя ключом открыла дверь квартиры.

Перешагивая порог, я почему-то ожидал встречи с дурацкой роскошью. Все в хрустале, позолоте, шторы из ткани сантиметровой толщины, узорчатый потолок, как у средневекового короля Людовика не-помню-какого-по-счету, страшно злого оттого, что ему каждый день приходилось просыпаться словно в богатой советской квартире.

А тут воздух! И свет! Большие окна, высоченные беззавитушечные потолки. Ковров нет! Совсем нет! Ни на полу, ни на стенах. И кружевных салфеток не видать! Вообще! А уж я-то знаю, как они умеют размножаться. Бактерии и плесень так не способны. Забыть одну на полке — через неделю они на каждой горизонтальной поверхности будут с наслаждением пыль собирать.

Мебель светлая, стоит там, где ее поставили, не надувается жабой, пытаюсь занять больше места. Скромная, но дорогая, деревянная настолько, что дальше некуда. Думаю, не из советских деревьев сделана. Изнутри шкафов никакие чашко-тарельчатые сервизы сквозь стекло на тебя не тарашатся. Хоть глаза протирай, не веришь, что такое бывает. Чтоб главный в доме человек, а не вещи.

Сколько же в квартире комнат? Не две точно. Несколько раз по две, не меньше.

— Проходите, не разувайтесь, — сказала тетя. — Чаю хотите?

Мы молчали, потому что чувствовали себя неудобно. Тетя улыбнулась.

— Хотите, вижу. Идите сюда, — пригласила она, и мы зашли на кухню. Но на кухне оказалась не кухня, а столовая. Самая настоящая, безо всяких кухонных плит и холодильников.

Расселись, ждем, а в голове обрывки мыслей скачут. Кто эта женщина? Зачем она нас сюда привела? Она знает писателя? Номер квартиры с перепугу никто не посмотрел, но, может, это его квартира? Тогда где он сам?

Пока тетя звенела посудой, в столовую робот-пылесос заглянул. Наверное, посмотреть на нас. Он такой же, как лагерный, но партию в шахматы не предложил. А потом приехал другой робот, четверорукий, принес чашки, блюда, шоколадные конфеты, и тетя налила нам чай. Вкусный! Пахнет, не как чай. То есть, не как тот, к которому я приучен. И конфеты классные, завернутые в серебряную фольгу, с целыми орехами внутри.

— Почему вы хотели найти Игоря? — спросила тетя, когда мы выпили по чашечке и рассказали, как кого зовут. Она, кстати, попросила называть ее Викой. Ну, хорошо! Мало кто с нами так просто общался. Но мы к ней все-таки на "вы", разумеется.

— Мы прочитали его книгу! — ответил я.

— Понравилась?

— Да, очень. Ничего интереснее нам не попадалось!

— Не рано ли вам читать такую литературу?

— Нет! Мы на самом деле больше, чем кажемся!

А Глеб все время молчал и сидел, как статуя. Из чашки сделал всего пару глотков, а конфеты и вовсе не попробовал.

— Игорь говорил, что его никто никогда не будет читать. — задумчиво сказала Вика.

— Вы... знакомы с ним? — спросил я.

— Да, — ответила Вика. — Я его жена. Он умер в прошлом году.

4

...Почему-то я оказался готов к этим словам. Есть внутри тебя что-то серьезное, взрослое, знающее больше, чем ты. Не напоминает о себе и появляется, только когда действительно нужно.

Поэтому я не заплакал. Опустил глаза, и все.

— Пойдемте, — сказала Вика.

...Комната, в которую она нас привела, отличалась от других.

Завешенные темными шторами окна, стол с печатной машинкой, несколько кресел, диван и перед ним еще один столик, низенький. Телескоп на подоконнике. Маленький, словно игрушечный, но мы в телескопах разбираемся и сразу поняли — прибор мощный. Вдоль стен шкафы черно-серого цвета, а в них много-много книг. Художественные и научные, некоторые даже на иностранных языках. Стремянка в углу, чтоб до верхних полок добираться. Я бы с нее не слазил, чтоб времени не терять. Прочитал книгу, положил обратно, и сразу другую взял. Хотя нет, слазил бы в телескоп посмотреть.

А на столе в рамочке черно-белая фотография. Темноволосый мужчина лет тридцати пяти — сорока. Догадаться, что это Игорь, проще простого. У нас глаза не от мира сего, а у него вообще из другой галактики. Миллионы световых лет надо потратить, чтобы добраться до нее. Если она, конечно, существует.

— Вернемся в столовую. Мне тяжело здесь, — попросила Вика.

5

— Я пианистка. Закончила музыкальное училище, но эта профессия в Москве не слишком нужна, поэтому я еще отучилась в институте... и работала бухгалтером, — сказала она, когда снова сели за стол.

Мы молчали.

— Хотите кое-что послушать?

Она принесла магнитофон, нажала на кнопку и полилась странная музыка. Я такой раньше не слышал. Черная, гипнотическая, подкрадывающаяся со всех сторон, как звуки космоса. Великолепно. Ну почему такую по телевизору не включают.

— "Дак амбиент". "Темная окружающая". Обычно он слушал именно ее.

Потом Вика долго смотрела в окно.

— Я расскажу вам об Игоре.

И глаза у нее от воспоминаний стали совсем красивые и грустные.

6

— Мы познакомились на улице. Несколько лет назад, осенью. Незадолго до этого я разошлась со своим мужем. Давно хотела уйти, но никак не могла решиться. Человек страшно гордился тем, что он руководит отделом в одном министерстве... и больше сказать

о нем нечего. Я переехала в квартиру, которая осталась мне от родителей. Чувствовала себя странно — никого не хотелось видеть, но когда приходила после работы домой, сразу включала телевизор, чтобы немного заглушить тишину.

— В тот вечер я сидела в парке на лавочке. Рядом не было ни одного человека. Все исчезли. Пусто в городе... и на душе. А потом увидела его. Он шел мимо, быстрым шагом, куда-то спешил, но вдруг остановился и начал пристально смотреть на меня. Я не испугалась. Меня поразили его взгляд — удивительный, необычный... такой бывает только у сумасшедших или у очень умных людей.

— Дайте мне что-нибудь. Какую-нибудь вашу вещь. Любую безделушку, — сказал он.

— Зачем?

— Так надо.

Я нашла в сумке заколку и протянула ему. Он взял ее, подержал в руках и аккуратно положил в карман.

Я рассмеялась от того, с какой серьезностью он прятал заколку. Вдруг стало очень легко. Ниоткуда пришло хорошее настроение.

— Я забрал ваше одиночество. Теперь оно будет со мной и не доберется до вас.

Ничего более странного в своей жизни я не слышала, но почему-то не удивилась. Только спросила:

— А как же вы?

— Не переживайте за меня. Слова "одиночество" и "ночь" похожи, а я привык к темноте, — произнес он в ответ. — Ночью лучше видно. Мелочи исчезают, а важное остается.

Он улыбнулся, а затем стал немного другим, смущенным, растерянным, и начал извиняться за свое, как он сказал, "вторжение".

— Но я на самом деле украл ваше одиночество.

— Спасибо, — ответила я. — Так и есть, оно исчезло. Кто вы?

Он посмотрел в сторону.

— Писатель, — сказал он, и грустно добавил:

— Наверное.

7

...А потом они гуляли по Москве. Выяснилось, что сборник повестей и рассказов Игоря никак не хотят публиковать, и сейчас он возвращался из издательства с очередным отказом.

Вика попросила его дать почитать книгу.

— Это фантастика, ее не все любят, — осторожно сказал он, протягивая рукопись.

Месяца два они встречались. Обычно в этом парке. Сидели на лавочке и разговаривали.

Он выглядел как человек, которого можно не опасаться. С ним было хорошо. И книга показалась Вике любопытной, хотя она действительно мало смыслила в фантастике.

Выяснилось, что они учились в одном институте, только Игорь на десять лет раньше и на математическом факультете. Закончил его с красным дипломом, однако точные науки ему не нравились. Отец Игоря, Сергей Владимирович (большой начальник, директор Московской электросети), считая литературу занятием несерьезным, вынудил его в свое время поступить на математический.

Через пару недель Игорь познакомил их. Его отец, несмотря на возраст, оказался очень энергичным. Быстро ходил, быстро говорил, своего водителя заставлял ездить как можно быстрее. Спешка являлась у него стилем жизни. Коренастый и широкоплечий, будто с

нескончаемой батареей внутри, Сергей Владимирович невероятно отличался от Игоря. Он жил один где-то неподалеку, оставив эту квартиру сыну. Мать Игоря погибла в автомобильной аварии, когда он еще учился в школе.

Сергей Владимирович устроил Игоря инженером в Министерство тяжелой промышленности, на "нетрудную работу", раз уж он "из-за любви к книгам" не захотел делать карьеру, и до сих пор помогал ему. Решал все вопросы — и простые, и сложные. Например, однажды Игоря задержала милиция. Он нес "самиздат" — запрещенные книги по истории, его почему-то остановили и увидели их. Могли быть тяжелые последствия, но вмешался Сергей Владимирович. Когда Игоря отпускали из отделения, милиционер сказал ему "что же вы позорите великого отца".

Сергею Владимировичу Вика нравилась. Он радовался тому, что они начали встречаться, а затем поженились. Он любил Игоря, просил заботиться о нем. Говорил, что Вика, может, вернет Игоря на землю.

А потом сердечная батарейка все-таки кончилась и Сергей Владимирович умер. Никто не ожидал. На здоровье он никогда не жаловался.

Игорь очень грустил по нему, хотя они часто ссорились и более разных людей на свете, наверное, не отыскать. Он, в отличие от своего отца, считал неважным все, кроме литературы. Карьера, деньги, положение в обществе, уважение людей — по его мнению, миражи, и не больше.

Игорь был тихий, спокойный и самый добрый из всех людей, которых Вика встречала. Правда, любил подшутить. И еще он ничего не боялся. Большинство своих высокопоставленных соседей презирал и не скрывал этого. За глупость, высокомерие, любовь к роскоши и за многое другое.

Однажды он и Вика на лестнице встретились с жившим этажом ниже пьяным начальником департамента по делам культуры. Огромным, мордатым и злым. Он часто напивался, и в таком состоянии все старались обходить его стороной.

— Кем ты нас считаешь? — вдруг спросил он и схватил Игоря за воротник.

— Тем, кем вы являетесь, — спокойно ответил Игорь, глядя ему в глаза.

И тот опустил руку, молча отвернулся и ушел.

...Спустя полгода после знакомства Игорь и Вика расписались, но свадьбу не играли. Игорь отказался наотрез. Свадьбы и другие мероприятия, на которые приходит много людей, он не выносил.

...Каждый вечер Игорь прибежал с работы и кидался к своим бумагам. Писал, переделывал, но его по-прежнему не хотели печатать.

После издательств он возвращался почти больной. В одном из них девушка-помощник редактора с улыбкой сказала ему "опубликуйте несколько рассказиков в каких-нибудь журналах, тогда у вас появится больше шансов, хотя можете и не публиковать, к нам такие, как вы, сотнями ходят", "неизвестные авторы никому не интересны, а делать вас известным нет ни сил, ни желания".

— Людям я не нужен, — говорил Игорь.

Затем ему помог отец. Это случилось незадолго до смерти Сергея Владимировича. Один звонок — и книгу напечатали, хотя и небольшим тиражом. Увы, она осталась незамеченной. Большую часть тиража раздали по библиотекам или отправили в макулатуру.

Несмотря на это, Игорь продолжал писать. Так прошло два года, во время которых он почти не выходил из своего кабинета. Считал, что обязан сделать что-то важное.

— Мир мал и хрупок, — часто повторял он.

— Успокойся, войны не будет, — успокаивала его Вика.

— Я о другом.

— Неужели ты хочешь спасти мир? Ты же не ребенок.

— А что, мир спасают только дети? — улыбался Игорь.

Вика не понимала его, а он не пытался объяснять. Или не мог. И все больше замыкался в себе.

Она пыталась вытащить его, как сказала, "из темноты". Уговаривала соединить литературу и жизнь. Хотела, чтоб у них были дети. Но он отвечал — "я не знаю, что сказать своему ребенку".

А дальше стало еще хуже.

У Игоря началась депрессия. Он почти не спал. Уходил ночами в свой кабинет и смотрел на звезды. Таблетки не помогали. И еще он чувствовал вину. Казался себе слабым, никчемным, бесполезным. "По-хорошему, стоит бросить книги и жить, как все люди, а я не могу".

Иногда он просил Вику взять его за руку. "Не спрашивай ни о чем, просто не отпускай меня, пожалуйста". Могло показаться, что он вот-вот заплачет, но он не плакал. Когда приступ проходил, Игорь долго извинялся перед ней.

— Я ломаю тебе жизнь.

— Не говори глупостей, — отвечала Вика.

А потом он ушел. Уволился с работы, забрал кое-какие вещи, рукописи и ушел. Не предупредил, не попрощался, не сказал, где будет жить. Оставил дарственные на квартиру, банковские счета и непонятную записку. "Все, что не вечно, бессмысленно".

Вика искала его. Писала заявления в милицию, обходила знакомых. Никто не знал, где он, а Москва огромная. И все-таки она нашла Игоря, но было уже поздно. Он умер, отчего — неизвестно. Так сказал врач "скорой помощи", приехавший на вызов.

Она узнала о его смерти в ту ночь, когда это произошло. Вернулось одиночество и Вика все поняла.

8

— Я знаю, что случилось, — сказала Вика. — Космос забрал его к себе. Звучит нелепо, но это правда.

Мы с минуту сидели молча, в тишине.

— М-можно... адрес... т-тот, второй... — попросил Глеб.

— Хорошо, — ответила Вика, — и возьмите еще телескоп на память. Я видела, что он вам понравился. А теперь уходите. Мне надо жить дальше.

9

...Выходя из лифта, мы столкнулись с каким-то дядей в дорогом костюме (я в цене костюмов не разбираюсь, но тут все настолько очевидно, что можно не разбираться). На руке дяди — золотые часы, а в руке — красные, красивоароматные цветы. Он не то чтобы молодой, но и не старый, очень напоминающий дядю из ресторана Останкинской телебашни, который сидел за столиком рядом с тетей в коротком сверху платье, что-то кушал и что-то предвкушал.

Я догадался, что он идет к Вике. Вот что она имела в виду, говоря "мне надо жить дальше". На душе стало совсем грустно, но я понимал, что она права. И Вика, и душа.

— Нам на д-другой конец г-города, — сказал Глеб. — Точнее, на край.

Он знает, как доехать. У Глеба есть огромная бумажная карта Москвы — со всеми крошечно нарисованными домами, домиками, улицами и переулками. Если ее развернуть, займет всю комнату. Он помнит ее целиком. Мы с Артемом однажды устроили проверку — называли какой-нибудь адрес и спрашивали, что находится поблизости. Глеб отвечал без запинки.

Лицо у Глеба сейчас виноватое настолько, что не передать. Он видел в компьютере отметку о смерти писателя, но нам об этом не сказал. Не смог.

Но упрекать его никто не будет. Ничего объяснять тут, мне кажется, не надо.

11

И мы отправились в метро. Туда, где нет солнца, где из темных пещер выползают змеи-поезда, и откуда можно увидеть город, только закрыв глаза.

12

После нескольких пересадок и получасовой ходьбы мы оказались на месте.

Дом, в котором жил Игорь, был черным и обшарпанным. Деревянный, словно обугленный прямоугольник высотой в два этажа. Гораздо запущеннее тех зданий, мимо которых мы шли с дедом после Останкино. Двор тоже тоскливый — простенькие некрашенные лавочки да засохшие деревья. И местные мужички в небе не парят, не оживляют картину. Людей вообще нигде нет.

Наверное, дом построили еще до войны. Но до какой? До захвата Москвы французами? Монголами с Золотой орды? Или его зачем-то специально состарили, как бронзовую статуэтку?

Рядом — такие же дома, а один из них совсем ужасный, с провалившейся крышей и дырами вместо окон. Стены покосились настолько, что Пизанская башня упадет от зависти. Когда его состаривали, слишком много усердия приложили. Сверх меры перевели стрелки назад, оттого в этих комнатах еще питекантропы обитали.

Но мы не археологи, поэтому пошли к дому Игоря и поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж. Людей так и не увидели. И не слышно ничего, кроме ветра-сквозняка. Даже страшновато стало.

Свернули налево и попали в длинный темный коридор. Пещера, честное слово! Лампочек нет, только вдали мутное окошко. Как странно — дом маленький, а коридор огромный, в разы больше его. Пятое измерение приспособили?

Дверей — уйма. Одна около другой. Квартиры такие крохотные? Или их тоже увеличили пятым измерением? Нет, не увеличили. Квартира в самом конце оказалась нежилой и открытой. Заглянув, мы поняли, что все выданное со склада измерение истратилось на коридор.

Ладно, будем искать нужную нам дверь. Номера приколочены не везде, поэтому высчитываем. Вернее, Глеб высчитывает, а мы помогаем ему тем, что не мешаем.

Высчитал. Вот она. Рядом с лестничной клеткой. Надо звонить.

— Ну откроют нам, и что мы скажем, — поразмыслил я.

— Н-не знаю.

— И я тоже.

— Значит, звоним, — ко мне вдруг нагрянула решительность.

Но звонок не работал, пришлось стучать.

Дверь распахнулась, и на пороге возник парень лет двадцати пяти, долговязый,

кучерявый, с наглой и недовольной рожей.

— Чего? — спросил он.

— Понимаете, — начал объяснять я, — в этой квартире жил Игорь, писатель.

— Жил, — ухмыльнулся парень, — работал кочегаром в котельной, потом умер, и теперь здесь живу я. А вы кто, читатели? Поклонники его творчества?

— Да, — ответил я.

— Тогда слушайте, — сказал парень. — Ваш Игорь был полный придурок. Больной на всю голову. Он оставил квартиру в центре Москвы!

— К-кто вы, чтобы т-так отзываться о нем?

— К-кто я? — передразнил Глеба парень. — Алексей! Для вас Алексей Иванович! Я журналист в одной известной газете! Уже целый год! Уехал из Подмосковья, долго мыкался, где только не работал, но теперь стал человеком. Скоро мне дадут квартиру получше этой. А в будущем я перееду в другую, еще лучше, а потом еще и еще! Для этого вкальваю, как проклятый. Слезами вверх не пробьешься. Этот город верит одним деньгам. А у вашего Игоря было все! Даже жена, красивая — чокнуться можно, видели б вы ее. Она его почему-то любила! Приезжала сюда, узнав, где он, да слишком поздно. Хотя зачем искала его, если и так ей квартира досталась. Тоже какая-то со странностями. Не сделал ее квартирный вопрос правильным человеком. Не согласны? Чего молчите? Нечего сказать? Эй, тут к писателю пришли!

Последние слова предназначались соседям, и они возымели действие — все двери в коридоре открылись. Одновременно, по волшебству. Из них высунулись головы, оценивающе посмотрели на нас, а затем вслед за головами наружу явились и туловища.

Из квартиры напротив выбрался маленький полулысый дядя в трико с отвислыми коленями и растянутой майке "алкоголичке". Эти элементы одежды удивительно хорошо сочетались, как брюки и пиджак в костюме-двойке.

Из другой квартиры вышел рослый детина лет тридцати в спортивных штанах и свитере-мастерке, напоминающий актера, загримированного для роли жулика, а поскольку он наверняка не гримировался, то просто жулика.

Из третьей — круглопузый гражданин в сапогах с заправленными в них штанами, в тельняшке и моряцкой бескозырке, до того толстый, что тельняшка не могла скрыть живот и превратилась в женский топик. Лицом дядя обладал тоже упитанным и в сумраке оно мало отличалось от живота, который он непрерывно почесывал.

Из следующей двери выскочила немолодая тетя с безумным взглядом и прической из бигудей. Волос, если они и существовали, видно не было. Казалось, что бигуди растут прямо из головы, как змеи у Медузы Горгоны.

Взгляд второй, похожей на нее тети из квартиры рядом оказался не менее безумен, но вместо бигудей главной деталью ее облика была едкопахнувшая кастрюля в руках, в которой она непрерывно помешивала ложкой.

Поскольку лампочки в коридоре отсутствовали, а свет доносился только с лестницы и доносился недалеко, мы увидели одни силуэты вышедших из остальных дверей, хотя даже силуэты своей формой внушали опасения.

Дом многоголово проснулся и открыл глаза.

— А чего они к нему пришли, если он умер, — сказала бигудинная тетка.

— Сразу было видно, что он не жилец. Слишком странный, чтоб жить. — поддакнула ей та, что с кастрюлей.

— Все проблемы от писателей! — заявил жуликообразный. — Они не работают, а пишут! Тунеядствуют! А я работал! Этими руками построена электростанция! Когда сидел за грабеж, менты на строительство отправили, сволочи!

— Почему вот я не пишу книги? — произнес дядя в костюме алкоголика. — Да потому что я — нормальный человек. Мне даже справку выдали. Пробовал вместо тюрьмы в психушке отсидеться, но не вышло, диагноз врачей — вменяем. И, от лица всех нормальных, скажу так: мы не книги читаем, а телевизор смотрим.

— На крейсер к нам надо было его! Враз отучился б писать. День палубу подраишь, и к вечеру все буквы из головы вылетают. То, что доктор прописал! Лишние мысли вредны для пищеварения. Малые знания — многие радости, — сообщил морячок.

— Он не от мира сего! — провозгласил отвисло одетый дядя. — Не захотел жить полюдски и не заслужил нашего уважения.

— Не от сего мира! — одобрил его слова жулик.

— Да! — сказал моряк и хлопнул себя по животу, отчего жир пошел волнами, как вода от брошенного камня.

— Точно! — воскликнула тетя с бигудями, и они на ее голове будто зашевелились и зашипели.

— Вообще не от него! — уверила вторая.

В этот момент из кастрюли кто-то попробовал вылезти, женщина отложила ложку, и, как мне показалось, шмякнула его ладонью по макушке, предотвратив побег, после чего снова принялась мешать.

Силуэты в темноте молча кивнули.

— Не отвлекайте нас от важных дел, — произнес жулик, и все скрылись в своих квартирах. Коридор затих и опустел.

— А где котельная, в которой Игорь работал? — громко спросил Артем.

Двери снова одновременно распахнулись, но люди не вышли, а только высунули руки с оттопыренными указательными пальцами.

— Там! — сказали руки и спрятались обратно.

13

...Котельную нашли за пять минут. Не узнать ее было невозможно — небольшой краснокирпичный домик, каменная труба и угольная горка у стены. Дверь закрыта. Постучать? Опять-таки, зачем? Зачем мы тут? Однако постучали. Никто не ответил, и мы без спроса открыли дверь.

Внутри — темень, ничего не видно, лишь в топке огонь колышется. Потом издали послышался голос. "Кто там?" Мы отошли от двери и появился человек с перемазанным сажей лицом. Даже непонятно, сколько ему лет и как он на деле выглядит. Запомнилось, что он хромал, подволакивал левую ногу.

— Кого вы ищите?

— Здесь работал Игорь? — спросил я.

— Работал, но теперь не работает, — сухо ответил черный человек и вернулся в свою темноту.

14

— Поехали домой, — сказал Артем.

— Да, — согласился я.

И тут мы увидели девушку. Я не сразу понял, как она появилась. Будто из-под земли

выскочила. Но на самом деле из-за угла вышла, из-под земли девушки выскакивают только в капиталистических фильмах ужасов.

Молоденькая, наверное, двадцати еще нет, недавно школу закончила. Думаю, на каком-то курсе института учится, но точно не на пятом и не на четвертом. Волосы темно-рыжие, ямочки на щеках, и вообще очень милая. Юбка короткая, а ноги под ней — длинные. Так бывает, честное слово! Единство и борьба противоположностей.

Чем-то девушка на Вику похожа, хотя та взрослая, а эта — не совсем, почти, но "почти", как говорят, не считается.

Было в ней и что-то необычное. Нет, не ноги. Вся Москва длинноногая ходит, тут другое. Глаза! Умные, внимательные, насмешливые. Удивительно! У таких ног — такие глаза! Оксюморон, что ли. Редковстречающийся. Что-то в ней не так в лучшую сторону. Взгляд выдает, что за маской типичносимпатичной внешности скрывается разум. И какая-то тайна.

Как противоречиво устроен человек! Грустно — сил нет, а я шучу, да еще и женские ноги разглядываю, словно я портрет престарелого секретаря коммунистической партии из школьного коридора. А вдруг, так и надо? Шутить, когда тоскливо, и на женщин смотреть задолго до того, как тебе семьдесят исполнится?

Девушка поправила сумочку на плече и напрямик к нам. Сейчас что-то скажет. И как с ней разговаривать — на "вы" или на "ты"?

Ладно, на "вы". Сделаю женщине комплимент, намекну, что она выглядит старше своего возраста.

— Привет, — сказала она.

— Здравствуйте, — хором ответили мы ей.

Она улыбнулась.

— Школьники?

— Школьники, — снова ответили мы, точнее, я за всех. — Вадим, Глеб и Артем.

— Юля. Студентка юридического факультета.

— Вам нравится юриспруденция? — разочарованно спросил я.

Дело в том, что мне она не нравилась вообще, и в этом отчасти был виноват Игорь. В одном рассказе он писал, что юридический мир похож на зазеркалье. Там важны запятые, а человек — нет. Если что-то не записано на бумаге, то его будто не существует.

— Вы знаете это слово? — снова улыбнулась она.

Мы дружно обиделись.

— И еще много других. Большая ошибка судить о людях по их небольшому возрасту, — буркнул я.

— Хахаха, — засмеялась Юля. — Что же вы тогда думаете обо мне?

— Мы, в отличие от некоторых, впустую не думаем, — скрестив на груди руки, важно произнес Артем. — О вас слишком мало информации, чтоб ее анализировать.

— Неужели, — покачала головой Юля. — А я, например, вижу, что у кое-кого в школе проблемы с оценкой за поведение, другой, наверное, помнит всю карту Москвы, но иногда забывает, где он живет, а третий — фантазер, и если он не научится засыпать вовремя, к десятому классу получит черные круги под глазами. Но вы молодцы, очень неглупые ребята.

Мы перестали обижаться и открыли от удивления рты.

— Как вы это узнали? Методом дедукции, да?

В ответ Юля только усмехнулась.

— Вы хотите стать следователем? Раскрывать преступления? — спросил Артем.

— Нет, — ответила Юля, — и юридическую науку я не люблю. А что вы здесь делаете?

— Сами не понимаем, — вздохнул я. — Собираемся уходить.

— Какое совпадение, — сказала девушка, — мне тоже неясно, зачем я пришла.

— Л-логично предположить, — сообщил Глеб, — что тогда мы тут ради одного и т-того же.

— Да, — согласилась Юля. — Вы искали Игоря, писателя?

Мы снова раскрыли рты.

— Вам сказали соседи? — я решил быть последовательным, как Глеб.

— Ну уж, нет! Этот сумасшедший дом лучше обходить стороной. Но я угадала. Вы прочитали его книгу, нашли адрес, и приехали сюда?

— Так и было, — ответил я. — А вы просто длинноногий Шерлок Холмс в короткой юбке.

Вру, последнюю фразу я вслух не произнес. Подумать — подумал, а сказать — нет. Будь я на десять лет старше, тогда другое дело, но сейчас риск бессмыслен.

— А вы ведь тоже любите книги, — сказал Артем.

— Да... — улыбнулась Юля. — Знакомые поражались — как это, девочка, и читает. Зачем ей это. Дура, наверно, — засмеялась она.

— Ух, ты! — обрадовались мы. — А фантастику тоже?

— И ее, но больше детективы. Их лучше листать по ночам. Днем они не такие. Вот где есть дедукция — в книгах! А в жизни следователи только бумажки печатают, и не всегда справедливые.

Затем Юля открыла сумочку.

— У меня кое-что для вас есть. Его неопубликованная повесть.

— Как она к вам попала? — воскликнул я.

— Сейчас расскажу.

15

...Юля приехала в Москву после школы. Из-за непонятной всем любви к чтению поступила на филологический. Училась вечерами, а днем работала машинисткой. Снимала комнату в общежитии. Со временем стало понятно, что шансов когда-нибудь получить квартиру нет, поэтому она перевелась на юридический факультет, хотя он ей не нравился ну совсем, и начала работать помощником нотариуса — целыми днями заверять документы и ставить на них печати.

Понемногу привыкла, да и выбора не оставалось. Смирилась, как все смиряются. А чем я лучше, говорила себе. Надо взрослеть, деваться некуда. Все взрослеют.

Однажды на улице она увидела Игоря.

Летним вечером люди возвращались с работы. Лишь один человек никуда не спешил. Отступил в сторонку и растерянно смотрел вокруг. Глаза у него были очень странные, а в руке он держал свернутые в трубочку листы бумаги.

Казалось, что он стоит не на тротуаре, а на краю бездны.

Юля подошла к нему.

— Вы — писатель, — сказала она.

— Как вы догадались? — удивился Игорь.

— Сама не знаю, — пожала плечами Юля. — Первое, что пришло в голову. А еще вы работаете в котельной, на бумаге следы сажи. У вас что-то случилось?

— Нет, — не сразу ответил он, — ничего. Можно спросить, как зовут столь проницательную девушку?

— Юля.

— Красивое имя. А я Игорь.

Он назвал свою фамилию и спросил, не читала ли она его книгу. Юля ответила, что нет.

— Последнее время я не читаю. Нет времени. Работаю и учусь на юридическом, где тут успеть.

— Жаль, — сказал Игорь. — А если я попрошу вас кое о чем?

— Конечно...

— Тогда возьмите, — он протянул ей бумаги. — Небольшая повесть. Почти рассказ. Нести в издательство не хочу. Оставьте ее у себя или отдайте кому-нибудь.

Игорь пошел вниз по улице, но заметив, что Юля идет за ним, остановился.

— Отпустите меня, — сказал он.

— Я боюсь, что вы задумали что-то плохое.

— Нет, — ответил он. — Оставайтесь здесь, Юля, я вас очень прошу.

— Где вы живете? — спросила она.

Игорь отвернулся, а затем в последний раз посмотрел на нее. С улыбкой, хотя и печальной.

— На темной стороне Луны.

И ушел.

...На следующее утро она отыскала его котельную и узнала, что Игорь умер.

— Он жил на темной стороне Луны, и всем это не нравилось. Но под солнцем ему было не место. Кто-то должен жить и среди ночи. Там, где звезды, тени, огни... Там очень красиво и нет ни одного юридического кодекса. Ладно, мне пора.

16

...Я только перескажу повесть Игоря. Это не научная фантастика, насколько я понимаю. Но иногда, чтобы показать научное, надо пользоваться ненаучными методами. Игорь так и сделал. А может, и нет. Не знаю. Я и в более простом умею сомневаться.

17

...Космический корабль, на котором Максим уже тридцать лет работал врачом, замедлился, чтобы изменить направление пути.

Обычная процедура. Это происходит несколько раз за полет с каждым кораблем.

Но вышло так, что район торможения находился около таинственной "черной звезды".

В атласах она, конечно, носила другое название, из цифр и букв, да и черной была не совсем — скорее, темно-красной в обрамлении "короны" — изменчивых шевелящихся облаков плазмы.

Старая легенда космонавтов говорила о том, что звезда порой забирает души. Что это значит — неизвестно. Никто даже предположений не делал. Да и зачем современным людям вспоминать древние сказки?

...Весь экипаж считал Максима странным. Взрослый, старше всех на корабле, а ведет себя как мальчишка — все ночи напролет проводит перед огромным иллюминатором или часами рисует далекие звезды и кометы. Впрочем, это его право. Врач-то он замечательный, да и человек добрый, отзывчивый, а скромные чудачества никому не мешают.

Максим побывал на сотнях планет. Собирал светящиеся кристаллы на гигантских склонах неземных холмов, строил защищенные от метеоритов и радиации пещерные города,

опускался в спрятавшийся под километровым слоем льда океан и наблюдал таинственную жизнь, так не похожую на нашу.

Видел столько всего, что и за год не расскажешь, но все равно космос остался для него интереснейшим приключением.

"Иди спать, ночь на дворе" — смеялся кто-то. На космических кораблях тоже наступает ночь, хотя и не после захода солнца, а когда об этом скажут часы. Но Максим задержался у иллюминатора понаблюдать за звездой. Она выглядела беспокойной, покрылась черными пятнами, а в короне мерцали огромные молнии. Красивое зрелище. Страшное, но красивое.

А потом случилась катастрофа. Звезда вспыхнула, будто взорвалась, и потоки энергии ударили по кораблю.

Мигнул свет, в воздухе запахло электричеством. Максиму показалось, что кто-то пытается проникнуть в его голову, и он потерял сознание.

Через несколько минут Максим очнулся. Побаливали виски, но чувствовал он себя не слишком плохо, после перегрузок при взлете бывало и гораздо хуже.

Потом на подключенном к камерам наблюдения мониторе он заметил людей. Тех, с кем только что разговаривал, пил чай и смеялся над анекдотами.

Теперь они двигались, как сомнамбулы. Медленно, неспешно, и подолгу застывая на одном месте. Их лица казались бездушными масками.

Максим хотел бежать к ним, но увидел, как один из них упал и забился в судорогах. "Спящие" некоторое время смотрели на него, а потом, схватив за ноги, отволокли в переходный отсек и открыли шлюз, выбросив человека в космос.

Затем убили еще одного. Наверное, за то, что он перестал тащить своего товарища и отошел в сторону.

Больные, да и просто чужие изменившимся людям были не нужны.

За свою жизнь Максим наблюдал много странного, и поэтому смог поверить в то, что случилось. Легенда оказалась правдивой. Звезда действительно забрала души.

Максим пробрался на склад и заблокировал двери. Люди (вернее, те, кем они стали), это скоро обнаружили, но ничего сделать не смогли — все инструменты, пригодные для вскрытия замков, находились как раз на складе. И единственного не изменившегося человека оставили в покое. Забыли о нем, решив, что никакой опасности он не представляет. Даже не отключили расположенные по всему кораблю видеокамеры, изображение с которых шло и на складской монитор.

...Люди жили почти по-прежнему. Занимались каждодневной работой, ели, пили, ложились спать, разговаривали (хотя и очень коротко), и если бы не медлительность, с которой они двигались, то сразу трудно было бы что-то заподозрить.

Максим видел их лица — улыбающиеся и довольные. Все тревоги и заботы напрочь исчезли. Шкаф с успокаивающими таблетками и антидепрессантами, которые только что пользовались огромным спросом, стал забыт. Книги, впрочем, забыли тоже. А еще фильмы, музыку и все остальное, что не вписалось в новую жизнь.

Никаких ссор. "Спящие" покорно подчинялись своим начальникам, а те, в свою очередь, уже своим, более высокопоставленным, и так до самого верха, на котором находился капитан корабля, теперь наделенный безграничной властью.

В течении нескольких дней произошли еще убийства. Почему — Максим понять не смог, а спросить было не у кого. Шел человек по коридору — и вдруг на него нападают. Может, в новом обществе существовала необходимость кого-нибудь убивать.

Как и в своем недавнем прошлом, люди иногда болели. Кому-то во время лечения компьютер сканировал голову, и Максим увидел результаты. Излучением были повреждены некоторые зоны мозга, в первую очередь те, что отвечают за эмоции и чувства. Точнее, не повреждены, а заблокированы, и это давало надежду на то, что со временем люди сами выйдут из этого состояния. После второго обследования предположение Максима подтвердилось — на снимках были заметны перемены к лучшему.

Но спящие, как оказалось, не захотели просыпаться. Они решили запускать на мониторах гипнотическую картину — напоминающую помехи мерцающую рябь. Долгий взгляд на нее успокаивал и отнимал желание думать.

Процедура стала обязательной. Несколько часов все без исключения по вечерам сидели, неподвижно уставившись на экран. Медицинские снимки подтвердили — метод работает.

А потом в лаборатории изменившиеся сделали прибор, который Максим назвал "излучателем" или "посредником" — что-то вроде пистолета с широким стволом. Они испытали его на одном из своих, перед этим надолго запертым в одном из помещений без телевизора, вернее, монитора. Человек начал "просыпаться" — но после секундного облучения опять стал таким же, как люди вокруг.

Они изобрели устройство, действующее, как "черная звезда". И сделали их сотни.

Затем произошла "репетиция". "Спящие" на пару часов отбросили свою медлительность — разговаривали, шутили, смеялись, но потом одновременно закончили притворяться и медленно пошли смотреть на мигающие мониторы. Корабль, тем временем, летел к установленному еще до катастрофы пункту назначения, к планете, на которой жили миллионы людей.

Спящие хотели захватить мир. Превратить всех в таких же, как они. Незаметно, чтоб никто ничего не заподозрил.

...Тогда Максим сделал то, о чем давно думал. На складе, где он прятался уже несколько недель, в тяжелых металлических баллонах хранился газ. Для каких целей, Максим не знал. Зато он, как врач, понимал, что если этот газ вдохнуть, то уснешь, а через некоторое время наступит совсем глубокий сон — тот, который называют смертью. Максим написал на бумаге обо всем, что произошло, вывел резиновый шланг от баллона в общую для всего корабля систему вентиляции и повернул кран.

Перед этим он надел скафандр, но лишь для того, чтобы убедиться, что газ прошел во все помещения корабля и добрался до всего экипажа.

А потом снял шлем.

...Засыпая, он нашел ответ на вопрос, почему вспышка не тронула его. Правильный или неправильный — уже неважно. Максим отличался от всех только одним — он слишком любил космос. Слишком много в жизни случилось приключений и путешествий, слишком много он хранил воспоминаний, а заставить его выбросить их и стать таким, как все, не могла ни одна вселенская катастрофа.

18

Не знаю, хорошая эта повесть или нет. Нам понравилась. Хотя у нее есть и недостатки — она печальная и похожа на историю, которая сейчас происходит. Настолько похожа, что даже страшно.

Игорь все предвидел? Но как? И неужели любовь к космосу и фантастике действительно не позволила превратиться в чудовищ?

Судьбу Игоря необходимо понять. Потратить на размышление много времени. Внутри

того, что мы сегодня узнали, помещаются мириады слов, но их надо найти.

А еще мне показалось, что когда Игорь стал для нас живым и реальным, то потерял чуточку своей волшебной ауры. Он теперь не самый великий писатель в мире, а просто очень хороший. Не лучше и не хуже многих других, ведь литература — не соревнование. Но любить его мы от этого меньше не станем.

1

...Не расскажу, как мы возвращались домой. На автобусе, на метро, на трамвае — никакой роли не играет. Но одна мысль не выходила из головы — как бы не грустил, надо жить дальше.

Точнее, две мысли не выходили. Вторая не выходила особенно хорошо и заключалась в том, что нам необходимо что-то сделать. Поэтому мы отошли на заднюю площадку поговорить. Ладно, на метро мы ехали.

— Инопланетный метеорит превращает людей в зомби, — сказал Артем. — Мы оказались внутри фантастического романа. Круто.

— Мир — он словно текст, — сообщил Глеб. — Я читал об этом в одной взрослой книге. Настолько взрослой, что в СССР ее запретили. Хотя п-пока запрещали, слегка напечатали, и одна попала в школьную библиотеку.

— Я все равно не верю, что именно любовь к фантастике спасла нас от камня. Очень уж фантастично, — сказал я.

— Вовсе нет, — откликнулся Глеб, — я ч-читал в журнале "Наука и жизнь", что мозги космонавтов отличается от прочих. Когда кто-то в-видит Землю из иллюминатора, в его лобной коре п-появляется специфическое возбуждение, и оно со временем меняет расположение нейронных цепочек. Человек (вернее, к-космонавт), получает возможность смотреть на земные проблемы свысока. У любителей фантастики п-примерно так же. Глаза ведь у них т-точно необычные, в этом легко убедиться. Глаза связаны с мозгом, а странное, прикасаясь к чему-то, делает ст-транным и его.

Затем Глеб наклонил голову, широко раскрыл эти самые глаза и стал походить на загипнотизированного профессора медицины.

— Мозг человека, — забубнил он, раскачиваясь из стороны в сторону, — состоит из двух полушарий большого мозга, промежуточного мозга, ствола мозга и мозжечка, эти органы имеют разное строение и выполняют различные функции, например, отвечая за пространственную координацию, выполнение физических функций организма...

— Глеб, пожалуйста! — прошипел я.

— Вестибулярные ядра посылают сигналы по латеральному и медиальному вестибулоспинальным трактам, — ответил он, глядя сквозь меня.

— Глеб! — я встряхнул его руку.

— Кто? Д-да, конечно, — он вышел из транса, смущенно огляделся и закрыл ладошкой себе рот.

— Тише, — сказал я.

— Да кому мы тут нужны.

Артем прав. Люди не обращали на нас никакого внимания. Собрались три школьника и о чем-то болтают. Какая разница, о чем. Не мир же они собрались спасти.

— Глупо, но как бы нам не пришлось спасти мир, — произнес Артем.

— Глупо, — сказал я.

— Г-глупо, — повторил Глеб.

— Но, может, и придется, — продолжил Артем. — Что происходит, знаем только мы, и нам никто не поверит.

— Может, и п-придется, — эхом откликнулся Глеб.

— Рано об этом, — сказал я. — Надеюсь, что все не так уж плохо. Паниковать не стоит.

— А никто и не паникует, — возразил Артем.

— Угу, — кивнул Глеб.

— Не думаю, что художники сделают излучатели или гипнотические мониторы. Мозгов не хватит. Но стоит готовиться к любым событиям, а не ждать, пока все пройдет само собой. Надо действовать. Лично я из повести Игоря сделал такой вывод. Для начала лучше сходить к дяде Сереже-милиционеру и попробовать убедить его в том, что опасность существует.

— Жаловаться? — хмыкнул Артем.

— Какие еще жалобы? На кого, на метеорит? Он виноват в том, что люди изменяются.

2

...Мы увидели приоткрытую дверь "опорного пункта милиции" и поняли, что дядя Сережа у себя. Но перед тем, как войти, мы аккуратно заглянули. Одновременно, в три головы. На самом верху Глебова, под ней — моя, а еще ниже Артемова примостилась. А то вдруг дядя Сережа занят, чего ему мешать, у нас каникулы, мы подождем.

Через порог его стол виднелся хорошо. Рядом с ним располагались два стула — дядьсережин и второй, предназначенный для гостей (пришедших добровольно или доставленных под белы руки).

Но сегодня дяде Сереже одного стула не хватало. Он сидел то за столом, то пересаживался на стул посетителей. На своем привычном месте вид у дяди Сережи был строгий и солидный, на другом — испуганный и смущенный. Задавал дядя Сережа пустому стулу хмуросерьезный вопрос, затем сам садился на него, разводил руками, ссутуливался и отвечал.

После этого он возвращался на свое место, печатал полминуты, опять что-то спрашивал и таинственная сценка повторялась вновь.

Мы переглянулись. Час от часу не легче.

— Дядя Сережа сошел с ума, — заключил Артем, распахнул дверь, перешагнул порог и повторил слова уже в форме вопроса:

— Дядя Сережа, вы сошли с ума?

Никогда мы не видели дядю Сережу таким сконфуженным. Он замер, покраснел и принялся смотреть куда-то в потолок.

— Нет, — скрипнув зубами, ответил он. — не сошел. Хотя скоро сойду. Михаил Егорович вернулся на тропу войны со шпионами и написал заявление.

— На кого? — поинтересовался Артем.

— На меня, — раздраженно взмахнул руками дядя Сережа. — Добрался!

— А кому? — спросил я, начиная кое-что понимать.

— Мне, а то кому же! — воскликнул дядя Сережа. — В районе один милиционер. Вот и допрашиваю себя, а что мне еще остается! Все по инструкции! Я спустя рукава работать не умею, вот и стараюсь создать подобие здравого смысла!

Мы еле сдержались, чтоб не покатиться со смеху. Все в порядке! Не дядя Сережа сумасшедший, а законы!

— Говорите, чего пришли, — произнес недовольный дядя Сережа. — Работы невпроворот.

Артем подтолкнул вперед меня. Решил, что я объясню лучше всех? Ладно, попробую.

— Понимаете... — я начал рассказывать подробно, — в киоск завезли пломбир,

Артемова бабушка дала нам шестьдесят копеек, продавщица ушла на базу на пятнадцать минут на неопределенное время, мы стоим, ждем, и тут...

— Попробую угадать, — усмехнулся дядя Сережа. — Стоите вы, стоите, а потом появляются художники и плакали ваши денежки?

— Нет, — сказал я, придав голосу тревожность. — Хуже.

— ? — молча удивился милиционер.

— Они прошли мимо и не напали!

Дядя Сережа наклонил голову.

— Да-а... это чудовищно! Кошмар! Немедленно начинаем расследование! Как так — хулиганы не отняли деньги? Куда катится мир!

— Вы смеетесь, — обиделся я, — а зря. Они теперь какие-то странные. Не похожие на себя. С ними что-то произошло. Ходят с безумными глазами, как заколдованные, и прячутся на лесной военной базе.

— О как... Может, они употребляют наркотики?

— Нарко... что? — я несколько раз слышал это слово по телевизору в передачах про капиталистические страны, но что оно означает, толком не выяснил.

— Наркотики — что-то вроде водки, только еще страшнее. У нас в стране наркоманов нет, они все за границей. На работе показывали секретный фильм, как наркоманы какую-то траву курят. Жуткое зрелище. Душераздирающее. Волосы у них длинные, лентами перевязанные, рубашки в цветочек, папиросы измельченной травой набиты. В зале сидели одни милиционеры, люди твердые, жесткие, но и то половина в обморок попадала.

— Не, они такие из-за метеорита. Мы в его пионерском лагере нашли. Когда хулиганы его у нас отняли, он их электрическим током ударил, и они изменились!

— Гм, — ответил мне дядя Сережа, — Камень — током? И вас он бил?

— Да...

— Но без последствий?

— Без...

— А почему?

— Не знаем... — тихо сказал я. Не стал сейчас ничего объяснять.

— Загадочно! Даже как-то фантастически. А фантастику я читал давно, еще в школе, — сказал дядя Сережа и потер свой механический глаз. — Тут не до фантастики. Милиция — она реальна, есть много доказательств. Но я схожу к этим художникам. Посмотрю, где они в лесу прячутся. Может, и впрямь что-то употреблять начали. Потом зайду к Михаилу Егоровичу, мне его надо опросить по заявлению. Час-полтора, и я доложу вам обо всем. Лады?

— Ага... вы только камень голыми руками не берите, — попросил я.

— Безусловно! Обязательно! Всенепременно! Я пошел, ждите меня на улице.

3

...Чтобы скоротать время, мы решили отнести домой телескоп и поесть. Дядя Сережа обещал прийти как раз после обеда, да и Артемова бабушка нас уже заждалась.

Она приготовила нам окрошку с колбасой, золотистожаренную-кое-где-потрясно-подгоревшую картошку на сале, сметанный помидорно-огурцовый салат и бутерброды с шоколадным маслом (где она его только достала, лохнесское чудовище легче увидеть, чем это масло на прилавке, тем более что чудовище много раз видели, а однажды едва не поймали).

И у меня вдруг страшная мысль возникла — а ведь по вкусоности бабушкина окрошка сравнима с пломбиром! Я даже головой потряс, чтоб наваждение отогнать. Не может такого быть, при всем уважении к окрошке и колбасе ее. Советский пломбир — он единственный, и ничего рядом с ним. Истинно говорю!

В общем, опять наелись так, что пришлось лежать на диване. Ноги идти отказывались. Они временно перешли от мозга под управление желудка. Потом, конечно, вернулись на свои места. Мы вновь стали бодры и решительны, как питающиеся раз в полгода африканские удавы из передачи "В мире животных", и побежали в милицию.

4

Дверь снова не заперта, значит, сейчас все узнаем.

...Нет, не узнали. Дядя Сережа сидел за столом, покачиваясь и не обращая на нас внимания. И глаза... Первый — стеклянный, второй — остекленевший.

Как у художников.

Не могу понять, почему мы не убежали.

— Дядя Сережа, — позвал его Артем дрожащим голосом. Он единственный не потерял дар речи.

Дядя Сережа посмотрел на нас.

— Что, — спросил он.

— Вы сходили к художникам?

— Да...

— И дотрагивались до камня?

— Камня? Может быть...

— А где он сейчас?

Дядя Сережа пожал плечами. Медленно, подняв их высоко-высоко, как кукла-марионетка на веревочках.

— Оставил у Михаила Егоровича...

5

Не помню, как мы выскочили из кабинета, и кто сказал, что нужно бежать в лес, в другую от военной базы сторону. Артем, наверное. У него с самообладанием получше.

Потом я сидел на поваленном стволе дерева и смотрел на ползущего жука. Светило солнце, где-то чирикали птицы.

Глеб и Артем расположились напротив. Сгребли в кучу опавшую листву и уселись. Лица у обоих испуганные и озабоченные.

— Что будем делать? — Артем заговорил первым.

— Не знаю... — сказал я. — Не поверил нам дядя Сережа. Прикоснулся.

— Ты как думаешь? — спросил Артем у Глеба.

Но тот не ответил. Ушел в себя, как он часто делает. Молодец, самое время.

— Камень надо найти, — сказал Артем.

— Как?

— Понятия не имею... но как-то надо! Пошли! Глеб, ты идешь?

Глеб еле заметно кивнул.

6

Окно Михаила Егоровича оказалось открытым, но сам он с биноклем на шее в нем не торчал. И без бинокля тоже не торчал. Вообще отсутствовал!

Плохой признак. Очень плохой. Раньше от окна Михаил Егорович почти не отходил.

Как тут отойдешь, когда шпионы только этого и ждут, чтоб мимо прокрасться.

— Идем к нему? — спросил Артем.

— А куда деваться.

Глеб по-прежнему ничего не говорил, однако вместе с нами поднялся на второй этаж.

Нас встретила страшная полуоткрытая дверь. Вроде как закрыта, но приглашает. Заходи, говорит, если не боишься.

И тишина в подъезде. Мертвая. Наблюдает за нами.

— Может, постучимся? — предложил я.

Вместо ответа Артем несколько раз ударил костяшками пальцев по обитой дерматином двери. Никакого результата. Потом мы вспомнили, что вообще-то есть звонок. Нажали. Затренькал он громко-громко, наверное, в соседних квартирах его даже слышали. Но к нашей двери никто не подошел. Тишина, как и прежде.

Хотя нет, что-то шипит в квартире. Тихо, но отчетливо. И жутко.

Артем оглядел нас, насупился и поднял подбородок. Лицо вмиг стало гордо-самоуверенным. Что-что, а притворяться он умеет.

— Я не боюсь, я не боюсь, я не боюсь, — неслышно повторил он, думая, что я не смогу понять по губам, и взялся за дверную ручку.

...Квартира неухоженная, неубранная. Старые вещи на крючках, пыль, лежащий наперекосяк коврик... Из дальней комнаты доносилось шипение.

Черные шторы почти не пропускали света. Михаил Егорович, склонив голову набок, неподвижно сидел на диване перед включенным телевизором. Антенна валялась на полу, телевизор рябил, шипел, и, кроме помех, ничего не показывал, однако Михаил Егорович не сводил с него глаз, словно читал зашифрованное послание.

Мы подошли ближе. Михаил Егорович не обратил на нас внимания. Не пошевелился, даже когда мы его позвали.

Артем медленно дотронулся до его плеча.

— А где камень?

Михаил Егорович повернул голову и уставился ему в лицо неживым взглядом.

— В другой комнате...

И тут в этой самой другой комнате послышались шорохи и кто-то выбежал из квартиры, захлопнув за собой дверь.

— Кто там? — закричал я.

Никто не ответил.

Мы медленно вышли в коридор. Никого. И в соседней комнате тоже нет людей. И во всей квартире. Мы заглянули на кухню, в ванную, да повсюду. А камень... камень кто-то унес. Он и вправду находился во второй комнате, такой же грязной, неудобной, прячущейся от солнца за тяжелыми шторами. На диване лежали газеты, и легко было догадаться, что в них заворачивалось что-то, формой напоминающее метеорит.

Нам бы сразу подбежать к окну, посмотреть, кто вышел из подъезда, но это легче сказать, чем сделать. Попробуй сообрази, когда от страха все тело цепенеет.

— Кто к вам заходил? — спросил Артем у Михаила Егоровича.

— Никто, — ответил он, не отрывая глаз от мерцающей помехами голограммы.

7

Мы выбежали из дома. После ужасной квартиры залитая вечерним солнцем улица казалась какой-то ненастоящей. Мимо шли люди и не подозревали, что творится рядом с

ними. Не замечали, что темное распахнутое окно смотрит на них страшным взглядом, выбирает жертву.

— Пойдем в лес? — спросил я.

А потом сам себя поправил.

— Нет, не надо...

Вдруг нас увидит тот, кто был в соседней комнате? Или еще кто-то? Те же художники? Они целыми днями шатаются невесть где. Кто знает, что в головах у изменившихся людей. В лесу с нами разделаться будет просто.

— А если все рассказать дяде Саше, — неуверенно предложил я. — Он должен поверить.

— У Игоря камень действовал на тех, кому космос без разницы. Но дядя Саша делал с нами ракеты в космическом Клубе, значит, он тоже с иммунитетом, — сказал Артем.

И мы помчались к дому дяди Саши.

8

В гости к нему мы не ходили никогда, но где его квартира, знали. В нашем районе — как в деревне, все известно. Да, точно, у нас деревня. Только вместо маленьких домиков бетонные громадины.

Дом, подъезд, лифта дожидаться не стали, летели на седьмой этаж, перескакивая ступеньки. Вот и площадка, на ней четыре двери.

Какая его? Звонить в каждую? Хотя... У первой два звонка, причем второй висит низко, чтоб ребенок мог дотянуться. А к другой вырезанный из бумаги цветок приклеен. Выходит, и там, и там — дети. Но у дяди Саши детей не было, он жил один. Осталось две. Одна из них выглядела так, словно двести лет не открывалась. Поэтому его вторая, крайняя.

Звонок громкий, переливистый. Слышно его очень, но к двери никто не подходит. Никто за дверью, а не дядя Саша. Да и он не отзывается. Мы хмуро переглянулись. Артем приложил ухо к замку.

— Телевизор работает.

И толкнул дверь. Она оказалась незапертой.

...Внутри совсем пусто. Нет, диван, холодильник, шкафы и все остальное на месте. Нет дяди Саши. Нет его ни здесь, ни где-то еще. Нигде нет.

Ушел, а телевизор не выключил, и тот шипел помехами, как телевизор Михаила Егоровича.

9

— Он же... космос любил... — только и сказал я, когда мы вышли на площадку.

А затем мы повернулись к соседней двери. Той самой, с виду заброшенной. Поняли, что там кто-то есть. Как — не знаю. Вроде ни шороха оттуда, и даже дверной глазок не потемнел от чьего-то взгляда. Стало еще страшнее.

— Извините, — спросил я, — с дядей Сашей все в порядке?

В ответ сначала была тишина, а потом голос какой-то бабушки. Станный, будто она не за дверью, а неведомо где.

— Нет... — ответила она.

— Что с ним?!

— Понимаете... он вырос в детском доме... — произнесла невидимая бабушка.

Этого мы не знали. Дядя Саша не рассказывал о себе. Но я ведь спросил о другом!

— А где он сейчас?

— Он хотел жить, как все... но не получилось, поэтому и начал вести занятия...

— А сейчас-то что с ним? Куда он ушел?

Бабушка помолчала, а потом спросила в ответ:

— Вы занимались в клубе?

— Да!

— Смотрели на звезды?

— Ага, — сказал я, ничего не понимая.

— Но перестали...

— Не до звезд нам, — вступил в разговор Артем.

— Кто не смотрит на звезды, не увидит того, что на земле...

— О чем вы? — спросил я, но из-за двери ответа не было.

Недоуменно переглянувшись, мы двинули вниз по лестнице и на шестом этаже встретили дядю Витю. Он работал на заводе в отделе контроля, измерял памятники линейками и циркулями. Высокий, лысый, глаза у него изрядно косили.

— Дядя Витя, а вы встречали дядю Сашу?

— Сегодня — никак нет, — по-военному бодро отрапортовал дядя Витя, — а вчера — да. Еще удивился, что он какой-то задумчивый. Меня будто не узнал!

Дядя Витя улыбнулся. А мне, признаюсь, захотелось расплакаться.

— Дядя Витя... — осторожно спросил я, — а вы сможете поверить, что инопланетяне существуют?

— Хахаха, нет! — рассмеялся он. — Еще вопросы?

— Один, маленький, — сказал я. — Не знаете, кто живет в квартире рядом с дядей Сашей?

— Знаю! То есть, наоборот. Какая-то старушка, но она давно не появлялась. Запомнил, как ее зовут. Ходили слухи, что померла, но как там на деле, неизвестно. А теперь, с вашего разрешения, я пойду.

Глава 31 На небе и на земле

1

— Нам надо п-посмотреть на з-звезды, — сказал Глеб. — Н-ночью. Как и сказала та бабушка за дверью.

— Ну, посмотрим, ну, увидим их, и что? — отозвался Артем. — Узнаем, где художники прячут метеорит?

— Его специально подсовывают людям. Чтоб они изменялись, — сказал я, сев на лавочку у подъезда.

И добавил про себя — как грустно, что дядя Саша не смог сопротивляться.

— Давайте п-попробуем, — настаивал Глеб. — Придем ночью с т-телескопом на крышу.

— Ерунда, — ответил Артем.

Глеб обиженно отвернулся.

Несколько минут мы провели в тишине. Сияло солнце, шумел легкий ветерок, шли прохожие. Все, как всегда. Но мы знаем правду. И поэтому между нами и людьми — пропасть. Как в горах. Мы изгой. Очень красиво и очень страшно.

— Взрослые нам не поверят. Никто нам не поверит, — сказал Артем. — Где камень, непонятно. Пошли к звездам. Другого не остается.

2

...С родителями мы договорились легко. Глебу вообще не пришлось договариваться с мамой, потому что она дежурила. Мои поначалу на меня глаза выкатили, правда что ли вы собрались ночевать у Глеба и смотреть в непонятно кем подаренный телескоп, но помощь пришла с неожиданной стороны.

Мама решила позвонить маме Артема, спросить, что та думает по поводу нашего ночного сближения, а она ответила, что не думает и отпускает Артема, ведь если он захочет набедокурить, то сделает это и днем. В итоге мои родители развели руками и согласились отпустить своего ребенка в неведомую даль, то есть в соседний дом, заявив, что этот космос со звездами уже надоел дальше некуда.

3

После ужина, когда стемнело, я побежал к Глебу. Прямоком через детскую площадку, мимо маньячноглазого Чебурашки. Скоро он примется гулять по ночному двору. Днем обычно стоит и скучает, а в темноте с запоздалыми прохожими так и норовит поиграть.

Не успел я разуться, как в дверь позвонил Артем. Вот мы и в сборе.

Странно сидеть вечером без родителей. Мне, во всяком случае. Каково Артему, не знаю. А Глеб давно привык к одиночеству.

Его квартира такая же, как у меня. Все похоже. Но у меня в одной комнате я, а не Глеб, а в другой — папа с мамой, а у него только мама. И у меня нет телевизора, а у Глеба есть. У мамы свой для слезамневерящей Москвы, и у Глеба свой на тумбочке. Мама Глебу купила его в подарок на день рождения. Долго копила деньги, а потом еще и занимала у соседей.

Хороший телевизор, цветной, голограммный (не голограммных сейчас не выпускают, однако дешевых черно-белых полно). Глеб его включает, чтоб не расстраивать маму. Все нормальные люди, по ее убеждению, смотрят телевизор, поэтому приходится.

А еще у Глеба все лежит на своих местах. Но мебель похуже, чем у меня, и вдвойне

похуже, чем у Артема. Она тут совсем из ДСП. Причем из старого, какого-нибудь музейного.

Дверцы на шкафах покосились. Видно, что их Глебова мама поправляла, но мамы не могут, как папы, особенно со шкафами.

Шкафы — они мужского рода. Серьезные и brutальные. Настолько суровы, что женщин к себе не подпускают, любят только мужские прикосновения.

На кухне в глаза бросается холодильник. То есть не бросается, стоит в углу, но взгляд приковывает, настолько он старый. "Зил-Москва", лет тридцать ему, а выглядит и того старше, в книгах Жюль Верна холодильники современнее. Советский ретро-дизайн — самый ретро-дизайновый ретро-дизайн в мире! Но на возраст аппарат ноль внимания обращает. Холодил, холодит, и будет холодит продукты в своем животе перевозданным космическим холодом. А его задняя сторона, куда тепло выводится, не холодная, а горячая. Даже очень! Кухонная стена за ней от жара обуглилась и почернела. Глеб говорил, что в промежутке между стеной и холодильником он иногда еду разогревает.

Порядок в Глебовой комнате еще и потому, что Глеб иначе не может. Плохо ему, когда вещь не там, где надо. Борется Глеб с собой — разбрасывает карандаши на полу и смотрит на это, пытаюсь привыкнуть, или надевает майку лилового цвета, который он ненавидит.

Но все бесполезно. Изменить себя не получается никак.

Около кровати, где он спит, под торшером на столике лежит тетрадка. Бывает, что Глеб просыпается ночью, а одному все-таки страшновато, тогда он щелкает светом и решает математические задачки. Не те, конечно, которые мы проходим в школе. Совсем не те.

И в шахматы ночью сам с собой играет. Эти шахматы он сам и выдумал, обычные для него слишком просты. Доска восемь на восемь — где тут развернуться! Тесновато для его ума. Двенадцать на двенадцать — уже лучше. Для таких шахмат Глеб четверку новых странноходящих фигур из дерева вырезал.

Однако эти шахматы на картонной доске мы миллион раз видели, а подаренный телескоп — только один. Но рассматривать его в квартире... Нет, каждой вещи — своя обстановка. Поэтому — айда на чердак, оттуда небо недалеко.

За окном темнота. Люди внутри своих снов или перед телевизором. А на чердаке нас ждет еще и светящийся цветок. Соскучился по нам, наверное.

4

...Какой же телескоп красивый. Хочется не отрывая глаз смотреть, как играют отблески на его бронзовых боках, а потом дотронуться, почувствовать пальцами холодный гладкий металл.

Зрачки-линзы спрятались под крышками, тоже бронзовыми, соединенными с корпусом тонкими цепочками. Над телескопом маленький искатель — подозрительная труба с небольшим увеличением, а внизу лакированная деревянная тренога, теплая с виду и на ощупь.

Есть на что посмотреть и за что уцепиться.

Мы налюбовались и выбрались на крышу. Она плоская, мрачнотемная, кое-где торчат прикрытые колпаками вентиляционные трубы и по краям разлегся невысокий парапет.

А сверху — небо! Черное, ясное, в мириадах звезд. Небо не подкачало! Подкачал свет от лозунгов. "Скоро коммунизм" и "Сделаем сказку былью" сияют красными буквами на всю вселенную и научно называются "световым загрязнением", мешающим проведению астрономических наблюдений. Забыли мы о них.

— Я сейчас, — сказал Артем и убежал.

Скоро стало ясно, что он задумал и уже воплотил в жизнь — оба лозунга потухли. Какой

Артем смелый! Вообще-то отключить лозунговое электричество несложно — в домовых электрощитах повернуть рубильники с надписью "Л" и все, свет в квартирах-подъездах остается нетронут, а красные фонари гаснут, но решиться на такое — это вам не рожки портрету Достоевского в учебнике нарисовать и даже не двустволку в руках встречающей Раскольникову старушки-процентщицы с намеком на быстрый альтернативный финал романа.

Снова на крыше появился Артем, глаза — сияют. Доволен собой и своей идеологической диверсией.

А теперь — к звездам! Поехали!

Лишь невооруженным глазом они выглядят маленькими и блеклыми. А наши глаза сегодня вооружены, да еще как!

Бетельгейзе — красного цвета. Ярчайший Сириус — белого! Альдебаран — оранжевый. Канопус — желтый.

Вега светит голубоватым, а Ригель то красным, то белым, а иногда и сине-голубым. Переменчивый, однако, характер.

Когда смотришь на звезды, кажется, что они тебе что-то сказать хотят. Что-то о вечности и свободе. Кто знает об этом лучше них?

Но же они далеко! Тысячи и миллионы лет летят до нас частички света, поэтому мы видим не сами звезды, а их прошлое. Вот как это понять?!

А затем мы вернулись поближе. К планетам, которые летают вокруг Солнца.

Плутон, самый дальний, виден слабо. Почти не виден. А по правде, не виден вовсе! Маленькое пятнышко где-то там. Артем сказал, что как вырастет, исключит Плутон из списков Солнечной системы оттого, что его не разглядеть. Тонкий юмор.

Зато Нептун наблюдаем вполне! Голубовато-зеленый, ведь его атмосфера из метана. Уран — маленький и синенький. Но маленький, потому что далекий, а так он гораздо больше Земли.

Дальше (то есть ближе), идет Сатурн. Полюса у него желто-серые, а сам он полосатый, серо-коричнево-белый. Кольца Сатурна — жемчужины ночного небосклона, хотя куда жемчугу до колец Сатурна. А еще можно увидеть тень планеты на ее кольцах, и тень колец на ней! Как от этого не сойти с ума, скажите?

Юпитер — огромный! Состоит из газа, и на нем постоянно что-то происходит, его внешность меняется, меняется и меняется, растекаясь под взглядом. Циклоны, ураганы, падения астероидов перемешивают дымную атмосферу, красят ее в новые цвета.

Есть на Юпитере Большое Красное пятно — ураган, который бушует уже сотни лет, не думая прекращаться. И другие всевозможные пятна.

Еще ближе к нам — Марс. Видны красные горы, каналы, ледяные шапки, высохшие моря. Иногда на нем случаются грандиозные пылевые бури. До того большие, что могут скрыть всю планету!

Венера почти всегда под облаками. Не рассмотришь, увы, ее холмы и равнины. Некоторые исследователи считают, что в верхних слоях венерианской атмосферы обитают микробы и бактерии. Заметные темные пятнышки — это как раз их огромные колонии.

И, наконец, Меркурий — маленький, раскаленный, оранжевооблестящий. Есть на нем жизнь или нет — науке неизвестно, но убедительных теорий, доказывающих как одно, так и другое, ученые выдумали много.

Но самое интересное мы оставили напоследок. На закуску, так сказать. Что это?

Разумеется, Луна!

Непосвященный читатель возразит — да чего в ней такого? Она всем известна. Ее еще первые динозавры открыли. Летает над головой в двух шагах.

Ну хорошо, сейчас я расскажу, что можно разглядеть в телескоп на Луне.

Перво-наперво — пятиэтажки. Такие же, как в московских старых кварталах. Крыши, окна, балкончики, четыре подъезда. Есть, конечно, и различия — форточки, например, все закрыты, иначе воздух улетучится.

Почему именно такие дома для лунных поселений выбрали? Ну, форма практичная. Строить в космосе удовольствие дорогое, а тут выходит быстро, дешево и сердито. Никаких излишеств, как и на Земле. И привычней так, роднее, по сравнению с футуристическими зданиями времен начала освоения Луны. Трава у дома сниться перестает, потому что она теперь действительно у дома. Скромные цветочки, кусты и тополя растут напрямую из лунной почвы. Советские ученые-генетики постарались, вывели растения, которые могут обходиться без кислорода. Генетика в СССР всегда была в почете!

И таких домов на Луне порядочно. Не Москва, но дюжина улиц есть. Улиц с магазинами, ларьками, отделениями милиции и всем остальным, тоже очень земного вида.

Даже лавочки у подъездов не забыли поставить. Сидят на них бабушки в скафандрах, перебивают кости прохожим.

Кстати, насчет прохожих! С силой тяжести у Луны не вышло, поэтому они, если спешат, по тротуару не ходят, а прыгают. Вон двое дядей в белых скафандрах и с портфелями в руках на лету поздоровались и поскакали дальше по своим делам. А поодаль тетенька с маленькой собачкой безмятежно прогуливается. В скафандрах обе, конечно. Не скачут, потому что не торопятся.

И автомобили по Луне ездят! Точь-в-точь обыкновенные "москвичи" и "жигули", лишь колеса покрупнее и номера небесного региона.

Американские лунные города не такие. Серо-холодные нью-йоркские небоскребы, один к одному. Интересно, завелись уже в канализации крокодилы или еще нет.

Глеб прервал наше космическое настроение.

— Т-там что-то ходит.

Он стоял у парапета, испуганно показывая пальцем на детскую площадку.

— Где?

— В-вон!

— Это Чебурашка, — сказал Артем.

Действительно, около песочницы бродил задумчивый Чебурашка, но эта картина привычна. Ночь целиком принадлежит ему. Властвует безраздельно.

— Н-нет, другое... что я, Чебурашку н-не знаю... Там паук...

Артем хмыкнул.

И зря.

Потому что откуда-то из под нашего дома показалось белое пятно в метр величиной. Паук... Нет, точнее так — ПАУК! Многолапый и мохнатый, будто сотканный из ниток или паутины. В зубах (или что там у пауков) — мешок-кокон.

Такие на нашей планете не водятся. Даже австралийские меньше.

Мы застыли.

Паук решил перебежать песочницу, но на пути у него оказался Чебурашка. Монстр (это я про паука), остановился и злобно поднял голову, однако Чебурашка не двинулся с места и в

ответ тоже посмотрел на него. Так, как он обычно смотрит своими фосфорными глазами. Ласково и с мечтательной улыбкой.

Дуэль взглядов длилась недолго и победили в ней наши. Инопланетный пришелец попятился, по широкому кругу осторожно обошел Чебурашку и скрылся за кустами.

Не успели мы погордиться, как из-за тех же кустозарослей появился другой паук, только бегущий в обратном направлении и без мешка. К Чебурашке он близко подходить не стал и сразу юркнул под стену, а через минуту помчался назад, причем уже с мешком. Потом — еще один, и еще. Мы насчитали их четырнадцать штук. Бегали они в подвал (Артем лег на парапет, свесил голову и разглядел). Туда — без мешка, а обратно хозяйственно нагруженные.

Неизвестно, сколько бы длилось нашествие, но тут в соседнем доме на верхнем этаже отворилось окно, из него высунулась чья-то голова и посмотрела вверх.

— Погасли! — возмущенно воскликнул дядя-владелец оконной головы, имея в виду лозунги. После его слов начали открываться другие окна, оттуда вылезли еще головы и присоединились к негодованию.

— Безобразия! Почему не горят?

Пауки заметили народные волнения и во дворе появляться перестали, а граждане наоборот, вместо них вышли на улицу. Покричав и поразмахивав руками, они направились к электроцитам, дернули обратно рубильники и все стало по-прежнему — засветились над крышами советских домов красные фонари. Полубовавшись, жители разбежались по квартирам и все затихло. Двор опустел. Ни людей, ни гигантских пауков, даже Чебурашка куда-то делся.

— Что это? — спросил я.

Но ни Глеб, ни Артем не нашли, что сказать.

Потом Артем все же произнес:

— Надо спуститься и посмотреть.

5

Однако во дворе ничего любопытного мы не нашли. Разве что отпечатки паучьих лап на песке — круглые, с дырочками от когтей. И открытая дверь в подвал под домом. Но туда мы не сунулись, отложили поход до утра. Даже Артем согласился, что ночью слишком опасно, поэтому мы отправились спать к Глебу.

Он лег на свою кровать, Артем — на диван в другой комнате, а мне досталась раскладушка — это такая раскладная кровать, предназначенная для гостей, чтоб второй раз не приезжали. Заснуть на ней сложно. Хоть двадцать одеял подстели, она придумает, чем тебе в бок воткнуться. Инквизиция изобрела орудие пытки под названием "испанский сапожок", но "советская раскладушка" ему мало в чем уступает.

6

Незачем рассказывать, как я спал, потому что я не спал вовсе. У меня со сном всегда проблемы, а тут еще такое творится. Ну и раскладушка — вишенка на торте. Величиной с арбуз. Вишенка, а не торт. Торт маленький, почти пирожное. Рахметов в романе Чернышевского "Что делать?" спал на гвоздях, закаляя силу воли, но лучше бы на раскладушке позакаливал.

Артем тоже не выспался, но утром мы состроили довольные рожицы, чтоб не провоцировать родителей на "больше мы вас не отпустим", сбегали позавтракать, а потом вернулись ко входу в подвал. Там уже стоял Глеб, задумчивый, как ночной Чебурашка.

...Сначала нужно рассказать, что такое подвал в нашем доме. Причем необязательно в нашем — они везде устроены примерно одинаково.

На входе, значит, дверь. Деревянная, покосившаяся, крашеная в стародавние времена. Иногда на замке, но чаще без него обходится. Преступники в стране — дефицит, поэтому воровать вряд ли кто полезет, да и не хранят в подвалах ценности.

Со скрипом открыв ее, ты обнаруживаешь впереди темноту, а под ногами ступеньки разной степени полومانности. Отличный набор для мечтающих упасть! А если мечтаешь не об этом, то надо сохранять спокойствие, осторожность и верить в удачу.

Поэтому ты медленно ставишь ногу на первую ступеньку, потом на другую, уже невидимую, третью... а ее нога никак не находит, не находит, не находит... и вот ты кубарем катишься вниз. Встаешь, ощупываешь себя на предмет переломов, и, не отыскав их, успокаиваешься мыслями, что такой метод передвижения по лестнице имеет свои преимущества, в частности, скорость.

Пространство, в котором ты теперь пребываешь, невероятно узкое. Вытянуть руки — достанешь стены справа и слева. Пол здесь земляной и странный, вытопан до бетонной твердости, но поставленная нога неизбежно уходит в землю по щиколотку.

Лампочка в подвале всегда одна и в самом его конце (две лампочки здесь друг с другом не уживаются), светит мутным подвальным светом.

Но главное тут — маленькие, закрытые дверцами помещения за боковыми стенами, где жильцы хранят картошку, морковку, капусту, банки с огурцами-помидорами, а еще старые лыжи, старые велосипеды, старую одежду и прочие полунужные-полувыкинутые вещи. То есть подвал — это балкон, потому что на балконе то же самое.

...Мы спустились вниз. Осмотрелись фонариками. Страшно — аж жутко. Ноги — деревянные. На земле — дорожки паучьих следов. Отчетливые — кошмар.

А если не все пауки из подвала убежали?

У стены валялся черенок от лопаты, потемневший от сырости и немного заостренный. Артем подобрал его и пошел вперед. Сомнительно, что деревяшка поможет, но выбора нет. Может, позвать сюда Чебурашку? Его пауки боятся... Не, уж лучше они, чем эта загадочная улыбка.

...Следы вели все дальше и дальше, пока наконец не оборвались около одной двери.

Незапертой. Ни на замок, ни на крючок, ни на дощечку с гвоздиком, да и вообще распахнутой. Инопланетные твари, когда уходят, двери за собой не закрывают. Некультурные.

А вдруг они еще там?

Посветили фонариками.

Да, там.

7

...Дохлый паук валялся сразу за порогом. Глаза огромные, смотрят невидяще, клыки из пасти торчат, словно карандаши. Самое кошмарное — он как из паутины. Весь! И голова, и туловище, и лапы. Плотной, будто склеенной, но мягкие ошметки все равно торчат.

В углу подвала лежала картошка. Но сейчас ее нету! В другом — свекла. И она тоже почти вся исчезла! Гора стекла от разбитых банок валяется. Стекла есть, но содержимое отсутствует. Пауки воровали еду? Вот что скрывалось в мешках!

А с чего он помер?

Морщась от отвращения, Артем палкой разжал ему челюсти, и из пасти выпал

надкусанный соленый огурец.

— Неужто им отравился, — пробормотал Артем.

— По всей в-вероятности, — ответил Глеб. — Смотри, огурец в плесени.

— Так надо было ее счистить, — удивился Артем. — Это все знают.

— А он — нет. И п-поплатился за это.

Как интересно, подумал я. В уэллсовской "Войне миров" инопланетяне погибали от микробов, а у нас — от заплесневевших огурцов. В СССР своя специфика.

— Засыпьем его пока чем-нибудь, — сказал Артем, начал двигать чудовище к стене, но мертвая лапа зацепила полку с какими-то коробками, и одна из них, надорванная сверху, свалилась пауку на спину.

Не успел я понять, что это пачка стирального порошка "Лотос", как в том месте, где порошок попал на паука, возникло пламя. Самое настоящее! Красно-голубое, потрескивающее. За секунды прожгло в туше дырку и прекратилось.

— Хахаха, — восхитился Артем. Он взял пачку, велел нам отойти и обсыпал паука "лотосом" с головы до ног.

Паук сгорел целиком. Дочиста. Без дыма, но с искрами. Даже косточек не осталось.

— Это вообще как, — спросил я, не веря своим глазам.

— Элементарно, — ответил Глеб, — химический с-состав пришельцев таков, что когда их тела соприкасаются с концентрированными соединениями натрия, входящими в стиральный порошок, возникает сложная экзотермическая реакция, проходящая по разветвленно-цепному механизму с п-прогрессивным самоускорением за счёт выделяющейся в реакции энергии.

Артем вздохнул, понимая, что будет дальше.

Глеб уставился куда-то и набрал в грудь побольше воздуха.

— Теплота пожара это количество тепла, образующегося в зоне горения в единицу времени, она зависит от массовой скорости выгорания, низшей теплоты сгорания вещества и полноты сгорания вещества...

— Все понятно, не продолжай, — заорали мы, вернув Глеба из научно-заоблачных сфер в наш подвал.

— Вот чем с ними можно бороться, — сказал Артем. — Забираем весь порошок и несем на чердак.

— В-воровать? — засомневался Глеб.

— А как по-другому?! — отрезал Артем.

8

Наша добыча составила примерно тридцать пачек порошка. Точное число знает Глеб, потому что он не терпит слова "примерно", но я не спрашивал. Много пачек, еле донесли. Порошок тяжел, как свинцовая пыль. Сложили в уголок, прикрыли газетами. Кто-то прилично запасся на случай дефицита. Мы вернем, когда все закончится! Честное пионерское!

— Пока нет дождя, надо пройти по следам, — сказал Артем. — На земле они хорошо видны. Даже на асфальте, пока его не подмели.

Но для начала мы решили подготовиться. Из тех же старых газет понаделали небольших свертков с порошком. Бомбочек эдаких, наподобие петард, спасших нас в лагере. Если кинуть, порошок от падения рассыплется, а для паука это смертный приговор. Пятнадцать штук, по пять на каждого. В полиэтиленовые пакеты их запихнули. Хорошо, что когда-то мы

несколько пакетов из дома стащили. Они дефицитные, поэтому наши мамы полощут их в раковине наравне с посудой и вешают прищепками сушиться. Затем смыли порошок с рук. Мы не марсианские пауки, не сгорим, но ладони он разъест влегкую. Он и носки в стиральной машинке растворит, как азотная кислота, если его лишнего насыпать. А еще захватили увеличительное стекло для разглядывания следов.

Однако нам оно не понадобилось. Когтистые паучьи лапы глубоко впивались в несчастную землю и не заметить их было невозможно. Эти жуткие дорожки уходили далеко от подвала. Через дворы и асфальт в лес, а дальше... а дальше прямо на военную базу. Ту самую, будь она трижды неладна.

Мы остановились за деревьями. Маленькие, бледные и одинокие.

— Ну что, вперед? — вздохнул Артем.

— Конечно, — ответно вздохнул я, а потом вздохнул и Глеб.

Идем, хотя ноги идти не хотят. Надо где-то взять смелость... куда же я ее запрятал? Впрочем, если хочешь быть смелым, ты уже смелый. Мысль немного подбодрила.

Остановились рядом с окошком, послушали. Внутри тихо. Никого? Крайне маловероятно. Может, пауки заснули?

Включили фонари и осмотрелись. В руках — пакеты с бомбами. Так просто нас не возьмешь. Но никто нападать и не собирается.

Пусто! Не населено подземелье ни художниками, ни инопланетянами. Никем, кроме темноты. Мы обошли его три раза. Первый раз — с замирающим сердцем, второй — поспокойнее, третий — уже нагло, не таясь и громко разговаривая.

Посоветовались и решили вернуться к следам. Залитый грязью пол — именно то, что нужно начинающим следопытам.

Наши поиски увенчались частичным успехом. Следы отыскались, беда в том, что они вели в стену. Именно в нее! От входа тянулись в дальний кабинет, а затем обрыв. Ткнулся паук носом в штукатурку и исчез. Дематериализовался.

— Ни фига себе! — глубокомысленно заключил Артем. Глеб же ничего заключать не стал и принялся внимательно осматривать злополучную стену.

Скорее всего, кабинет был армейским классом занятий. Военные — они словно дети, с ними тоже надо заниматься. Висит коричневая учебная доска, как у нас в школе, рядом строгий учительский стол. Время и сырость поработали над ним, но он еще держится.

— П-понял, — прокряхтел Глеб, вставая с карачек. Физиономия у него стала гордая, хотя и озадаченная. Что-то явно нашел, однако не уверен, что этому стоит радоваться.

— Сейчас, — сказал он безо всякого заикания и щелкнул электрическим выключателем. Но никакого света не загорелось и не могло загореться потому, что под потолком нет лампочек. Этот выключатель жали, наверное, все школьники нашего района.

— И что? — спросил я.

Глеб начал щелкать азбукой Морзе. Три быстрых щелчка — три через паузу — и снова три быстрых. Сигнал бедствия. "СОС".

Стена задрожала, лязгнула и откатилась вбок, оставив вместо себя темный узкий проход. Из него ударило затхлым воздухом.

— Около выключателя б-было написано, — покраснев от смущения, сказал Глеб. — Как бы просто так, случайно нацарапали. Но я д-догадался, что надпись что-то зн-начит.

1

Черный ход оказался недолог, всего несколько метров, за ним дверь, мы толкнули ее, и...

...И очутились внутри ленинской комнаты. Точно в ней. Что я, ленинских комнат не видел? Они повсюду. У нас в школе, на папином заводе, в администрации района, да где угодно! Вот и сюда одна затесалась. Не верите, смотрите сами. Флаги на стенах, стенды с указами коммунистической партии, лозунги, барабаны и неприменный ленинский бюст. Ну и что это по-вашему?

Если рассуждать логически, ленинская комната — это комната Ленина. То есть он там живет. Но, поскольку он умер, то живет он там не очень. Следовательно, в ленинской комнате обитает его нематериальный дух. Домовые живут в сундуках, лешие в чаще, русалки под водой, а Ленин — в ленинской комнате. Ходит по ночам, шаркая ногами, и лампу под зеленым абажуром задумчиво включает.

А вообще-то эти комнаты сооружаются для всяких политических занятий, собраний, лекций, просмотра телевизионных новостей и поэтому играют важную воспитательно-просветительскую роль (ну, так говорят).

Но где находится ленинская комната, в которой сейчас мы? Правильно, на секретной военной базе. Поэтому комната тоже секретная. И вещи в ней секретные и необычные.

Например, лозунги на стене. Их тут несколько. "Решения пятнадцатого секретного съезда КПСС — в жизнь!" Другой — совсем таинственный. "Пролетарии всех стран...!" — и все, перед восклицательным знаком троеточие, пустое место, а ниже ссылка в скобках — "5-й абзац 7-й главы приказа № 7598325 от 02.11.1978 г."

Барабан за стеклянной шкафной дверцей — не барабан. Африканский тамтам скорее. Какое он имеет отношение к вождю?!

Но все это меркнет по сравнению с ленинским бюстом. Он стоит в углу, около красного знамени, на тумбочке, накрытой красной материей. Живой, поглядывает искоса, мол, кто такие, я вас не звал. И лицо его... прямо скажем...

Ленинов я видел много. Они везде! В форме памятников, портретов, бюстов и бюстиков. Размножились чрезвычайно. В школах, кинотеатрах, магазинах, на площадях и улицах. И все одинаковые. Приветливо серьезные, умно добродушные, по одному лекалу сделаны. А этот — секретный, нефасадный, для внутреннего потребления, по другому.

Лоб низкий, прищур наглый, зубы редкие. Нос кривой, наверное, в драке сломали. Ильич выглядит так, будто его не царские шпики за революционную агитацию разыскивали, а советский участковый за мелкий криминал.

Неужто он такой на самом деле? Не думаю, я ведь видел и фотографии, и документальные фильмы. Да и слишком простое это объяснение! Но тогда почему...?

2

Секретная ленинская комната — прекрасно, но где в ней пауки? Отсутствуют. С одной стороны, хорошо, потому что они на нас не набросились и не съели. А с другой — наш долг найти их и обезвредить. Такая у нас судьба.

Поэтому ищем тайный проход в стене. Коль есть один, найдется и второй. Принцип существования военных баз мы поняли. Без спрятанных дверей они не обходятся.

Отыскал его опять Глеб. Вроде не самый глазастый из нас, но заметил первым. Вернее, не заметил, а вычислил. Пригляделся к Ильичу и сказал:

— Видите т-тонкую полоску на шее? Это резьба. Значит, голова крутится. И крутится не просто так. Открывает что-то.

— Надо повернуть Ленину череп? — уточнил Артем.

Глеб смущенно развел руками.

— Н-ну да.

Я, признаюсь, не смог представить, как я это делаю. Ленин в СССР как бы "наше все" борется за первое место с пломбиром, и вдруг нужно свернуть ему голову?! Я малодушно взглянул на Артема. Пусть он сворачивает, мелькнула предательская мысль. У него нервы крепкие, хулиганистые.

И Артем не подвел. Засучил рукава, и, поигрывая пальцами, как профессор Мориарти в фильме о Шерлоке Холмсе, смело приблизился к вождю, который понял, что его ожидает. Говорить бюст не умел, но возражать насилию над собой, делая разнообразно-вредные рожи мог вполне. Артем даже поинтересовался:

— А он не укусит?

— Ленины не кусаются, — сказал я и отвернулся.

И вот Ильич недовольно смотрит себе за спину, а часть стены с глухим шорохом отъезжает вбок и прячется за шкафом. Опять темный проход, внутри которого еще одна дверь. Интуиция подсказывала, что за ней уже будет уже по-взрослому.

3

Огромный завод. Темный, как космос, только аварийные фонари над станками. Старый, заброшенный, пыльный космос. Спит в мертвой тишине. Черной, невидимой, обволакивающей воспоминаниями о музыке, которую мы слышали у Игоря.

Дверь из ленинской комнаты вела на железный балкон, тянувшийся тонкой ниткой над цехом влево и вправо. Метров тридцать до пола, и столько же до каменных балок потолка. Слева — лестница. Не какая-нибудь пожарная, а обычная, со ступеньками, хотя целиком из железа.

Каждый шаг на балконе отдавался эхом. Если хочешь оставаться незаметным, иди осторожно. Но мы пока никуда и не шли. Стояли, вцепившись в перила, изо всех сил вглядываясь в неподвижную пустоту. А она вглядывалась в нас.

Что изготавливали на заводе, понять трудно. Станки огромные, но покрыты темнотой, а некоторые вдобавок еще и брезентом. Попробуй тут, догадайся.

Людей и пауков не видно.

Артем задумчиво потер нос.

— Обойдем завод по кругу. Вниз спускаться не будем.

4

...Первого паука мы заметили очень скоро. Он лежал на полу в проходе между станками, неподвижный и жуткий комок. Спал! Потом показались еще несколько. Они тоже не двигались. Значит, днем пауки отсыпаются, а ночью выходят по своим делам — воровать еду или кто их знает зачем. Интересно, могут ли они сейчас проснуться. На балкон им взбежать — в два счета. Думаю, они так в город и попадали. Через заброшенную военную базу, которая оказалась маленькой надводной частью огромного подземного айсберга.

Потом мы увидели другую инопланетную живность — толстеньких мохнатых червяков, напоминающих опарышей, которыми ловят рыбу. Но на этих что-то поймать трудно, ведь

они длинной в пару метров. Такая приманка сама схватит кого угодно. Какое счастье, что они сейчас тоже не двигались. У монстров тоже бывает послеобеденный сон.

А еще нам попалась какая-то сколопендра. Белая, пушистая, втрое больше паука, с клыкастой пастью и десятками ног. Не дай бог, чтоб такое приснилось. Хуже только встретить чудовище в реальности, подумал я и ущипнул себя.

Однако не проснулся. Наверное, потому, что не спал.

Внезапно шедший впереди Артем замер, будто налетел на стену, обернулся и приложил палец к губам.

5

Мне показалось, что впереди поддерживающая потолок колонна, но я ошибся. Не колонна. Скорее, металлический шпиль толщиной в несколько шагов и высотой до самой крыши. Обмотан проволокой, как новогодняя елка гирляндами. Даже маленькие огоньки кое-где сверкают.

А у его подножия на полу стоял телевизор. Старый-старый, ни разу не голограммный. Соединен проводом со шпилем. На экране — помехи. Знакомая шипящая рябь. Такая же, как на телевизорах дяди Саши и Михаила Егоровича.

Я все понял. И Глеб с Артемом тоже, как тут не догадаться. Шпиль — это излучатель, антенна, которая передает помехи на телевизоры, чтобы изменившиеся не вернулись. Все, как у Игоря в его последнем рассказе. Но кто ее сделал?

Мы прошли по балкону и узнали. Механик дядя Боря сидел на стуле с другой стороны шпиля. Не спал, в отличии от монстров. Находился в каком-то забытии, опустив голову на грудь, иногда вздрагивая и оглядываясь.

Затем настал черед увидеть остальных. Кто-то неподвижно стоял, кто-то замер, сидя на полу. Художники, милиционер дядя Сережа, дядя Саша. И еще много кого мы не рассмотрели в темноте.

Вот и все. Пазл сложился. Хотя лучше б не складывался.

6

А дальше, после нескольких крадущихся минут путешествия по балкону, мы обнаружили самое интересное. Вернее, самое кошмарное. Ну или и то, и то. Интересное и кошмарное — не противоположности.

Камень, который мы притащили с лагерной военной базы. Он, никаких сомнений. Той же формы и расцветки, с трещиной посередине, будто ртом. Как его удалось заметить с балкона, да еще и почти без света?

Запросто!

Он разросся. Как гриб после дождя. Стал величиной в метра четыре и лежал среди расстелившегося на полу огромного паутинного покрывала. Неподвижный каменный паук в своей паутине. Ему, выходит, чудовища еду таскали.

По бокам паутины — коконы. Полсотни с каждой стороны. Словно прозрачные яйца, но величиной с тумбочку. В коконах слева — пауки-слуги, черви, другие твари. Созревают, готовятся к рождению. А в коконах справа...

— Камни, — прошептал Артем.

Они самые. Еще маленькие, но увидеть можно. А если не увидеть, то догадаться о них. Смотреть и догадываться — слова похожие. Родственники, почти близнецы, но не все это видят и не все об этом догадываются.

Зачем выращивают камни, объяснять не нужно. Их понесут изменившиеся в город, чтоб

сделать всех такими же, как они. Эпидемия не за горами.

И стало мне как-то не интересно, а только страшно. А потом еще страшнее.

Поодаль, метрах в тридцати от камня, стоял похожий на человека робот. Выключенный, с открытой, будто для сложного ремонта, черепной коробкой. А рядом с ним лежало почти целиком замотанное в паутину тело. Как египетская мумия. Но в паутине не фараон, а Павел Федорович — тот, кто находил камень задолго до этих событий, и кому жизнь сомнамбулы очень нравилась.

Бывший учитель истории. Теперь он мертв. История закончилась.

Но от его головы к шпилью тянулись провода. Антенна передавала людям мертвые мысли?!

Рядом табуретка и столик с листком бумаги. Перед смертью Павел Федорович что-то писал. И еще на столе мы заметили другой камень. Присмотрелись — да, один кокон пустой и разорванный, из него что-то доставали. Получается, первый камень разъелся до необъятных размеров, и теперь уже второй потихоньку превращает людей в зомби.

— Вот кто поджег Клуб. Робот. Теперь все ясно. Двери выломал, но дальше не справился. А заставил его это делать Павел Федорович, — вздохнул я.

— Надо утащить записку, — сказал Артем. — Там вторая лестница.

— С ума сошел, — ответил я.

— Ни откуда я не сошел, — огрызнулся Артем. — Пауки дрыхнут, и все остальные тоже. Я мигом. Туда, и назад.

7

И он сбегал. Быстро, как и обещал. Вернулся дрожащий, но довольный.

— Читайте, — он протянул нам свой бумажный трофей.

Мы отошли к стене и Глеб осторожно включил фонарик.

...Почерк ровный и аккуратный. Спокойный, уверенный, не сумасшедший ни капельки. Таким пишут ценники продавщицы мороженого, самые здравомыслящие люди на планете. Они с безумием на разных полюсах, и вместе им не сойтись.

"Я знаю, что делать. Моя кровь даст Камню силу, а дальше все пойдет само собой. Мне могли помешать дети со своим мерзким увлечением космосом, но они опоздали, хотя ни один поджог у меня не получился. Очень хотелось написать анонимку и выгнать их с чердака, но быть доносчиком отвратительно.

Мир спасен. Теперь не будет ни войн, ни боли, ни страха. Разве за это не стоит отдать жизнь?

Или ты умеешь подчиняться, или ты несчастлив. Стань тенью, человек. Закрой глаза и стань тенью".

8

— Поговорим об этом потом, — сказал я ребятам. — Не сейчас. Сейчас некогда.

Они согласились.

9

Еще немного — и мы дошли до края цеха. Балкон закончился у огромных ворот, в которых были другие, поменьше, хотя и не слишком маленькие — если открыть, автомобиль проедет. Наверное, они вели во второй цех, но даже сверху мы разглядели замок, сделавший продолжение пути невозможным. В нашем цеху тоже идти некуда — на противоположной стене, совсем темной, балкон отсутствовал. Жаль. Хотя и так повидали сегодня достаточно.

Недалеко от дверей, кстати, стоял памятник Ленину. Белокаменный пятиметровый

Ильич с поднятой рукой. Лицо стандартно-классическое, не такое живописное, как в ленинской комнате.

Живой памятник или неживой — трудно сказать. Сейчас, во всяком случае, не шевелится. И это хорошо.

Обратно надо выбираться тем же путем, что и заходили. Секретные двери автоматически уже закрылись за нами, но с их тайной стороны кнопки управления не изображали из себя выключатели, и никакие точки-тире на них выстукивать было не нужно — нажал, и все. Когда покидали балкон, Глеб остановился и спросил:

— Сл-лышите?

— Что? — не понял Артем.

— Что-то б-большое.

Мы, как говорится, превратились в слух, но тишина стояла полная. Звуки даже не мерещились.

— Ничего нет. Двигаем отсюда, — сказал я.

10

...Вот мы и дома. То есть почти. В лесу около базы.

— Останемся здесь, — поделился соображениями Артем. — и проследим, выйдет ли кто наружу.

Толковая мысль. Вот только полянка крохотная, и чтоб вышедший, кем бы он ни был, человеком, пауком или еще какой-то тварью, не затерялся сразу среди деревьев, нам придется сидеть в засаде прямо у него под носом, даже если у него нет носа. И, возможно, долго.

11

Но оказалось, не очень. Уже через час на поверхность выбрался дядя Боря. Как кукла, которую научили ходить, и она идет, бездумно и механически передвигая ноги. За ним появились точно такие же дядя Саша, дядя Сережа-милиционер и трио художников. С последними возникла проблема. Они, вместо того, чтобы топтать напрямую к домам, поначалу направились в другую сторону — туда, где лежали мы, и нам пришлось спешно ретироваться. К счастью, художники покружились у входа, и, как невидимо соединенные сиамские близнецы, все-таки пошли в город.

Из-за них мы сменили место наблюдения на более отдаленное и не смогли рассмотреть остальных, но десятка два силуэтов людей-сомнамбул увидели. А потом — никого. Мы пробыли здесь еще пару часов, но лес оставался пустым, хотя и зловещим.

— Пора есть, — сказал Артем.

— Не хочу, — ответил я.

— Если умрем с голоду, лучше никому не станет.

— Поедим, а дальше что?

— Не знаю. Надо думать. Так просто камень не уничтожить. Пауки хоть и спят днем, но могут проснуться.

— Я зн-наю, — вдруг сообщил Глеб.

— Что ты знаешь? — недоверчиво спросил Артем.

— Как п-победить инопланетян, — сказал Глеб. — У нас же есть ключи от Клуба?

— Есть, — сказал я, — а зачем они?

— П-пойдем обедать. По дороге расскажу.

1

Глеб, конечно, голова. Причем голова, которая соображает. Внутри нее миллион умных мыслей. Но сейчас эта голова трескает бабушкин рассольник и ни о чем не думает. Вычислительная машина ушла на перерыв и временно недоступна.

Артем тоже лопают от души. Маленький, а сколько в него вмещается! Хотя чему удивляться, его непоседливость требует энергии. А в рассольнике ее много. И она вкусная. В молочном супе энергии, вероятно, еще больше, но проверить это наука не может — еще не родился человек, который смог одолеть его даже чуть-чуть. Изобретение молочного супа — яркий пример оторванности научных исследований от реальной жизни.

Но мне есть хочется не особо. По прошествии долгих двенадцати лет пребывания на земле жизнь сделала из меня человека впечатлительного, наделенного яркой фантазией и склонного драматизировать, что бы это слово не означало. А вскоре нас ждет то, что драматизировать и не стоит. Оно само по себе драматично. Глеб действительно придумал великолепный план. Гениальный, будем говорить мы, вспоминая события спустя много лет, хотя для воспоминаний необходимо одно условие. Без его выполнения вспоминать не получится. Какое? Неужели непонятно — сегодня ночью надо выжить.

2

...Дядя Саша в Клуб, похоже, давно заходил. Вот и отлично. Сейчас он нам тут ни к чему.

— Не так уж и тяжело, — заявил Артем, ставя пылесос на пол.

— Носить можно, — сказал я, вытаскивая второй из сумки, в которую я его положил, чтобы не привлекать внимание.

— С-сойдет, — заключил Глеб.

Первая часть мероприятия прошла удачно — все три пылесоса доставлены. Один из них немного поломан (наш древний пылесос, который мои родители оставили на балконе, когда тот начал сам внезапно выключаться; отнести его на мусорку, как сказал папа, "не поднялась рука").

Остальные два — работающие. Первый из них — старый Артемов, его заменили на другой только потому, что новая модель выглядела престижнее, да и просто появилась возможность купить дефицитную вещь, когда-то она возникнет в следующий раз. В общем, Артем притащил оба пылесоса, за что ему, если он уцелеет в битве за спасение мира, от предков не поздоровится.

Мы чуть-чуть отдохнули и перешли к дальнейшему претворению в жизнь нашего замысла — полезли в шкаф и вытащили три скафандра.

Разумеется, детских, которые нам впору. От настоящих они почти не отличаются, хотя и не уберегают от космической радиации и прочих звездных неприятностей. Воздушные баллоны к ним присоединить невозможно, но воздух для дыхания проходит специальный фильтр, а налобные фонари светят шикарно. И эти скафандры гораздо легче, весят, как обычная одежда. Не жарко в них, и комары ткань не прокусят. Хотя инопланетные пауки смогут. Клыки у них больше аллигаторовых.

А потом мы притащили весь наш временно украденный стиральный порошок.

3

План, значит, такой. Мы переделываем пылесосы, чтобы они работали не от розетки и не засасывали пыль, а выдували обратно, и сыпем внутрь стиральный порошок, превращая их в распылители-огнеметы. Как стемнеет, надеваем скафандры, идем в цех и уничтожаем всю подземную нечисть во главе с разьевшимся метеоритом. Скафандры защитят нас от порошковой пыли. Людей в цеху в это время не будет, и когда камень сторит, они очнутся ото сна.

Выглядит все легко и просто.

Но, боюсь, в реальной жизни бороться с инопланетянами сложнее.

Как жаль, что с нами нет моего деда.

4

К вечеру работа была закончена. Не зря мы занимались в Клубе, умеем кое-что делать руками. Вставили в пылесосы аккумуляторы, которые использовались в моделях космических кораблей, подсоединили обратным способом шланги, ну и тот, нерабочий, вернули к жизни.

Темень еще не наступила, но мы улучили момент, и, когда прохожие разошлись, экспериментально высунули наконечники шлангов в окно и нажали кнопки. Результат порадовал! Облако порошка полетело метров на пять. Трепещите, космические захватчики! Вас атакуют пылесосные войска.

Оставшийся порошок мы засыпали в пакеты, чтоб перезаряжать оружие, и газетных бомб на всякий случай смастерили еще пару десятков.

Теперь — по домам. Говорим родителям, что опять идем посмотреть на звезды, и встречаемся в двенадцать у Клуба.

5

...Уже на лестничной площадке я почувствовал непонятный запах. Неплохой, вкусный, но что это пахнет, не догадывался. Однако непонятность длилась недолго и исчезла в секунду после того, как я открыл дверь.

Мама с папой сегодня были не на работе, а на капустной базе.

Дед ехидно говорил, что советский инженер не только инженер, но и сотрудник овощебазы, и тут он почти не шутил. Всех научных сотрудников родительского завода частенько отправляют на капустный, морковный, картофельный или еще какой-то съедобный склад помогать складским ненаучным сотрудникам и ржавым двуногим роботам-сортировщикам перебирать урожай, потому что те сами не справляются, стонут, истерят, зывают о помощи и в тоске совсем бросают работать.

Но инженеры не против, ведь после рейда на базу кое-что в виде трофея можно бесплатно захватить с собой. Вот и сегодня на кухонном столе вместо нарисованной головы вождя лежал огромный, уже частично покромсанный ножом кочан капусты, а второй, еще огромное, ждал своего часа в коридоре, потому что в кухонную дверь не пролезал. Ума не приложу, как его родители несли. Катили, не иначе.

А еще, как оказалось, они собираются сегодня вечером в гости, и придут поздно. Вот и хорошо. Теперь точно никто не будет запрещать снова уйти посмотреть на небо. Сами пошли развлекаться, значит, и мне можно.

В гости родители уходили в недалекие, в соседний дом. Мама уже достала синее нарядное платье, а папа костюм, который надевал только на ответственные мероприятия, вроде приезда министра на завод, или для гостей. Но сейчас мама еще резала капусту, а папа приклеивал оторвавшуюся подошву ботинка (не парадного, ежедневного, парадные туфли у

него в идеальном состоянии, за пять лет со дня покупки он не прошел в них и полукилометра, берег). Клей "момент" — штука сильная, но заторможенная, сохнет не спеша, и склеенные части необходимо прижимать чем-то увесистым, поэтому папа сунул башмак под ножку стола, а для тяжести принес из шкафа полное собрание сочинений Достоевского.

Хороший выбор. Достоевский писал тяжело, и очень. Сравнивал тяжесть его книг с гоголевскими, и получилось, что при одинаковости толщины и вклада в мировую литературу достоевские вдвое тяжелее. Для приклеивания подошв он как писатель гораздо серьезнее.

Потом папа зарядил под одеялом фотоаппарат "Зенит" и отправился на кухню помогать маме управиться с капустой. Вдвоем они быстро одолели один кочан. Построгав его на мелкие кусочки, запихнули их в трехлитровые банки и посыпали солью. Но засолили не всю капусту, часть оставили для борща, винегрета, и просто пожевать. Кочерыжку отложили специально мне — знают, что я ее обожаю.

Затем мама убежала к тете Маше, чтоб та ей сделала прическу (тетя Маша причесывает половину женской половины подъезда), и отец попросил меня зайти к нему в комнату.

6

...Он сидел в кресле. В костюмных брюках и светлой рубашке. Пиджак не надел, будто желая казаться солидным, но не слишком.

Слева, рядом с его головой, из стены торчал светильник "лилия" — тошнотворный белостеклянный цветок на черной подставке. И выглядит ужасно, и дотрагиваться до него нельзя — лепестки крошатся от малейшего прикосновения. Зачем его родители купили, не знаю. Наверное, потому, что все покупают. Говорят, он светит до того отвратительно, что залетевшие в комнату комары впадают в депрессию и теряют аппетит. Глупости, конечно, хотя родителей они и вправду по ночам не кусают, а меня с удовольствием, аж пищат от восторга.

Папа жестом предложил мне сесть в кресло напротив. Мне это понравилось мало, но виду я не подал, молча опустился на краешек.

А потом люстра погасла. Такое случалось и раньше, отходил контакт в выключателе, папа обещал подкрутить, но руки никак не доходили.

Наступила темнота, потому что лозунги за окном еще не горели. Папа щелкнул "лилией" и немного подался вперед.

— Хочу поговорить с тобой, пока мы одни, хотя никаких секретов от мамы нет. Речь пойдет о твоём дедке. Ничего плохого о нём ты не услышишь. Наши жизненные принципы отличались, но я любил его и благодарен ему за то, что он для меня сделал. Все-таки он мой отец! Но я хочу сберечь тебя от неприятностей, понимая, что он и после смерти оказывает на тебя влияние.

Папа помолчал, взглянул в окно и продолжил.

— Наверное, его биография тебе известна не вся. Совсем юным он пришел в революцию... поверил, что она необходима, хотя жил в довольно обеспеченной семье. Он, как и многие другие, мечтал построить новый мир. Мир свободы, счастья, справедливости... Разочаровался быстро. Уже во время гражданской войны показал свой характер, не выполнил какой-то приказ и был приговорен к расстрелу, но после нескольких дней в камере смертников его почему-то выпустили и выгнали из армии.

Отец криво улыбнулся. Я никогда не видел у него такой улыбки.

— Это его ничему не научило. В тридцатые годы... а ты знаешь, какое это было время...

жестокое и противоречивое... ему хотели дать неделю ареста за какую-то ерунду — что-то не то сказал о советской власти. Тогда наказывали за любую провинность, ему бы радоваться, что легко отделался, но дед в милиции ударил следователя за то, что он его якобы оскорбил. Ну и поехал в лагерь лес рубить... до самой войны с Германией. Потом воевал в разведке, был трижды ранен. А дальше... — отец пожал плечами, — флот, пустыня, подземелья и прочее. Жалел, что не смог слетать в космос. Рановато родился, часто повторял. И еще — я этого никогда не понимал — у него было постоянное чувство, что мир стоит на краю, что вот-вот все разрушится. Но ты же понимаешь, что с миром ничего не случится.

— Дед обошел всю планету, — продолжил папа. — Что искал? Свободу. Красоту. Говорил, что они только в риске, в игре, в поединке. Не боялся ничего, даже одиночества. Его смелостью можно восхищаться... но делать этого не стоит. Он был сумасшедшим, если называть все своими именами! Так жить — безумие! Война с ветряными мельницами! Бессмыслица! Чего он добился? Умер в своей постели? Да, немногие из любителей путешествий могут этим похвастаться!

Я заметил, что он внимательно смотрит на меня, пытаюсь понять, какое впечатление произвели его слова.

— Ты наверняка давно понял, что дед недолюбливал советскую власть. Но это не так — он не любил любую власть. Все, что указывает ему, как жить. Он считал себя равным государству, ни больше, ни меньше. Но гордость, как известно, называется грехом, — произнес отец и усмехнулся.

— Романтика... У нас в стране все пронизано романтикой. Комсомольские стройки, освоение Севера, космические полеты... А знаешь, из чего она появилась? Нет? Тогда я скажу тебе — из желания сэкономить деньги. Вместо того, чтобы платить полярному летчику за его тяжелый труд, лучше рассказать по телевизору о чудесных полетах над айсбергами и торосами, о красоте ледяных морей, о землях, где еще не ступала нога человека, и от желающих рискнуть своей жизнью не будет отбоя. Вот и все! Умному долго объяснять не надо. Хотя государство на самом деле не обманывает, потому что ложь во спасение — не ложь, ему нужны романтики-идеалисты, оно не может существовать лишь на принципе "ты мне, а я тебе". Но романтики на войне гибнут первыми. А поле боя после победы принадлежит людям спокойным и рассудительным. Поэтому не воспринимай буквально то, что тебе говорит родина — поддакивай, соглашайся, но уступи место на переднем крае другим — тем, кто не умеет или не хочет думать. Ты слушаешь меня?

— Да, — ответил я.

— Государство у нас хорошее. Оно подарило нам квартиру, бесплатно лечит, бесплатно учит тебя в школе — чего еще желать? Да, ты не станешь миллионером. Но и нищим тоже никогда не станешь!

— Истина — это то, что вокруг, — продолжил он. — Эти дома, эта мебель, этот светильник с обломанными лепестками, который ты так ненавидишь... то, до чего можно дотронуться. Она скучна и несправедлива. Но другой нет и не будет! А взрослость — согласие с ней. Смирение с тем, что ты не все можешь изменить — а по правде говоря, изменить ты почти ничего не можешь. Все это понимают, кто-то раньше, кто-то позже. Все, кроме безумцев вроде твоего деда. Но их, к счастью, очень мало. Романтика и приключения — не до конца пережитое детство, инфантильность. Чтение фантастики — неудачная попытка сбежать из унылой реальности, страх увидеть мир таким, какой он есть. Бунт

против естественного порядка вещей. А разве бунтовщики могут быть счастливы? Присмотрись внимательно к тем, кто читает фантастику! У них глаза изгоев. Они одиноки и в опасности. Когда-то я пошутил, сказав, что знаю, кто поджег клуб, и ты очень удивился. Что ж, объясняю. Я поджог его! Хотя, конечно, я этого не делал. Но все-таки в некотором смысле я, потому что я не хотел, чтобы клуб уводил тебя из реальности в космические дебри.

Тут из коридора донесся скрип открываемой двери. Мама вернулась с прически, и наше общение закончилось. Папа добавил "подумай о том, что я сказал", и родители ушли, напутствовав меня пожеланием быть внимательным и аккуратным, не включать газовую плиту и выключать свет, а если я пойду к Глебу, то соблюдать осторожность и не уронить телескоп с подоконника кому-нибудь на голову.

Я все пообещал.

7

Никогда раньше мне так не хотелось, чтобы родители оставили меня одного.

Отец прочитал мне целую лекцию. Как училка Мария Леонидовна. Она тоже любит выступать, особенно перед всем классом. Говорит нагло и самоуверенно. Делает вид, что знает все обо всем. Тупые всегда самоуверенны, и зная эту тайну психологии, на Марию Леонидовну можно не обращать внимание. Но папа не такой. Он тихий, но умный. Его слова похожи на правду, поэтому с ним трудно спорить.

Он назвал деда сумасшедшим. Разве так можно? И сделал это специально. Провоцировал меня. Зачем, не знаю. Какой-то хитрый план?

Сами вы сумасшедшие! Все! С вашими сериалами и международными панорамами, коврами на стенах, телевизорами, овощными базами, фразами "не от мира сего" и книгами, которые вы не читаете, а ставите на полки, потому что все ставят.

Сказал — и слегка успокоился. Сходил в ванную, намочил руки холодной водой, умылся. Вернувшись в комнату, увидел, что на соседнем доме запылали огромные лозунговые буквы.

Скоро мне идти. Я боюсь, но в меру. Может, не понимаю опасности. Словно читаю роман о собственных приключениях, а книгу легко в любой момент закрыть и положить на полку.

Вдруг подумалось: надо заглянуть в кладовку, то есть в бывшую дедову комнату. Хотя сейчас его там нет, и даже воспоминаний не осталось. На полу валяются коробки, со стены свисают гроздья луковых колготок.

Но чемодан по-прежнему лежит. Дед закрыл его перед смертью и велел не трогать. Ослушаться боязно, да и ключ неизвестно где. А однажды мама, начав заикаться почти как Глеб, прошептала отцу, что в чемодане кто-то живет, и папа тоже шепотом попросил ее замолчать, а то сын услышит. Я, как нетрудно догадаться, все же услышал и потом тысячу раз прокрадывался в кладовку, прикладывал ухо к чемоданному боку. Увы, изнутри доносилась только тишина.

Неожиданно я понял, что могу нарушить запрет, что дедово требование не открывать — скорее всего игра, которую дед так любил. А игра больше, чем реальный мир. В ней все сложнее, многие слова в игре носят маски и только притворяется собой. Дед будто подмигивал мне из темноты, смеясь и спрашивая — готов ли ты не испугаться?

Да, твердо ответил я, включил в кладовке свет и вытащил чемодан. Какой он тяжелый и мрачный. Кусок первобытного дерева или обломок разбитого корабля. Железная, в прикосновениях ржавчины ручка, и такой же замок.

И тут в чемодане что-то зашуршало, заскреблось и поползло.

Я выскочил из кладовки, как ужаленный. Стало ясно, о чем в панике говорила мама.

Глубоко вздохнув, взял себя в руки и осторожно подступил к чемодану. Тот, кто в нем был, еще поворочался и затих.

Кто же это? Домашних животных дед не заводил. И кто способен жить без еды и воздуха?!

Нет, я все-таки открою. Даже если существо вопьется мне в руку отравленными зубами. А как иначе? Сгорать от любопытства до пенсии? Дед на моем месте бы точно открыл.

Но где искать ключ? Промелькнула мысль — странная, но интересная — о том, что ключ не может находиться далеко от своего замка, даже если он на другом конце света. Я ничего не понял, однако снова принялся рассматривать чемодан.

Поначалу никакого тайника не обнаружил. Дерево старое, но твердое, как камень, в прожилках тонких трещинок. Ключу спрятаться негде. И только через полчаса тщательного поиска я заметил, что сверху, ближе к правому дальнему от замка углу трещины образуют неровный прямоугольник, похожий на крышку пенала.

Она легко сдвинулась, и под ней в небольшом углублении лежала тонкая стальная пластина с прорезями — ключ.

Дрожащими руками я вставил его в замок.

8

...Чертик, обыкновенный резиновый чертик оказался источником шума и всеобщего страха. Ростом ненамного больше мизинца, с рогами, ухмыляющейся рожницей, тонкими ножками и толстым пузом со вставленной в него миниатюрной ядерной батареей. Энергии в ней хватит, чтоб ползать и шебуршать миллион лет. Вот ты какой, хранитель чемодана. Чувство юмора дед сохранял до последней минуты.

А еще внутри лежала старинная морская лампа, коробка спасательных спичек, почтовый конверт и свернутая вдвое записка.

Сначала я вытащил спички. Они не такие, как те, которыми зажигают газовую плиту. В магазинах их не купить. Вдвое длиннее и толще, не боятся воды и ветра, загораются от любой шершавой поверхности, и в каждой из них жара, как в костре, всю ночь зимой греться можно. Сунул их в карман, вдруг пригодятся, хотя и не представлял, зачем.

Потом стал рассматривать лампу. Шар размером с два кулака из толстого стекла, а вокруг него железные защитные скобы. Нижняя часть вывинчивается для запаливания фитиля.

Я так и сделал — выкрутил, затем понюхал — масло есть, повернул ручку (никакие спички тут не нужны, зажигается от трения, как порох в кремниевом оружейном замке), и появился маленький желтый огонек. Ввернув фитиль обратно в шар, я поставил лампу на ящик и вышел, чтобы погасить верхний свет (выключатель был снаружи кладовки).

А когда вернулся, понял, что кладовка теперь не в нашей квартире, а в космосе. Лампа горела, как Сириус, на стенах и потолке мерцали маленькие блестящие звездочки. Оказывается, космос может быть где угодно, даже внутри клетушки длинной в несколько шагов, если ты захочешь его найти.

Я постоял немного и взял конверт. В нем оказался рисунок.

...Черный ночной город. Погасшие фонари. Никого нет. Пусто. Ветер носит мусор и осенние листья. Свет лишь в одном окне.

Когда-то я говорил эти слова. Мысленно, стесняясь произнести их вслух, потому что

рядом был дед, хотя именно он привел меня к этой картине, то есть к ее огромной копии на стене. Наверное, город и там, и на клочке бумаги нарисовал он. Я и не знал, что он умел рисовать. А что я еще о нем не знаю?

Затем я развернул записку. Она состояла из двух частей.

9

Смерть стоит у дверей, но войти пока не решается. Привет, старая знакомая. Неплохо выглядишь. Не волнуйся, сейчас я не против уйти с тобой. Но вспомни того факира в Индии, который, впервые увидев меня, назвал мое имя и сказал, что имен у меня было много, и не сосчитать, сколько раз я приходил в этот мир. Возможно, наши отношения сегодня не закончатся!

Мои бумаги, дневники и рисунки спрятаны. Их найдет тот, кому они интересны, или не найдет никто.

Жалею только об одном — мало разговаривал с внуком. Он пытается думать, а я слишком любил его и не хотел, чтобы он стал белой вороной. Их жизнь тяжела. Но другим он не будет. Плохо, что я не понял этого раньше.

Все оказалось напрасно. Прошлое уничтожено, новое не построено. Революция проиграла самой себе. Мечты стали подделкой.

Ваше небо фальшиво. Толкни рукой, и декорации упадут, но радоваться этому не стоит.

Придет новый мир — жестокий, без иллюзий. Мир лжи, воровства, предательства, подлости и злобы.

Настанет время людей, стремящихся стать животными. Способных унижать и унижаться. Сытых свиней, распираемых гордостью из-за того, что они жрут из золотых корыт.

10

Какой длинный сегодня день. И он еще не закончился, хотя и стал ночью. Как много всего произошло. Я подумаю об этом. О словах отца, о записке деда, и о другом. Но не сейчас. Сейчас мне надо идти.

11

Глеб первым пришел в Клуб. А я опоздал на минуту — часы в комнате отстали. Неудивительно, все часы могут запутаться во времени. Все, кроме тех, которые в голове Глеба. Эти не ошибаются никогда.

Потом послышались шаги Артема. Он принес пакет, из которого вытащил три стаканчика пломбира.

— Бабушка купила для нас, — объяснил он, — и дала еще денег.

Впервые в жизни я ел пломбир без восторга. Да, вкусный, но не больше того. Все-таки мне страшно. Ходишь, улыбаешься, разговариваешь — а душа под маской оцепенела, хотя даже ты сам этого почти не чувствуешь.

Как сложно устроен человек. Нельзя ли было сделать попроще.

Съели пломбир и взглянули друг на друга. Глеб спокойный, только грустный. А у Артема глаза малость безумные, отчего он напоминает какого-нибудь Нестора Махно, готового воевать со всем миром, не совсем понимая, зачем.

Насчет себя ничего не могу сказать. Зеркала нет, а спрашивать, как я выгляжу, глупо.

12

...Пылесосы и скафандры мы запихнули в большие сумки, в которых таскали ракеты на пустырь. Сразу надевать амуницию не стоит. Вдруг кому-нибудь тоже не спится, выйдет погулять на улицу, и тут мы в виде космонавтов, здрасьте. Каждому досталось по две сумки. Увесистые! Успокаивало то, что на плечах тяжесть будет чувствоваться не так.

В лес мы решили зайти поодаль от базы, опять-таки, чтоб ни на кого не наткнуться. На человека-зомби или паука.

Ночью в лесу жутковато. Черные тени, коряги, силуэты, шорохи. Ночные птички щебечут что-то несмешное. Это я про обычный лес, без инопланетной добавки, от встречи с которой гарантий никаких.

Мы шепотом посоветовались и включили фонарики. Без них можно запросто переломать ноги. Но со светом стало даже страшнее. Так и кажется — поднимешь фонарь и из темноты выберется чья-то улыбающаяся голова.

Однако дошли. Не заплутали. Торчит знакомый холм из земли, разинул пасть-ворота. Заходите, мои маленькие друзья. Буду очень рад.

13

...Надели скафандры, нацепили пылесосы-распылители. Хорошо, что ночь нежаркая, скафандр хоть и не настоящий, но ткань плотная, доспехообразная. Включили налобные скафандровые фонари — светят. Проверить еще раз пылесосы? Решили, что не стоит. И порошок сэкономим, и шуметь лишний раз опасно. Что-что, а шуметь пылесосы умеют.

В ворота входили медленно, прислушиваясь. Самое опасное — встретить кого-нибудь из людей. Изменившихся, я имею в виду. Что тогда делать, не знаю.

Но пока никого. Тихо, ни шороха. Вспомнил, как учительница музыки, всплескивая руками, говорила нам — "давайте послушаем тишину!" Я тогда ничего не услышал. А сейчас — да, еще как. Воеет тишина и стонет.

Артем заглянул в кабинет перед ленинской комнатой и отскочил назад.

— Паук!!!!

Готовились к этому, ждали встречи, но вышло все равно внезапно. Процокали по полу когти, и монстр показался в дверном проеме. Огромный настолько, что быстро сквозь двери не пролез.

Это нас и спасло.

Пока чудовище протискивалось к нам, мы навели на него трубы и нажали кнопки.

Паук скрылся в белом облаке и вспыхнул, как огненный шар. Осветил подземелье адско-бенгальским огнем и сгорел дотла.

Артем поднял стекло на шлеме.

— Получилось!

Победа придавала сил. Не то, чтобы много, но тем не менее.

— Досыпаем порошок! — распорядился Артем.

Молодец, не забывает, что оружие должно быть заряжено. Вскрыли новую пачку "Лотоса", добавили, сколько вместились.

Дрожи, инопланетная сволочь, подумал я.

Секретный ход в странно-ленинскую комнату открыт, и второй, который из нее в цех, тоже.

Вот мы и на балконе. Все, как вчера, будто не уходили. Тихо. Никаких движений в темноте. Какой хороший сон у инопланетян. Даже пылесосы его не нарушили.

Но едва мы подошли к лестнице, тишина исчезла. И вместо нее — drobный стук когтей по бетону.

Пауки. Целое море. Бегут к лестнице, не дожидаясь, когда мы к ним спустимся.

Если б знал, что придется такое увидеть, решил бы, что непременно сойду с ума. Но я себя недооценивал. Внутри, кроме страха, отыскалась еще и злость, и она заставила шагнуть к ступенькам, положить руку на кнопку и подумать "ну сейчас вы у меня получите".

Глеб и Артем застыли рядом, и когда пауки добрались до середины лестницы, мы включили распылители.

Лестница залилась огнем. Белая река стала огненной. Полетели искры, запахло гарью.

Чудовища горели, но лезли прямо сквозь огонь, вот они уже наверху, мы начали отходить... и вдруг все закончилось.

Атака отбита. Ни одного паука больше не видно. Только пламя маленькими огоньками затухает на почерневшей лестнице. Мы победили и во второй схватке.

Я сел и облокотился спиной на стену. Сдвинув стекло, вытер со лба пот. Артем и Глеб тоже приземлились отдохнуть.

— Вот это да, — сказал Артем.

Мы с минуту молчали, собирались с мыслями, хотя никаких мыслей не было. Одна пустота. У меня, во всяком случае. Потом Артем выдохнул и вскочил на ноги. Демонстративно бодро и самоуверенно.

— Двигаем вперед!

Ишь, раскомандовался. Ну, пусть. Опять досыпали порошок и начали спускаться с балкона, давя ботинками тлеющие искры и вглядываясь в темноту. А если пауков уже не осталось? Как бы было хорошо.

И тут из прохода между станками вылетел еще один. К счастью, его мгновенно заметили и превратили в пылающий костер. Потом еще одного, и еще. А дальше на нас полезли черви-личинки, которых мы видели в прошлый раз. Но с ними оказалось проще, чем с пауками, они двигались гораздо медленнее, а сгорали так же.

Я подумал — а вдруг эти существа понимают, что они сейчас погибнут, сгорят? Кого они защищают? Камень, который их создал?

— Надо заняться излучателем, — не дал мне поразмыслить Артем.

Заняться — значит, уничтожить. Да, надо.

...Вот эта штука, недалеко от балкона, на краю темноты. Людей нет, но телевизор трещит-работает. Артем поднял его над головой и бросил на пол. Хорошо тот разбился! Экран — на мелкие кусочки, вдребезги. И всякие микросхемы-конденсаторы поразлетались суетливой шрапнелью.

— А если с-свалить шпиль, — предложил Глеб.

С такой громадиной справиться сложновато, но мы уперлись руками, принялись наклонять. К общему изумлению, удалось! Башня стала крениться, сначала медленно, потом быстрее, и, наконец, упала как подрубленное дерево. Свалилась с таким грохотом, что мы аж присели.

Первая часть задачи выполнена. Однако Артем радовался не особо, даже нервничал.

— Смотрите внимательнее, тут где-то сколопендра.

Не успел он сказать, как послышалось шипение. И оно быстро приближалось.

Рядом с нами высился огромный станок. Предназначения неизвестного, но сейчас это было совершенно неважно. А то, что к площадке на его верху вела металлическая лестница

— важно, и очень.

— Туда! — закричал Артем.

Мы пулей вскарабкались и замерли. Места немного, квадратный железный лист шириной всего в метр, не столкнуть бы друг друга...

Артем угадал — это действительно оказалась сколопендра. Заметила нас, и, цепляясь короткими ножками за металлические выступы, полезла в гости. Порошок из распылителей ударил ее прямо в зубастую пасть и вспыхнул, сколопендра зашипела, как тысяча гадюк, упала горящим факелом на пол и уползла за другой станок. Там она продолжила гореть, отсветы были хорошо заметны. И так же хорошо слышалось шипение, клацанье зубов и шорохи извивающегося тела. Потом, к сожалению, пламя погасло, а шипение продолжилось, хотя лучше б наоборот.

Тварь выжила. Да уж. Инопланетная сколопендра — это тебе не инопланетный паук.

— С-сейчас снова нападет, — пробурчал Глеб, направляя вниз распылитель.

Увы, не ошибся. Полуобугленная тварь, зашипев еще громче, стремительно подползла к подножию станка, и, невзирая на то, что загорелась снова, прыгнула и зацепилась лапами за край площадки, на которой мы стояли. Еще секунда... Но Артем с размаха ударил ее ногой, она соскользнула вниз, и во второй раз никуда не сбежала — сгорела дотла, не хуже обычного паука или червяка.

Мы посмотрели вокруг. Послушали. Опять тишина, подозрительная и ничего не значащая, она уже была, и что толку, после нее вновь появлялись инопланетяне.

В очередной раз перезарядили пылесосы, слезли и направились к камню. Артем — впереди, вошел в роль, крадется, как лазутчик, за ним флегматично топает Глеб, а я прикрываю тыл, неудобно иду спиной вперед, кручу головой во все стороны так, что скоро она отвалится.

А вот и метеорит. Посреди паутиного поля, в окружении коконов. Созревают пауки, черви и новые камни. Какая мерзость.

— Интересно, загорится ли, — сказал я.

— Сейчас узнаем, — ответил Артем и поднял трубу.

Загорелось. Да еще как! Вспыхнуло, будто мировой пожар. А паутиный ковер и того круче — как тополиный пух на асфальте. Коконны лопались фейерверками искр, огонь поднимался на метр и выше.

Камень начал таять и растекаться. Ручьи пламени побежали в разные стороны, огонь перекинулся на завернутое в паутину тело Павла Федоровича и оно полностью сгорело, словно пропитанное тем же веществом, из которого состояли прищельцы.

От камней, паутиного покрывала и коконов осталось одно пепелище, причем без пепла. Гладкое мрачночерное смоляное пятно.

Победа?

Мы недоверчиво осмотрелись. Финал какой-то быстрый и некнижный. Конечно, в жизни часто происходит не так, как в книгах, ведь если они будут повторять жизнь, то читать такую ерунду никто не будет, но...

Но внезапно раздались шаги. И какие! Всем шагам шаги. Даже глухой мог их услышать, потому что пол завибрировал, а мозг от пяток совсем недалеко.

Нет, еще не победа, намекнуло своим видом существо, ползущее из темноты.

Не знаю, как назвать его. Что-то неопишное.

Бело-серая бесформенная масса живой паутины размером с кашалота. Впереди два

огромных глаза, по бокам щупальца.

Почему слышались шаги, непонятно. Может, под свисающей с боков паутиной скрывались подобия ног, как у гусеницы.

И этот паутинный студень направился к нам. А мы... мы стали плечом к плечу и нажали кнопки распылителей.

14

Монстр загорелся, заревел, но не остановился. Пламя осветило цех, заколыхались тени, и я пожалел, что во сне ко мне редко приходили кошмары. Может, они подготовили бы меня к этому зрелищу. Зато теперь, если выживу, их будет достаточно.

Видя, что огонь не спасает, мы кинулись на балкон, и через полминуты были уже там. Монстр приотстал, но скоро оказался прямо под нами. Пламя на его шкуре быстро погасло.

Он замер, раздумывая, что делать, ведь лестница для его туши явно узкая, а мы раздумывать не стали и полили его сверху всем порошком, который еще оставался в пылесосах. Зверь снова заревел и в этот раз кинулся бежать туда, откуда вылез.

Пока он прятался, мы высыпали остатки порошка из пачек в пылесосные контейнеры. Заполнили их доверху, и на этом боезапас иссяк. В карманах только газетные бомбочки, но чем они нам помогут.

Потом зверь вернулся, и мы снова подожгли его. Он опять убежал, и опять возвратился за очередной порцией огня. Так продолжалось несколько раз. Ума у него было явно немного. Порошка у нас, правда, тоже. Особого вреда пламя ему не приносило. Погорит зверь, поревет, и вновь за свое, ждать нас внизу.

После очередного поджога "Лотос" закончился, и чудовище безнаказанно расселось под балконом.

— Уйдем и закроем двери, — предложил я. — Наверх он не выберется, ну и пусть воет здесь до скончания веков.

— А если кто-нибудь сюда залезет и в-выпустит его? Наверняка есть второй выход.

— Базу бросили давным-давно, и никто этих подземелий не находил, — сказал Артем. — Главным у инопланетян был камень, а сейчас он уже накрылся. Или накопим денег на тонну порошка, принесем сюда и сыпанем зверю на голову. Столько он точно не переживет. А может, еще чего придумаем.

И тут внизу из темноты вышел человек с белой маской в руке. Посмотрел на нас и остановился около монстра. Тот не пошевелился. Совсем как дрессированное животное в цирке.

Главный технолог завода "живых памятников" Эдуард Данилович. Какая встреча. Вот кто, оказывается, все затеял.

— Не ожидали? — торжествующе сказал он, — а зря. Вы смеялись надо мной, да? Все смеялись, значит, вы тоже. Над тем, что я по ночам сижу в лаборатории, что я так много говорю... но сейчас маски сброшены, хахаха! Теперь я буду повелевать всем на свете. Глупое детское желание? Нет! Было много взрослых людей, которые, накрывшись ночью одеялом, тихонько, чтоб никто не слышал, смеялись от счастья, вспоминая о том, насколько они велики! Я хочу стать таким же и даже превзойти их, потому что никто никогда не получал такой власти, которая ждет меня! Я абсолютно нормальный человек!

Он посмотрел на свои руки.

— Или нет, не человек. Я спал после того, как сделал себе инъекцию вещества, из которого состоял камень, поэтому не вмещался и вы все сожгли. Но ничего, у меня есть

запасной, и я опять создам свою армию, а метеорит сделает меня в сто раз умнее и сильнее обычных людей. Понял, Глеб?

Мы обернулись на Глеба.

— Вы знакомы? — ошарашено спросил Артем.

— Одн-нажды разговаривали, — пробормотал Глеб, схватил бомбочку и кинул ее в замершего рядом с Эдуардом Даниловичем зверя.

Она зацепила его только чуть-чуть, шкура загорелась совсем немного, но он кинулся в сторону — прямо на технолога. Тот не успел даже вскрикнуть. Чудовище пробежало по нему, буквально размазав его по полу, и скрылось в темноте. Мы оцепенели от ужаса, но через несколько секунд зверь вернулся и прыгнул.

Подскочив в воздух, он схватился щупальцами за перила слева от нас, и большой кусок балкона вместе с ним обрушился на пол. До двери наружу и лестницы нам стало не добраться. Мы побежали в другую сторону и остановились, надеясь, что зверя если не прибило, то хотя бы покалечило, но он проворно выбрался из-под обломков и опять поспешил к балкону. Туда, где стояли мы.

Снова прыгнул и ухватился. Мы едва успели убежать до того, как и вторая секция громыгнулась вниз.

— Так и будем бегать? А что потом, когда балкон закончится? — спросил я.

15

...Раз за разом повторялось одно и то же. Чудовище прыгает, цепляется, мы отбегаем, часть балкона выламывается из стены, падает, зверь скидывает с себя железки и прыгает опять.

Однако балкон хоть и длинный, но не бесконечный. Не математическая прямая, а всего лишь отрезок. И от него скоро отрезали почти все. Осталась лишь вторая лестница и две балконные секции рядом с ней. Теперь нам придется погибнуть, упав с высоты семиэтажного дома, или спуститься к монстру. Около лестницы дверь во второй цех, но она заперта на замок.

А если...

— Я кое-что придумал. Можно попробовать открыть дверь и убежать в другой зал.

— Как ты ее откроешь?

— Долго объяснять. Надо задержать монстра, хотя бы ненадолго.

16

...Очередной прыжок, чудовище хватается за балкон, как гимнаст за перекладину, и через несколько мгновений падает вниз. Мы отходим на последний рубеж, но не просто так — у нас в руках бумажные свертки с порошком. Кидаем три штуки, зверь загорается и убегаетлизывать раны. На взлом есть примерно минута, и я достаю спички, найденные в дедовом чемодане.

17

На что я рассчитывал? На то, что замок расплавится. Нет, не уверен. Разжечь промокшее бревно они одним махом, но металл... Увы, других вариантов нет.

Часть спичек я засунул в скважину для ключа, а остальные положил сверху.

Какой все-таки замок большой. Весит, как гиря. Быстро не сдастся.

Последнюю спичку я царапнул о железо, она быстро разгорелась, и я бросил ее на замок. Держать спасательную спичку в руках нельзя. Она сконструирована так, что поначалу огонек маленький, им не обожжешься, зато потом...

Замок вспыхнул. Жар такой, что близко нельзя стоять даже в скафандрах. Белое пламя ревет и клокочет. Дух огня вырвался на свободу. На пол капает расплавленный металл, но пузатый замок еще висит. Ну же, давай, давай...

Монстр покинул темную половину зала и потащился к нам. А дверь пока не поддается. У нас осталось пара бомбочек... Монстр остановился. Наверное, его насторожил огонь. О нем у чудовища малоприятные воспоминания. Но, сделав паузу, монстр преодолел страх и снова начал подползать.

И тут стоящий неподалеку памятник Ленину проснулся, опустил руку и огляделся вокруг. Наверное, захотел понять, что произошло, пока он был внутри своих каменных снов. Увидел монстра, оторопел, но быстро пришел в себя, подбежал к чудовищу и начал молотить его кулаками. Монстр удивился Ленину не меньше, чем Ленин монстру, однако тоже в свою очередь быстро пришел в себя, заревел и вцепился в вождя. Они упали и покатались безумным клубком.

Через полминуты он распался. Ильич остался лежать, а монстр встал на дыбы, разразился торжествующими воплями, схватил его и бросил на пол. Ленин разлетелся на осколки, как фарфоровая статуэтка, а монстр, не теряя времени, опять поспешил к нам.

Спичечный костер его больше не пугал. И если замок выдержит...

Нет! Расплавился и лязгнул остатками вниз. Огорь теперь горит под дверью, но она широкая, мы сможем его обойти... Спасибо, дед, за спички! Замечательная игрушка!

И еще нам повезло, что дверь открывалась наружу. Толкнули ее и оказались в другом цеху.

18

...Другом, но почти таком же. Темнота, черные станки, лестница на балкон... Однако балкон расположился повыше своего уничтоженного монстром двойника, а еще в цеху стоял космический корабль.

Похожий на обычный самолет, с крыльями для полетов в атмосфере. Он больше, чем какие-нибудь "кукурузники" восемнадцатого века, которые до сих пор кружат на своих паровых двигателях над колхозными полями, отравляя химикатами вредителей и овощи, но гораздо меньше огромных авиалайнеров и дирижаблей. Неподалеку от него трап, потому что вход на корабль метрах в трех над землей.

Корабль не летал. Ни разу. У меня глаз наметан. Плитки жаропрочного покрытия на боках чисты и невредимы, а после полетов так не бывает.

Его построили и забыли. Есть ли душа у космических кораблей? Ведь они сложные, как человек! А значит, могут грустить. По небу, в котором ни разу не удалось побывать.

19

Позади нас, в дверях, послышались удары, затем рев. Зверь пытался пролезть в двери. Костер его не остановил.

Мы по лестнице на балкон. А куда нам деваться?

20

Монстр протиснулся в цех. Прополз над пламенем, обжегся в сотый раз за сегодня, но соблазна покончить с нами оказался слишком велик.

Мы — на балконе. Очень высоко. Дотянется?

Нет! Попробовал — но фигушки. Подскочил, хватанул воздух, однако земное притяжение беспощадно отправило его обратно задницей о цемент. Рожденный ползать прыгает так себе.

Но зверь если и расстроился, то виду не подал. Лег недалеко от лестницы, закрыл глаза и замер, будто заснул. Караулит нас?

— Надо посмотреть, можно ли где-то спуститься, — сказал Артем.

Выяснилось, что нет. Другие лестницы отсутствовали. Цех больше первого, мы прошли его по балкону целиком, до самых дверей, через которые сюда попали, но что толку. В темноте виднелись еще двое ворот, больших, даже огромных, наверное, сквозь них когда-то вывозили собранное на заводе, но они были на замках, здоровых как тот, который нам удалось сжечь. Теперь у нас нет спичек, поэтому с ними не справиться.

Мы вернулись обратно. Положение опять стало безнадежным. Из первого безнадежного выкрутились, но что делать со вторым? Без еды и питья долго не протянем. Решили проверить, чутко ли спит чудовище. Сняли скафандры, от них сейчас никакой пользы, и Артем начал осторожно, на носочках, спускаться по лестнице, но не успел он дойти даже по середины, как чудовище открыло глаза и зарычало. Просыпается от малейшего шороха, прямо как я. Ну хоть мозгов у монстра не хватило притвориться, что не слышит шагов.

— А если д-добраться до космолета? — неожиданно спросил Глеб.

— Чем он нам поможет? — ответил Артем. — Да и как мы в него попадем? Вход высоко и точно заперт.

— Его можно открыть, — сказал Глеб, — там открывашка с д-двух сторон, на случай, если экипаж плохо себя почувствовал и сам не выходит. И трап на колесиках рядом. П-подкатить, и все. Вдруг в самолете окажется что-нибудь нужное.

— Замечательный план, — хмыкнул Артем. — Осталось только договориться с монстром, чтоб он не напал, пока мы тащим лестницу.

— Нет, я думаю, надо отвлечь его. Б-бросить в него остатки порошка, а потом кто-то побежит в глубь цеха, монстр — за ним, а другие приволокут трап.

— Он догонит, — сказал Артем. — Но делать нечего. Значит, так. Кидаем, я бегу в цех, а вы тащите лестницу и залазите внутрь.

— Я от-твлеку.

— Я быстрее бегаю! — отрезал Артем. Здесь он точно прав.

— И я тоже неплохо, — сказал я. Как было не сказать?!

— Х-хорошо я бегаю.

— Нет, — отчеканил Артем. — Давай так — когда шахматы, то решаешь ты, а когда риск, то я. Идет?

— Идет, — согласился Глеб, — но н-не сегодня.

— Почему? — спросил Артем.

Глеб долго молчал.

— Я рискую меньшим, чем вы. Что меня ждет в жизни? Семьи не будет. Много чего у меня не будет из того, что должно быть. Мне плохо с людьми. Со всеми, к-кроме вас. Но вы — это другое. Я знаю, о чем говорю. Я странный, но не глупый. Нельзя считать всех странных глупыми.

— Побегу я — и точка, — сказал Артем после паузы. — Что бы ты не говорил.

— Тогда я расскажу вот что, — вздохнул Глеб.

21

— Перед тем, как мы п-поехали в лагерь... за день до этого... мама ушла дежурить. Ночью я проснулся, но не совсем. Ну, как я просыпаюсь по ночам, когда нет мамы... Проснулся и вышел на улицу.

А там ко мне подлетел игрушечный д-дирижабль. К нему был подвешен динамик, и оттуда раздался чей-то голос. Глеб, звал он меня. Глеб. Я подумал, что мне это снится, а потом понял, что нет, испугался и решил п-проснуться. Быстро просыпаться у меня не получается, и голос знал об этом. Он сказал, что я могу остаться во сне. Потом он ск-казал, что около динамика есть маленькая коробочка, и мне надо ее открыть. Я послушался и открыл. Там был маленький камешек, похожий на к-кусочек того, которого мы нашли в лаборатории. Голос сказал, чтобы я взял его в руку... я снова п-послушался. Камень будто ударил меня током...

И я сразу успокоился. Мне стало хорошо... Так, как никогда не было. Я перестал б-бояться. Я понял, что смогу даже не во сне подойти к любому человеку и поговорить с ним. Я спросил у дирижабля — к-как это? Голос ответил, что камень — неземной, и у него много странных свойств, к-которые еще предстоит узнать, хотя ученые не хотят этим заниматься, и чт-то он влияет на других людей гораздо сильнее, чем на меня, а на меня подействовал т-только потому, что сейчас я сплю и не сплю одновременно. И еще г-голос сказал, что я буду чувствовать себя так недолго, но он м-может вылечить меня полностью, если я помогу ему. Потом д-добавил, что долго следил за мной, изучал меня, и выяснил, что я подхожу для его поручения.

Голос приказал мне идти вслед за дирижаблем. Я согласился. Д-дирижабль привел меня на пустырь... тот самый... а п-потом я спустился в подвал... там была свалка и страшный робот... робот не напал, потому что п-подчинился высокому человеку в белой маске, который и говорил со мной через динамик. Мне этот человек показался знакомым, но я не понял, к-кто это. Маска изменяла голос. Но это т-точно был не историк Павел Федорович, тот маленький.

Человек сказал, что к-камень может навсегда сделать меня таким, как сейчас.

А еще сказал, что к-когда я поеду в пионерский лагерь, мне надо будет сходить на старую военную базу и утащить из лаборатории камень... такой же, как этот, до которого я дотронулся, потому что этот уже п-почти выдохся.

Военные ушли с базы, когда там начала твориться какая-то жуть. Человек в маске со своим, как он сказал, сумасшедшим коллегой, п-пытался достать камень, но ничего не вышло. Подземелье будто ожило и набросилось на них. Робот, которого они взяли с собой, забрался д-дальше, но попал в какой-то движущийся механизм, или что-то откусило ему половину тела.

П-потом стало известно, что деревенские мальчишки лазили в подземелье, пусть и не очень далеко, и с ними н-ничего не случилось. Значит, д-детей оно обнаруживает не сразу. А лаборатория п-почти рядом от входа. На всякий случай, добавил он, можно сделать бомбы-вспышки, потому что яркого света подземные обитатели не любят.

Камень я буду д-должен отдать ему. Со мной и моими друзьями-любителями космоса он ничего не сделает, но другим людям его д-давать нельзя. Тут человек засмеялся и добавил "пока нельзя". Затем он с-сам найдет меня сам или передаст записку, в которой будет сказано, куда п-положить камень.

И... он д-добавил, что если я скажу друзьям о нашем разговоре, то они не поверят в эту затею. Не поверят, что к-камень принесет пользу мне и всему миру. А втайне от них получить камень н-не выйдет. Но им, сказал ч-человек, все равно скоро надоест со мной общаться, потому что от меня много п-проблем.

Я вернулся домой и уснул, а когда проснулся, все было по-прежнему. По-прежнему

хотелось н-никого не видеть и обходить людей стороной. И я стал д-думать, не приснилось ли мне все, поэтому повел вас в подвал. Г-глянуть издалека и уйти, хотя получилось иначе.

А потом... я испугался, что тот человек хочет ч-чего-то плохого. У меня было два пути... оставить все, как прежде, или п-попробовать... Мне очень хотелось измениться, поэтому я вас и обманывал. Я думал идти на базу один... жаль, это б-было невозможно. Но к-когда мы вернулись из лагеря, я решил, что всем угрожает опасность... что так нельзя, даже если камень меня вылечит... Но рассказать вам о том, что случилось, я не смог.

О з-заводе я не знал. И о секретном проходе. Н-не знал, кто этот человек в маске. Много чего не знал. И сейчас многое не п-понимаю. Простите меня.

22

Глеб опять надолго замолчал.

— Я до конца не верил ч-человеку в маске. Не верил, что у меня будет д-другая жизнь. Я хотел играть с футболистами, п-потому что мы не могли выиграть. Потому что безнадежно. Я учился не сдаваться, когда надеяться не на что.

Глеб проверил шнурки, встал и затянул потуже ремень.

— Г-готовы?

Мы ничего не ответили. Совсем ничего.

— К-кидайте, и я побегу. Прощайте.

23

Зверь очнулся, когда мы спустились на половину лестницы. Как он мог слышать, не знаю. Муха летит громче, чем мы ставим ноги. Телепатическая зона вокруг него? Хотя какая разница сейчас.

Порошковых бомб у нас четыре. Будет ли от них польза — не уверен. Зверь от пылесоса убежал, только если мы на балконе стояли, а когда сражение шло вниз, он горел и продолжал ползти к нам, разве что медленнее.

Монстр открыл глаза, но пока не напал. Ждет, что мы подойдем еще ближе? Мы идем. Еще шаг, еще... Миновали уже две трети ступенек... Он зашевелился и заерзал, наверное, приготовился.

Пора!

Четыре газетных свертка влетели в его шкуру и вспыхнули маленькими кострами. Зверь заревел так, что заболели уши, но отскочил.

Глеб спрыгнул на пол и побежал вдаль, в темноту. Монстр вытаращился на него, не ожидая такой наглости, и бросился следом, разбрасывая по пути искры. Глеб обернулся, что-то закричал и махнул руками, мол, вот я, поймай, если сумеешь, а потом рванул, как на физкультуре стометровку.

Когда Глеб и монстр оказались далеко, мы подскочили к трапу. Он заскрипел, но легко проехал на своих колесиках и ткнулся резиновыми накладками в бок космолета. Мы взлетели наверх.

Дверной рычаг спрятался под пластиной термоизоляции. Ее, как я припоминаю, так просто не снимешь, надо поддеть и крутить, поэтому поддели и выкрутили... Держится он на предохранительной защелке, чтоб ни в коем случае сам не открылся. Сняли ее, опустили рычаг, и дверь пружинисто распахнулась. Ура!

Мы заглянули внутрь. Там все, как в любом уважающем себя космическом корабле — непонятные приборы, лампочки, тумблеры, провода... Через круглые иллюминаторы из цеха попадает немного света. Или тьмы. Правильно и так, и так.

— Глеб, — заорали мы, высовываясь из двери, — беги сюда!

В ответ раздался лишь рев чудовища.

— Глеб! Глеееб!

Вот он! Бежит со всех ног, хотя ноги от усталости заплетаются. Только не упади!

За ним на приличном расстоянии — монстр. Глеб, наверное, петлял между станков, как заяц-шахматист, и запутал его паутинные мозги.

Глеб, спотыкаясь, вбежал к нам по трапу и упал. Сил у него не осталось. А мы быстро заперли дверь. Так, чтоб снаружи не открылась.

При свете фонариков внутренности корабля просто невероятны. Миллиард кнопок и выключателей. Как космонавты с ними управляют? Или они все немножко Глебы?

Тут раздался удар. Космолет кто-то ударил, причем этот кто-то — инопланетный монстр. Удар был страшной силы, но дело в том, что космические корабли очень прочные. Особенно старые, в которых предупреждение от метеоритов работало еще на троечку и камешки частенько бились прямо в лобовое стекло. И двигатели на ранних моделях стояли безо всяких новомодных штучек, увеличивающих мощность, но снижающих ресурс. Этот корабль до капремонта мог двадцать раз слетать к Плутону и обратно. Но увы, по неизвестным причинам навсегда остался здесь, на привязи. И хорошо, что на привязи, привинченный огромными болтами — разломать его чудовище не сможет, но утащить к себе в логово — легко.

Потом забухали еще удары. Мы слушали их со злорадством. Ну-ка, попробуй до нас добраться, страшилище. Советские инженеры не зря свои квартальные премии получают.

Устав колошматить, монстр решил заглянуть в иллюминатор. Прилип торчащим из паутины глазом к стеклу. Долго смотрел, действовал на нервы. Умом понимаешь, что космические стекла прочнее стали, но мурашки на коже с умом находятся в сложных отношениях.

Побился монстр о корабль, погипнотизировал нас злым взглядом и опять улегся. Как перед лестницей. Смирился с тем, что вскрыть эту консервную банку ему не по зубам и перешел к плану "Б" — караулить.

24

...Мы облазили весь корабль. Интересного нашли много. Космические часы, показывающие время на всех планетах Солнечной системы, деревянный планшет, на котором можно рассчитать полет, если электроника выйдет из строя, парочку настоящих взрослых скафандров... но ничего, что помогло бы нам победить преследующую нас тварь.

И опять беззвучный вопрос — неужели это все? На полном книжно-некнижном серьезе? Как это? Как это вообще?

Я сидел в кресле и думал. Почему-то не было ни страха, ни сожаления. Страх имеет свойство когда-то заканчиваться. Иногда я смотрел по сторонам и взгляд застревал на мелких деталях космического быта, вроде привязанной авторучки или на кожаного ремня, которым надо пристегиваться в невесомости.

Артем занял второе кресло и закрыл глаза. От нечего делать я посмотрел на него подольше и понял, что он не похож на своего отца. Он — другой. Он родился и существует.

Глеб же сидел впереди, перед штурвалом, изучая корабельные приборы и кнопки. Не знаю, что у него сейчас на уме. Как он сказал — "я рискую меньшим, чем вы". Зря он так. Хотя нам ли его судить. Никто из нас, проснувшись ночью, не забывал, где он, и одновременно не помнил наизусть всю карту Москвы. Нас не сводило судорогой от того, что

свитер на стуле висит неправильно или лавку во дворе покрасили в лиловый цвет. И мы играли в футбол, а не в другую невидимую игру, в которой можно только сражаться, но не выигрывать.

Винить его не за что. Неизвестно, как бы на его месте поступил я или кто-то еще.

А сейчас Глеб взял на себя самую рискованную часть операции и победил. Вот только пользы победа не принесла никакой.

Никакой я не вундеркинд. Зря обо мне в школе так говорят. Я просто люблю читать и думать. Глеб — вот кто действительно вундеркинд. Но этого не замечают. Все видят только то, что он боится разговаривать с людьми.

И вдруг Глеб повернулся к нам, и физиономия его светилась ярче наших фонариков.

— Я придумал!

— Что придумал? — ответил я.

— Запустим двигатель! Он спалит все вокруг к чертовой бабушке! Цех превратится в печь! Но с нами ничего не случится, потому что мы в корабле, и дверь закрыта!

— Ты знаешь, что нажать? — спросил я, потрясенный как неожиданной перспективой спасения, так и тем, что Глеб перестал заикаться.

— Знаю!

25

...Мне неизвестно, что чувствует человек, когда летит в космосе. Но звук двигателя космического корабля мне теперь хорошо знаком. Он...безжалостный. Огненный, как сполохи в иллюминаторе. Наверное, это один из звуков космоса. Как и темная, охватывающая тебя музыка, которую я слышал в кабинете писателя.

26

...Наружу мы выбрались нескоро. Ждали, пока вокруг остынет. Возле космолета все сгорело и расплавилось, как замок от дедовых спичек.

И монстр тоже.

От него осталась лишь жирная черная клякса.

Ворота сморщились и еле держались, но сам цех особо не пострадал.

За станками мы отыскивали лабораторию Эдуарда Даниловича — стол с колбами-пробирками и диван, на котором технолог спал, вколов себе вещество, которое должно было сделать его сверхчеловеком. Метеорит лежал в реторте, залитый прозрачной жидкостью. Мы уничтожили его. Разбили молотком на мелкие кусочки и развели костер. Осколки жуткого кристалла быстро обуглились.

Потом мы нашли пожарные лестницы и вылезли с завода.

Карабкаться на высоту седьмого этажа после нынешних приключений оказалось нестрашно.

27

Когда мы подходили к подъезду, Артем по своей привычке ушел вперед, и Глеб у меня робко спросил:

— Я ведь хорошо все сделал? Я так старался!

— Да, — ответил я, едва не заплакав.

— Ой! — как маленький ребенок обрадовался Глеб.

28

...Остаток ночи я спал, как убитый. Не проснулся ни разу. И без снов. Ничего не снилось.

Утром мы проспали. Даже Глеб проспал, хотя таланта слежения за временем вроде не потерял.

Он почти перестал заикаться. Мы с Артемом решили на это внимания не обращать, чтоб не смутить его. Хотя Глеб сегодня не особо застенчивый и даже наоборот — бодрый, энергичный, не раздумывающий над каждой мелочью (еще вчера он мог, например, застыть перед выключателем, решая важнейшую проблему — как ему вымыть руки, включив в ванной свет или его достаточно попадает через открытую дверь).

Мы умылись, почистили зубы и отправились к ларьку. А вдруг повезет! Ночью везло, может, удача не покинет нас и при белом свете?

— Нет, вы что, издеваетесь, — возмутился Артем.

К нам шли художники.

29

Живые. Не сомнамбулы. Ухмыляются. С банкой зеленки.

Вот мы и узнали, подействовало ли подземное антеннокрашение. Подействовало. Вернуло людей к жизни. За свой подвиг мы сейчас лишимся шестидесяти копеек. Спасибо тебе, человечество.

— Ой, кого мы видим, — вскричал Вилен.

Сколько раз я слышал эту фразу.

— Вы идете за мороженым, — сказал Владлен.

И эту. В различных вариациях.

— Гыыы, — засмеялся Мэлс.

— Вы что, все забыли? — спросил я.

Художники удивились.

— А что мы должны забыть, — произнес Вилен. — Я не помню, чтоб мы что-то запоминали.

— Офигеть, — присвистнул Артем.

А Глеб не сказал ничего. Он шагнул вперед и, коротко замахнувшись, неуклюже, но быстро, двинул Вилену кулаком в нос.

Прогремела молния, налетел ветер, черные тучи скрыли солнце, пришедшая ниоткуда тьма накрыла город.

Вру. Не было ни молнии, ни грома, ни туч, ни темноты. Это я так, для драматического эффекта. Но что все застыли от изумления — чистая правда.

Вилен дотронулся до своего носа и посмотрел на пальцы, испачканные кровью.

— Как это? — только и смог выговорить он.

— Вы что, сумасшедшие? — наклонившись вперед, спросил Владлен.

Вместо ответа Глеб съездил в нос и ему.

— Сумасшедшие, — кивнул Владлен, словно удовлетворенный таким объяснением и достал платок, потому что кровь из носа потекла и у него.

Мэлс уронил баночку и замер, как получивший противоречивые указания восьмибитный робот.

— Пойдемте отсюда, — пробормотал Вилен. — Нельзя связываться с психами. Еще покусают, и мы превратимся в зомби.

И они ушли, оглядываясь через каждые пять метров. Наверное, опасались, что мы будем их преследовать.

30

— Глеб, — позвал его Артем, когда художники скрылись из виду.

— А? — откликнулся тот.

— Ты как?

— Отлично, — сказал Глеб, с любопытством оглядывая свой кулак, похоже, немного пострадавший от взаимодействия с носами хулиганов, — просто замечательно.

31

...Пломбир в ларьке был! Потрясающий. Не тот, что ели ночью перед схваткой. У победителей пломбир всегда вкуснее. А тогда мы еще не знали, что победим.

Как хорошо быть смелым. Ходить по улице, не боясь никаких художников, да и вообще никого не боясь. Сколько людей проживут жизнь, так и не узнав этого!

Мы сели на лавочку и несколько минут, ничего не говоря и ничего не замечая, наслаждались самым лучшим блюдом солнечной системы — советским пломбиром. Потом, как доели, не спеша вернулись в сознание и начали снова реагировать на внешние раздражители.

— Глянь, какая машина, — толкнул меня локтем Артем.

Да, интересная. Рядом с нами припарковалась черная "волга". Полностью затонированная, на колесах — позолоченные диски, а к багажнику прикреплено антикрыло — такая штука, которую цепляют к гоночным автомобилям, чтоб те ненароком не взлетели. Ну, так то к гоночным! А где "волга", и где гонки? На разных полюсах разных планет различных звездных систем.

Смешной автомобиль. Еще и из-за того, что он очень хотел выглядеть серьезным.

Мы сидели и хихикали, но вдруг водительская дверь машины распахнулась и оттуда выбрался незнакомый нам дяденька. Лет сорока пяти-пятидесяти, не высокий, не низкий, не толстый и не тощий. В сером пиджаке и с лысиной между волосами, непричесанно растущими на боках головы. Лицо — тупое, злобно-надменное. Даже малость безумное.

И это лицо направилось к нам.

— Кто вы такие?!

— Мы, — ответил Артем, — пионеры. А кто такие вы?

— Я — Александр Владимирович! — скривившись, гордо произнес дядя, — директор свиноводческого производственного комплекса, самого большого в Москве и области, депутат и кандидат сельскохозяйственных наук! Я очень уважаемый человек, и я не позволю каким-то ничего не добившимся в жизни ничтожествам над собой смеяться!

— Так мы пока не над вами, — сказал я, — а над вашей машиной. Она правда забавная. Вы же, когда вешали эту штуку на багажник, хотели повеселить людей?

Я тоже умею быть ехидным. С теми, кто мне не нравится. А этот свинячий директор мерзкий от ботинок до лысой макушки. Ожившая карикатура. Инопланетные монстры меньшее отвращение вызывали. Может, и его попробовать порошком?

— А вы вправду кандидат наук? — засомневался Артем. — Тут в округе одни инженеры и научные работники, но вы на них не похожи ни спереди, ни сзади. Знаю, что некоторые платят за то, чтоб им написали диссертации. Сколько вы заплатили?

— Что вы себе позволяете, — вскипел Александр Владимирович, — считаете себя очень умными? Книжки читаете?!

— Да, — спокойно ответил я. — Всякие, особенно фантастику.

— Чушь все ваши книги, — проскрипел зубами дядя, — все до одной! Сравните со мной какого-нибудь писателя! Я в сто раз богаче его, и моя работа куда важнее! Без книг прожить

можно, а без еды — никак! Но ничего, жизнь расставит все по своим местам!

Он закрыл глаза и поднял руку, как злобный древний пророк.

— Вы еще вспомните мои слова! Книги перестанут читать, а писатели станут нищими и никому не нужными!

Он выдохнул, забежал в автомобиль и рванул с места так, что колеса задымились.

— Что это вообще такое, — удивился Артем. — До чего неприятный тип.

— Точно, — согласился я.

А Глеб молчал. Сидел, оцепенев, и смотрел невидящим взглядом.

Артем схватил его за плечи и начал трясти.

— Глеб, ты чего? Этот, что ли, тебя напугал?

— А? — Глеб вздрогнул, — н-нет, со мной все х-хорошо. Очень странно он говорил...

Глава 34 Тайна раскрыта

1

...Десять часов утра. Я лежал на своей кровати. Лежал не потому, что только проснулся, а потому, что отдыхал. Решил поваляться. Первые дни каникул выдались напряженными. От такого отдыха не мешает отдохнуть. Ну и подумать о чем-нибудь в это время. Рыбы любят червяков, а мысли ничегонеделание. На него хорошо ловятся.

Родители не дома, ушли в выходной день с утра пораньше. Накормили меня и убежали по делам, кто их знает, по каким, важным, наверное. Это у детей нет важных дел, а взрослые все, что им приходится делать, называют очень важным.

Завтракал я глазированным сырком. Вкуснющая штука! Вкуснодефицитная. Сладкий творог, завернутый в шоколадную глазурь. Последний раз я его ел месяца три назад, внезапно дали к чаю в школьной столовой. Мы даже глазам своим не поверили, терли их всем классом во главе с учительницей. Я думаю, что дефицит у нас в стране изобрели специально, для нашего удовольствия. То есть, когда все есть, есть хочется не особо. А когда чего-то нет, и его нужно добывать... У кого аппетит лучше — у хмурого покупателя колбасы в мясном отделе или у пещерного человека после охоты на мамонта? То-то и оно!

Потом я вспомнил, что недавно спасал мир. Причем удачно. Все получилось. Мы победили, хотя и не с подавляющим перевесом, а в конце первого тайма вообще проигрывали. Победа далась с трудом, но все-таки далась, не отвертелась.

Жизнь в нашем районе снова прежняя. Те, кто были зомби, опять стали нормальными (я имею в виду, такими же, как в прошлом). Смотрят по телевизору не пустой экран, а "Международную панораму" и "Москву, слезам не верящую". Что с ними происходило — не помнят. Плохие дни стерлись из памяти. Какие пауки и метеориты? О чем вы?

Разве что у дяди Саши лицо какое-то виноватое, кажется, он хочет что-то понять, но пока не может. Дядя Саша — очень-очень хороший, и ничего страшного, что космос для него не так важен, как для нас.

Но вообще дядя Саша стал немного другим. Как это случилось, не знаю, но когда в клуб приезжала очередная комиссия (и что ей было нужно во время каникул?!), дядя Саша встретил ее совершенно спокойно. Не волновался, не переживал, и никакую железку напополам не скрутил. На лице у него было написано "как приехали, так и уедите". Удивительно! Казалось бы, что тут такого, ну побыл несколько дней беспмятным зомби, однако ж на тебе! Может, у дяди Саши и жизнь вслед за ним поменяется? Ведь человек и его жизнь сильно взаимосвязаны. Изменится одно — изменится и другое.

А еще у нас на этаже появился замечательный сосед. Он невысокого роста, носит кожаный плащ и огромную шляпу. Дядя Леня это, кто же еще!

Нет, он не поменялся ни с кем квартирами, а женился на тете Маше. Прогуливаются они теперь под ручку, счастливые-счастливые! Лавочко-подъездные бабушки, глядя на них, испытывают изумленно-смешанные чувства и горстями пьют успокоительное.

Очень романтическая история у тети Маши с дядей Леной получилась.

Испытывала, значит, тетя Маша на себе очередной памятник. Поначалу все шло как обычно. Галстук, цветы, строгая комиссия в безопасном отдалении, но неожиданно Ленин воплотил мечту своих клонов-предшественников — поймал тетю Машу. И не за край платья, специально сшитого так, чтобы легко порваться и стать вражеской добычей, наподобие

хвоста ящерицы в лапах хищника, а целиком схватил, за талию, как заокеанский Кинг-Конг. В тете Маше, конечно, два метра нехрупкого телосложения, но в памятнике метров и центнеров куда больше. Чиновники из комиссии ахнули, обомлели и молча сняли шляпы — а что они еще могли сделать?

И тут откуда-то появился дядя Леня. Обход территории, наверное, делал, как положено охранникам, и увидел происходящее безобразия.

Сориентировался он мигом. Надел черные очки, расстегнул кожаный плащ, снял шляпу (но не с той целью, с которой шляпы снимали комиссионные товарищи, а для улучшения аэродинамики), разбежался и взлетел в каратистском прыжке. Летел он далеко и долго, игнорируя своим небольшим телом земное притяжение, но в конце концов таки подлетел к памятнику и впечатал ему ногой прямо в челюсть.

Каменный Ильич пошатнулся, ойкнул, выронил тетю Машу и попытался поймать уже дядю Леню, но тот начал акробатически уворачиваться и крутить сальто, да так быстро, что невооруженным взглядом и не разглядишь. Повезло, что в комиссии был оператор, и он, когда началось происшествие, не бросил ручку кинокамеры, поэтому все затем посмотрели кино в замедленном режиме.

А потом и подмога подоспела. Опутали хмурые небритые слесаря памятник сетью, сковали цепями и надели ему кандалы.

Надо ли рассказывать, что было дальше? События развились классически, и теперь дядя Леня во время испытаний всегда рядом, готовый броситься супруге на помощь, хотя стоит за дверью, в зал его не пускают, чтоб памятники не боялись.

Тетя Маша теперь коридорную плитку каблуками не разбивает, бегает курить на балкон в мягких тапочках и очень редко, втайне от дяди Лени. Не нравится ему вредная привычка его жены, поэтому она украдкой, благо дядя Леня запах табака чувствует плохо — он однажды в Африке, будучи на новый год нетрезвый, подрался с гориллой, и та ему левым хуком переносицу скособочила.

А дядя Леня, между прочим, почти перестал ходить в пивную и рассказывать свои истории. Удивительно! Непонятно, какая связь между счастливой семейной жизнью и отсутствием чудачеств, но она точно есть.

Михаила Егоровича после его очередной жалобы дядя Сережа-милиционер в терапевтических целях добровольно-принудительно записал в "танковый клуб", и бывшему пограничнику там очень понравилось. Он мгновенно стал лучшим танкистом, в два счета победив прежних чемпионов, и скоро поедет на всесоюзные соревнования. Борьбу со шпионами он забросил. Ни одного заявления за последние дни, потрясающе! Всем сказал, что некогда ему теперь ерундой заниматься, его танчики ждут.

У дяди Сережи от радости случился нервный срыв, поэтому он взял недельный отпуск и отправился отдохнуть в ведомственный санаторий. Наверное, там он сейчас в компании таких же радостных нервно-срывчатых милиционеров.

Я ничего не забыл? А, точно! Второй чайный гриб Артемовой бабушки, как и его предшественник, ночью тоже выбрался из банки, сожрал все неспрятанное на кухне, злобно пополз в спальню и тоже погиб под ударами швабры. Пару дней бабушка была очень испуганна... а потом испуг прошел, и она приобрела еще один гриб. Он пока маленький, но растет не по дням, а по часам. Уговоры и просьбы соблюдать осторожность на бабушку не действуют. Ну, вот так. История как началась в виде фарса, так в виде него и повторяется.

Зато дядя Боря-Кулибин бросил пить! Совсем! Точнее, не совсем бросил, а если еще

точнее, не бросил совсем. Пьет целыми днями напропалую.

Но — только недавно изобретенную им безалкогольную водку. Гонит ее при помощи железномодифицированного самогонного аппарата и пьет, чуточку пьянея только из-за того, что она по прежнему называется водкой, а мир, как утверждают некоторые ученые, является текстом и ничем иным.

Дядя Сережа ученым не поверил, решил проверить районного водкосамогонщика и принес медный ящик с кучей циферблатов и вращающихся шестеренок (прибор спиртометр). Тот пожужжал, покрутил колесиками, выпустил несколько струй пара, однако ни одной молекулы спирта в прозрачной жидкости не нашел.

Милиционер удивился, но спорить не стал, а выпил с дядей Борей по сто грамм его изобретения. Потом еще по сто, и еще... До ночи они сидели в гараже, разговаривали "за жизнь", обнимались и песни орали. Дядя Сережа рассказал, что он потерял глаз в неравном бою с обезумевшим памятником, и повторил эту историю за вечер еще несколько раз. С каждым выпитым стаканом каменный вождь увеличивался в габаритах и в злобности.

Дядя Сережа после метеоритных событий стал другим, не таким нудноправильным. У него, на радость всем, появились человеческие недостатки. И это хорошо, ведь главная беда милиционеров в том, что они чересчур правильные. Не знаю, может в будущем ситуация поменяется. Очень надеюсь.

А еще мне нужно извиниться за скептическое отношение к лозунгам на наших домах. Как скоро будет коммунизм и будет ли он вообще, я пока не знаю, но то, что сказка стала былью — медицинский факт. Директор Авангард Аполлонович выгнал из школы злюку Марию Леонидовну!

Он сказал, что ей не место в нашей школе и в любой другой, а ее таланты лучше проявлять на каком-нибудь заводе живых памятников, потому что они каменные, им все по фигу, а дети живые, и с ними так нельзя.

Сурово довел ее до слез и вынудил написать заявление по собственному желанию.

Ура, товарищи!

Мария Леонидовна рыдала недолго, попыталась исправить последствия своей минутной слабости и подключила знакомых. Звонили Авангарду Аполлоновичу всякие уважаемые люди с требованиями порвать заявление, но он остался непреклонен. Кому-то даже крикнул в трубку "ты мне не по телефону это говори, а приедь и скажи в лицо, только учти, что Мария все равно уйдет со школы, хотя и через центральный выход, а ты вылетишь из моего кабинета через окно, и открывать я для тебя его не буду".

Не приехал никто. Знаю точно, потому что директорское окно цело и трава под ним не помята.

Художники все так же отнимают деньги у школьников, но к нам не приближаются.

Эдуард Данилович и Павел Федорович считаются пропавшими. Историка мне почему-то жаль. Он всерьез верил, что может сделать мир лучше.

Вот так.

Мы никому ничего не рассказывали. То, что случилось — наша тайна. Одно одиночество на троих.

События задали много вопросов. Откуда вообще появился камень на военной базе? Мы его не с Луны притащили. Нас на Луну пока что не пускают.

Не спору, приключение вышло странное, но в реальной жизни все странное! Не такое, как в книгах.

Стоит ли гордиться собой и задира́ть нос? Считаю, что немного — да, а много — нет. Спасать мир — это нормально! Потому что если его не спасать, он разрушится. Мир — он как человек. Пропадет, если его все бросят.

Дед, например, тоже спасал мир. Победил с коллегами ботанико-инженерами в московских подземельях разросшийся чайный гриб. И сколько народу знает об этом? Я уже рассказывал о канализационно-грибной битве и думаю, что если меня кто-то слышал, то не обратил на тот случай большого внимания. Но успе́й чайный еще вырасти, он бы точно попытался захватить город, а людей, мстительно улыбаясь, пересадить в прозрачные банки.

А может, дед часто спасал мир, просто я всего не знаю. Да так оно и было! Спасать мир очень интересно. Он бы не смог пройти мимо.

Дед и писатель говорили о конце света, и каждый по своему. Тут стоит не спеша подумать. Разобраться в том, что означают некоторые встречи и события, ведь многие из них совсем взрослые, и понять, действительно ли конец света может случиться потому, что люди перестанут читать книги и смотреть на звезды.

Мой папа назвал деда сумасшедшим. Ну и что! Миру нужны изгои и сумасшедшие. С теми, кто от мира сего, сей мир долго не протянет. Кому-то надо бороться с инопланетными монстрами и земным чайным грибом.

Даже если ты живешь обычной жизнью, что-то большое и непонятное темной ночью обязательно постучит когтем в твое окошко и предложит сыграть в шахматы.

Отказаться невозможно, хотя есть способ не пустить его. Заложить кирпичом окна и двери, никогда не выходить на улицу, перестать думать и мечтать. Но тогда ты сам станешь чудовищем! Правильным, добропорядочным, но чудовищем.

Людам тесно в реальном мире. Правда, не всем. Некоторым снятся необыкновенные сны, но они стараются забыть о них, а другие и вовсе внутри такие же, как выглядят. В них нет никакой тайны. Вот кого надо опасаться! Они способны на все.

Фантастика позволяет находить скрытое. Если что-то могло случиться, но не случилось, это не значит, что его не существует. Чтобы увидеть дом, в котором ты живешь, надо выйти из него. Даже если за порогом космическая пустота.

Но иногда приходит мысль — а вдруг повелитель свиней Александр Владимирович не ошибался? Реальность имеет такую форму, что книги неважны, а кто сильнее, тот и прав? Я в это не верю. Но если сумасшедший бог действительно выдумал мир таким, то лучше жить в одиночестве и на другой планете, потому что жизнь рядом с людьми, которые гордятся тем, что они не люди, а животные, не жизнь!

...Изменился ли я за эти дни? Может, повзрослел? Не знаю. Стал лучше спать... и все, пожалуй. Еще, наверное, прибавилось уверенности в себе, хоть я и не люблю быть в чем-то уверенным. Самоуверенность — удел глупых. Истины отбрасывают странные тени. Кто много думает, тот видит темноту вокруг стола, на котором лежит тетрадь с формулами.

Артем не поменялся еще сильнее, чем я. Да он, как и его отец, не изменится даже после появления у него жены и детей.

Взрослеть нужно осторожно. С оглядкой, не видит ли кто, что ты тут среди бела дня взрослеешь. Под маской взрослости может скрываться невесть что. Дед был взрослее некуда, но взгляд его так и остался любопытным. У меня, стыдно признаться, глаза серьезнее.

А Глеб изменился. Сильно. Стал меньше нервничать и заикаться. Вещи теперь у него в комнате лежат не в идеальном порядке. Почти не лежат, а разбросаны. Его мама рада без памяти и постоянно плачет. Здорово, конечно. Мы спасли не только мир, но и немного

своего друга. А немного иногда очень много!

Что будет дальше, неизвестно. Захочет ли Глеб становиться таким же, как все? Да, так удобней, но мы ведь живем не ради комфорта! Ради чего — пока не скажу, но обязательно выясню. И не на такие загадки находил ответы. Впереди три месяца каникул, времени хватит.

Недавно мы втроем еще раз обсудили все, что произошло, и решили планы не менять. Мы обязательно полетим в космос, вдоволь попутешествуем на Земле, прочитаем тысячи интересных книг, сделаем сотни открытий и всегда придем на помощь друг другу и незнакомым людям.

...Мой папа сказал, что дед для меня — кумир. Нет, он ошибался. Деда я люблю и уважаю, но это не значит, что я с ним во всем согласен. Надо спорить и с тем, кем восхищаешься. Дед не доверял советской власти (да и любой другой), считал, что космос и вся романтика нашей жизни — обман, подделка, иллюзия. Ну, не знаю. С этим я тоже пока не разобрался. Может, дед преувеличивал.

Людам не должно быть дела до того, что думает о космосе государство. Космос больше тех, кто пытается его использовать. Безразлично смотрит на них сверху вниз.

Дед наверняка поддержал бы мои сомнения. Люди — они как книги. Примитивные книги вещают истины и учат, а хорошие предлагают подумать. Поэтому хорошие книги редки, они тихо лежат на полках или вообще существуют на краю реальности в ненапечатанном виде.

...А может, дед, говоря о подделке, намекал даже не на СССР, а на то, что все мечть изменить мир, любые стремления к свету, красоте и справедливости рано или поздно превращаются в имитацию и пародию? Но ведь всегда будут существовать люди со странными глазами — те, кто отличит свет настоящих звезд от брошенных толпе блестящих фантиков!

...Надо найти дедовы дневники. Где искать, не знаю, но я найду их непременно. Это еще одна книга. Фантастическая, но правдивая, потому что мы живем в огромном удивительном мире, наполовину состоящем из того, чего никак не может быть.

Как странно — дед умер, но его история для нас только начинается.

На отца я уже не злюсь. Пусть он продолжает воспитывать меня, как считает правильным, я в ответ буду кивать и делать по-своему. Возможно, в этом и заключается взрослость. Мои родители меня любят и хотят предостеречь от неверных поступков. Но я хочу сам называть что-то верным, а что-то — нет.

Мои родители — другие. Но я их тоже люблю. Такие люди, как они, необходимы! Миру нужны не только изгои и сумасшедшие, иначе он погибнет еще быстрее!

Может, конец света когда-нибудь все-таки случится, но и без него на свете много любопытного. Да и вообще, конец света — еще не конец. Поэтому я хочу побывать в космосе и не только там. Везде, где интересно! И написать об этом книгу. Но перспектива книги отдаленная, а ближайшая — возвращение в пионерский лагерь. Газеты уже сообщили, что в результате огромного труда незначительное экологическое бедствие побеждено, река убрана, почищена, сияет и блестит лучше прежней.

Поэтому я заканчиваю свою повесть, но не исключено, что продолжу ее потом. Если будет, о чем рассказать, и будет желание рассказывать ее не только себе, но и кому-нибудь другому. Надо признать, что почти все время я так и делал. Не сдержался, переступил линию, обозначающую границы одиночества.

Пока, выдуманый собеседник! Дед бурчал, что советский пионер прощается, но не уходит, когда мы втроем уже у дверей просили вспомнить его еще о каком-нибудь приключении, но я все-таки ухожу. Надеюсь, на время.

До встречи! Счастливо! Я закрываю книгу!

И вдруг — телефонный звонок. Как гром с небес (литературный штамп, но подходящий).

Забыл сказать, что нам провели телефон. Мне и Глебу, а у Артема телефон давно стоял. Многие квартиры в один день телефонизировали. Теперь можно не к тете Маше бегать, а поближе, в свой коридор.

...Телефончик черненький, рогатый, пластмассовый, а диск металлический, с цифрами. Крутануть его — с перезвоном назад вернется. Около телефона важно валяется записная книжка, в ней куча имен, и около каждого пометка о том, зачем нужен этот человек. Витя — апельсины, Варя — сапоги, Ираида Казимировна — билеты в драмтеатр. Одна запись показалась жутко трогательной. Напротив чьей-то фамилии черным по белому виднелось "пользы никакой, зато очень хороший человек!!".

Поднял я, значит, трубку, а там внутри Артем, и голос у него ошарашенный, задумчиво-потрясенный. Такое впечатление, что Артем переосмыслил всю свою жизнь и продолжает переосмысливать.

— Бросай все и беги сюда, — сообщил он, не поздоровавшись. — Глебу я позвонил, сейчас тоже придет. Родителей дома нет.

— А что случилось?

Артем сделал паузу, потом зловеще прошептал:

— Тайна разгадана.

— Какая тайна?

— Главная. Тайна кремлевских портретов! Тех, что у нас в школе. Я знаю, почему они так смотрят на Галю и Веронику. Сведения абсолютно точные.

— И почему? — ахнул я.

— Приходи, расскажу. Если в двух словах — это в СССР есть! От нас все скрывали!

— Это? — спросил я.

— Это! — ответил Артем.

— Это — это что?

— Это — это это, его ни с чем не спутаешь! Это просто фантастика!

— Объясни! — закричал я.

— Ты что, дурной? Об этом нельзя говорить по телефону!

— Нельзя?

— Все телефоны прослушиваются! Короче, приходи, если хочешь!

И повесил трубку.

Вот теперь точно пока. Я побежал!

Больше книг на сайте - Knigoed.net